

ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BAL TIC ACCENT

2024

Том 15
Vol.

№ 4

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

NEW HORIZONS
OF TRANSDISCIPLINARY

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ВЕЖЛИВОСТЬ
И АНТИВЕЖЛИВОСТЬ

RESEARCH LINGUISTIC
MECHANISMS OF SOCIAL
INTERACTION:
POLITENESS AND IMPOLITENESS

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОРИИ
РУССКОГО СТИХОВЕДЕНИЯ

ALTERNATIVE HISTORIES
OF RUSSIAN VERSE STUDIES

Издательство Immanuel Kant
Балтийского федерального Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта Press

2024

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2024
Том 15
№ 4

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2024.
252 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия) — главный редактор; *Сурен Тигранович Золян*, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Хенрик Баран*, Университет штата Нью-Йорк (Нью-Йорк, США); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Димитр Веселинов*, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Стефано Гардзонио*, Пизанский университет (Пиза, Италия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Валерий Закиевич Демьянков*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Николай Николаевич Казанский*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); *Максим Анисимович Кронгауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Иван Борисович Микиртумов*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Владимир Александрович Плунгян*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Су Кван Ким*, Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Цзиньлин Ван*, Чанчуньский университет КНР (Чанчунь, Китай); *Татьяна Владимировна Черниговская*, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, а также индексируется в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, Scopus, ядре РИНЦ.

Подписной индекс 36836
Тираж 300 экз.
Дата выхода в свет 25.11.2024 г.

© БФУ им. И. Канта, 2024

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2024
Vol. 15
№ 4

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2024.
252 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Editorial office

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236001

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics (Russia) – Editor-in-Chief;
Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief;
Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Henryk Baran*, State University of New York Albany (New York, United States); Prof. *Tatiana V. Chernigovskaya*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Valerii Z. Demyankov*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Stefano Garzonio*, Università di Pisa (Pisa, Italy); Prof. *Nikolai N. Kazansky*, academician, the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research (Saint Petersburg, Russia); Prof. *Soo Hwan Kim*, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, South Korea); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Ivan B. Mikirtumov*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silant'yeo*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States); Dr *Tatyana V. Tsoigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University 'St. Kliment Ohridski' (Bulgaria); Prof. *Jinling Wang*, Changchun University (Changchun, China) Prof. *Vera I. Zabotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia)

© Immanuel Kant Baltic
Federal University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	6
НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ	
<i>Тулъчинский Г.Л.</i> Кто и как производит будущее (новая философия общего дела А.А. Фёдорова)	8
<i>Спиров А.В.</i> Языки развертывания наследственной информации в эмбриогенезе: лингвосемиотические аналоги и аналогии	25
<i>Золян С.Т.</i> Быть ли биомолекулярной прагматике?	41
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ВЕЖЛИВОСТЬ И АНТИВЕЖЛИВОСТЬ	
<i>Пробст Н.А.</i> Речевая агрессия как инструмент защиты и продвижения неоязыческого мировоззрения (на примере родноверия).....	55
<i>Руднева Е.А.</i> Стратегии солидарности в подростковом общении.....	72
<i>Пиперски А.Ч.</i> Вежливость в коммуникации между человеком и искусственным интеллектом	89
<i>Добрушина Е.Р.</i> Лингвосоциологический взгляд на восприятие ненормативной лексики в Москве 2024 года.....	99
<i>Игнатенко А.В.</i> Речевой конфликт в художественном дискурсе (на примере романа Цзя Пинва «Циньские напевы»)	118
АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОРИИ РУССКОГО СТИХОВЕДЕНИЯ	
Предисловие — от редакторов-составителей (<i>К.М. Корчагин; В.А. Плунгян</i>)	132
<i>Пильщиков И.А.</i> Авторская терминология в русском стиховедении: наследие языка формальной школы	135
<i>Орехов Б.В.</i> История стиховедения и формализм.....	147
<i>Плунгян В.А. Г.А.</i> Шенгели как теоретик и как практик стиха.....	158
<i>Корчагин К.М.</i> У истоков метрической типологии: от метротоники к тактометрии	169
<i>Петров А.М.</i> Русский народный стих и основные подходы к его изучению ...	184
<i>Акимова М.В.</i> Государственная академия художественных наук vs. петроградский формализм: теория стиха. 2. О «Рифме» В.М. Жирмунского	204
<i>Полилова В.С.</i> Стих Гейне в научных дискуссиях и русской переводческой практике (1910—1930-е годы).....	222
В ДОПОЛНЕНИЕ К ОПУБЛИКОВАННОМУ	
<i>Джамалова Я.Я.</i> «Какое-нибудь невозможное qui pro quo»: Ф.М. Достоевский и З.Н. Гиппиус (рассказ «Иван Иванович и чёрт»)	236

CONTENTS

<i>From the Editors</i>	7
NEW HORIZONS OF TRANSDISCIPLINARY RESEARCH INVITATION TO A DISCUSSION	
<i>Tulchinskii G.L.</i> Who and how produces the future (Alexander Fedorov's new philosophy of common cause).....	8
<i>Spirov A.V.</i> Languages of unfolding hereditary information in embryogenesis: linguo-semiotic analogues and analogies.....	25
<i>Zolyan S.T.</i> Should there be biomolecular pragmatics?.....	41
LINGUISTIC MECHANISMS OF SOCIAL INTERACTION: POLITENESS AND ANTI-POLITENESS	
<i>Probst N.A.</i> Speech aggression as a means of preserving and promoting the Neo-pagan worldview: the case of <i>Rodnoverie</i>	55
<i>Rudneva E.A.</i> Solidarity strategies in adolescent communication	72
<i>Piperski A. Ch.</i> Politeness in the communication between humans and artificial intelligence	89
<i>Dobrushina E.R.</i> Linguistic and sociological perspective on the perception of profanity in Moscow in 2024.....	99
<i>Ignatenko A.V.</i> Language conflict in the literary discourse: Jia Pingwa's novel "Qin Qiang"	118
ALTERNATIVE HISTORIES OF RUSSIAN VERSE STUDIES	
Foreword (<i>K.M. Korchagin, V.A. Plungian</i>)	132
<i>Pilshchikov I.A.</i> Author-coined terminology in Russian verse theory: the formalist legacy.....	135
<i>Orekhov B.V.</i> The history of verse studies and formalism.....	147
<i>Plungian V.A.</i> Georgy Shengeli as a verse master and as a verse explorer.....	158
<i>Korchagin K.M.</i> The origins of metric typology: from 'metrotonics' to 'tactometrics'	169
<i>Petrov A.M.</i> Russian folk verse and the main approaches to its study.....	184
<i>Akimova M.V.</i> The State Academy of Artistic Sciences versus Petrograd formalism: Verse theory. II. On Zhirmunsky's "Rhyme, its history and theory"	204
<i>Polilova V.S.</i> Heine's <i>dolnik</i> in the academic discussion and the Russian translation practice of the 1900s – 1930s.....	222
IN ADDITION TO THE PUBLISHED	
<i>Dzhamalova Ya.Ya.</i> Impossible 'qui pro quo': Fedor Dostoevsky and Zinaida Gippius (the short story "Ivan Ivanovich and the Devil").....	236

ОТ РЕДАКЦИИ

Увеличение объема журнала позволило в каждом номере обращаться сразу к нескольким темам.

Номер открывают статьи о проблемах, предполагающих для своего решения не только новаторские подходы и методы, но и парадигмальное изменение исследовательских практик. Эти проблемы не ограничиваются междисциплинарным взаимодействием, а требуют трансдисциплинарного синтезирующего взгляда и соответствующих методов понимания и описания. Первая тема — это будущее как единство семантической модели восприятия мира и в то же время механизмов его производства. Данная концепция, предложенная недавно Александром Фёдоровым, с новых позиций развивается Григорием Тульчинским — он представляет ее как актуальную *философию общего дела*.

В двух других статьях авторы — биолог Александр Спириков и лингвист Сурен Золян — обсуждают возможности новой лингвосомиотики и прагматики. Методологической основой для этого может послужить обращение в качестве базовой модели к языкам, регулирующим процессы реализации генетической информации, знаменуя тем самым переход от описания систем кодирования к механизмам символического управления этими системами. Примечательно, что, несмотря на кардинальное различие двух затронутых тем — будущего и механизмов развертывания генетической информации, — в обоих случаях ключевым фактором оказывается субъектность и агентивность.

Учитывая дискуссионный характер этих статей, редакция предполагает вернуться к их обсуждению в последующих номерах и ждет откликов.

В настоящем номере мы продолжаем тему «Лингвистические механизмы социального взаимодействия: вежливость и невежливость», помещая здесь статьи, которые по техническим причинам не были опубликованы в предыдущем, втором номере нашего журнала. Проблематика остается той же, она была освещена в опубликованной там же вводной статье приглашенного редактора раздела Максима Кронгауза.

Цели, задачи и подходы раздела «Альтернативные истории русского стиховедения» раскрыты в предисловии его редакторами-составителями Кириллом Корчагиным и Владимиром Плуныным.

Завершают номер статья молодой исследовательницы Я.Я. Джамаловой, развивающая ставшую регулярной для нашего журнала проблематику взаимодействия философских и литературоведческих подходов при описании художественных смысловых комплексов.

FROM THE EDITORS

The expansion of the journal's volume has allowed for the inclusion of multiple themes in each issue of the journal.

This issue of *Slovo* begins with two articles addressing problems that require not only innovative approaches and methods but also a paradigmatic shift in research practices. The problems explored go beyond interdisciplinary collaboration, demanding a transdisciplinary, synthesizing perspective and new methods of interpretation and description.

The first theme is a novel interpretation of the future viewed as a unity of the semantic model of perceiving the world and the mechanisms of its production. This concept, recently proposed by Alexander Fedorov, is further developed by Grigorii Tulchinskii, who presents it as the philosophy of common cause.

In two other articles, the biologist Alexander Spirov and linguist Suren Zolyan explore the potential of new linguo-semiotics and pragmatics. The methodological foundation for this exploration lies in examining languages that regulate the processes of the expression of genetic information, thus marking a transition from the mere description of coding systems to the mechanisms of their symbolic regulation. Notably, despite the fundamental differences between the two themes – the future and the mechanisms of expressing genetic information – subjectivity and agency remain key factors in both cases.

Given the novel and debatable nature of these articles, the editorial team plans to revisit these discussions in future issues and welcomes feedback from the readership.

This *Slovo* also continues the theme of "Linguistic mechanisms of social interaction: politeness and anti-politeness", featuring articles that were not published in the previous issue due to the limited volume of the journal. The thematic focus remains unchanged, as outlined in the introduction by the guest editor of the second issue Maxim Krongauz.

The goals, objectives, and approaches of the section "Alternative histories of Russian verse studies" are outlined in the preface by its co-editors, Kirill Korchagin and Vladimir Plungian.

The issue concludes with an article by Yana Dzhamalova, a young researcher, who explores the ongoing interaction between philosophical and literary approaches in the description of semantic complexes in literary discourse, a recurring theme of the journal.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 930.1

КТО И КАК ПРОИЗВОДИТ БУДУЩЕЕ (новая философия общего дела А. А. Фёдорова)

Г. А. Тульчинский^{1, 2, 3}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14

³ Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Поступила в редакцию 30.04.2024 г.

Принята к публикации 15.06.2024 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-1

Представлена рефлексия проекта А. А. Фёдорова по анализу будущего и модели его производства. Эта модель позволяет соотнести факторы субъектности и социальности в процессе такого производства. Специальное внимание уделено идее А. А. Фёдорова о ключевой роли детей и детства в производстве будущего, типологии акторов этого процесса. Предлагаемые концепция и модель создают благодатное и благодарное поле для дальнейших междисциплинарных исследований. Так, с позиций социальной семиотики и прагмасемантики производство будущего предстает как форма смыслообразования и его институционализации, открывающейся в каскаде интерфейсов взаимодействия контекстов социально-культурных практик. При этом ключевую роль играет субъектность как универсальный интерфейс такого взаимодействия. В этой связи нетривиальный потенциал проблемы выявляет сравнительный анализ естественного и искусственного интеллекта. Если у человека перед искусственным интеллектом существует «преимущество» телесного опыта, полового диморфизма и прочей витальности, то и будущее во многом фундируется этой витальностью, ее результатом, каковым и являются дети. Поэтому важным является также вопрос о возможности управления и этосе производства будущего, о балансе допустимости / недопустимости используемых при этом средств.

Ключевые слова: будущее, детство, прагмасемантика, производство будущего, смыслообразование, субъективность

Исходные соображения

Данный текст задумывался как рецензия на книгу Александра Александровича Фёдорова, посвященную производству будущего (Фёдоров, 2023). Однако круг идей, затронутых в книге, не просто актуаль-

---

© Тульчинский Г. Л., 2024

ных, требующих не только отклика, обсуждения, но и развития, сам масштаб этой работы очень быстро превысили возможности рецензии.

Это уникальная книга — по тематике, содержанию, эту тематику раскрывающему, по способу этого раскрытия. Автор берется за тему, давно назревшую во всех кластерах современной философии — от метафизики и эпистемологии до антропологии и далее — в социальную и политическую философию. Тема будущего ультрапарадоксальна. С одной стороны, прошлое и настоящее производны от будущего и в этом смысле кроме будущего нет ничего. А с другой — будущее не наступит никогда, пока оно будущее (Там же, с. 7–8). При этом будущее настоящим может и не стать, а настоящее в момент его осознания уже становится прошлым. И тогда лишь прошлое есть настоящее. Давно и хорошо известно из политической практики: кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее, а кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое. Но с позиции философской антропологии главное — будущее, так как именно оно задает горизонт мотивации и воли, стремлений и надежды, а утрата образа будущего обнуляет надежды и чаяния. И будущее не бесконечно, причем не только в индивидуальном плане. Так, крах СССР, помимо прочего, связан именно с тем, что у этого грандиозного проекта кончилось будущее.

Время, будущее, его статус, отношение к нему, возможность постижения, предсказания, воплощения — тема ключевая для философии и духовного опыта во все времена — для Эпикура и Августина, Сиддхартхи Гаутамы Шакьямуни и Конфуция, М. Хайдеггера и Дж. Агамбена. Но к концу первой четверти XXI столетия тема возможности будущего звучит особенно остро. Если в первую четверть XX века — ключевой для новейшей философии период — бил фонтан идей по части вариантов будущего, его проектов, программ реализации, то для нашего времени характерна утрата образа будущего и даже страх перед ним. В искусстве доминируют сиквелы, приквелы, пародии и прочие формы ностальгии (Седашов, 2024) и способы факторизации прошлого и настоящего. Даже место научной фантастики прочно заняли жанры дистопии и фэнтези в готической стилистике. А попытки гальванизировать *science fiction* выглядят крайне безжизненно уныло (Шикарев, Веркин, Брейнингер, 2023). Это означает то ли страх никогда еще так комфортно не жившей цивилизации потерять это комфортное настоящее, то ли исчерпанность ресурса порождения образов будущего. Но страх перед будущим неизбежно ставит под сомнение настоящее, ничтожит его, подрывает веру в возможность рационального управления социальной и личной жизнью.

Можно сказать, что А. А. Фёдоров не просто детально охарактеризовал важную актуальную проблему, обнажил главный нерв современности, но и взялся за решение этой проблемы, что невозможно без раскрытия самого механизма возникновения будущего, его «производства». Человек может что-то понять, только если понимает, как это нечто сделано, а значит и воспроизведено. Нетривиально и само стремление автора выработать проект философии будущего не просто как од-

ного из направлений философской мысли, а будущего как философии, где самым предметом «фило-» станет будущее и желание его производить (Фёдоров, 2023, с. 9).

И при всем обобщающем послые этого текста он очень личный. Он вовлекает, погружает в личный опыт автора, его биографию, круг чтения, путешествия, встречи, этапы и факты биографии. Что весьма соответствует общему тренду современного философствования — от учения о сущем к способам познания сущего и далее к культуральным факторам этих методов и главному инструменту реализации этих факторов — социализированной личности. Книга содержит отличные кейсы, связанные с проблемой будущего и его производства, включая личный опыт автора и широко известных исторических деятелей, политиков, предпринимателей, деятелей науки, искусства. Автор часто апеллирует к примерам из кинематографа («визуалам»), литературы (особенно — научно-фантастической), истории — всемирной и отечественной. Этот текст — отличный пример глубокой современной философской эссеистики.

Поэтому и в предлагаемой статье предпринята попытка осмысления столь масштабной инновационной работы с помощью подхода, в максимальной степени соответствующего междисциплинарности проблем, поднятых А. А. Фёдоровым, предложенной им модели практик их решения. В качестве такого подхода, как представляется, может выступать социальная семиотика, точнее — ее расширения в формате глубокой семиотики (*deep semiotics*), акцентирующей роль личностной субъектности как источника, инструмента и результата смыслообразования (Тульчинский, 2019), а также стереометрического семантического синтеза (*stereometric semantics*) (Тульчинский, 2021; Золян, Тульчинский, 2024) и прагмасемантики (*pragmasemantics*), рассматривающей смыслообразование как взаимодействие каскада контекстов осмысления с ролью субъектности в качестве интегрального интерфейса (Золян, 2016; Zolyan, 2021). Именно такой подход видится адекватным для осмысления исследования, которое содержит россыпь идей, порождающих важные, актуальные и перспективные ассоциации, открывающие новые горизонты развития семиотики, теории смысла и понимания, междисциплинарности, сближения и сопряжения семиотической и герменевтической традиций, аналитической философии и феноменологии, абстрактного моделирования и роли субъективности (самосознания самости).

Традиционные источники образа будущего

Будущее коренится и проявляется на всех уровнях человеческого индивидуального и социального опыта. Оно в мотивации индивидуального поведения — как в намерениях («хочу» — знание желаемого будущего, «не хочу» — знание нежелаемого настоящего), так и в возможностях (способностях, обученности, наличии ресурсов) реализации намерений. А значит, оно — и в социальном поведении как равнодействующей индивидуальных волей. Знание связи причин и следствий

также дает возможность продуцировать будущее. В научных данных, их обобщении в научных «законах» также содержится будущее. Так, механика Ньютона достаточно для расчета траектории движения космических тел и аппаратов. Данные астрофизики служат основанием прогнозов развития звездных систем. Также без опыта земледелия, данных агрономии и агротехники невозможно перспективное развитие сельского хозяйства различного масштаба.

Образы будущего – желаемого и нежелаемого (пугающего) – имеют великое множество источников, и этим источникам посвящен столь же огромный круг литературы.

Это могут быть *религиозные пророчества*, ярчайшим примером чего является Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис). Образы будущего фигурируют в *политических доктринах, манифестах, программах* («Русская правда» П. И. Пестеля, «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, принятая на XXII съезде Программа КПСС). Самые различные политические движения, идеологии (анархизм, исламизм, коммунизм, либерализм, национал-социализм, фашизм и т. д.) предлагают доктрины представлений о совершенном обществе, эти доктрины воплощающем (Сёренсен, 2014; Утопический социализм, 1982).

Рассуждают о будущем и ученые-естественники (биологи, физики) (Бернал, 1956; Томсон, 1958), гуманитарии (Рюриков, 1961), научно-популярные беллетристы (Медведев, 1975). Существует также специальная отрасль знания – *футурология*, предлагающая специальные разработки описания будущего. Классикой футурологии являются работы Г. Уэллса, С. Лема, А. Тоффлера (Уэллс, 1902; Лем, 1968; Тоффлер, 1997). В некоторых своих идеях они оказались удивительно прозорливы. Так Уэллс предвидел две мировые войны, умер через год после того, как США использовали в войне предсказанное им ядерное оружие, и за два с небольшим года до того, как была принята вдохновленная им Всеобщая декларация прав человека (Волохова, 2023). Однако большей частью эти тексты, написанные в разное время и несущие на себе печать того времени, теперь представляют собой типичные примеры *прошлого будущего*, достояния истории (Koselleck, 1985).

Несколько более актуальными выглядят *социальное прогнозирование, моделирование, сценарии* (Байнхауэр, Шмакке, 1973; Бестужев-Лада, 1970; Будущее советского общества, 1970; Введение в будущее, 2006; Кан, Браун, Мартел, 1978; Кревельд, 2022; Любке, 1929; Мир через 100 лет, 2016; Пестель 1988), масштабное *социальное проектирование* (Громько, 2013; Мухаметшина, Иванов, 2023; Образы будущего... 2016, Потемкин, 2018; Струмилин, 1964; Фокин, 2007). Но и эти разработки, как и совсем недавние оценки перспектив искусственного интеллекта, интернета вещей и прочих смарт-технологий, стремительно становятся «воспоминаниями о будущем» (Ларина, Овчинский, 2022).

Еще более конкретны *государственные и бизнес-планы, проекты*: знаменитый первый советский план ГОЭЛРО, пятилетние, семилетние планы, недавние национальные проекты, Стратегии – 2020 / 2030, ре-

гиональные планы стратегического развития. Но и они уже в процессе их реализации почти сразу же подвергаются корректировке, потому что, по мудрому замечанию С. Лема, ничто не стареет так быстро, как будущее.

Отдельные конкретные аспекты будущего представляют планирование и проектирование среды, архитектура и дизайн (Монфорт, 2021; Пыжов, 2029; Bevolo, 2021), технологические разработки цифровых форматов экономики, бизнеса, управления, образования, фактически всего образа жизни в целом, в практике которых попытки не только заглядывать в будущее, но и созидать, репрезентировать его на отраслевых и всемирных выставках. Манифесты и практики авангардистского искусства начала прошлого века и более позднего времени выходили далеко за рамки художественного творчества (Паниотова, Романенко, 2019).

Яркие картины будущего дает художественная литература, научная, околонучная и паранучная *фантастика* — наверное, достаточно просто упомянуть ряд широко известных отечественных авторов: К.Э. Циолковский, А.А. Богданов, братья А.Н. и Б.Н. Стругацкие, В.О. Пелевин, А.М. Столяров... Самостоятельными жанрами стали *утопии* — представления несуществующего, но возможного образа хорошего, справедливого будущего (Платон, Г. Бабёф, Т. Мор, Т. Кампанелла, Д. Уинстэнли, Ж. Мелье, Г.Б. де Мабли, Э.-Г. Морелли, А. де Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн, Н.Г. Чернышевский, А. Рэнд), *дистопии* (какотопии) — значимый симптом кризиса настоящего и страха будущего (Ф.М. Достоевский, Е.А. Замятин, А.П. Платонов, Х. Мартинсон, О. Хаксли, Дж. Оруэлл, Р. Брэдбери). Предпринимались и попытки создания «научных утопий» (А-н и др., 1928; Васильев, Гущев, 1958; Какое будущее... 1968; В 2017 году, 1968).

Все это великое многообразие подходов, концепций, разработок нуждается в обобщающем осмыслении. Этим пытаются заниматься отдельные исследователи (Ковалев, 2019; Тюгашев, 2023), коллективы, специальные институты, центры прогностических и стратегических разработок. И не всегда их деятельность эффективна. Так, в 2024 году в Оксфорде был закрыт Институт будущего человечества, которым все 19 лет работы руководил философ Н. Бостром, в 1998 году выдвинувший идею, что все мы живем в компьютерной симуляции. А результатом работы института стали идеи об опасности искусственного интеллекта, для профилактики которой необходим жесткий (опять же цифровой) контроль за каждым жителем Земли и реализация «долгосрочного эффективного альтруизма», то есть избирательной поддержки только тех, кто наиболее способен к перспективе самообеспечения.

А. А. Фёдоров обобщает подходы к презентации будущего до четырех его «упаковок» — утопии (описание места желаемого будущего), протопии (описание умеренного прогресса, постепенного улучшения настоящего), дистопии (или антиутопия, описание нежелательного будущего, футурофрени), эйтопии (описание некоего вообще иного мира) (2023, с. 295–301). Но одно дело — описание будущего, а другое

дело – его производство (Латур, 2014). Это может быть результат как естественных изменений (распада одних сущностей, возникновения новых), так и сохранения сущего (на некоторое время). Но главный интерес представляет «восходящее опережающее развитие» (Фёдоров, 2023, с. 52), когда возникает ранее не бывшее. Такое новое может возникать комбинаторически из бывшего, генетически, и как собственно креация (из «ничто»). Именно последний случай интересен для А. А. Фёдорова как именно производство будущего, особенно – кто и как этим производством занимается.

Попытки предсказать будущее напоминают попытки предвидеть развитие хода шахматной партии, в которой соперник вдруг переходит на игру в шашки. Та перестраиваешься, а в какой-то момент соперник уже переходит на игру «в Чапая», вышибая щелчком твои фигуры, а то и может смахнуть все фигуры и разбить доску о твою голову. История с цифровизацией приближает нас к такой ситуации. Более того, А. А. Фёдоров совершенно справедливо отмечает обреченность будущего в ситуации тотальной цифровизации (Там же, с. 348). Цифровые форматы, радикально трансформирующие бизнес и экономику, государственное управление, образование и науку, весь образ жизни, даже, если они используют самообучаемые системы ИИ, формируются на массивах «больших данных» (Big Data), фиксирующих определенный опыт. Это самовоспроизведение алгоритмов, обученных на имеющихся данных и в определенном, заданном контексте. Оцифрованный социум сознательно лишает себя будущего, которое становится воспроизведением прошлого. А любой сбой не только усиливает и подтверждает современный алармизм в отношении будущего, но и придает ему технологически институциональный характер обеспечения безопасности от будущего. И, не дай бог, GAI начнет менять контексты, «начнет творить».

В такой ситуации тем более важно понять механизм производства будущего.

Производство будущего: субъектность в социальном взаимодействии

В принципе, будущее творится непрерывно, самым естественным процессом, создающим предпосылки, факторы, каузальные последовательности хода развития. Но «производство» грядущего – феномен социального бытия. И его ключевыми моментами являются (А) сам феномен социальности и (В) субъектность. Причем особого внимания заслуживает субъектность – продукт социализации, возникающий в процессе освоения социально-культурных практик, сопровождаемого нарративной коммуникацией, когда актора (личность) вырывают из каузальных связей, замыкая причины на него самого: «Это не чашка упала, это ты ее уронил. Мог уронить, мог не уронить. Уронил. Это ты сделал!».

Собственно, в этом и состоит смысл семейного воспитания, образования, освоения профессии, когда близкие, учителя, наставники делают личность *causa sui*. Симптомом формирования субъектности (само-

сознания, *autobiographical self*) является освоение ребенком наррации от первого лица, что происходит обычно к третьему году жизни (Damasio, 2010; Хенрих, 2018). С семиотической точки зрения субъектность — рефлексивная система самоописания, ее математическая модель была подробно описана Д. Хофштадтером как «странная петля» (*strangle loop*) (2022).

Субъектность как «странная петля» в духе самозамкнутой ленты Мёбиуса, будучи самоописанием, согласно теореме К. Гёделя и семантике А. Тарского, является противоречивой, что делает ее универсальным интерфейсом взаимодействия, смены и возникновения различных контекстов смыслообразования, обусловленных социально-культурными практиками, а также порождения новых таких практик. Именно субъектность в качестве средства прокреативной преадаптации, то есть реакции на обстоятельства не просто в линейном формате «стимул — реакция», а реагирования в формате веера возможных сценариев поведения, зачастую выходящего за рамки данных обстоятельств, до сих пор обеспечивала развитие человеческой цивилизации (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018).

Собственно, субъектность является конкретизацией (если не операционализацией) трансцендентального субъекта феноменологии Э. Гуссерля, носителем которого выступает любая личность, обладающая сформированным самосознанием. Подобно слепому пятну в глазу, которое, само будучи невидимым, обеспечивает возможность зрения, субъектность, сама — не наблюдаемое «ничто», является условием порождения «нечто». В этом плане не просто нет объекта без субъекта — сама субъектность порождает предмет познания — как *subject*, то есть предмет мысли и рассуждения.

Речь идет об онтологическом допущении «Да будет так!», объединяющем мать, ставящую свечку в храме за спасение сына, и экспериментатора, ставящего опыт для подтверждения своей гипотезы (Карпунин, 2004). Такая же вера в существование искомого лежит даже в основе школьных задач на нахождение и на доказательство, когда мы допускаем существование «икса» в той же степени, что и данных. И интерфейсом творения «Да будет так!» является именно субъектность, обладающая избыточностью, которая позволяет выйти за рамки данности. Ее противоречивость создает возможность смещения смысла, выйти в сферу лиминальности, в «не-А», в пробел, разрыв определенности, который есть всегда, как пустое множество входит в любое множество и дополняет его (Badiou, 2007). В этом смысле источником «будущего будущего» является «ничто», порождающее нечто на интерфейсе субъектности.

Субъектность же делает первый шаг к производству будущего по созданию «региона настоящего», обретения для него время-местовых пробелов, совершая двойную «раздвижку» на пересечении осей «прошлое прошлого — будущее будущего» и «философия будущего — будущее как философия». Такую «раздвижку» А. А. Фёдоров обозначает

двойным двоеточием ::, показывая тем самым настоящее («мир двойного двоеточия») как обретение время-местовых пробелов, необходимых для производства будущего (Фёдоров, 2023, с. 38–39).

Но онтологического допущения «Да будет так!», выражающего мысленную сопричастность будущему как проявление «участного мышления» (Бахтин, 1986) и знаменитую «формулу воли – верить» Ю.П. Власова для производства будущего, недостаточно. Нужна еще реализация воли – поступок, вмняемое действие, а значит – взятие ответственности за идею, воплощающее ее действие и его результат, который не всегда соответствует исходной идее (Тульчинский, 2020). И тут вновь сказывается социальность. Никто и никогда в одиночку не производил будущее социума, используя время-местовые пробелы в потоке жизни. Но и социум как таковой для порождения будущего нуждается в субъектности – не только «выдающихся» личностей, но и конвергенции их усилий с другими.

В этом плане производство будущего является аналогом динамики смыслообразования, проходящего путь от идеи до социального института за счет интенсивности и регулярности коммуникации. Пришедшая кому-то в голову идея рискует так и остаться таковой и даже забыться. Однако общение, обмен мнениями по ее поводу могут перерасти в нечто большее, стать темой регулярного общения – вплоть до формирования некоторой общности, дальнейшей ее организации с появлением организационной структуры, финансирования, юридического статуса (Золян, Тульчинский, 2024). С этой точки зрения каждое научное понятие – это интеллектуальный зародыш научно-исследовательского института или лаборатории, а последние – суть институционализированные понятия (Тулмин, 1984). Аналогичные стадии институционализации идей реализуются в бизнесе, политике, религии, искусстве. Другими словами, производство будущего как нового осмысления предполагает интенсивную кооперацию и коммуникацию в социальной общности.

И вот тут предложенная А. А. Фёдоровым модель – автор называет ее «метафизической машиной производства будущего» (базовую схему см: (Фёдоров, 2023, с. 281)) – удачно представляет схематизм такого процесса как взаимодействия акторов с распределением функций. «Машина» состоит из нескольких контуров. На первой темпоральной орбите действует «абсолютный инноватик» – актер, субъектность которого и генерирует новую идею. Эффекторов такой креации, называя их «апофегмами» и давая им яркие образные толкования, А. А. Фёдоров насчитывает девять.

Для реального производства будущего, можно сказать – институционализации возникшей идеи, необходим запуск второй темпоральной орбиты, в которой действуют уже коллективные акторы, задающие два взаимодействующих контура. Когнитивно-антропологический контур предопределяют четыре акторные позиции второй темпоральной орбиты: проектные инноватики, решающие, сохраняющие и «смеги» (выполняющие предыдущие три – по ситуации). В этот контур

вписывается контур управляющего конструкта, образованный функционалами эмоционально-волевого плана, сохранения традиции, прерывания (переключения) и предохранения (вплоть до остановки) работы. Такие компоненты, их роль и взаимодействие прослеживаются в различные эпохи и на разном материале.

Таким образом, производство будущего зависит от равнодействующей воли участников процесса социальной жизни. Можно ли управлять этим процессом? Пытаться можно — каждый социум пытается это делать. Но он не один. Поэтому получается равнодействующая социумов. И тогда возникает вопрос о средствах воплощения. А. А. Фёдоров не затрагивает вопрос об этосе производства будущего, о возможном зле. Но есть опыт XX века, который учит о неподсудности целей — все хотят добра. Но подсудны используемые средства. В первую очередь — лишение жизни, лишаящее жизни детей, а значит — лишение будущего. А это принципиально важно для не только в реальности, но и для концепции А. А. Фёдорова, главный вывод которого: «будущее не принадлежит нам, кто бы и когда бы ни были эти мы; *будущее всегда принадлежит Детям, кроме которых нет ничего будущего*» (Там же, с. 492).

Вопрос уничтожения будущего заслуживает отдельного внимания. Это может быть цивилизационный коллапс вроде судьбы кхмерской империи Ангкора. К краху будущего ведет и проектная катастрофа, примером чего является проект коммунистического общества, провозглашенный в 3-й программе КПСС в 1960 году. Конфуз стал очевидным уже через два десятилетия. Это привело к распаду когнитивно-антропологического контура, но полной катастрофы удалось избежать благодаря контуру управленческому. Возможен поколенческий разрыв, когда старшие воспринимают новые поколения как странные ничтожества, тогда как сами они воспринимаются новым поколением как несостоятельная обуза. Возможен и упоминавшийся страх перед будущим — в силу не только собственной несостоятельности, но и боязни потерять настоящее. И тогда либо становится слишком много прошлого и мало будущего (Ассман, 2012), либо возникает самый настоящий футуроцид — сознательный отказ от будущего, уход в глубины славного прошлого.

Будущее как дети и витальность

Главное в концепции А. А. Фёдорова — поколенческий фактор. Особенно — применительно к инноватикам («восходящим»). Приводя примеры носителей такой субъектности (С. Джобс, И. Маск и др.), А. А. Фёдоров называет их носителями вечно нового начала, «вечными детьми» (2023, с. 394). Однако не только инноватиков, но и другие позиции когнитивно-антропологического контура он связывает четырьмя типами детства, четырьмя специфическими стилями репрезентации будущего как мира, который надо не только менять, но и опекать, учиться сохранять, сберегать, охранять. Еще Платон замечал, что для творчества необходимо сохранение в душе ребенка с его способностью удивляться привычному, видеть в нем нечто новое и обыгрывать привычное.

Человек меняет контексты в силу своей витальной автономности, телесного опыта, полового диморфизма, с этим связанных эмоций. Динамика смыслообразования естественным интеллектом обусловлена именно ограниченностью опыта жизни, изменением топологии белковых нейросетей в силу отмирания некоторых нейронов, сокращения теломеров с возрастом.

И как у человека перед искусственным интеллектом «преимущество» телесного опыта, полового диморфизма и прочей витальности, так и будущее, скорее всего, коренится, фундируется этой витальностью, ее результатом. Каковыми являются дети. Это удивительно простой и очевидный в своей витальной каузальности итог поиска механизма производства будущего! Но эта витальная природа производства будущего для А. А. Фёдорова, похоже, очевидна, неинтересна, и он ей специального внимания не уделяет (а зря! В. В. Розанов, наверное, отвел бы на этой теме душу!). Его привлекает сам феномен детства, его когнитивно-антропологические типы, взаимодействие которых производит будущее как смысловую картину мира.

В этой связи можно говорить о двойной уязвимости концепции А. А. Фёдорова. Во-первых, это, пожалуй, излишняя ролевая рационализация детства, представляющая детей как функциональных акторов-опций метафизической машины производства будущего. И в этой связи, во-вторых, такими акторами-опциями могут выступать и повзрослевшие дети, сами взрослые. В этой «механистичности» утрачивается изрядная доля онтологического посыла детства.

Другой разговор — возрастающее внимание к детству и его роли по мере развития нынешней цивилизации начиная с Нового времени. Городской образ жизни существенно продлил период социализации, что привело ко все большему вычленению детства как отдельного важного периода жизни социального индивида, его роли не только в социализации, складывании личности, но и в формировании интенсивно расширяющихся рынков в экономике.

Содержание книги А. А. Фёдорова подводит к нетривиальному, довольно неожиданному повороту в дискуссии о перспективе человека, о транспостгуманизме (Феррандо, 2022). Традиционные ответы на вопрос «Что нас ждет с развитием современных технологий» — то ли потребительский рай с перспективой «новой животности», то ли превращение человека в опцию цифровой метавселенной, то ли конкуренция с неантропоморфными акторами, превосходящими человека в масштабах и скорости когнитивных операций, — сводятся фактически к двум. Первый — перспектива антропотехнологического синтеза, этакий техногуманизм, протомашинная цивилизация. Второй (скорее всего, не «либо, либо», а «или также») — культивирование ключевого фактора изменения реальности, нового (буквально!) человека: то ли особо талантливых индивидов, то ли некоего микросообщества таких (Фёдоров, 2023, с. 223–233).

Ergo

Если Н. Ф. Фёдоров, оказавший серьезное влияние на В. С. Соловьева, Л. Н. Толстого, А. П. Платонова, К. Э. Циолковского, предлагал в качестве «философии общего дела» возрождение предков, то его современный однофамилец А. А. Фёдоров видит главное «общее дело» в создании единственного и решающего условия производства будущего человечества — сохранении и культивировании Детей, Детства как места, где, собственно и пребывает будущее.

В книге А. А. Фёдорова используется и даже вводится впервые небольшое количество концептов и терминов, смысл которых открывается далеко не сразу и домысливается после неоднократного прочтения всего текста работы. А в некоторых случаях автор ограничивается яркими метафорами. Так, содержание одного из ключевых в работе понятий «апофегмы» раскрывается как точная метафизическая сентенция между нравоучением и предупреждением, как изгнание комфорта из привычного терруара. Этот брызжащий россыпью нетривиальных концептов и идей текст — не для быстрого чтения, что только на пользу его глубокому содержанию, но именно поэтому хотелось бы видеть перед глазами систему этих терминов и концептов с их взаимосвязанным толкованием

Можно сказать, что легким решением этой задачи станет дополнение текста предметным указателем или глоссарием, именным указателем и, возможно, сводным списком использованных источников. Такие дополнения могут показаться громоздкими, но это с лихвой оправдывается возможностями использования текста в научных и образовательных целях. Это представляется важным, потому что предложенная А. А. Фёдоровым концепция представляется богатой и благодарной полем для будущих междисциплинарных исследований. Примером может служить социальная семиотика и проработка производства будущего как прагмасемантики смыслообразования, открывающейся в каскаде интерфейсов взаимодействия контекстов социально-культурных практик с ключевой ролью субъектности как универсального интерфейса такого взаимодействия.

***Благодарности.** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00591, «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» <https://rscf.ru/project/22-18-00591>, в Балтийском федеральном университете им. И. Канта, Калининград.*

Список литературы

А-н Арк., Залкинд А. Б. Лобач-Жученко М. Б., Блохин П., Мелик-Пашиев Н. Ш., Орлов С. В., Чаянов А. Жизнь и техника будущего. (Социальные и научно-технические утопии). М.; Л., 1928.

Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М., 2018.

Ассман А. Трансформация нового режима времени // Новое литературное обозрение. 2012. №4. С. 16–31.

Байнхауэр Х., Шмакке Э. Мир в 2000 году. Свод международных прогнозов. М., 1973.

Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 80–160.

Бернал Д. Наука в истории общества. М., 1956.

Бестужев-Лада И. В. Окно в будущее. Современные проблемы социального прогнозирования. М., 1970.

Будущее советского общества / под ред. А. Кассофа. М., 1970. Вып. 1.

В 2017 году... [Ежегодник АПН 1968 года]. М., 1968.

Васильев М. В., Гуцев С. З. Репортаж из XXI века. Мы записали рассказы двадцати девяти советских ученых о науке и технике будущего. М., 1958.

Введение в будущее. Мир в 2020 году. М., 2006.

Волохова У. «Я же предупреждал вас, чертовы дураки» [2023]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5785150> (дата обращения: 22.06.2024).

Громыко Ю. В. Класс RAZVITIE. М., 2013.

Зоян С. Т. Семиотика и прагматическая семантика политического дискурса // Политическая наука. 2016. №3. С. 47–76.

Зоян С. Т., Тульчинский Г. Л. Динамика смысла: Глубокая семиотика и стереометрическая семантика. М., 2024.

Какое будущее ожидает человечество? / под ред. А. М. Румянцева, М. К. Мардашвили. М., 1964.

Кан Г., Браун У., Мартел Л. Следующие 200 лет. Сценарий для Америки и всего мира. М., 1978.

Карпунин В. А. Воля к бытию: Онтологический импульс. СПб., 2004.

Ковалев В. А. От идеологии к утопии. Коммунистический проект Ивана Ефремова // Наследие. 2019. №1 (14). С. 104–118. doi: 10.31119/hrtg.2019.1.8

Кревельд М. ван. Прозревая будущее. Краткая история предсказаний. М., 2022.

Ларина Е., Овчинский В. Воспоминание о будущем – 2050. Технологическая революция: итоги и прогнозы [2022]. URL: https://zavtra.ru/blogs/vospominanie_o_budushem_2050 (дата обращения: 22.06.2024).

Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.

Лем С. Сумма технологии. М., 1968.

Любке А. Техника и человек в 2000 году. М., 1929.

Медведев Ю. Э. В первом приближении. М., 1975.

Мир через 100 лет : сб. ст. М., 2016.

Монфорт Н. Будущее: принципы и практики созидания. М., 2021.

Мухаметшина Е., Иванов М. Администрация президента определила пять образов желаемого россиянами будущего. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/07/17/985583-administratsiya-prezidenta-opredelila-pyat-obrazov-zhelaemogo-rossiyanami-buduschego> (дата обращения: 22.06.2024).

Образы будущего России: желаемое – возможное – необходимое / под ред. А. Б. Ананченко. М., 2016.

Паниотова Т. С., Романенко М. А. Кривые зеркала авангарда: утопические проекции советской цивилизации // Диалог со временем. 2019. №69. С. 237–250.

Пестель Э. За пределами роста. М., 1988.

Потемкин А. Первый глобальный всемирный инфраструктурный проект. М., 2018.

Пыжов Н. Советский город завтра (картины ближайшего развития). М. ; Л., 1929.

Рюриков Ю. Через 100 и 1000 лет. М., 1961.

Сёренсен Э. Мечта о совершенном обществе. Феномен тоталитарной идеологии. М., 2012.

Седашов Н. Тоска по прошлому, которого не было: чем обусловлена эпидемия ностальгии. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/511059-toska-po-proslo-mu-kotorogo-ne-bylo-cem-obuslovljena-epidemia-nostal-gii> (дата обращения: 23.06.2024).

Струмиллин С. Г. Наш мир через 20 лет. М., 1964.

Томсон Дж. Предвидимое будущее. М., 1958.

Тоффлер А. Футуршок. СПб., 1997.

Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984.

Тульчинский Г. Л. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» // Вопросы философии. 2019. №11. С. 115–125. doi: 10.31857/S004287440007358-8.

Тульчинский Г. Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб., 2020.

Тульчинский Г. Л. Ценностно-нормативный синтез знания // Мир человека: нормативное измерение – 7.0. Саратов, 2021. С. 226–243.

Тюгашев Е. А. Утопия как форма общественного сознания: проблема демаркации // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. Философия. 2023. Т. 5, №1. С. 11–20.

Утопический социализм : хрестоматия. М., 1982.

Уэллс Г. Предвидения о воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль. М., 1902.

Феррандо Ф. Философский постгуманизм. М., 2022.

Фёдоров А. А. Производство будущего. Мир «двойного двоеточия». СПб., 2023.

Фокин А. А. Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50–60-х гг. XX века : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007.

Хенрих Д. Мышление и самобытие. Чтения о субъективности. М., 2018.

Хофштадтер Д. Я – странная петля. М., 2022.

Шикарев С., Веркин Э. Н., Брейнингер О. А. Новое будущее. М., 2023.

Vadiou A. Being and Event. N. Y., 2007.

Bevolo M. Design Futures and Education for Life Essentials // Academia Letters. 2021. Article 3935. URL: https://www.academia.edu/61427470/Design_Futures_and_Education_for_Life_Essentials (дата обращения: 22.06.2024). <https://doi.org/10.20935/AL3935>.

Damasio A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain. N. Y., 2010.

Koselleck R. Futures past: on the semantics of historical time. Cambridge, MA, 1985.

Zolyan S. On pragma-semantics of expressives. Between words and actions // Studies at the Grammar-Discourse Interface / ed. by A. Haselow, S. Hancil. Amsterdam, 2021. P. 245–271. doi: 10.1075/slcs.219.09zol.

Об авторе

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; Балтийский федеральный университет им. И. Канта; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; заслуженный деятель науки РФ.

E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования:

Тульчинский Г.Л. Кто и как производит будущее (новая философия общего дела А.А. Фёдорова) // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 8–24. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-1.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

WHO AND HOW PRODUCES THE FUTURE (Alexander Fedorov's new philosophy of common cause)

Grigorii L. Tulchinskii^{1, 2, 3}

¹ 'Higher School of Economics' National Research University, Saint Petersburg,

16 Soyuza Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190008, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University,

14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

³ Saint Petersburg State University,

7/9 Universitetskaya Nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Submitted on 30.04.2024

Accepted 15.06.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-1

The article presents a reflection on Alexander Fedorov's project aimed at analysing the future and the model of production. This model facilitates the correlation of factors related to subjectivity and sociality within the process of future production. Notably, the work emphasizes Alexander Fedorov's assertion regarding the pivotal role of children and childhood and the typology of actors involved in this process. The proposed concept and model establish a fertile ground for further interdisciplinary research. From the perspective of social semiotics and pragmasemantics, shaping the future emerges as a form of meaning-making and institutionalization, unfolding through a series of interfaces that enable interaction across socio-cultural practice contexts. In this framework, subjectivity is identified as a crucial interface for such interactions. Moreover, a comparative analysis of natural and artificial intelligence underscores the complex potential inherent in this research problem. While human beings possess advantages stemming from bodily experience, sexual dimorphism, and other forms of vitality over artificial intelligence, the future is largely grounded in this vitality, exemplified by the essence of childhood. Consequently, the question of management possibilities and the ethical dimensions of future production, as well as the balance between permissible and impermissible means employed, becomes particularly salient.

Keywords: future, childhood, pragmasemantics, pragmasemantics, production of the future, meaning formation, subjectivity

Acknowledgement. The research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00591 "Pragmasemantics as an Interface and Operational System of Meaning Production" carried out at the Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), <https://rscf.ru/project/22-18-00591/>.

References

A-n, A., Zalkind, A.B., Lobach-Zhuchenko, M. B., Blokhin, P., Melik-Pashaev, N. Sh., Orlov, S.V. and Chayanov, A., 1928. *Zhizn' i tekhnika budushchego. (Sotsial'nye i nauchno-tekhnicheskie utopii)* [Life and technology of the future. (Social and scientific-technical utopias)]. Moscow; Leningrad, 504 p. (in Russ.).

Ananchenko, A. B., ed., 2016. *Obrazy budushchego Rossii: zhelaemoe – vozmozhnoe – neobkhodimoe* [Images of the future of Russia: desired – possible – necessary]. Moscow, 275 p. (in Russ.).

Asmollov, A. G., Shekhter, E. D. and Chernorizov, A. M., 2018. *Preadaptatsiya k neopredelennosti: nepredskazuemye marshruty evolyutsii* [Pre-Adaptation to Uncertainty: Unpredictable Evolutionary Routes]. Moscow, 212 p. (in Russ.).

Assman, A., 2012. Transformation of the new time regime. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 4, pp. 16–31 (in Russ.).

Badiou, A., 2007. *Being and Event*. New York, 526 p.

Bainhauer, H. and Schmakhe, E., 1973. *Mir v 2000 godu. Svod mezhdunarodnykh prognozov* [The world in 2000. Compendium of international forecasts]. Moscow, 240 p. (in Russ.).

Bakhtin, M. M., 1986. To the philosophy of action. In: *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki: ezhegodnik. 1984 – 1985* [Philosophy and Sociology of Science and Technology: Yearbook. 1984–1985]. Moscow, pp. 80–160 (in Russ.).

Bernal, J. D., 1956. *Nauka v istorii chelovechestva* [Science in the history of society]. Moscow (in Russ.).

Bestuzhev-Lada, I. V., 1970. *Okno v budushchee. Sovremennyye problemy sotsial'nogo prognozirovaniya* [Window to the future. Modern problems of social forecasting]. Moscow, 269 p. (in Russ.).

Bevolo, M., 2021. *Design Futures and Education for Life Essentials*. Academia Letters, article 3935, <https://doi.org/10.20935/AL3935>.

Damasio, A., 2010. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York, 384 p.

Fedorov, A. A., 2023 *Proizvodstvo budushchego. Mir «dvoynogo dvoetochiya»* [Manufacturing of the future. The world of the “double colon”]. St. Petersburg, 496 p. (in Russ.).

Ferrando, F., 2022. *Filosofskii postgumanizm* [Philosophical Posthumanism]. Moscow, 360 p. (in Russ.).

Fokin, A. A., 2007. *Obrazy kommunisticheskogo budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 50 – 60-kh gg. XX veka* [Images of the communist future among the authorities and the population of the USSR at the turn of the 50–60s XX century]. PhD Dissertation. Chelyabinsk, 218 p. (in Russ.).

Gromyko, Yu. V., 2013. *Klass RAZVITIE* [RAZVITIE class]. Moscow, 240 p. (in Russ.).

Henrich, D., 2018. *Myshlenie i samobytie. Chteniya o sub'ektivnosti* [Thinking and being. Readings about subjectivity]. Moscow (in Russ.).

Hofstadter, D., 2022. *Ya – strannaya petlya* [I am strangle loop]. Moscow, 512 p. (in Russ.).

In 2017... In: *Ezhegodnik APN 1968 goda* [APN Yearbook 1968]. Moscow, 1968. 340 p. (in Russ.).

Kan, G., Braun, W. and Martel, L., 1978. *Sleduyushchie 200 let. Stsenarii dlya Ameriki i vsego mira* [The next 200 years. Scenario for America and the whole world]. Moscow, 228 p. (in Russ.).

Karpunin, V. A., 2004. *Volya k bytiyu: Ontologicheskii impul's* [The Will to Being: The Ontological Impulse]. St. Petersburg, 288 p. (in Russ.).

Kassof, A., ed., 1970. *Budushchee sovetskogo obshchestva* [Prospects for Soviet Society]. Iss. 1. Moscow (in Russ.).

Khodorkovsky, M. B., ed., 2006. *Vvedenie v budushchee. Mir v 2020 godu* [Introduction to the future. The world in 2020]. Moscow, 384 p. (in Russ.).

Koselleck, R., 1985. *Futures past: on the semantics of historical time*. Cambridge, 317 p.

Kovalev, V. A., 2019. From ideology to utopia. The communist project of Ivan Efremov. *Nasledie* [Heritage], 1 (14), pp. 104–118, <https://doi.org/10.31119/hrtg.2019.1.8> (in Russ.).

Kreveld, M. van., 2022. *Prozrevaia budushchee. Kratkaya istoriya predskazanii* [Seeing into Future. A Short History of Prediction]. Moscow (in Russ.).

Larina, E. and Ovchinsky, V., 2022. Memories of the future – 2050. Technological revolution: results and forecasts. Available at: https://zavtra.ru/blogs/vospominanie_o_budushem_2050 [Accessed 24 June 2024] (in Russ.).

Latour, B., 2014. *Peresborka sotsial'nogo: Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow (in Russ.).

Lem, S., 1968. *Summa tekhnologii* [Summa technologicae]. Moscow, 608 p. (in Russ.).

Lubke, A., 1929. *Tekhnika i chelovek v 2000 godu* [Technology and man in 2000]. Moscow, 179 p. (in Russ.).

Medvedev, Yu. E., 1975. *V pervom priblizhenii* [In the first approximation]. Moscow, 272 p. (in Russ.).

Mir cherez 100 let: sbornik statei [The world through 100 years: collection of articles], 2016. Moscow, 408 p. (in Russ.).

Monfort, N., 2021. *Budushchee: printsipy i praktiki sozidaniya* [The future: the principles and practices of creation]. Moscow, 160 p. (in Russ.).

Mukhametshina, E. and Ivanov, M., 2023. The president's administration has defined five images of the future desired by Russians. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/07/17/985583-administratsiya-prezidenta-opredelila-pyat-obrazov-zhelaemogo-rossiyanami-buduschego> [Accessed 21 June 2024] (in Russ.).

Paniotova, T.S. and Romanenko, M.A., 2019. Distorting mirrors of the avant-garde: utopian projections of Soviet civilization. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 69, pp. 237–250 (in Russ.).

Pestel, E., 1988. *Za predelami rosta* [Beyond Growth]. Moscow, 272 p. (in Russ.).

Potemkin, A., 2018. *Peroyi global'nyi vsemirnyi infrastrukturnyi proekt* [The first global worldwide infrastructure project]. Moscow, 136 p. (in Russ.).

Pyzhov, N., 1929. *Sovetskii gorod zavtra (kartiny blizhaishego razvitiya)* [Soviet city tomorrow. (Pictures of proximal development)]. Moscow; Leningrad, 96 p. (in Russ.).

Rumyantsev, A.M. and Mamardashvili, M.K., eds., 1964. *Kakoe budushchee ozhidat chelovechestvo?* [What future awaits humanity?]. Moscow, 504 p. (in Russ.).

Ryurikov, J., 1961. *Cherez 100 i 1000 let* [In 100 and 1000 years]. Moscow, 112 p. (in Russ.).

Sedashov, N., 2023. Longing for a past that never existed: what causes the epidemic of nostalgia. Available at: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/511059-toskupo-proslomu-kotorogo-ne-bylo-cem-obuslovljena-epidemia-nostalgii> [Accessed 23 June 2024] (in Russ.).

Shikarev, S., Verkin, E. and Breininger, O., 2023. *Novoe budushchee* [New future]. Moscow, 352 p. (in Russ.).

Sorensen, E., 2012. *Mechta o sovershennom obshchestve. Fenomen totalitarnoi ideologii* [The dream of a perfect society. The phenomenon of totalitarian ideology]. Moscow, 232 p. (in Russ.).

Strumilin, S.G., 1964. *Nash mir cherez 20 let* [Our world in 20 years]. Moscow, 192 p. (in Russ.).

Thomson, G., 1958. *Predvidimoe budushchee* [The foreseeable future]. Moscow, 176 p. (in Russ.).

Toffler, A., 1997. *Futurshok* [Futureshock]. St. Petersburg, 464 p. (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2019. Extensions of the semiotic analysis capabilities: the sources and content of the “deep semiotics” concept. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 11, pp. 115–125, <https://doi.org/10.31857/S004287440007358-8> (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2020. *Filosofiya postupka: samoopredelenie lichnosti v sovremennom obshchestve* [Philosophy of action: self-determination of personality in modern society]. St. Petersburg, 826 p. (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2021. Value-normative synthesis of knowledge. In: *Mir cheloveka: normativnoe izmerenie – 7.0* [The human world: normative dimension – 7.0]. Saratov, pp. 226–243 (in Russ.).

Tulmin, S., 1984. *Chelovecheskoe ponimanie* [Human understanding]. Moscow, 328 p. (in Russ.).

Tyugashev, E.A., 2023 Utopia as a Form of Social Consciousness: The Problem of Demarcation. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. Filosofiya* [Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy], 5 (1), pp. 11–20, <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.2> (in Russ.).

Utopicheskie sotsializm: khrestomatiya [Utopian socialism. Anthology], 1982. Moscow, 512 p. (in Russ.).

Vasil'ev, M.V. and Gushchev, S.Z., 1958. *Reportazh iz XXI veka. My zapisali rasskazy dvadtsati devyati sovetkikh uchenykh o nauke i tekhnike budushchego* [Report from the 21st century. We recorded the stories of twenty-nine Soviet scientists about the science and technology of the future]. Moscow, 248 p. (in Russ.).

Volokhova, U., 2019. «Ya zhe preduprezhdal vas, chertovy duraki» [“I warned you, you damn fools”]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5785150> [Accessed 22 June 2024] (in Russ.).

Wells, G., 1902. *Predvideniya o vozdeistvii progressa mekhaniki i nauki na chelovecheskuyu zhizn' i mysl'* [Predictions about the impact of the progress of mechanics and science on human life and thought]. Moscow, 291 p. (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2016. The semiotics and pragmasemantics of the political discourse. *Politicheskaya nauka* [Political Science (RU)], 3, pp. 47–76 (in Russ.).

Zolyan, S., 2021. On pragma-semantics of expressives. Between words and actions. In: A. Haselow and S. Hancil, eds. *Studies at the Grammar-Discourse Interface*. Amsterdam, pp. 245–271, <https://doi.org/10.1075/slcs.219.09zol>.

Zolyan, S.T. and Tulchinskii, G.L., 2024. *Dinamika smysla: Glubokaya semiotika i stereometricheskaya semantika* [Dynamics of meaning: Deep semiotics and stereometric semantics]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr. Grigorii L. Tulchinskii, Professor, ‘Higher School of Economics’ National Research University, Saint Petersburg; Immanuel Kant Baltic Federal University; Saint Petersburg State University; Russia.

E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Tulchinskii, G.L., 2024, Who and how produces the future. Alexander Fedorov’s new philosophy of common cause, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 8–24. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-1.

ЯЗЫКИ РАЗВЕРТЫВАНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЭМБРИОГЕНЕЗЕ: ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ АНАЛОГИ И АНАЛОГИИ

А. В. Спилов^{1, 2}

¹ Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Россия, 117418, Москва, Нахимовский проспект, 51/21

² Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова РАН
Россия, 194223, Санкт-Петербург, просп. Тореза, 44

Поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Принята к публикации 15.06.2024 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-2

Известно, что практически вся наследственная информация о неисчислимых характеристиках многоклеточного организма, в частности организма человека, определенным образом закодирована в ядре оплодотворенной яйцеклетки. Принципы развертывания генетической информации в развитии многоклеточного зародыша давно привлекают внимание как биологов, так и представителей других наук. Если молекулярные биологи концентрируются на информационных и кибернетических аспектах хранения и передачи генетической информации, авторы биосемиотических исследований настаивают на специфике биологических знаков в этих процессах и на особой природе биологических текстов. Мы сосредоточились на информационных аспектах этих процессов с целью продемонстрировать аналогии между ними и лингвосемиотическими понятиями. Описаны проблемы сложности (комплексности) и иерархичности (многоуровневости) генетических механизмов реализации генетической информации в эмбриогенезе, как она видится в системной биологии.

Ключевые слова: биосемиотика, лингвистика, наследственная информация, развертка информации в индивидуальном развитии, языки регуляции генов

1. Введение

Нами будут рассмотрены принципы молекулярных процессов и механизмов развертывания (unfolding) генетической информации в многоклеточном эмбрионе. Основное внимание уделяется информационно-лингвистическим и семиотическим аспектам регуляции активности генов. Принято считать, что большая часть информации о том, как устроен и функционирует организм (включая человеческий), хранится в ядре оплодотворенной яйцеклетки. В ходе эмбрионального развития в считанные недели или месяцы эта информация «развертывается» во все нарастающую сложность будущего многоклеточного организма. Так, тело взрослого человека включает порядка тридцати триллионов клеток. Все это организовано во многочисленные органы и ткани, интегрируется нервной и гормональной системами, защищается иммунитетом, поддерживается, обновляется и «чинится» соответствующими системами. Нас будут интересовать базовые информационные и семиотические аспекты этих биологических процессов и явлений.

Попытки рассматривать процессы реализации (развертывания) генетической информации в эмбриогенезе в семиотических аспектах и по аналогии с языками предпринимаются уже давно (Pattee, 1968; 1969; Jakobson, 1970; Соловьев и др., 1988). При этом с каждым десятилетием появляются новые результаты, демонстрирующие, насколько эти процессы сложнее, чем мы полагали еще совсем недавно. Если молекулярные биологи концентрировались на информационных и кибернетических аспектах хранения и передачи генетической информации, то авторы биосемиотических публикаций настаивали на специфике биологических знаков в этих процессах и на уникальной природе биологических текстов (Pattee, 2001; Hoffmeyer, 2014). Мы сосредоточимся на вопросах комплексности и иерархичности (многоуровневости) генетических (и эпигенетических механизмов) реализации генетической информации в эмбриогенезе, как она видится системным биологам в наши дни. Достигнутый уровень детализации механистической трактовки процессов реализации генетической информации свидетельствует о ее имманентной сложности, что должно быть отражено и с семиотических позиций.

Лингвистическое видение базовых процессов молекулярной биологии и молекулярной генетики формировалось со времен открытия универсального генетического кода и продолжается так или иначе все последующие десятилетия (см., напр., обзор: (Raible, 2001)). Именно в этой области были сформулированы начальные лингвистические аналогии, которые некоторыми авторами успешно развиваются и по сей день (Zolyan, 2022; 2023). Вместе с тем нынешняя область исследования кодов и «языков» в биологии невообразимо расширилась. С одной стороны, код-биология, ставшая новым направлением биосемиотики, собрала и начала систематизировать более двух сотен различных биологических кодов (Prinz, 2023). С другой — в пределах современной биологии расширяются исследования «языков» реализации генетической информации в эмбриональном развитии и в функционировании зрелого организма (Weingarten-Gabbay, Segal, 2014; Avsec et al., 2021; Lal, 2022; Bentsen et al., 2022). Биологи выделяют как минимум слова и грамматические правила для этих слов, что помогает понимать и сопоставлять их. Однако практически без внимания остается проблематика, связанная с лингвосемиотическими аспектами развертывания генетической информации в индивидуальном развитии и возможными аналогиями с языковыми процессами.

2. Как биомолекулы становятся знаками?

При изучении живой природы наука обнаружила процессы хранения, передачи, интерпретации и реализации информации, аналогичные тем, что реализованы в современных технологиях. Но в биологии эти системы появились и развились самопроизвольно. Поэтому вполне резонно возникают такие вопросы: кто посылает генетическую информацию (сообщения) и кто является получателем этих сообщений?

Как отмечает Дж. Хоффмайер, под генетической информацией в молекулярной биологии обычно понимают просто набор «инструкций» (Hoffmeyer, 2014). Поскольку «инструкция» является малоосмысленным термином, если не адресована «кому-то», кто может в конечном итоге ее выполнить, то «информация» остается весьма неопределенным термином применительно к генам: кто именно должен понимать и выполнять предполагаемую «инструкцию»? Инструкция должна быть интерпретирована некоторым агентом, в противном случае она не будет иметь какого-либо эффекта (Ibid.).

С более общих позиций мы можем вслед за Т. Диконом задаться следующим вопросом: «какая форма молекулярного процесса необходима и достаточна для интерпретации некоторого свойства молекулы как предоставления информации о других молекулярных свойствах» (Deason, 2021, p. 540)? По Дикону, в терминах Чарльза Пирса это равносильно вопросу о том, какая молекулярная система способна создавать интерпретанты, которые могут привести это репрезентированное свойство в полезную связь с этой системой. Интегрируя семиотику Пирса с биологическими процессами, Дикон вслед за Хоффмайером создает основу для понимания того, как макромолекулы переходят из простых химических объектов в носителей биологически значимой информации, становясь, таким образом, знаками в семиотическом смысле. Иначе говоря, переход от химических процессов к семиотическим предполагает появление значения. Так что макромолекулы, такие как РНК, ДНК и белки, начинают функционировать не просто как химические образования, а как носители информации, которая может влиять на биологические функции и процессы.

Следуя триадической модели знака Пирса, которая включает в себя знак (репрезентамен, *representamen*), объект и интерпретант, Дикон предполагает, что макромолекулы можно рассматривать как знаки, когда они вступают в триадические отношения (Ibid.). Например, последовательность ДНК (знак) представляет собой определенную аминокислотную последовательность (объект) и интерпретируется клеточным механизмом (интерпретант) для производства белка.

Дикон (Ibid.) вслед за Г. Патти (Pattee, 1968; 1969; 2001) подчеркивает роль «ограничений» (constraints) в возникновении информации. Макромолекулы становятся носителями информации, накладывая ограничения на возможные результаты биохимических процессов. Например, структура фермента ограничивает возможные реакции, эффективно направляя биохимический процесс в определенном направлении и неся таким образом информацию о потенциальных реакциях. Именно с позиций роли ограничений Дикон описывает семиотические аспекты процессов генной регуляции в индивидуальном развитии и эволюции.

С более общих семиотических позиций существенна прежде всего иерархичность языков (и / или кодов) реализации генетической информации в зародышевом развитии (Deason, 2021). Как формулирует

Дикон, на базовом уровне регуляции гена локальная нуклеотидная последовательность молекулы ДНК влияет на организацию двойной спирали ДНК в этом локусе. Это облегчает избирательное связывание белков, способных изменять экспрессию соседних генов. Итак, белковая структура, определяемая последовательностями ДНК, может стимулировать, ингибировать или регулировать транскрипцию многих других последовательностей ДНК и определяемых ими белковых структур. Таким образом, смещение функциональных ограничений на другую молекулярную среду (то есть от нуклеотидной последовательности к структуре белка) открывает путь к рекурсивной информационной динамике. Обеспечивая рекурсивную регуляцию больших наборов генов из одного локуса, эта регуляторная логика создает основу для семиотического построения и появления все более высоких уровней интерпретационной компетентности. Следовательно, семиотическое ограничение постепенно переносится от молекул к клеткам, тканям и структуре тела (Ibid.). С каждым более высоким уровнем перемещения на новый уровень субстрата возникает форма рекурсии более высокого порядка.

3. Иерархия языков регуляции генов

Вышеизложенные соображения семиотического характера хорошо иллюстрируются конкретными биологическими данными о многоуровневом регулировании процессов развертки генетической информации. Поэтому далее мы рассмотрим в минимально необходимых деталях иерархию языков регуляции генов в процессах развертывания генетической (и эпигенетической) информации.

Охарактеризуем принципы реализации информации в развитии многоклеточного зародыша. В основной части нашего изложения мы будем оставаться в пределах известных позиций геноцентризма, рельефно сформулированных еще Докинзом (Dawkins, 1976), и сосредоточимся на роли генов в организации процессов зародышевого развития. Гены поэтапно активируются с самого начала этого процесса, формируя все более многочисленные и сложные ансамбли, основанные на регуляторных взаимодействиях и именуемые генными регуляторными сетями (ГРС). В основе их функциональной архитектуры заложено то базовое свойство, что данный ген сети кодирует белок, основная функция которого находить, узнавать и связываться с другими генами данной сети. Когда данный белок специфически связывается с данным геном, то он оказывает на этот ген-мишень регулирующее действие: или активирует его, или наоборот подавляет его активность.

Регуляция генов осуществляется «языками» (или кодами) регуляции. Можно выделить по крайней мере четыре языка регуляции генов (табл.). Это язык межгенного взаимодействия (1); межклеточный сигнальный язык (2); язык биохимических регуляций клеток на расстоянии (3); языки регуляции иммунной и нервной систем (4).

Основные языки реализации (развертывания) генетической информации в развитии многоклеточного организма

«Языки» (коды)	Факторы-сигналы	Специфика	Конечная мишень
Язык межгенного взаимодействия	Белки – факторы транскрипции	Функционирует в пределах одной клетки	Гены
Межклеточный сигнальный язык	Биохимические факторы	Обеспечивает коммуникацию между соседними клетками	
Язык биохимических регуляций клеток на расстоянии	Биохимические факторы (факторы роста, гормоны)	Основа на химических сигналах, способных преодолевать значительные расстояния в пределах организма	
Языки регуляции иммунной и нервной систем	Биохимические факторы (нейромедиаторы)	«Дальнодействующие» сигналы передаются кровотоком	

4. Язык межгенного взаимодействия

Гены несут в себе наборы инструкций по их считыванию: ген не только является «носителем генетической информации», как это зачастую понимается и декларируется. Разумеется, он кодирует последовательность аминокислот в белке. Однако ген типично включает себя обширный набор регуляторных элементов, вовлекаемых в контроль генной активности (рис. 1). Регуляции активности генов определяют, какие именно гены, в какое время, в каких эмбриональных клетках, сколь интенсивно и как долго будут активны. Базовым элементом генных регуляторных областей резонно рассматривать специфические сайты связывания. Это относительно короткие последовательности ДНК, узнаваемые белками, участвующими в контроле активности генов. Прежде всего это белки – транскрипционные факторы. Помимо них в генной регуляции участвуют другие белки, способные, в частности, взаимодействовать с самими транскрипционными факторами или действовать на организацию хроматина. Сайты связывания объединяются в кластеры – регуляторные модули. В итоге интеграции всех регуляторных импульсов (прямых и опосредованных) ген активируется в данное время в данном месте и с определенной силой (рис. 1). Наличие меняющейся совокупности опосредованных регуляторных связей естественно понимать как контекст. Это наводит на аналогии с лингвистикой.

Рис. 1. Общая схема функциональной организации гена, ответственной за регуляторные взаимодействия

Язык межгенных взаимодействий. Рассмотрим язык, функционирующий на уровне ГРС, и в качестве образца возьмем только один тип регуляторного модуля. Это эволюционно наиболее древний и базовый компонент, имеющийся у всех генов и называемый промотером (рис. 2).

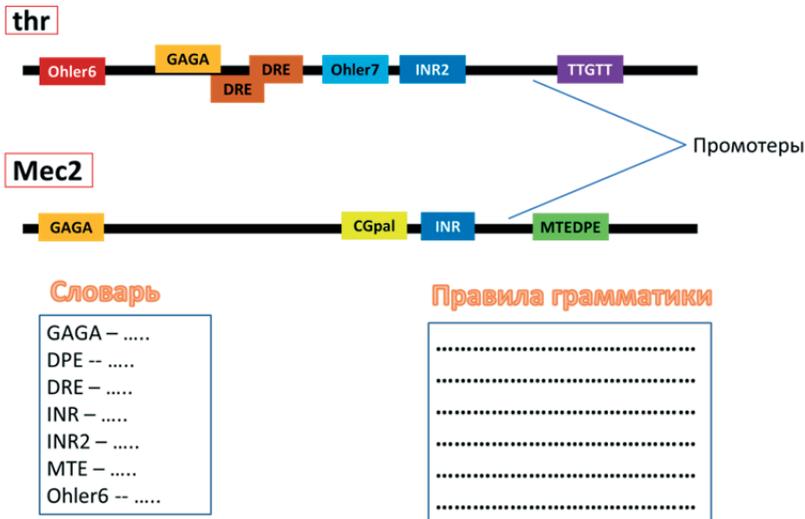

Рис. 2. Примеры генных регуляторных модулей (промоторов) генов многоклеточных ядерных организмов (дрозофила). Модули включают «сигнальные слова», для которых имеется словарь и набор грамматических правил

Именно промотер включает механизм кодирования генов: после появления промотера запускается механизм декодирования гена и на основе этого генерация белка. Промотер многоклеточных организмов

состоит из небольшого набора «слов» (примерно 4–10), составляющих словарь регуляторных элементов (сайтов связывания транскрипционных факторов) промоторов (подробнее см.: (Спилов, 2023)). Под «словом» мы понимаем следующий в определенном порядке набор «букв» (нуклеотидов). Словарь включает два-три десятка таких слов. Помимо словаря формулируется набор грамматических правил их использования (рис. 2). Например, имеются обязательные «слова», без которых промотор не будет функционировать; ряд «слов» демонстрирует жесткий или же предпочтительный порядок в типичном промоторе, многие не имеют жесткой позиции. В целом промотор можно уподобить фразе (предложению) на языке промоторов. Точнее, его можно интерпретировать как инструкцию для функционирования промотора, как набор команд, актуализируемых при различных условиях. Промотор во взаимодействии с другими регуляторными модулями (которые организованы в целом сходно) интегрирует входящие сигналы (как на рис. 1) и контролирует активность гена во времени индивидуального развития и в пространстве эмбриона / организма.

Отметим, что языки более высокого уровня также можно охарактеризовать, описав их с помощью словарей и правил грамматики (набор ограничений на употребление слов; см., напр.: (Antebi et al., 2017; Daniels et al., 2022)).

5. Гены функционируют в пространстве организма

С увеличением количества клеток в эмбрионе появляется новый уровень контроля активности генов. Это клеточная сигнализация: эмбриональные клетки начинают обмениваться специфическими биохимическими «сигналами» (рис. 3) (Armingol et al., 2021). Эти сигналы, продуцируемые одними клетками, специфически действуют на рецепторы других клеток. В результате рецепторы активируют каскады передачи сигналов, приводящих к включению или выключению определенных генов клетки-мишени. Соответственно контекст, определяющий реакцию гена на регуляторные молекулы, выходит за пределы одной клетки, и регуляторные связи становятся еще более распределенными в пространстве эмбриона. Ген получает сигналы от своей клетки, от соседних клеток, от удаленных клеток, из внешней среды. Ген функционирует как молекулярная «машина», которая обрабатывает непрерывные потоки информации, принимает решения, отдает команды и сам же их исполняет (как показано на рис. 1).

Охарактеризуем передачу информации в ходе зародышевого развития. Существенно, что процессы генной регуляции развертываются не только во времени (по стадиям развития эмбриона), но и в пространстве эмбриона. Пространственная размерность чрезвычайно важна. Регуляция генов сначала происходит в единственной клетке зиготе и затем в наборе функционально и физически связанных друг с другом клеток раннего эмбриона. Далее процессы развертываются во все более обособляющихся эмбриональных закладках (часто определяемых как морфогенетические поля).

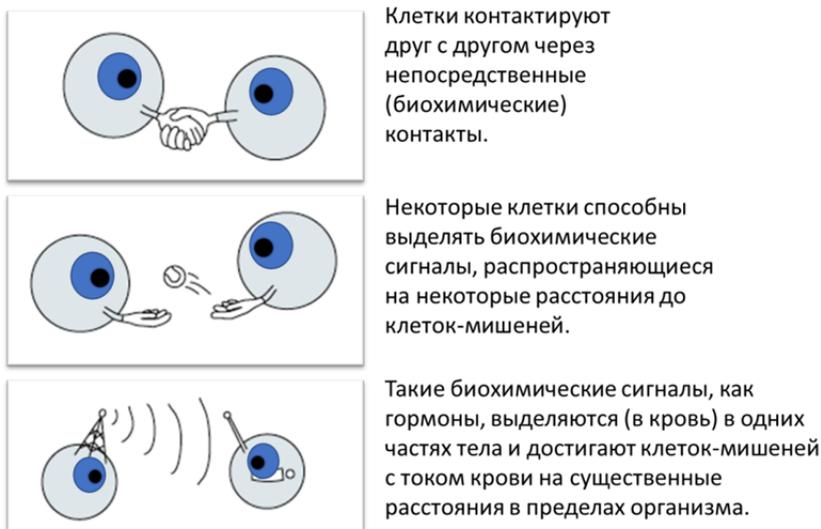

Рис. 3. Биохимические языки общения клеток (близкодействующие и далекодействующие)

Биологи-экспериментаторы начала прошлого века определяли свою область знаний как механику развития. В этой области весьма популярна была концепция карт эмбриональной судьбы (*fate maps*). В современной биологии достаточно полно описаны механизмы и процессы, определяющие судьбы клеток в зародышевом развитии, так что карты судьбы имеют под собой вполне конкретные биохимические механизмы и определяются прежде всего языками (наборами сигналов) межклеточного взаимодействия (как показано на рис. 3; см.: (Matsuda et al., 2016; Спиров, Мясникова, 2019)). В этой связи нам представляется вполне работающей *метафора карт политической географии*, причем на основе языков общения как в пределах географических территорий, так и на границах между территориями (рис. 4).

Как иллюстрирует рисунок 4, *а*, в эмбриональном развитии происходит обособление (структурное и функциональное) территорий – зачатков будущих органов, так что в пределах территорий клетки обмениваются собственным набором биохимических сигналов. При этом на границах территорий работают уже другие наборы сигналов, специально предназначенные для формирования структурных и функциональных границ между территориями. Это, на наш взгляд, весьма напоминает процессы в политической географии, когда в пределах территорий используются свои языки, тогда как на границах могут формироваться или использоваться другие языки для трансграничных коммуникаций. Именно так функционируют биохимические языки клеточных коммуникаций в пределах морфогенетических территорий и на границах территорий (рис. 4, *б*).

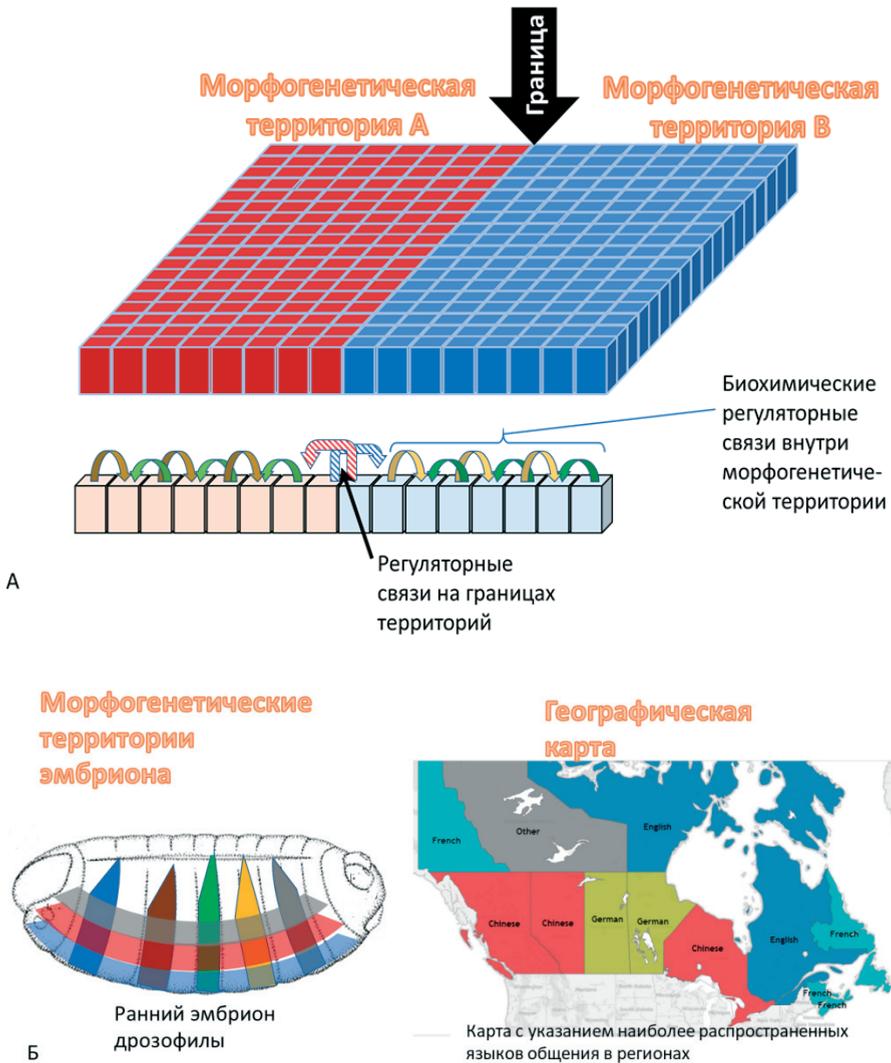

Рис. 4. Метафора карт политической географии¹

Мы убеждены, что нарастающая пространственная распределенность регуляторных процессов, нарастающая контекстная зависимость, нарастающая множественность и иерархичность «языков» (кодов) инструкций нуждается в продолжении углубленного изучения с позиций семиотики. Это особо важно в той связи, что нейрональная регуляция,

¹ В процессе зародышевого развития эмбрион разбивается на все более детализированные многоклеточные территории (морфогенетические «поля»; а). В пределах каждой территории функционируют свои языки межклеточного общения. На границах территории действуют свои биохимические языки. Все это подводит к политико-географической метафоре (б).

включая формирование и дальнейшее функционирование центральной нервной системы, также во многом основана на очерченных здесь комплексных процессах.

Отметим, что в этих кратко охарактеризованных здесь процессах задействован ряд кодов, привлечших пристальное внимание исследователей из области код-биологии (Prinz, 2023). Здесь используются транскрипционные коды по классификации Принца, включая НОХ-коды (кода на основе генов семейства НОХ), коды сигналинга, pathway-коды, микроРНК коды, мембранные коды и, наконец, эпигенетические коды, включая гистоновые коды (Ibid.).

6. Контекст-зависимые и эпигенетические механизмы регуляции генов

Контекст в процессах и механизмах контроля активности определенного гена определяется как совокупность всех опосредованных (точнее: не непосредственных) воздействий. Их нелегко выявить, и их может быть очень много. На уровне экспериментов и наблюдений это проявляется в том, что одни и те же белки-регуляторы по-разному действуют на ген-мишень в разных клетках / тканях в сходных экспериментах. На молекулярном уровне генной регуляции выделяются, в частности, факторы-коактиваторы (корепрессоры), факторы-посредники (медиаторы).

Параллельно с умножением клеток и формированием морфогенетических полей (зачатков, территорий) происходит развертывание эпигенетических механизмов регуляции, когда ядра зачастую соседних (или даже дочерних) клеток по-разному биохимически модифицируют белки хроматина, но при этом обычно не меняется сама последовательность нуклеотидов (букв) оснований в ДНК, то есть текст, кодирующий данный ген. Это создает еще один уровень в процессах реализации генетической информации. При этом процессы генерации и передачи инструкций на этих иерархических уровнях становятся все более распределенными в пространстве эмбриональных зачатков.

7. Ограничения и скаффолдинг в молекулярно-генетических процессах

Высказанные положения имеет смысл развивать далее на основе построений Дикона, Патти и Хоффмайера о природе биологической (молекулярно-генетической и молекулярно-эпигенетической) информации (Pattee, 2001; Hoffmeyer, 2014; Deacon, 2021) используя концепцию биосемиотического скаффолда (основа, каркас, строительные леса, см.: (Hoffmeyer, 2014)) и ограничений (constraints). В самой общей формулировке биосемиотический скаффолдинг и ограничения описываются как набор средств, способствующих направлению процессов по определенным траекториям. Такой семиотический каркас в регуляции активности генов включает биохимические структуры и процессы, которые облегчают интерпретацию и использование генетической информации посредством знаковых процессов (семиозис).

Такие средства включают в себя несколько уровней организации — от простых химических взаимодействий до сложных биологических процессов. Каждый уровень опирается на уровни ниже себя и контролирует их, создавая структурированную иерархию, в которой более высокие уровни могут влиять на более низкие уровни. Это вполне соответствует охарактеризованной здесь нами иерархии языков регулирования активности генов.

Различные уровни скаффолда взаимозависимы, а это означает, что изменения или ограничения на одном уровне могут иметь каскадные последствия по всей иерархии (Deacon, 2021). Такая взаимозависимость имеет решающее значение для возникновения семиотических процессов, в которых значение и информация распределяются и интерпретируются на различных уровнях. В рамках наших построений это можно трактовать как иерархию от самого нижнего уровня генных регуляторных сетей в самом раннем эмбриогенезе до пространственно распределенных систем защиты, регулирования и интеграции всего многоклеточного организма при участии языков иммунной и нервной регуляции.

Семиотические функции, такие как передача сигналов, репрезентация и интерпретация, возникают в результате динамических взаимодействий внутри скаффолда. Дикон показывает, что эти функции не присущи отдельным молекулам, а возникают из сети взаимодействий, которые создают смысловой контекст (Ibid.). Исследователь убедительно продемонстрировал это на серии примеров начиная от базовых регуляторных биохимических взаимодействия и заканчивая механизмами регуляции генов.

8. Заключение

Комплексность, пространственная распределенность и иерархичность — это фундаментальные характеристики процессов реализации генетической информации.

Сложность (комплексность):

- В любом организме в регуляцию рассматриваемого процесса обычно вовлечено более одного языка (кода). В частности, это справедливо для процессов развертывания наследственной информации (табл.).

- Эти языки обычно формируют более сложную систему, меняющуюся в пространстве и во времени организма.

Иерархичность:

- Системы языков регуляции процессов развертывания наследственной информации типично являются иерархическими. Мы можем выделить как язык нижнего уровня, так и языки более высокого уровня.

- Распределенность в пространстве:

- Системы языков и их иерархичности меняются не только во времени организма, но и в организменном пространстве (рис. 4).

- В каждом малом участке развивающегося многоклеточного организма функционирует своя версия иерархии языков регуляции.

Под *комплексностью* мы понимаем то, что на гены как молекулярные машины хранения и реализации генетической информации действует, зачастую одновременно, множество управляющих сигналов (часто противоположных по смыслу — например, повысить и понизить

генную активность). Молекулярная машина любого гена в частности и генома многоклеточного организма вообще организована так, что все входящие, управляющие сигналы интегрируются и их итоговое действие определяет уровень активности данного гена в данное время (рис. 1).

Иерархичность мы понимаем в том смысле, что сигналы (коды, или, образно говоря, «языки» управления генами) имеют несколько взаимосвязанных уровней. Нижний уровень — это прежде всего непосредственная активация или репрессия данного гена специфическими факторами транскрипции, кодируемыми его соседями по ГРС (это обычно уровень конкретного ядра данной клетки). На следующем уровне мы включаем в рассмотрение обмен химическими сигналами между клетками. Здесь имеются другие механизмы и другие мессенджеры. Однако конечная цель — регулирование активности данного гена в данной клетке по сигналам от других клеток. На еще более общем уровне интеграции генной регуляции резонно описывать действие интегрирующих «системных» регуляторов как морфогены, гормоны, нейротрансмиттеры, цитокины.

Пространственная распределенность — это часто упускаемое свойство, оно характеризует то, что эмбрион, как и организм после рождения, составлен из многоклеточных интегрированных ансамблей — органов и тканей, в свою очередь составленных из клеток так, что в каждой клетке в любой отрезок времени происходят свои процессы реализации генетической информации. Даже две соседние клетки, соединенные межклеточными контактами, могут отличаться по профилям генной активности, и именно эти отличия часто критичны для дальнейшего развития или функционирования многоклеточного организма. Мы могли бы образно представить клетки как члены сообществ, населяющих различные соседствующие территории, причем территории обычно имеют четкие границы (рис. 4). При этом каждая клетка имеет свои функции, они обмениваются сигналами с соседними клетками и получают сигналы из удаленных центров или даже из внешней среды (рис. 3).

В целом же наш анализ приводит к общему заключению, что регуляция генов включает семиотические процессы, в которых различные молекулярные сигналы (факторы транскрипции, энхансеры и репрессоры) действуют как знаки, несущие инструкции для экспрессии генов. При этом экспрессия генов зависит от контекста. Это означает, что одна и та же генетическая последовательность может интерпретироваться по-разному в зависимости от клеточной среды и присутствия конкретных регуляторных молекул. Физические и функциональные каркасы (скаффолды), такие как белковые комплексы и архитектура хроматина, обеспечивают необходимую основу для семиотических взаимодействий. Эти структуры организуют и стабилизируют компоненты, участвующие в регуляции генов.

Далее активность генов регулируется посредством динамических сетей взаимодействий между ДНК, РНК, белками и другими молекулами. Эти взаимодействия образуют сложные регуляторные цепи, которые реагируют на внутренние и внешние сигналы. При этом генная регуляция интегрирована с метаболическими состояниями клеток. Внешние сигналы (например, гормоны, питательные вещества) пере-

даются в клетку и интерпретируются через сигнальные пути, которые в конечном итоге влияют на активность генов. Эти пути действуют как семиотические процессы, преобразующие внешнюю информацию в клеточные реакции.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе» №22-18-00383, в ИНИОН РАН, https://rscf.ru/prjcard_int?22-18-0038.

Список литературы

Соловьев В.В., Кель А.Э., Рогозин И.Б., Колчанов Н.А. Использование ЭВМ в молекулярной биологии. Введение в теорию генетических текстов. Новосибирск, 1988.

Спиров А.В. «Языки» регуляции генов на примере сигнальных элементов промоторов // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2023. Вып. 4 (в печати).

Спиров А.В., Мясникова Е.М. Эволюционный консерватизм генных регуляторных сетей временной спецификации нейробластов // Молекулярная биология. 2019. Т. 53, №2. С. 225–239. doi: 10.1134/S0026898419020150.

Antebi Y.E., Linton J.M., Klumpe H. et al. Combinatorial Signal Perception in the BMP Pathway. *Cell*. 2017. Vol. 170, №6. P. 1184–1196.e24. doi: 10.1016/j.cell.2017.08.015.

Armingol E., Officer A., Harismendy O. et al. Deciphering cell–cell interactions and communication from gene expression // *Nature Reviews Genetics*. 2021. Vol. 22. P. 71–88. doi: 10.1038/s41576-020-00292-x.

Avsec Ž., Weilert M., Shrikumar A. et al. Base-resolution models of transcription-factor binding reveal soft motif syntax // *Nature Genetics*. 2021. Vol. 53, №3. P. 354–366. doi: 10.1038/s41588-021-00782-6.

Bentsen M., Heger V., Schultheis H. et al. TF-COMB – Discovering grammar of transcription factor binding sites // *Computational and Structural Biotechnology Journal*. 2022. Vol. 20. P. 4040–4051. doi: 10.1016/j.csbj.2022.07.025.

Daniels K.G., Wang S., Simic M.S. et al. Decoding CAR T cell phenotype using combinatorial signaling motif libraries and machine learning // *Science*. 2022. Vol. 378. P. 1194–1200. doi: 10.1126/science.abq0225.

Dawkins R. *The selfish gene*. N. Y., 1976.

Deacon T.W. How molecules became signs // *Biosemiotics*. 2021. Vol. 14. P. 537–559. doi: 10.1007/s12304-021-09453-9.

Hoffmeyer J. The semiome: From genetic to semiotic scaffolding // *Semiotica*. 2014. Vol. 198. P. 11–31. doi: 10.1515/sem-2013-0099.

Jakobson R. *Linguistics. Relationship between the science of language and other sciences* // *Main trends of research in the social and human sciences*. The Hague, 1970. P. 419–453.

Lal A. Deciphering the regulatory syntax of genomic DNA with deep learning // *Journal of Biosciences*. 2022. Vol. 47: 47. doi: 10.1007/s12038-022-00291-6.

Matsuda S., Harmansa S., Affolter M. BMP morphogen gradients in flies // *Cytokine & Growth Factor Reviews*. 2016. Vol. 27. P. 119–127. doi: 10.1016/j.cytogfr.2015.11.003.

Pattee H.H. *The Physical Basis of Coding and Reliability in Biological Evolution* // *Towards a Theoretical Biology* / ed. by C.H. Waddington. Edinburgh, 1968. Vol. 1: *Prolegomena*. P. 67–93.

Pattee H. H. How Does a Molecule Become a Message? // Communication in Development, Developmental Biology Supplement / ed. by A. Lang. Cambridge, 1969. P. 116.

Pattee H. H. The physics of symbols: Bridging the epistemic cut // Biosystems. 2001. Vol. 60. P. 5–21. doi: 10.1016/S0303-2647(01)00104-6.

Prinz R. Nothing in evolution makes sense except in the light of code biology // Biosystems. 2023. Vol. 229: 104907. doi: 10.1016/j.biosystems.2023.104907.

Raible W. Linguistics and genetics: systematic parallels // Language typology and language universals = Sprachtypologie und sprachliche Universalien = La typologie des langues et les universaux linguistiques / ed. M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible. Berlin, 2001. Vol. 1. P. 103–123.

Weingarten-Gabbay S., Segal E. The grammar of transcriptional regulation // Human Genetics. 2014. Vol. 133, №6. P. 701–711. doi: 10.1007/s00439-013-1413-1.

Zolyan S. From matter to form: the evolution of the genetic code as semio-poiesis // Semiotica. 2022. №245. P. 17–61. doi: 10.1515/sem-2020-0088.

Zolyan S. On the minimal elements of the genetic code and their semiotic functions (degeneracy, complementarity, wobbling) // Biosystems. 2023. Vol. 231:104962. doi: 10.1016/j.biosystems.2023.104962.

Об авторе

Александр Владимирович Спиров, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН; Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова РАН, Россия.

E-mail: alexander.spirov55@gmail.com

Для цитирования:

Спиров А. В. Языки развертывания наследственной информации в эмбриогенезе: лингвосемиотические аналогии и аналогии // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 25–40. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-2.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

LANGUAGES OF UNFOLDING HEREDITARY INFORMATION IN EMBRYOGENESIS: LINGUO-SEMIOTIC ANALOGUES AND ANALOGIES

Alexander V. Spirov^{1, 2}

¹ Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
51/21, Nakhimovskii Prospekt, Moscow, 117418, Russia

² Sechenov Institute of Evolutionary Physiology and Biochemistry
of the Russian Academy of Sciences,

44, Thorez Prospekt, Saint Petersburg, 194223, Russia

Submitted on 12.04.2024

Accepted on 15.06.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-2

It is known that almost all hereditary information about the innumerable characteristics of a multicellular organism, including the human body, is encoded in a certain way in the nucleus of a fertilized egg. The principles of the unfolding of genetic information in the devel-

opment of a multicellular embryo have long attracted the attention of both biologists and representatives of various sciences. While molecular biologists concentrate on the informational and cybernetic aspects of the storage and transmission of genetic information, the authors of biosemiotic studies insist on the specificity of biological signs in these processes and on the special nature of biological texts. We focused on the information aspects of these processes and, in order to demonstrate the analogies between them and with linguistic-semiotic concepts, we describe the problems of complexity and hierarchy of genetic mechanisms for the implementation of genetic information in embryogenesis, as it is seen in systems biology.

Keywords: biosemiotics, linguistics, hereditary information, information unfolding in individual development, languages of gene regulation

Acknowledgement. This research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 22-18-00383 “Methodological design of extended evolutionary synthesis”) carried out at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

References

- Antebi, Y.E., Linton, J.M., Klumpe, H. et al., 2017. Combinatorial Signal Perception in the BMP Pathway. *Cell*, 170 (6), pp. 1184–1196, <https://doi.org/10.1016/j.cell.2017.08.015>.
- Armingol, E., Officer, A., Harismendy, O. et al., 2021. Deciphering cell–cell interactions and communication from gene expression. *Nature Reviews Genetics*, 22, pp. 71–88, <https://doi.org/10.1038/s41576-020-00292-x>.
- Avsec, Ž., Weilert, M., Shrikumar, A. et al., 2021. Base-resolution models of transcription-factor binding reveal soft motif syntax. *Nature Genetics*, 53 (3), pp. 354–366, <https://doi.org/10.1038/s41588-021-00782-6>.
- Bentsen, M., Heger, V., Schultheis, H. et al., 2022. TF-COMB – Discovering grammar of transcription factor binding sites. *Computational and Structural Biotechnology Journal*, 20, pp. 4040–4051, <https://doi.org/10.1016/j.csbj.2022.07.025>.
- Daniels, K.G., Wang, S., Simic, M.S. et al., 2022. Decoding CAR T cell phenotype using combinatorial signaling motif libraries and machine learning. *Science*, 378, pp. 1194–1200, <https://doi.org/10.1126/science.abq0225>.
- Dawkins, R., 1976. *The selfish gene*. New York, 224 p.
- Deacon, T.W., 2021. How Molecules Became Signs. *Biosemiotics*, 14, pp. 537–559, <https://doi.org/10.1007/s12304-021-09453-9>.
- Hoffmeyer, J., 2014. The semiome: From genetic to semiotic scaffolding. *Semiotica*, 198, pp. 11–31, <https://doi.org/10.1515/sem-2013-0099>.
- Jakobson, R., 1970. Linguistics. Relationship between the science of language and other sciences. In: *Main Trends of Research in the Social and Human Sciences*. Mouton, pp. 419–453.
- Lal, A., 2022. Deciphering the regulatory syntax of genomic DNA with deep learning. *Journal of Biosciences*, 47, <https://doi.org/10.1007/s12038-022-00291-6>.
- Matsuda, S., Harmansa, S. and Affolter, M., 2016. BMP morphogen gradients in flies. *Cytokine & Growth Factor Reviews*, 27, pp. 119–127, <https://doi.org/10.1016/j.cytogfr.2015.11.003>.
- Pattee, H.H., 1968. The Physical Basis of Coding and Reliability in Biological Evolution. In: C.H. Waddington, ed. *Towards a Theoretical Biology*. Vol. 1, Prolegomena. Edinburgh, pp. 67–93.
- Pattee, H.H., 1969. How Does a Molecule Become a Message? In: A. Lang, ed. *Communication in Development, Developmental Biology Supplement*. Cambridge, pp. 1–16.
- Pattee, H.H., 2001. The physics of symbols: Bridging the epistemic cut. *Biosystems*, 60, pp. 5–21, [https://doi.org/10.1016/S0303-2647\(01\)00104-6](https://doi.org/10.1016/S0303-2647(01)00104-6).

Prinz, R., 2023. Nothing in evolution makes sense except in the light of code biology. *Biosystems*, 229:104907, <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2023.104907>.

Raible, W., 2001. Linguistics and genetics: systematic parallels. In M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher and W. Raible, eds. *Language typology and language universals/ Sprachtypologie und sprachliche Universalien/ La typologie des langues et les universaux linguistiques*. Vol. 1. Berlin, pp. 103 – 123.

Solov'ev, V. V., Kel', A. E., Rogozin, I. B. and Kolchanov, N. A., 1988. *Ispol'zovanie EVM v molekulyarnoi biologii. Vvedenie v teoriyu geneticheskikh tekstov* [Use of computers in molecular biology. Introduction to the theory of genetic texts]. Novosibirsk, 92 p. (in Russ.).

Spirov, A. V. and Myasnikova, E. M., 2019. Evolutionary Stability of Gene Regulatory Networks That Define the Temporal Identity of Neuroblasts. *Molekulyarnaya biologiya* [Molecular Biology], 53 (2), pp. 225 – 239, <https://doi.org/10.1134/S0026898419020150> (in Russ.).

Spirov, A. V., 2023. "Languages" of gene regulation using the example of signal elements of promoters. In: *Metod: moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines], 4 (in print) (in Russ.).

Weingarten-Gabbay, S. and Segal, E., 2014. The grammar of transcriptional regulation. *Human Genetics*, 133 (6), pp. 701 – 711, <https://doi.org/10.1007/s00439-013-1413-1>.

Zolyan, S., 2022. From matter to form: the evolution of the genetic code as semio-
poiesis. *Semiotica*, 245, pp. 17 – 61, <https://doi.org/10.1515/sem-2020-0088>.

Zolyan, S., 2023. On the minimal elements of the genetic code and their semiotic functions (degeneracy, complementarity, wobbling). *Biosystems*, 231:104962, <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2023.104962>.

The author

Dr. Alexander V. Spirov, Senior Researcher, Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Sechenov Institute of Evolutionary Physiology and Biochemistry of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: alexander.spirov55@gmail.com

To cite this article:

Spirov, A. V., 2024, Languages of unfolding hereditary information in embryogenesis: linguo-semiotic analogues and analogies, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 25 – 40. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-2.

БЫТЬ ЛИ БИМОЛЕКУЛЯРНОЙ ПРАГМАТИКЕ?

С. Т. Золян^{1, 2}

¹ Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Россия, 117997, Москва, Нахимовский просп., 51/21

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию: 28.04.2024 г.

Принята к публикации: 11.07.2024 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-3

Композиция складывается не в результате накопления частных, а вследствие того, что одна за другой деталь отрывается от вещи, уходит от нее, выпархивает, отщепляется от системы, уходит в свое функциональное пространство, или измерение, но каждый раз в строго узаконенный срок и при условии достаточно зрелой для этого и единственной ситуации.

Осип Манделштам

Показано, что предложенная А.В. Спириным концепция есть следствие и свидетельство происходящей смены парадигм и может послужить импульсом для новых направлений в биосемиотике и для семиотической прагматики в целом. Происходит сдвиг акцента с описания языков кодирования на описание языков управления языками кодирования, и это приводит к необходимости рассмотрения агентивности (или квазисубъектности) знаковых систем. В результате сама знаковая система выступает как сама-по-себе субъект и объект, что воскрешает идею Ч. Пирса о знаке как квазиразуме. Анализ базовых регуляторных механизмов выявляет, что регуляторные коды а) создают особые условия для кодирования; б) управляют процессами кодирования; в) состоят из тех же элементов, что и кодирующие элементы, но читаются отличным образом: их интерпретантой будут не аминокислоты или белки, а операции активации или опрессии. Коммуникация и информационные процессы на биомолекулярном уровне позволяют понимать прагматику как семиотические операции, связанные с внутрисистемной саморегуляцией и внешнесистемным взаимодействием с контекстом (средой). Описанные А.В. Спириным процессы разветвления внутрисистемной информации оказываются также и генерацией контекстов и интерфейсов межсистемного взаимодействия. В этом смысле знаковая система может функционировать как говорящий или интерпретирующий агент, или пирсовский квазиразум. Подобный подход может радикально изменить представления о прагматике и семиозисе.

Ключевые слова: генетическая информация, прагматика, биосемиотика, регуляторные коды, Чарльз Пирс

1

Статья известного российского (некоторое время и американского) биолога Александра Спинова (2024) может стать принципиально новым словом в междисциплинарных исследованиях информационных систем. Она есть следствие и свидетельство происходящей смены парадигм — перехода от изучения систем кодирования к системам коммуникации. При развитии ее основных положений она сама может стать импульсом не только для новых направлений в биосемиотике, на что указывает автор, но и для прагматики в целом.

Возможно, читатели гуманитарного журнала будут несколько озадачены появлением подобной статьи, где биомолекулярная фактура явно преобладает над семиотическим инструментарием. Мы, напротив, видим в этом ее достоинство — это не попытка подогнать биохимические процессы под семиотическую терминологию, а набросок эпического полотна, где даны контуры многообразных формы и процессов межмолекулярного взаимодействия. Их сложность значительно превосходит исследовательские возможности как современной теоретической биологии, так и семиотики. Тем самым еще раз становится очевидным, что семиотический инструментарий — это не есть нечто привнесенное в генетику извне и демонстрирующее манифестацию некоторых универсальных закономерностей (как было принято говорить в 1970-х и что осталось во многих учебниках — семиотика есть экстраполяция лингвистических методов на нелингвистические объекты). Необходимость семиотики продиктована тем, что сами системы управления сложными биологическими системами предусматривают переход от самоорганизации к семиотическим регулятивным механизмам (Kull, 1998; Pattee, 2005; Deacon, 2011, Barbieri, 2015). И потому важно, чтобы эта проблематика была изложена из первых («биологических») рук — без навязывания семиотикам кажущихся очевидными решений. Тем более что на сегодняшний день нет ни этих решений, ни методов. Семиотика (и прагматика), как следует из представленного обзора, наличествует, а семиотических методов описания этой семиотики — нет.

И биосемиотика на этом этапе, видимо, помочь в этом уже не может — она развивалась, предоставляя многочисленные полезные объяснения, но в русле имеющихся представлений о знаке, то есть не предлагая новых путей развития самой семиотики, а обсуждая применимость привычных терминов и концепций. Это, впрочем, и создало платформу для нового этапа, когда биологические процессы помогают перейти от антропоориентированной семиотики к ее более широкому пониманию. В его рамках не предполагается наделенный сознанием и волей субъект как обязательное условие семиозиса. Это путь от метафор, составивших каркас терминологии молекулярной генетике, к теоретическим моделям. В самой биологии такой подход уже получил развитие. После необходимого этапа — наложения семиотической таксономии на

биохимические сущности (то есть биосемиотики) — возникла необходимость разработки новой биологии, исходящей из приоритета смысловых операций. Такая версия уже имеется — вначале она была названа ее создателем Марчелло Барбиери семантической биологией, но впоследствии переименована в код-биологию (Barbieri, 2003; 2015; 2018). И если раньше говорилось о том, что некоторые биохимические сущности (например, кодирующие сегменты ДНК) можно *описывать как знаки*, то теперь становится ясным, что это не только модус описания — в самих биосистемах возникают условия, при которых молекулы *функционируют как знаки* и, стало быть, они и *есть знаки* (см. в статье А. В. Спирина изложение последней концепции Теренса Дикона (Deacon, 2021), которая знаменует переход от метафорических и семиметафорических уподоблений биомолекул знаковым системам к достаточно строгим теориям¹). Таким образом, снимается вопрос о том, что дает семиотическое описание биопроцессов для их понимания.

Но тем самым создаются условия, при которых назревает необходимость отойти от привычных, разработанных применительно к человеческой коммуникации и естественным языкам концепций знака и значения и рассматривать их как особые версии семиозиса. Обращение к биосемиотическим процессам позволяет элиминировать конвенциональные и социально детерминированные характеристики знака. Так, еще в 1964 году Ю. С. Степанов обратил внимание на подобную особенность «семиозиса в биологических системах связи», которую он назвал «нулевой ступенью знаковости» (Степанов, 1964, с. 69). Это кардинально меняет представление о конвенциональных и субституциональных (знак как заместитель объекта) характеристиках знака, на что еще в 1980-х годах проницательно указал, но не успел системно разработать итальянский микробиолог Джорджио Проди (1928–1987):

Общая система, изложенная Пирсом, также может быть нечеловеческой, поскольку процесс семиозиса происходит везде, где осуществляется медиация между интерпретатором и вещью посредством интерпретатора.. В отличие от разграничения Соссюра, Пирсу не нужно постулировать ни интенциональную, ни конвенциональную, то есть искусственную природу семиозиса. Тем не менее в его подходе к проблемам семиозиса знак есть то, что уже дано в качестве медиатора. Он уже внедрен в семиотическую функцию, происхождение которой, таким образом, остается совершенно неясным. Что мы должны сделать, так это пойти еще дальше и устранить

---

¹ Так, еще в 1969 году Говард Патти ставил вопрос: при каких условиях молекула становится сообщением. Это происходит не вследствие особой формы, структуры или поведения молекулы, а благодаря контексту — системе физических ограничений, которую он называет «языком». Молекула не становится сообщением вследствие ее какой-либо определенной формы (перепечатано в: Pattee, 2012a). В дальнейшем «язык» как система физических ограничений в понимании Патти преобразуется в биосемиозис, в механизмы контроля посредством символов (Pattee, 2005), а генетический код — в формальный язык (Pattee, 2012b, p. 171).

на самом элементарном этапе значения не только интенциональность, но и медиацию. Знак — это не то, что номинально (*officially*) представляет собой нечто иное. Это природный объект, который соответствует чему-то другому (и является функцией чего-то другого) (Prodi, 2021, p. 117–118²).

О том, что возникающий в биосистемах новый уровень сложности (сложности) предполагает смысловые механизмы организации и управления, писали неоднократно (философы, математики, из биологов наряду с упомянутыми Т. Дикона, Г. Патти и Дж. Хоффмайера отметим Дж. Проди, М. Барбиери, К. Кулля, первооткрывателей транспортной РНК Ф. Жакоба и Ж. Моно, из российских исследователей — В. Ратнера, С. Седова, С. Чебанова).

Стимулирующая ценность статьи Спирина видится в том, что он смещает акцент с описания языков кодирования на описание языков управления языками кодирования, и это приводит к необходимости рассмотрения субъектности (или квазисубъектности) совершаемых операций. Кто тот агент, кто ответственен за включение и выключение тех или иных генетических программ, кто регулирует коммуникацию между генами? Кто носитель этих метаязыков? На эмпирическом уровне ответы сводятся к фиксации процессов (за то-то и то-то ответственен такой-то белок). Но кто включает механизм актуализации этого «ответственного», формула порождения и функционирования которого уже изначально записана в геноме?

Подобные исследования приводят к тому, что можно назвать «прагматикой без субъекта», а точнее, ситуации, когда сама знаковая система выступает как сама-по-себе субъект и объект (Золян, 2023)³. Это неожиданно позволило воскресить идею Пирса о знаке как квазиразуме (Zolyan, 2023a). Согласно оставшейся в рукописях незавершенной концепции Пирса, знак и есть «квазиразум»: «Поскольку всякое мышление предполагает разум, так и каждый знак, даже если он внешний по отношению ко всем разумам, должен быть детерминацией квазиразума. Квазиразум сам по себе является знаком, детерминированным знаком» (Peirce, Welby-Gregory, 1977, p. 195).

Знак-квазиразум в процессе коммуникации сам распадается на квазиговорящего и квазиинтерпретатора (*Quasi-utterer* и *Quasi-interpreter*):

Мысль не обязательно связана с мозгом... Признавая, что связанные Знаки должны иметь Квазиразум, можно далее утверждать, что не может быть изолированного знака. Более того, знаки требуют, по крайней мере, два квазиразума: это квазиговорящий и квазиинтерпретатор; и хотя эти двое находятся в одном (т.е. являются одним разумом) в самом знаке, они, тем не менее, должны различаться. В Знаке они, так сказать, спаяны» (Peirce, 1906, p. 523).

² Оригинальное итальянское издание увидело свет в 1977 году; здесь и далее перевод наш.

³ Оговорим, что это не единственно возможное развитие вышеуказанной проблематики; возражения против приложения идеи знака как квазиразума к генетической информации см. в: (Sharov, Tønnessen 2021, p. 211; Brier, Joslyn, 2013).

Размышления Пирса долгое время оставались без внимания, поскольку мало кто мог вообразить, каким образом знак может быть интерпретирован без участия антропоморфного интерпретатора. Исследования последнего времени показали возможность подобных операций:

Пирс говорил о квазиразуме, потому что хотел концептуализировать интерпретацию знаков абстрактно, в отрыве от модели языковой коммуникации между говорящим и слушателем, оторванно и даже в отрыве от человеческого мозга. Сегодня это заставляет нас задуматься об операциях искусственного интеллекта или о модуле функционирования генетического кода (Habermas, 1995, p. 245; см. также: Collier, 2014).

Аналогично и Дикон, хотя и не упоминая о неопубликованных размышлениях Пирса о квазиинтерпретаторе и квазиговорящем, рассматривает условия, при которых молекула становится семиотической системой. Он формулирует это как проблему, поставленную, но не проясненную Пирсом⁴.

2

Общеизвестно, что генетическая информация записана в спиралях ДНК. Отсюда столь пристальный интерес к расшифровке генома, описанию генов и т. д. Куда меньше известно и, соответственно, проявляется меньше интереса к тому, как разворачивается эта информация. Закрученные в спираль нити ДНК – геном человека – состоит примерно из 4 млрд единиц (нуклеотидов), записанных в строгом порядке. Лишь малую часть (по разным оценкам, от 5 до 10 %) составляют кодирующие участки (собственно гены). В отличие от биохимических феноменов, генетическая информация не является неупорядоченным соединением элементов; она регулируется их расположением, линейным порядком и контекстом. Линейная упорядоченность и кодирующие свойства создают новый уровень организации – лингвосемиотический. Как писал один из пионеров биоинформатики в СССР, Вадим Ратнер (1932–2002), «гены представляют собой не зачатки биологических структур, а напоминают линейные тексты (участки ДНК), записанные при помощи некоторых правил и несущие генетическую информацию о молекулярных структурах и функциях... Различия между такими текстами не в их физической природе, а исключительно – в последова-

---

⁴ Ср.: «В терминах Пирса это равносильно вопросу о том, какого рода молекулярная система компетентна производить интерпретаторы, которые могут установить полезную связь между репрезентированным свойством и системой? В эпоху, когда нейробиология находилась в зачаточном состоянии, а молекулярная биология была даже невообразима, неудивительно, что он избегал рассуждений о том, какие виды динамических систем компетентны быть интерпретаторами... Есть основания надеяться, что понимание физической реализации интерпретации может быть получено в рамках молекулярной биологии» (Deacon, 2021, p. 540).

тельностью символов-мономеров. В этом ключ информационно-лингвистического подхода. Значит, гены — не физические, а информационные единицы наследственности» (Ратнер, 2000, с. 23).

Оставим в стороне интереснейшие проблемы, связанные с кодированием генов и в настоящее время никак не проясненными возможными функциями некодирующих ДНК. Принято считать, что геном (человека) содержит примерно 23 тысячи генов, и они разделяются на структурные, то есть те, которые определяют синтез белка, и регуляторные (функциональные), которые управляют этими процессами. При этом один и тот же геном (если брать количество «букв», это примерно полное издание Британской энциклопедии) содержится в каждой клетке и воспроизводится при каждом делении клетки. Но сами клетки генерируются путем актуализации только специфичных для нее генов, иначе возможны необратимые последствия.

Франсуа Жакоб сравнил ситуацию с музыкальным автоматом:

Единственная инструкция, которая может быть получена из окружающей среды посредством белков-регуляторов, — это сигнал «go» или «stop». Нажимая на ту или иную кнопку, мы выбираем мелодию, которую хотим (или не хотим) прослушать, но мы не можем ее изменить. Аналогичным образом сегмент генетического текста может быть транскрибирован или не транскрибирован в зависимости от химических сигналов, полученных из окружающей среды; но сигналы не могут изменить его последовательность и, следовательно, его функцию (Jacob, 1973, p. 293).

Образно говоря, в каждой клетке, в зависимости от ее специализации, происходит отбор — какие из генов, какую из статей какого из томов энциклопедии, ей необходимо прочесть и воплотить прочитанное в жизнь. В качестве операторов, отдающих и исполняющих команды, выступают последовательности из тех же нуклеотидов, но управляемых по-иному, они порождают условия синтеза. Тем самым геном содержит также и инструкции по его актуализации в виде белков. Например, у бактерий, как правило, в качестве «текста», кодирующего тот или иной белок, выступает не сам ген, а оперон — это ген и обрамляющие его регуляторные «предисловие» и «эпилог», промотер, регулирующий начало работы гена, и терминатор, знаменующий конец синтеза. Сам промотер в ДНК написан теми же «буквами» (нуклеотидами), что и ген, но уже на другом языке (приблизительный набросок его «лексики» и «грамматики» см. в статье А. В. Спинова) и расположен в различных участках.

Актуализация самого промотера, его включение (когда извне приходит сигнал о необходимости синтеза определенного белка) и отключение (при сигнале о его достаточном наличии) также регулируется посредством определенных сигналов, но уже поступающих извне. Поэтому регуляторные языки оказываются менее жесткими (в них больше факультативных позиций) и в высшей степени контекстно-зависимыми. Это делает куда более сложным их лингвосемиотическое описание.

Нуклеотиды – сложные молекулы, – становясь знакоразличительными элементами, биохимически остаются теми же, но в процессах кодирования из всего множества их характеристик релевантными, то есть знакоразличительными, оказываются только два признака – количество карбоновых колец (одно или два) и водородных связей (два или три). Это уподобляет нуклеотиды фонемам, на что еще полвека назад обратили внимание Роман Якобсон (Jakobson, 1970) и его собеседник Франсуа Жакоб (Jacob, 1977). Четыре нуклеотида выступают как единицы двоичного исчисления, только вместо чисел «0» и «1» используются «2» и «3»: урацил (тимин) – (1, 2); цитозин – (1, 3); аденин – (2, 2); гуанин – (2, 3) (см.: (Carter and Wolfenden, 2015; Zolyan, 2023b)). Тем самым нуклеотиды становятся универсальными информационными единицами, используемыми во всех генетических структурных и регуляторных кодах.

3

Минимальный базовый алфавит предполагает каскадно нарастающую сложность самих языков кодирования и регулирования. А. В. Спиоров обратил внимание на такую особенность, как контекстная зависимость языков регулирования⁵. Это относится не только к характеру реагирования на поступающие извне (из контекста) сигналы, но и к структурной организации самих языков. Одна и та же биохимическая последовательность в зависимости от своего расположения приобретает отличную кодирующую значимость. Так, внутри одного оперона текст промотера и собственно гена написаны на разных языках, почему и будут прочитаны по-разному. Промотор и терминатор можно сравнить с перформативами, предложениями-командами, им не соответствует какая-либо аминокислота, тогда как в нарративной части, самом гене, с каждой тройкой нуклеотидов (кодонам) соотносится та или иная аминокислота, из их последовательности конструируется определенный белок. Но и внутри самого гена одни и те же нуклеотидные тройки могут иметь различную значимость – в зависимости от того, на какой цепи ДНК и РНК они оказываются. Существенной оказывается не биохимическая субстанция, а возможность внутрисистемного различения. Так, в процессе генетической транскрипции и трансляции один и тот же элемент (например, аминокислота метионин) кодируется посредством трех нуклеотидов, но они полностью меняются в зависимости от расположения на той или иной цепи ДНК и РНК: АТГ (в контексте не-транскрибированной цепи ДНК) = > ТАС (в контексте транскрибированной цепи ДНК), = > АУГ (в контексте мРНК) = > УАС (в контексте тРНК). Поскольку эти преобразования носят системный характер (они определяются комплементарными заменами Т(У) <= > А; G <= > C), эти

⁵ На это указывал и Роман Якобсон (Jakobson, 1970), как на свойство, сближающее генетический код с естественными языками, но до последнего времени биологи предпочитали уподоблять его контекстно-независимым формальным языкам (подробнее см.: (Zolyan, 2021)).

преобразования происходят со всеми триплетами, почему и воспроизводятся исходные различия, и, стало быть, система кодирования, меняясь материально, тем не менее остается той же. Это может стать иллюстрацией приведенной выше идеи Пирса о том, как знак расщепляется на знак-говорящий (*utterer*) и знак-интерпретатор. Соответствующие цепи ДНК и РНК при такой экстраполяции будут выступать в роли квазиинтерлокуторов, наделяющих триплеты той или иной семиотической силой (функцией).

Примечательно, что разграничение между «перформативными» и «нарративными» элементами генетической информации сохраняется и внутри гена; оно заложено уже в генетическом коде. Так, из четырех элементов возможно получить 64 различных триплета, но только 61 из них кодируют ту или иную аминокислоту. Три из них генетики назвали «нонсенсами», потому как они ничего не кодируют, а являются сигналом завершения синтеза белка, это стоп-кодоны. Точнее было бы именовать их не бессмысленными, а перформативными. Что касается старт-кодона, то здесь ситуация иная. Вышеуказанный триплет AUG кодирует метионин, но в начальной позиции, он, помимо этого, выступает и как перформатив. Реализация команды *старт* осуществляется благодаря особому комплексу «Промотор + энхансер», записанному в ДНК, транскрибированному в информационной РНК и взаимодействующему посредством кодона AUG с антикодоном UAK транспортной РНК. Примечательно, что процесс контекстно-зависимой интерпретации не ограничивается ближайшим окружением триплетов, а простирается на весь сегмент от вхождения данного триплета AUG до начала информационной РНК⁶.

Тем самым функционируют два омонимичных триплета и две функционально отличных аминокислоты: метионин – 1) в начальной позиции (команда *старт* и аминокислота) и 2) в других позициях (только аминокислота). Для начальной перформативной позиции требуется внешний контекст, для исключительно кодирующей внутритекстовой контекст не требуется. В обоих случаях необходимо взаимодействие между комплексами информационной РНК и транспортной

---

⁶ Ср.: «Стало очевидным, что для узнавания кодона в качестве иницирующего важен не только сам и, может быть, не столько сам кодон, но какой-то контекст, делающий его иницирующим. У эукариот инициация происходит... чаще всего с первого AUG, однако только в том случае, если этот AUG находится в оптимальном контексте: за два нуклеотида до него обязательно должен находиться пурин (А или G), а непосредственно за ним должен следовать G. Если первый AUG в эукариотической иРНК находится не в оптимальном контексте, он пропускается, и инициация начинается со следующего AUG. Для такой инициации очень важно также наличие кэп-структуры на 5'-конце иРНК и, как ни странно, поли(А)-последовательности на противоположном конце молекулы. Кэп-структура и поли(А)-последовательность узнаются специфическими белками, которые также необходимы для инициации. При таком способе инициации трансляции у эукариот последовательность иРНК как бы просматривается (сканируется) с начала иРНК (от ее кэп-структуры) для поиска кодона AUG в оптимальном контексте» (Овчинников, 1998, с. 13).

РНК, но в случае старт-кодона это взаимодействие предполагает дополнительные условия (наличие промотера и энхансера), в случае стоп-кодонов действует ситуация непереводы, в качестве условия выступает нулевой контекст, отсутствие тРНК с соответствующим антикодоном. Кодоны-перформативы состоят из тех же элементов, что и кодирующие триплеты. Кодоны-перформативы, как и языковые перформативы, омонимичны неперформативным. Их интерпретация зависит от местонахождения. В начальной позиции AUG выступает как старт-кодон, одновременно запускающий процесс трансляции и кодирующий аминокислоту метионин. Он может встречаться и в других позициях, но тогда выступает только в кодирующей функции. Так же действуют и регуляторные стоп-кодоны UGA и AUG: при особых условиях они могут кодировать нестандартные аминокислоты — селеноцистеин и пирролизин соответственно.

Особый интерес вызывает то, что для инициации и терминации трансляции внешний контекст оказывается важнее биохимических характеристик⁷. Так, начальный метионин может кодироваться другими триплетами, чем в стандартном коде. Возможны случаи, когда перформативный кодон GUG кодирует стартовый метионин, если расположен в начале последовательности, и валин в случае, если он находится внутри кодирующей последовательности⁸. Аналогично функцию терминации в митохондриальном геноме могут выполнять кодоны AGA и AGG. Такая ситуация позволяет предположить, что ситуация со стандартными кодонами-перформативами есть результат эволюции, в результате которой повысилась степень узнавания и снизилась степень многозначности и синонимии. При этом определяющим фактором являлись именно необходимые для реализации перформативов *удачные условия* (*felicitous conditions*), определяющие операцию инициации или терминации. Таким образом, анализ базовых регуляторных механизмов, заложенных уже в генетическом коде (старт- и стоп-кодоны) и в рассмотренной А. В. Спириным организации промотеров выявляет то,

⁷ Ср.: «Первый метионин в белке в некоторых случаях включается не на метиониновом кодоне AUG, а на кодоне GUG, который соответствует в таблице генетического кода аминокислоте валину. Иногда инициация с метионина может происходить и на других кодонах: AUA и AUU (кодонах изолейцина), UUG и, возможно, CUG (кодонах лейцина)» (Овчинников, 1998, с. 13).

⁸ А. В. Спиров обратил наше внимание на относительно недавно идентифицированное явление так называемых дуонов, когда одни и те же тройки нуклеотидов могут относиться к двум «языкам»: помимо кодирования аминокислот, то есть стандартного генетического кода, они могут входить в так называемый сайт связывания для транскрипционного фактора (белка, регулирующего синтез информационной РНК). См.: (Weatheritt, Madan Babu, 2013). В семиотических терминах дуон можно определить как знак, который в одной системе функционирует как означающее и наряду с этим — как канал коммуникации (или интерфейс) в другой. Как аналогию можно привести *арго* — помимо номинации, использование знака служит «входом» в закрытую систему (как слово-пароль, *password*, в буквальном смысле). Возможно, более углубленное изучение дуонов даст отсутствующие на данный момент формы системного описания так называемых социальных индексов и социальной семиотики.

что регуляторные коды а) создают особые условия для кодирования: б) управляют процессами кодирования. в) состоят из тех же элементов, что и кодирующие элементы, но читаются отличным образом: их интерпретантой будут не аминокислоты или белки, а операции активации или опрессии, включения или выключения соответствующих процессов. Все они являются контекстно-зависимыми, что делает необходимым введение соответствующих прагмасемантических координат: локус, время, квазиговорящий (источник, *source*) и квазиинтерпретатор (мишень, *target*).

Это открывает новые перспективы семиотики, поскольку радикально меняет существующие представления о прагматике. Коммуникация и информационные процессы на биомолекулярном уровне позволяют понимать прагматику не только как взаимодействие между системой и внешним по отношению к системе агентом, а как семиотические операции, связанные с внутрисистемной саморегуляцией и внешнесистемным взаимодействием (адаптацией) с контекстом (средой). Описанные А. В. Спириным процессы развертывания внутрисистемной информации оказываются также и генерацией контекстов и интерфейсов взаимодействия.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе» №22-18-00383, в ИНИОН РАН, https://rscf.ru/prjcard_int?22-18-0038.

Список литературы

- Золян С. Т. Прагматика как само-порождение самого-по-себе-субъекта // Вопросы философии. 2023. № 7. С. 93–103. doi: 10.21146/0042-8744-2023-7-93-103.
- Овчинников Л. П. Что и как закодировано в мРНК // Соросовский образовательный журнал. Биология. 1998. №4. С. 10–18.
- Ратнер В. А. Хроника великого открытия: Идеи и лица // Природа. 2000. №6. С. 22–30.
- Спиров А. В. Языки развертывания наследственной информации в эмбриогенезе: лингвосемиотические аналоги и аналогии // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 25–40. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-2.
- Степанов Ю. С. О предпосылках лингвистической теории значения. // Вопросы языкознания. 1964. №5. С. 66–74.
- Barbieri M. The Organic Codes. An Introduction to Semantic Biology. Cambridge, 2003.
- Barbieri M. Code Biology. A New Science of Life. Dordrecht, 2015. doi: 10.1007/978-3-319-14535-8.
- Barbieri M. What is code biology? // BioSystems. 2018. Vol. 164. P. 1–10. doi: 10.1016/j.biosystems.2017.10.005.
- Brier S., Joslyn C. What does it take to produce interpretation? Informational, Peircean and code-semiotic views on biosemiotics // Biosemiotics. 2013. Vol. 6, №1. P. 143–159. doi: 10.1007/s12304-012-9153-5.
- Carter Jr. C.W., Wolfenden R. tRNA acceptor-stem and anticodon bases form independent codes related to protein folding // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2015. Vol. 112. P. 7489–7494. doi: 10.1073/pnas.1507569112.
- Collier J. Signs Without Minds. // Peirce and Biosemiotics / ed. by V. Romanini, E. Fernández. Dordrecht, 2014 (= Biosemiotics. Vol. 11). P. 189–197. doi: 10.1007/978-94-007-7732-3_10.

- Deacon T.W. Incomplete nature: How mind emerged from matter. N. Y., 2011.
- Deacon T.W. How Molecules Became Signs // *Biosemiotics*. 2021. Vol. 14. P. 537–559. doi: 10.1007/s12304-021-09453-9.
- Habermas J. Peirce and communication // Peirce and contemporary thought: Philosophical inquiries / ed. by K.L. Ketner. N. Y., 1995. P. 243–266.
- Jacob F. The Logic of Life: A History of Heredity. N. Y., 1973.
- Jacob F. The Linguistic Model in Biology // Roman Jakobson. Echoes of His Scholarship / ed. by D. Armstrong, C.H. van Schooneveld. Lisse, 1977. P. 185–192.
- Jakobson R. Linguistics. Relationship between the science of language and other sciences // Main trends of research in the social and human sciences. The Hague, 1970. P. 419–453.
- Kull K. Organism as a self-reading text: anticipation and semiosis. // *International Journal of Computing Anticipatory Systems*. 1998. Vol. 1. P. 93–104.
- Pattee H.H. The necessity of biosemiotics: Matter-symbol complementarity // *Journal of Biosemiotics*. 2005. Vol. 1, №1. P. 223–238.
- Pattee H.H. How does a molecule become a message? // *Laws, Language and Life*. Dordrecht, 2012a. (= *Biosemiotics*. Vol. 7). P. 55–67. doi: 10.1007/978-94-007-5161-3_3.
- Pattee H.H. Cell psychology: an evolutionary approach to the symbol-matter problem // *Laws, Language and Life*. Dordrecht, 2012a. (= *Biosemiotics*. Vol. 7). P. 165–179. doi: 10.1007/978-94-007-5161-3_11.
- Peirce C. S. Prolegomena to an Apology for Pragmaticism // *The Monist*. 1906. Vol. 16, №4. P. 492–546. doi: 10.5840/monist190616436.
- Peirce C. S., Welby-Gregory V. (*Lady Welby*). Semiotic and Significs: The Correspondence between C. S. Peirce and Victoria Lady Welby / ed. by Ch. S. Hardwick with the assistance of J. Cook. Bloomington, 1977.
- Prodi G. The Material Bases of Meaning. Tartu, 2021.
- Sharov A., Tønnessen M. Semiotic Agency. Science beyond Mechanism. Dordrecht, 2021.
- Weatheritt R. J., Madan Babu M. The hidden codes that shape protein evolution // *Science*. 2013. Vol. 342, №6164. P. 1325–1326. doi: 10.1126/science.1248425.
- Zolyan S. On the context-sensitive grammar of the genetic code // *Biosystems*. 2021. Vol. 208. 104497. doi: 10.1016/j.biosystems.2021.104497.
- Zolyan S. On the minimal elements of the genetic code and their semiotic functions (degeneracy, complementarity, wobbling) // *Biosystems*. 2023a. Vol. 231. 104962. doi: 10.1016/j.biosystems.2023.104962.
- Zolyan S. Semiosis and Quasi-Minds: Charles Peirce's Unfinished Semantic Theory // *Proceedings Conference Computer Science and Information (CSIT 2023)*. Yerevan, Armenia, September 25–30. Yerevan, 2023b. P. 69–72.

Об авторе

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; исследователь ИНИОН РАН, Россия.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4422-5792

Для цитирования:

Золян С. Т. Быть ли биомолекулярной прагматике? // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2024. Т. 15, №4. С. 41–54. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-3.

SHOULD THERE BE BIOMOLECULAR PRAGMATICS?

Suren T. Zolyan

¹ Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117997, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on 28.04.2024

Accepted on 11.07.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-3

This article demonstrates that the concept proposed by Alexander Spirov reflects the ongoing paradigm shift and inspires new approaches in biosemiotics and semiotic pragmatics. The shift involves a move from describing coding languages to describing languages that regulate them. This requires considering the agentivity (or quasi-subjectivity) of sign systems, which leads to a scenario where the sign system functions as both its subject and object, thus reviving Peirce's idea of the sign as a quasi-mind. An analysis of the primary regulatory mechanisms shows that regulatory codes: (a) create specific conditions for coding, (b) govern and control coding processes, and (c) consist of the same elements as coding elements, although are interpreted differently. Their interpretant is not amino acids or proteins but the processes of activation or suppression. Communication and information processes at the biomolecular level allow pragmatics to be understood as semiotic operations associated with intra-system self-regulation and the system's external interaction with its context (environment). The processes within a system, as described by Alexander Spirov, create contexts and interfaces for interaction between different systems. This implies that a system of signs can act as an agent that communicates or interprets, akin to Peirce's notion of the quasi-mind. This understanding has the potential to significantly reshape the current approaches to pragmatics and semiosis.

Keywords: genetic information, pragmatics, biosemiotics, regulatory codes, Charles Peirce

Acknowledgement. This research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 22-18-00383 "Methodological design of extended evolutionary synthesis") carried out at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

References

Barbieri, M., 2003. *The Organic Codes. An Introduction to Semantic Biology*. Cambridge.

Barbieri, M., 2015. *Code Biology. A New Science of Life*. Dordrecht, <https://doi.org/10.1007/978-3-319-14535-8>.

Barbieri, M., 2018. What is code biology? *BioSystems*, 164, pp. 1–10, <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2017.10.005>.

Brier, S. and Joslyn, C., 2013. What does it take to produce interpretation? Informational, Peircean and code-semiotic views on biosemiotics. *Biosemiotics*, 6 (1), pp. 143–159, <https://doi.org/10.1007/s12304-012-9153-5>.

Carter Jr., C.W. and Wolfenden, R., 2015. tRNA acceptor-stem and anticodon bases form independent codes related to protein folding. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 112, pp. 7489–7494, <https://doi.org/10.1073/pnas.1507569112>.

Collier, J., 2014. Signs Without Minds. In: V. Romanini and E. Fernández, eds. *Peirce and Biosemiotics. Biosemiotics*. Vol. 11, pp. 189–197, https://doi.org/10.1007/978-94-007-7732-3_10.

- Deacon, T. W., 2011. *Incomplete nature: How mind emerged from matter*. New York.
- Deacon, T. W., 2021. How Molecules Became Signs. *Biosemiotics*, 14, pp. 537–559, <https://doi.org/10.1007/s12304-021-09453-9>.
- Habermas, J., 1995. Peirce and communication. In: K. L. Ketner, ed. *Peirce and contemporary thought: Philosophical inquiries*. New York, pp. 243–266.
- Jacob, F., 1973. *The Logic of Life: A History of Heredity*. New York.
- Jacob, F., 1977. The Linguistic Model in Biology. In: D. Armstrong, C. H. van Schooneveld, eds. *Roman Jakobson. Echoes of His Scholarship*. Lisse, pp. 185–192.
- Jakobson, R., 1970. Linguistics. Relationship between the science of language and other sciences. In: *Main trends of research in the social and human sciences*. Mouton, pp. 419–453.
- Kull, K., 1998. Organism as a self-reading text: anticipation and semiosis. *International Journal of Computing Anticipatory Systems*, 1, pp. 93–104.
- Ovchinnikov, L. P., 1998. What and how to encode in mRNA. *Sorosovskii obrazovatel'nyi zhurnal. Biologiya* [Soros Educational Magazine. Biology], 4, pp. 10–18 (in Russ.).
- Pattee, H. H., 2005. The necessity of biosemiotics: Matter-symbol complementarity. *Journal of Biosemiotics*, 1 (1), pp. 223–238.
- Pattee, H. H., 2012a. How Does a Molecule Become a Message? In: *Laws, Language and Life. Biosemiotics*. Vol. 7, pp. 55–67, https://doi.org/10.1007/978-94-007-5161-3_3.
- Pattee, H. H., 2012b. Cell Psychology: An Evolutionary Approach to the Symbol-Matter Problem. In: *Laws, Language and Life. Biosemiotics*. Vol. 7, pp. 165–179, https://doi.org/10.1007/978-94-007-5161-3_11.
- Peirce, C. S. and Welby-Gregory, V. (Lady Welby), 1977. *Semiotic and Significs: The Correspondence between C. S. Peirce and Victoria Lady Welby*. Bloomington, 201 p.
- Peirce, C. S., 1906. Prolegomena to an Apology for Pragmaticism. *The Monist*, 16 (4), pp. 492–546, <https://doi.org/10.5840/monist190616436>.
- Prodi, G., 2021. *The Material Bases of Meaning*. Tartu, 219 p.
- Ratner, V. A., 2000. Chronicle of the Great Discovery: Ideas and Faces. *Priroda* [The Nature], 6, pp. 22–30 (in Russ.).
- Sharov, A. and Tønnessen, M., 2021. *Semiotic Agency. Science beyond Mechanism*. Dordrecht, 372 p.
- Spirov, A. V., 2024. Languages of Deployment of Hereditary Information in Embryogenesis: Linguo-Semiotic Analogues and Analogies. *Slovo. ru: Baltic accent*, 15 (4), pp. 25–40, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2024-4-2> (in Russ.).
- Stepanov, Y. S., 1964. On the Prerequisites of the Linguistic Theory of Meaning. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 5, pp. 66–74 (in Russ.).
- Weatheritt, R. J., 2013. Madan Babu M. Madan. The Hidden Codes That Shape Protein Evolution. *Science*, 342 (6164), pp. 1325–1326, <https://doi.org/10.1126/science.1248425>.
- Zolyan, S., 2021. On the context-sensitive grammar of the genetic code. *Biosystems*, 208, article 104497, <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2021.104497>.
- Zolyan, S., 2023a. On the minimal elements of the genetic code and their semiotic functions (degeneracy, complementarity, wobbling). *Biosystems*, 231, article 104962, <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2023.104962>.
- Zolyan, S., 2023b. Semiosis and Quasi-Minds: Charles Peirce's Unfinished Semantic Theory. In: *Proceedings Conference Computer Science and Information (CSIT 2023)*. Yerevan, pp. 69–72.
- Zolyan, S. T., 2023. Pragmatics as a Self-Generation of a Subject-on-Its Own. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 7, pp. 93–103, <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-7-93-103> (in Russ.).

The author

Dr. Suren T. Zolyan, Professor, Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia; Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4422-5792

To cite this article:

Zolyan, S. T., 2024, Should there be biomolecular pragmatics? *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 41 – 54. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-3.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ВЕЖЛИВОСТЬ И АНТИВЕЖЛИВОСТЬ

УДК 81`27:299.572

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ И ПРОДВИЖЕНИЯ НЕОЯЗЫЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (на примере родноверия)

Н. А. Пробст

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 17.03.2024 г.

Принята к публикации 25.05.2024 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-4

Роль речевой агрессии в контексте продвижения определенной ценностно-регулятивной системы (особенно религиозного характера) в современной научной литературе не получила широкого освещения. Цель представленного исследования – рассмотреть механизмы продуцирования и средства реализации речевой агрессии как способа трансляции и защиты родноверческой идеологии в русскоязычном сегменте Интернета. Поставленная цель определяет комплексную методiku данного научного исследования, включающую функционально-семантический и прагмасемантический методы. В результате исследования определены мотивы и условия применения речевой агрессии в сетевом дискурсе, рассмотрены основные эксплицирующие ее речевые акты (акты оскорбления, грубого требования, упрёка, обвинения, насмешки, негативной оценки, зложелания), сделаны предположения об их роли и частотности в контексте рассматриваемого вопроса. Также обоснован вывод о составе и характере основных целей агрессивного речеповедения представителей родноверия.

Ключевые слова: речевая агрессия, конфликтная коммуникация, речевой акт, дискредитация, модель идентичности, родноверие

Введение

Проблема речевой агрессии (далее – РА), ее места в национальном языковом сознании находится в фокусе пристального внимания современных лингвистов (см., напр.: Седов, 2005; Щербинина 2008; Ашуркова, 2009; Трофимова, Барабаш, 2020). При этом одним из весьма интересных, сложных и, по нашим наблюдениям, малоизученных вопросов является использование средств РА в контексте массмедийного продвижения модели идентичности (квази)религиозных сообществ, влия-

ющих на формирование современного российского общественного сознания. Весьма репрезентативен в этом плане конгломерат разнородных по форме и составу групп славяноориентированных неоязычников, объединенных общим названием *родноверы*.

Комплекс идеологических установок родноверческого движения (при всей его неоднородности) централизуется вокруг идеи сопротивления иностранному культурному влиянию, предполагающей противодействие как внешним глобализационным процессам, так и распространяемым в нашей стране «неславянским» по своему генезису традициям и ценностям. При этом в силу слабости и откровенно популистской направленности своего историко-культурного и религиозно-философского базиса родноверие встречает активное неприятие со стороны актантов других отечественных ценностно-регулятивных систем. Все это инициирует масштабную и разнообразную по форме борьбу родноверов с их многочисленными противниками в различных областях публичного дискурса, в том числе в пространстве интернет-коммуникации. Эта борьба характеризуется высокой интенсивностью и агрессивностью, что находит отражение в реализации ее участниками (и в первую очередь самими родноверами) широкого диапазона средств РА. При этом мотивационная специфика, прагмакоммуникативные и психолингвистические механизмы данного процесса, его роль в масскультурном продвижении соответствующей модели идентичности в современной научной литературе, насколько мы можем судить, освещены недостаточно. В контексте изучения данных вопросов значительный исследовательский потенциал имеет область интернет-комментирования, предоставляющая коммуникантам широкие возможности для самореализации и дискуссии.

Таким образом, цель настоящей статьи — рассмотрение вопроса о прагмасемантических и коммуникативных особенностях агрессивной модели речеповедения апологетов родноверия в сетевом дискурсе в контексте попытки формирования новой историко-культурной реальности.

Материал и методы исследования

Выбор материала обусловлен следующими факторами. Интернет-комментарий (далее — ИК) — это один из новейших публицистических жанров, возникновение которого напрямую связано с развитием современной интернет-среды (см., напр.: Стексова, 2013; Абдуллина, 2016 и др.). К его достоинствам относят сравнительно небольшой текстовый объем, оперативность создания, массовость (автором ИК в большинстве случаев может стать любой потребитель определенного медиаконтента вне зависимости от возраста, пола, профессии и т.д.), близость разговорной речи. Все это определяет привлекательность коммуникативного поля интернет-комментирования как площадки для репрезентации различных социальных групп, что особенно показательно при анализе соответствующих текстов в русле прагмасемантики.

В рамках настоящего исследования методом сплошной выборки мы отобрали 102 родноверческих ИК, отражающих агрессивную манеру речеповедения их авторов. Выборка производилась на основе изучения веток комментариев, размещенных к медиаматериалам (видеороликам, постам и статьям исторического, культурного, религиозного содержания, представляющим интерес для сторонников родноверия) на популярных русскоязычных интернет-площадках — VK, YouTube, Яндекс. Дзен, Пикабу.

Для достижения цели мы использовали комплексную методику, включающую:

— метод функционально-семантического анализа, оптимальный для выявления и адекватной интерпретации формальных и содержательных аспектов родноверческих ИК;

— прагмасемантический метод, в основе которого находится концепция прагмасемантики как комплекса и интерфейса смыслообразования, устанавливающего связь между анализом содержания и значения текста с контекстом социально-культурной практики его использования (см.: Золян, 2023; Тульчинский, 2022 и др.).

Речевая агрессия в родноверческом интернет-комментировании: мотивационный, формальный целевой аспекты

По нашим наблюдениям, среди современных отечественных исследователей нет единой точки зрения на содержание понятия РА. Так, данное явление может определяться как «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» (Кожина, 1999, с. 52), как проявление всех типов «*негативного или критического* отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» (Апресян, 2003, с. 32) и др. Это очевидным образом обуславливает и отсутствие единого взгляда на состав и иерархию экспликаторов рассматриваемого явления.

При изучении последнего мы считаем целесообразным придерживаться его определения П. Ю. Смирновым: РА — это «вербальное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в неприемлемой для данной речевой ситуации форме, а именно: в форме оскорбления, угрозы, сарказма и иронии в обидной форме, грубого требования либо обвинения» (2017, с. 36).

Необходимо сразу оговориться: само по себе применение родноверцами вербальной агрессии в сетевой коммуникации не является неким феноменом, характерным исключительно для данной группы: на весьма высокий уровень агрессивности в языковом пространстве Рунета обращают внимание многие ученые (см., напр.: Карабань, Дикарева, 2018; Иваненко, 2020). Более того, РА характерна и для его религиозной области (Краснобрижая, 2015; Попова, 2018; Подкина, 2020 и др.), где в крайних случаях она может являться элементом экстремистской деятельности (см.: (Никишин, 2019)).

РА в сетевой коммуникации родноверов имеет свою специфику. Как известно, родноверческий путь поиска «истинно русской духовности» предполагает жесткую конфронтацию с авраамическими религиозными системами, в первую очередь с православием (Кавыкин, 2007; Бесков, 2017; Пробст, 2023б). Активное и массовое тиражирование сторонниками родноверия различного рода мифов (Шнирельман, 2003; Шиженский, 2009; Бесков, 2022; Пробст, 2023а и др.) закономерно встречает неприятие со стороны научной общественности и ее сторонников среди простых обывателей, что, в свою очередь, расценивается многими родноверами как дискредитация их веры. Это создает устойчивый конфликтогенный коммуникативный фон, «искрой» в котором могут послужить любые инфоповоды (от поста в соцсетях до комментария под видео), включая изначально не присутствующие в проблемной для родноверов тематической плоскости. Все перечисленное обуславливает частотность и разнообразие применяемых в родноверческом интернет-комментировании речевых приемов и средств агрессивного характера.

Для родноверов основным триггером агрессивного речеповедения в ситуации сетевого общения посредством ИК является размещение медиаматериалов (постов, видеороликов, аудиофайлов и пр.) и комментариев к ним, содержащих:

– критику родноверия как религиозного и социокультурного явления. См.: «Что стоит за неоязычеством? (Выпуск 74. ТК «СПАС», 29.04.2023))» (YouTube), «Что такое “родноверие” для русского народа и почему его необходимо забыть?» (Дзен) и т.д.;

– научно-популярные или публицистические материалы, отражающие отличную от родноверческой (групповой или индивидуальной) точку зрения на ряд событий и явлений русской истории (история и быт дохристианской Руси, крещение Руси, правление Петра I и т.д.), а также противоречащие сопутствующим или идейно близким родноверию культурным и / или социально-политическим взглядам («альтернативно-исторической» мифологии, народной / неоязыческой этимологии, политическим акциям и т.д.). См.: «Русь языческая: что если бы крещение в X веке не состоялось?» (Дзен), «X Век. Князь Владимир. Крещение Руси. Русская История. Исторический Проект» (YouTube), «Слово “православие” означает “славить прав”?» (VK) и т.д.;

– критические или агрессивные высказывания в отношении родноверческих ИК и их авторов;

– различного рода экскурсы в историю, материальную культуру и символику русского язычества, напр.: «У древних славян не было колдовства. Или был?» (Дзен), «12 богов славянской мифологии и их удивительные силы» (Дзен) и т.д.; примечательно, что в этом случае настоящие «холовары» могут разворачиваться между самими неоязычниками, имеющими разные точки зрения на указанные явления;

– материалы, посвященные истории, актуальному состоянию, идейно-ценностным аспектам христианства (православия) и его институтов в нашей стране, напр.: «Что такое православие и чем оно отличается от христианства» (Дзен), «День Святой Троицы. В чем смысл этого праздника? Объясняют священники» (Дзен) и т.д.

Указанные триггеры могут запускать развернутые ветки обсуждения за счет множества ИК, создаваемых родноверами и их оппонентами и изначально имеющими выраженный конфликтный характер. В процессе подобного обмена мнениями родноверами применяется целый комплекс средств РА:

1. Оскорбления. Наиболее распространенный экспликатор РА (более 26,5 % объема собранного материала), позволяющий выразить негативное отношение к оппоненту, дестабилизировать его эмоциональное состояние, заставить отказаться от дальнейшего продолжения дискуссии. Речевой акт оскорбления реализуется посредством негативно окрашенных в семантическом отношении лексики и конструкций (идиоматических выражений, безличных предложений), которые можно дифференцировать по следующим признакам:

– когнитивная и интеллектуальная ущербность:

(1) *...У тебя нет мозгов (YouTube)²;*

(2) *Что ж ты урод, отождествляешь три имени Бога: Хорста, Велеса и Дажьдбога... Ведь эти произнесенные имена создают разный вид ВИБРАЦИЙ ЧУВЫРЛО ТУПОЕ (Дзен);*

– невежественность, недостаток образования:

(3) **VaVa-cjbrn:** *письменности [у славян] не было? ты это на факультете истории людям скажи (неуч)то что ты этим не интересуешься не значит что этого не существует (YouTube).*

– морально-нравственная ущербность:

(4) **user5448960:** *Автор, ну ты. удак (Пикабу);*

(5) **user-ue6pv2vx7n:** *Юроды, что баните мои комменты. Не нравится истина, боитесь баранов ваших уведу людей из них сделаю? (YouTube).*

Специфическая черта оскорбительной риторики родноверов – употребление лексических единиц, относящихся к семантическим полям «христианство» и «неславянская национальность», в устойчиво инвективном ключе (что связано с демонизацией соответствующих понятий в картине мира значительной части родноверов):

(6) **Вячеслав Копалов:** *тут христианутые на всю голову об пол лбами бьются... (YouTube);*

(7) **user-wz8vv6jt8e:** *Кто не язычник тот скот жидов (Дзен).*

2. Грубое требование. Данный речевой инструмент в повседневной бытовой коммуникации обычно служит для реализации императивных прагматических установок говорящего. В пространстве сетевой коммуникации этот прием, по своей семантической сути подразумевающий неравнозначность – по возрастному, интеллектуальному, экспертному и др. признакам – адресанта и адресата сообщения, расширяет свой функциональный диапазон и может использоваться для следующих целей (возможна их комбинация):

– прекращение диалога или изменение его тональности:

(8) **Татьяна Бондаренко:** *Сами просветитесь, а ваш сарказм засуньте в задний проход – я перед вами распинаться не собираюсь (Дзен);*

² Здесь и далее: авторские орфография и пунктуация сохранены.

(9) **ТОПОЛЬ • ЯЗЫЧЕСТВО • СЛАВЯНЕ:** • *Да да, а теперь п****й [= иди] обратно в степь манкурт (VK);*

– указание оппоненту на его некомпетентность в рассматриваемом вопросе:

(10) **Пользователь:** *Если ты не в курсе, то Славянские Боги откликаются тем кто к ним обращается. Отсюда и рост интереса к ним. Ты не лей дерьмо, а разберись в теме, тогда и пиши (Дзен);*

(11) **perdezh:** *Так что давай, славянофобик, не пускай слюни от своей узколобости а иди просвещайся (YouTube);*

– выражение пренебрежения к собеседнику:

(12) **oliaggood304:** *Слава Роду слава Предкам*

medvedeckov: *Как звали твоих языческих предков?*

oliaggood304: *@user-vi3ex6zo4o не твоего ума дело своих в израле узнай потом меня вопрошай (YouTube).*

В анализируемом нами материале доля рассматриваемых языковых репрезентантов РА – 15,5 %.

3. Упрек. Данный речевой инструмент связан с экспликацией «неодобрения к действиям и поступкам собеседника с целью воздействия на его эмоциональную сферу и стимулирования чувства вины / стыда» (Каразия, 2004, с. 7). С его помощью автор ИК не только транслирует негативную оценку речевых поступков других коммуникантов, но и дополняет формируемый инъективный смысл определенными коннотациями и – в идеале – усиливает эмоциональное воздействие на целевую аудиторию сообщения. Рассмотрим это подробнее на примере следующего ИК:

(13) **Сергей:** *Если вы всего этого не знаете, чтож вы людям головы морочите? Стыд вам и позор. Люди не в каменном веке сейчас, чтобы попов слушать и способны сами разбираться и искать истину (VK).*

Данным ИК его автор подытоживает цепочку развернутых комментариев, выстроенную в защиту популярного родноверческого лингвистического мифа о языческой этимологии слова «православие». Семантическая структура текста содержит утверждения: а) о некомпетентности оппонентов автора ИК в предмете дискуссии (*Если вы всего этого не знаете...*); б) об их идеологической («поповской») ангажированности (*Люди не в каменном веке сейчас, чтобы попов слушать...*). Эти утверждения создают базис для формирования негативной оценки поведения оппонентов (*Стыд вам и позор*) и для реализованного в рамках риторического вопроса (*чтож вы людям головы морочите?*) ключевого элемента сообщения – призыва к прекращению «дезинформации» читателей публика. Все перечисленные идейно-содержательные компоненты очевидным образом призваны воздействовать на эмоциональную сферу адресатов ИК, формируя у них чувство стыда за собственное невежество. Особого внимания при этом заслуживает следующий нюанс. В случае исследуемого инструмента РА «оценочный компонент может присутствовать, если упрек относится к адресату, который социально равен или социально ниже говорящего» (Пугачева, 2008, с. 136). В интернет-коммуникации выяснение личности и реального социального статуса

коммуникантов (часто заведомо не знакомых друг другу) обычно затруднительно. Следовательно, использование автором ИК подобного приема может быть либо результатом его оценки (возможно, некорректной) статуса оппонентов, либо сознательным шагом, направленным на закрепление и усиление доминантности своей коммуникативной позиции в глазах как собственно адресата («я осуждаю твои слова и поступки по праву более старшего / опытного / компетентного человека»), так и других участников общения. В контексте дискуссии, частью которой является исследуемый ИК, подобный прием может компенсировать слабые стороны аргументации автора ИК, представленной в других его текстах.

Таким образом, в контексте формирования в семантическом пространстве рассматриваемого ИК собственного инвективного смысла упрек: а) подчеркивает повторяющуюся мысль автора о ложности того фрагмента картины мира его оппонентов, который связан с этимологией понятия «православие»; б) несколько смещает фокус воздействия ИК, смещая его с сугубо негативной эмоциональной области (чувства соперничества, обиды и т.д.) на более «светлую», связанную с такими характеристиками оппонентов, как совесть, ответственность и т.д. Это делает рассматриваемый ИК более вариативным в достижении прагмакоммуникативных установок автора. Среди зафиксированных нами ИК высказывания со значением упрека составляют 8 %.

4. Обвинение. Этот речевой инструмент предназначен для указания реципиенту на неприемлемость (с точки зрения общепринятых морально-этических норм, правил этикета, здравого смысла и т.д.) его речеповедения, прагматических и идейных установок, разделяемых ценностей и пр. Он «относится к типам речевых актов, которые способны вызывать обиду у слушающего, особенно в том случае... когда описательные высказывания, которые образуют конкретный речевой акт, ложны» (Бринев, 2011, с. 503), напр.:

(14) **user78095:** *Так скажи, неуч, почему у тебя такие двойные стандарты по отношению к копиям копий утраченных оригиналов? (YouTube).*

В рассмотренном примере посредством риторического вопроса *Почему у тебя такие двойные стандарты по отношению к копиям копий утраченных оригиналов?* комментатор обвиняет реципиента высказывания в пристрастном отношении к оценке подлинности источников (в данном случае — «Велесовой книги»³). В контексте диалога, посвященного проблеме фальсификации исторических источников, данная реплика служит частью стратегии аргументации, нацеленной на отстаивание тезиса о подлинности «Велесовой книги».

Сема обвинения может быть интегрирована в содержательную структуру ИК как вторичный компонент:

(15) **Орехов:** *Цитадель адекватна, начитались википедии? Не надо пудрить мозги молодому поколению. Итак они живут с лапшой на ушах (Дзен) — требование, содержащее обвинение в навязывании другим заведомо ложной точки зрения («запудривание мозгов»).*

³ «Велесова книга» внесена Министерством юстиции РФ в федеральный список экстремистских материалов. — *Примеч. ред.*

ИК со значением обвинения составляют 17 % зафиксированного материала.

5. Насмешка. Данный инструмент РА, по нашим наблюдениям, является одним из наиболее распространенных в родноверческом интернет-комментировании (23 % от общего числа зафиксированных примеров). Это вполне закономерно в условиях русскоязычной интернет-коммуникации, где юмористически ориентированная манера речевого поведения импонирует многим ее участникам (Трофимова, Барабаш, 2020, с. 89). В плане эмоционального воздействия на оппонента насмешка при ее грамотном использовании обладает большим воздействующим потенциалом, чем большинство рассмотренных выше средств РА: осмеяние «усиливает негативность оценки, усугубляет отрицательный эмоциональный фон высказывания, поскольку путем осмеяния говорящий не только принижает статус собеседника, но и выражает свое превосходство над ним» (Темиргазина, Бачурка, 2017, с. 55). Успешная насмешка может преобразовать рисунок коммуникации, нивелировав сильные стороны позиции оппонента и повысив привлекательность личности пишущего в глазах других участников коммуникации (особенно молодой аудитории). При этом насмешку можно назвать более сложным (по сравнению с тем же оскорблением или грубым требованием) инструментом речевой дискредитации, поскольку для его эффективного применения требуются определенные интеллектуальные способности и речевые навыки.

Насмешка активно используется и в конфликтной коммуникации родноверов, дополняя приводимые фактологические аргументы или восполняя их отсутствие, напр.:

(16) **Коммуникант 1:** *Язычество до крещения Руси идеализируют. Оно предполагало живодёрские жертвы богам,*

Коммуникант 2 (язычник): *Да что вы говорите? Живодёрские жертвы, надо же как? (Дзен).*

Конструкции, представленные в последнем ИК, по своему функционально-семантическому типу (в соответствии с классификацией, представленной в «Русской грамматике-1980») можно идентифицировать как вопросительные предложения вторичной функции: 1) *Да что вы говорите?* – вопрос, выражающий эмоциональную реакцию говорящего и в современном русском языке имеющий устойчивую ироническую окраску, связанную с выражением притворного удивления (в данном случае призванного подчеркнуть нелепость сказанного оппонентом); 2) *Живодёрские жертвы, надо же как?* – вопрос-уяснение с интенсивно выраженной семой насмешки, усиливающей отрицательный эмоциональный эффект предыдущей конструкции. Таким образом, содержание рассматриваемого ИК условно можно выразить фразой: «Какую чепуху вы столь категорично высказали». Содержание и тональность рассматриваемого ИК очевидным образом ориентированы на создание у его целевой аудитории уверенности в том, что: а) автор инициативного ИК высказал в корне неверную точку зрения; б) автор реактивного ИК располагает какими-то достоверными данными, убедительно опровергающими тезис его оппонента (отметим: в дальней-

шем автор исследуемого ИК не приводит каких-либо научно обоснованных аргументов своей позиции). Таким образом, рассматриваемый ИК опять же выступает в качестве своеобразного аргумента в защиту мифа о просвещенном характере славянского язычества (и косвенно — в защиту мифа о великой дохристианской культуре).

В исследуемом нами материале речевые акты насмешки, как правило, связаны с критикой интеллектуально-когнитивного потенциала, уровня образования адресата ИК, а также его компетентности в том или ином вопросе:

(17) **Санчес:** *Владимир, есть и не бреши!!!!!!!!!! Тебе это не доступно осознание... букварь осилил и орел?! Так не пойдет...))))))* (Дзен);

(18) **И чё?:** *Всё смешалось, люди, кони, афтор иди учи уроки, пока мамка не увидела тебя за компьютером* (Дзен).

При этом насмешка, как и оскорбление, может и не быть частью аргументационной стратегии, а использоваться для выражения негативных эмоций автора ИК, вызванных конкретным медиатекстом.

Особое место в «насмешливой» риторике родноверов занимают конструкции со значением насмешки, применяемые в отношении их принципиальных противников — христиан (или тех, кого комментатор-родновер таковыми считает). Как правило, сема насмешки в содержательной структуре таких конструкций апеллирует к распространенным в нехристианской среде стереотипам о данной религии, напр.:

(19) **Pseudanimus:** *щечку подставить не забудь* (Пикабу) — директив, основанный на «обыгрывании» новозаветной заповеди о воздержании от агрессии в ее намеренно упрощенном понимании;

(20) **user-jo9zv5yobw:** *Дедушка* (интервьюируемый в видео профессор богословия. — Н.П.) *бредит и сочиняет сказки, наверно переел тела Христа и крови когорной перепил. Пусть себя осудит, начнёт с себя. Даздравствует Ведическая Русь! ...* (YouTube) — негативная оценка позиции интервьюируемого, подаваемая в контексте иронического связывания мотивации последнего с его активностью в отношении процедуры евхаристии (с акцентом на факте использования в ней алкоголя).

6. Негативно-экспрессивная оценка. Мы считаем возможным указать данный инструмент как один из заметных экспликаторов РА. Объектом критики в этом случае выступает не непосредственно автор, а его текст, при этом репрезентирующие данную критику лексические средства имеет выраженный негативно-экспрессивный и сниженно-просторечный характер:

(21) **Игорь Владимирович Ерофеев:** *Чушь полная* (про титульную статью) (Дзен);

(22) **Иван Панов:** *Статья говно многое вранье так от себя писал у нас гораздо лучше и интереснее все на самом деле есть и было* (Дзен);

(23) **Денис Кулешов:** *Фуфло Ане стотья* (VK).

Соответственно, в случае данного приема можно говорить о косвенной дискредитации самого автора оцениваемого материала, чьи компетентность или личные качества привели к созданию «некаче-

ственного» контента. Впрочем, нередко грубая критика последнего может без проблем комбинироваться с прямым осуждением его продуцента:

(24) **andry290:** *Трѐп неграмотного или лживого писаки. Род поставить на 4 место в пантеоне, а про Ладу-Матушку вовсе забыл. Пиши лучше библейские сказки, а про Светлое не надо* (Дзен).

В нашем случае доля данного приема в общем пуле средств РА составляет 8 %.

7. Злопожелания, то есть речевые акты, содержащие указание на желательность для адресата сообщения неких негативных событий в будущем. Такого рода конструкции в нашем исследовании представлены единичными случаями (2 %), напр.:

(25) **Otawa:** *Vlad, мерзко оскорблять свою историю и веру своих предков. <...> Вам же.. может рука, написавшая такое, отвалится* (Дзен).

Проанализированный нами материал позволяет заключить, что родноверы в русскоязычном сегменте сети Интернет применяют весьма обширный по составу и частотности употребления арсенал средств РА. При этом комплекс достигаемых с их помощью целей можно разделить на две категории — осознанные и неосознанные. К осознанному можно отнести условно «положительную» цель — утверждение истинности своей веры, защиту ее от критики «врагов» и «заблуждающихся», что связано с достижением таких задач, как дискредитация идеологии оппонента, вытеснение его из дискуссии, нивелирование сильных сторон его позиции; в этом случае речевые средства репрезентации агрессии становятся средством компенсации недостатка знаний комментатора-родновера или маскировки пробелов теоретической базы его учения.

При этом «защитная» интенция прямо или косвенно может сочетаться с интенцией условно «миссионерской». Как известно, целевая аудитория ИК не ограничивается заявленным / подразумеваемым в его тексте адресатом сообщения. В этом случае агрессивно окрашенный ИК привлекает внимание других пользователей, одновременно становясь вызовом прочим противникам родноверия и призывом для сторонников из числа единоверцев. Такой ИК может производить впечатление и на условно нейтральных читателей, у некоторых из которых он может создавать: а) иллюзию наличия у автора ИК каких-то особых «тайных» знаний, привлекательных индивидуально-личностных качеств (уверенности в себе и своей идее, чувстве юмора и т. д.); б) ощущение слабости и недостаточности позиций его идейных оппонентов. В этом случае агрессивный ИК будет средством не только подавления идейных оппонентов родноверия, но и привлечения новых членов данного сообщества.

Неосознанные цели продуцирования агрессивных ИК в случае родноверов стандартны для сетевого речеповедения: реализация личных амбиций, развлечение, психологическая компенсация и т. п. Здесь стоит сделать небольшую оговорку: констатируя неосознанность подобных целей, мы не имеем в виду их абсолютную имплицитность для

самих авторов ИК. То есть часть последних вполне способна осознавать и принимать подобную «скрытую» мотивацию их комментаторской деятельности. Вместе с тем мы считаем возможным включить в список рассматриваемых целей еще одну, которую можно назвать истинно неосознаваемой комментаторами-родноверами, — самоубеждение. В этом случае агрессия по отношению к другим коммуникантам — актерам иных ценностно-регулятивных систем — выступает своего рода психологическим блокатором, призванным защитить целостность родноверческой картины мира в сознании ее непосредственного носителя.

Разумеется, указанные цели имеют разную степень представленности, доминантности и комбинаторности в случае каждого комментатора-родновера, а также в конкретной ситуации сетевого общения. Однако массовая реализация подобных целевых комплексов посредством средств РА в самых разных секторах Рунета приводит к интересному результату: в сознании русскоязычных интернет-пользователей укрепляется образ родноверия как крупного и мотивированного сообщества «национально мыслящих» (по определению одного из «вождей» движения Ю. Казакова) людей, способных и готовых к активному отстаиванию своей позиции. Конфликты, создаваемые в ходе столкновений представителей этого сообщества с носителями иного мировоззрения, по сути, выступают еще одним средством привлечения общественного внимания к данному движению; при этом происходит, с одной стороны, консолидация носителей рассматриваемой картины мира, создание у них ощущения сопричастности делу «священной войны» во имя «истинной веры», с другой — привлечение новых адептов. Таким образом, РА парадоксальным образом используется как средство продвижения родноверческой идеологии.

Заключение

В общих чертах состав, частотность и характер применения в сетевой коммуникации инструментария РА родноверами обусловлены комплексом следующих факторов:

1. Социокультурные факторы коммуникации, детерминированные актуальными ориентирами и тенденциями в области сетевого коммуникативного поведения носителей языка. Эти факторы можно условно разделить на национальные (особенности речевого поведения, обусловленные национальным менталитетом), групповые (характерные для определенной социальной группы) и индивидуальные (присущие конкретному человеку).

2. Психофизиологические факторы, связанные с устойчивыми и временными особенностями психики и физиологии актора агрессивного речеповедения.

3. Идеологические факторы, связанные с набором идейных установок, разделяемых актерами конкретной ценностно-регулятивной си-

стемой (в случае родноверов – борьба с реальными и мнимыми врагами «славянства» в историческом и, главное, современном культурно-политическом поле).

Триггерами РА для родноверов в пространстве интернет-комментирования выступают следующие действия:

- критика родноверия как религиозного и социокультурного явления;
- научно-популярные или публицистические материалы, опровергающие значимые аспекты родноверческой или близкой ей картине мира либо противоречащие ей;
- критические или агрессивные высказывания в отношении родноверческих ИК и их авторов;
- тексты (в том числе и создаваемые другими родноверами), связанные с описанием истории, материальной культуры и символики русского язычества;
- материалы, посвященные истории, актуальному состоянию, идейно-ценностным аспектам христианства (православия) и его институтов в нашей стране и т. д.

К числу распространенных средств речевой агрессии, применяемых родноверами – авторами ИК, относятся: 1) оскорбления; 2) грубое требование; 3) упрек; 4) обвинение; 5) насмешка; 6) негативно-экспрессивная оценка.

В качестве отличительной черты содержательного плана применяемых родноверами языковых средств репрезентации РА выступает их частая маркированность по дискриминационному признаку (в отношении конкретных этнических и конфессиональных групп).

Цели применения указанных средств РА можно условно разделить на осознанные (связанные с сознательным продвижением своей модели идентичности за счет интенсивного вербального воздействия на идеологических оппонентов) и неосознанные (реализация личных амбиций, развлечение, психологическая компенсация и пр.). При этом главной среди неосознанных целей применения инструментария РА родноверами мы видим самоубеждение, то есть речевое нападение на чужую точку зрения и ее носителей выступает как своеобразное средство психологической защиты, нацеленное на сохранение целостности собственной картины мира в глазах самого родновера.

Массовая реализация подобных целевых комплексов посредством средств РА в самых разных секторах Рунета приводит к привлечению внимания других пользователей к идеологии родноверов, а в отдельных случаях даже способствует проявлению сочувствия к данной идеологии. Таким образом, РА выступает как средство продвижения родноверческой идеологии, которая, в силу спорности своих идейных оснований и выраженно деконсолидирующего в социальном отношении характера, парадоксальным для самих родноверов образом превращается в один из потенциально мощных инструментов информационной войны, направленной против современной России.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» (<https://rscf.ru/project/22-18-00591>) в Балтийском федеральном университете им. И. Канта, Калининград.

Список литературы

Абдуллина Л. Р. Интернет-комментарии как отражение национального мировосприятия (на материале французского и русского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2016. №1. С. 5–6.

Апресян В. Ю. ИмPLICITная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. Междунар. конф. «Диалог-2003». М., 2003. С. 32–35.

Ашуркова Т. Г. Понятие агрессии в русской языковой картине мира XX – начала XXI столетия // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2009. №3. С. 86–94.

Бесков А. А. Причины возникновения феномена русского неоязычества // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 169–179.

Бесков А. А. Противоречивые образы прошлого в российском информационном пространстве как фактор фрагментации массового исторического сознания // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью. Челябинск, 2022. С. 179–183.

Бринев К. И. Оскорбление и обвинение // Юрислингвистика. 2011. №1 (11). С. 502–504.

Золян С. Т. Семиозис как диалог между квази-разумами: о незавершенном замысле Чарльза Пирса // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент. М., 2023. С. 40–50.

Иваненко Г. С. Коммуникация в социальной сети: факторы конфликтогенности. Юрислингвистика. 2020. №18 (29). С. 21–25. doi: 10.14258/leglin(2020)1805.

Кавыкин О. И. «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М., 2007.

Карабань Н. А., Дикарева А. В. Речевая агрессия в интернет-общении // Филология: научные исследования. 2018. №2. С. 1–8. doi: 10.7256/2454–0749.2018.2.25581.

Каразия Н. А. Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры : дис. ... канд. филол. наук. Петропавловск-Камчатский, 2004.

Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. 1999. №2. С. 52–61.

Краснобрижая А. Речевая агрессия как характеристика религиозного контента современной русскоязычной интернет-коммуникации // Таврический научный обозреватель. 2015. №5-2. С. 66–68.

Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика. М., 2019.

Подкина Ю. В. Речевая агрессия в текстах на религиозную тему в современных социальных сетях // Человек в информационном пространстве : сб. науч. ст. / под общ. ред. Т. П. Курановой. Ярославль, 2020. С. 158–161.

Попова А. А. Влияние речевой агрессии в средствах массовой коммуникации на отношение к религии // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. №4 (229). С. 190–195.

Пробст Н. А. Прагмасемантическая деформация идентичности родноверами: фейк в альтернативной картине истории // Политическая наука. 2023а. №3. С. 170–189. doi: 10.31249/poln/2023.03.08.

Пробст Н. А. Коловрат против креста: конфликтная коммуникация между сторонниками неоязычества и православия в интернет-дискурсе // Вестник культурологии. 2023б. №2 (105). С. 215–228. doi: 10.31249/hoc/2023.02.12.

Пугачева О. В. Коммуникативная полярность речевых актов упрека и самопохвалы и средства их экспликации // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №3. С. 134–139.

Седов К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика. 2005. №6. С. 87–103.

Смирнов П. Ю. Языковые средства выражения речевой агрессии в интернет-коммуникации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. №14 (263). С. 34–42.

Стексова Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. №3 (45). С. 77–81.

Темиргазина З. К., Бачурка М. С. Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе // Жанры речи. 2017. №1 (15). С. 51–57. doi: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-51-57.

Трофимова Г. Н., Барабаш В. В. Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакоммуникации). М., 2020.

Тульчинский Г. Л. Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. 2022. №6. С. 9–23. doi: 10.17586/2541-979X-2022-6-09-23.

Шиженский Р. В. Неоязыческий миф о князе Владимире // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. №6. С. 250–256.

Шнирельман В. А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. 2003. №4. С. 3–14.

Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М., 2008.

Об авторе

Никита Артурович Пробст, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NProbst@kantiana.ru

Для цитирования:

Пробст Н. А. Речевая агрессия как инструмент защиты и продвижения неоязыческого мировоззрения (на примере родноверия) // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 55–71. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-4.

SPEECH AGGRESSION AS A MEANS OF PRESERVING
AND PROMOTING THE NEO-PAGAN WORLDVIEW:
THE CASE OF RODNOVERIE

Nikita A. Probst

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on 17.03.2024

Accepted on 25.05.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-4

The role of verbal aggression in the promotion of specific value-regulatory systems, particularly those of a religious nature, has not been extensively explored in contemporary scholarship. This study aims to investigate the mechanisms by which verbal aggression is produced and employed as a means of preserving and advancing the Rodnoverie ideology within the Russian-speaking segment of the Internet. To achieve this, a comprehensive methodology is employed, incorporating both functional-semantic and pragma-semantic approaches. The study identifies the motives and conditions under which verbal aggression tends to arise in online discourse. Key speech acts that manifest this aggression – such as insults, rude demands, reproach, accusations, mockery, negative evaluations, and ill-wishing – are analysed, with hypotheses offered regarding their function and frequency. Furthermore, the study elucidates the composition and nature of the primary goals behind the aggressive speech behaviour of Rodnoverie adherents.

Keywords: *speech aggression, conflict communication, speech act, discrediting, identity model, rodnoverie*

Acknowledgement. *The research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00591 “Pragmasemantics as an Interface and Operational System of Meaning Production” carried out at the Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), <https://rscf.ru/project/22-18-00591/>.*

References

Abdullina, L. R., 2016. Internet comments as a reflection of national worldview (based on the material of French and Russian languages). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism], 1, pp. 5–6 (in Russ.).

Apresyan, V. Yu., 2003. The Implicit aggression in language. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy Mezhdunarodnoy konferencii “Dialog-2003”* [Computational Linguistics and Intellectual technologies: proceedings of the International Conference “Dialog-2003”]. Moscow, pp. 32–35 (in Russ.).

Ashurkova, T. G., 2009. The notion of aggression in the XX – early XXI century. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology], 3, pp. 86–94 (in Russ.).

Beskov, A. A., 2017. Causes of Russian Neo-Paganism. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies], 21, pp. 169–179 (in Russ.).

Beskov, A. A., 2022. Contradictory images of the past in the Russian information space as a factor of fragmentation of mass historical consciousness. In: R. A. Badikov,

ed. *Sud'by natsional'nykh kul'tur v usloviyakh globalizatsii: mezhdru traditsiei i novoi real'nost'yu* [Fortunes of national cultures in globalization context: between tradition and the new reality]. Chelyabinsk, pp. 179–183 (in Russ.).

Brinev, K.I., 2011. Insult and accusation. *Yurilingvistika* [Legal Linguistics], 1 (11), pp. 502–504 (in Russ.).

Ivanenko, G.S., 2020. Communication in social networks: factors of potential conflicts. *Yurilingvistika* [Legal Linguistics], 18 (29), pp. 21–25, [https://doi.org/10.14258/leglin\(2020\)1805](https://doi.org/10.14258/leglin(2020)1805) (in Russ.).

Karaban', N.A. and Dikareva, A.V., 2018. Verbal Aggression in Internet Communication. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: scientific researches], 2, pp. 1–8, <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2018.2.25581> (in Russ.).

Karaziya, N.A., 2004. *Pragmalingvisticheskoe issledovanie akta upreka v kontekste sovremennoi amerikanskoi rechevoi kul'tury* [A Pragmalinguistic study of the Act of Rebuke in the context of modern American Speech culture]. PhD Dissertation. Petropavlovsk-Kamchatsky, 214 p. (in Russ.).

Kavykin, O.I., 2007. «Rodnovery». *Samoidentifikatsiya neoyazychnikov v sovremennoi Rossii* [“Rodnovers”. Self-identification of neo-pagans in modern Russia.]. Moscow, 232 p. (in Russ.).

Kozhina, M.N., 1999. Speech genre and speech act (some aspects of the problem). *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2, pp. 52–61 (in Russ.).

Krasnobrizhaya, A., 2015. Speech aggression as a characteristic of the religious content of modern Russian-language Internet communication. *Tavrisheskii nauchnyi obozreovatel'* [The Tauride Scientific Observer], 5–2, pp. 66–68 (in Russ.).

Nikishin, V.D., 2019. *Slovesnyi religiozniy ekstremizm. Pravovaya kvalifikatsiya. Ekspertiza. Sudebnaya praktika* [Verbal religious extremism. Legal qualification. Expertise. Judicial practice.]. Moscow, 240 p. (in Russ.).

Podkina, Yu.V., 2020. Speech aggression in religious texts in modern social networks. In: T.P. Kuranova, ed. *Chelovek v informatsionnom prostranstve: sbornik nauchnykh statei* [Man in the information space: a collection of scientific articles]. Yaroslavl, pp. 158–161 (in Russ.).

Popova A.A., 2018. Influence of speech aggression in mass media on the attitude to religion. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya «Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [The Bulletin of the Adyghe State University, the series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology”], 4 (229), pp. 190–195 (in Russ.).

Probst, N.A., 2023a. Pragmasemantic deformation of the identity by rodnovers: fake in the alternative historical picture. *Politicheskaya nauka* [Political science (RU)], 3, pp. 170–189, <https://doi.org/10.31249/poln/2023.03.08> (in Russ.).

Probst, N.A., 2023b. The Colovrat vs the Cross: conflict communication between neopagans and orthodoxies in internet-discourse. *Vestnik kul'turologii* [Herald of culturology], 2 (105), pp. 215–228, <https://doi.org/10.31249/hoc/2023.02.12> (in Russ.).

Pugacheva, O.V., 2008. Communicative polarity of reproach and praising yourself speech acts and means of their explication. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 3, pp. 134–139 (in Russ.).

Sedov, K.F., 2005. Aggression and manipulation in everyday communication. *Yurilingvistika* [Legal Linguistics], 6, pp. 87–103 (in Russ.).

Shcherbinina, Yu.V., 2008. *Verbal'naya agressiya* [Verbal Aggression]. Moscow (in Russ.).

Shizhensky, R.V., 2009. Neo-pagan myth of Vladimir. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Buryat State University], 6, pp. 250–256 (in Russ.).

Shnirel'man, V.A., 2003. Ethnogenesis and identity: nationalist mythologies in contemporary Russia. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 4, pp. 3–14 (in Russ.).

Smirnov, P. Yu., 2017. Language means of hostile rhetoric expressions in the communications networking. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University scientific bulletin. Humanities], 14 (263), pp. 34–42 (in Russ.).

Steksova, T.I., 2013. Verbal aggression in internet comments as manifestation of social tension. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 3 (45), pp. 77–81 (in Russ.).

Temirgazina, Z.K. and Bachurka, M.S., 2017. Speech Acts of Aggressive Character in the Pedagogical Discourse. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 1 (15), pp. 51–57, <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-51-57> (in Russ.).

Trofimova, G.N. and Barabash, V.V., 2020. *Yazykovoe posleokusie internet-epokhi v Rossii: effekt bumeranga (aktual'nye protsessy v russkoyazychnoi tsifrovoi mediakommunikatsii)* [The Linguistic aftertaste of the Internet Age in Russia: the Boomerang effect (current processes in Russian-language digital media communication)]. Moscow, 273 p. (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2022. Pragmasemantics of Digital Communications: Semantic Worldviews, Value-Regulatory Systems and Responsibility. *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoi srede* [State and Citizens in the Electronic Environment], 6, pp. 9–23, <https://doi.org/10.17586/2541-979X-2022-6-09-23> (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2023. Semiosis as a dialogue between quasi-minds: on Charles Peirce's unfinished project. In: I.V. Zykova, ed. *Diskurs i yazyk v epokhu «bol'shikh daniykh»: Variativnost', kreativnost', eksperiment* [Discourse and language in the era of "big Data": Variability, creativity, experiment]. Moscow, 368 p. (in Russ.).

The author

Dr. Nikita A. Probst, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NProbst@kantiana.ru

To cite this article:

Probst, N.A., 2024, Speech aggression as a means of preserving and promoting the Neo-pagan worldview: the case of *Rodnoverie*, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 55–71. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-4.

СТРАТЕГИИ СОЛИДАРНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ОБЩЕНИИ

Е. А. Руднева

Институт лингвистических исследований РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
Поступила в редакцию 15.02.2024 г.
Принята к публикации 15.06.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-5

Цель исследования – выявить стратегии лингвистической вежливости, используемые в спонтанном коммуникативном взаимодействии внутри конкретного коллектива. Проанализированы фрагменты аудиозаписей общения среди друзей-подростков. Применяется интеракционный подход, предполагающий опору на модели социального лица И. Гофмана и лингвистической вежливости П. Браун и С. Левинсона, использование этнографических методов сбора данных и разговорного анализа. На конкретном материале продолжается обсуждение гендерной и возрастной специфики реализации стратегий вежливости и коммуникативных стилей. Выявляются такие стратегии достижения солидарности, как подтрунивание и групповые шутки, когда участники по очереди добавляют детали с целью усиления комического эффекта; ритуальные оскорбления среди друзей, на которые не обижаются, в частности придумывание прозвищ; ритмизация коммуникации, доходящая до спонтанного стихотворчества. В случае просьбы отмечаются следующие стратегии и средства ее осуществления: повторение слов, как буквальное, так и с вариациями; маркер вежливости «пожалуйста» и его жаргонный эквивалент «паже»; уменьшение величины одолжения; использование маркеров внутригрупповой идентичности («по-братски»); поддержка друзей: предложение помощи и шуточная угроза; языковая игра (рифма и намеренное искажение фонетического облика слова); увеличение громкости и просодическое выделение, которые выражают общее эмоциональное состояние. Участники общения экспериментируют с коммуникативными стратегиями, иногда доводя степень их выраженности до грани в своего рода перформансе. Более экспрессивная и игровая реализация стратегий солидарности является, можно предположить, чертой подросткового стиля коммуникации. Таким образом, материал демонстрирует локальную культурную (а также возрастную) специфику реализации универсального механизма коммуникации.

Ключевые слова: лингвистическая вежливость, стратегии солидарности, разговорный анализ, подтрунивание, ритуальные оскорбления, молодежный сленг, коммуникация подростков

1. Введение

Статья продолжает исследовательскую линию, обозначенную ранее – изучения стратегий и средств вежливости, используемых внутри коллективов, в частности, рабочих (Руднева, 2016; 2019) или семейных

(Rudneva, 2019). В то время как опубликовано множество кросс-культурных работ по вежливости в разных языках (материалом для которых, как правило, служили данные, полученные в ходе анкетирования), существует сравнительно мало исследований, анализирующих спонтанное коммуникативное взаимодействие в конкретных группах.

Кроме того, статья продолжает традицию изучения закономерностей коммуникации среди мужчин или женщин, только в данном случае речь пойдет о друзьях-подростках. Для этого используются методы лингвистической антропологии: анализ аудиозаписей, а также интервью с участником событий. В статье описываются стратегии *солидарности*, направленные на поддержание *социальных лиц* участников (Goffman, 1967) и их внутригрупповой идентичности, используемые друзьями-одноклассниками. Выбранные методы, а также опора на модель П. Браун и С. Левинсона (Brown, Levinson, 1987) вписываются в так называемый *интеракционный* подход к изучению вежливости, о котором речь пойдет в следующем разделе.

2. Интеракционный подход к изучению вежливости

В основе *интеракционного* подхода к изучению вежливости — анализ записей естественной спонтанной коммуникации и интерес к тому, как значение конструируется во взаимодействии (Grainger, 2011, p. 171–172). Данный подход существенно опирается на принципы лингвистической антропологии, предпочитающей максимально возможный учет социокультурного контекста. В качестве основного метода работы с материалом аудио- или видеозаписей используется *конверсационный анализ* (см., напр.: Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974; Jefferson, 2004; Корбут, 2015). Пошаговый анализ взаимодействия обнаруживает, что высказывания в цепочке реплик зависят друг от друга и что каждая последующая реплика не только выстраивает диалог, но и может менять интерпретацию предыдущих коммуникативных шагов (Arundale, 2013, p. 22).

При этом для ряда работ так называемой *третьей* волны изучения вежливости в рамках интеракционного подхода, характерен возврат к модели Браун и Левинсона или использование ее элементов (Haugh, 2007; 2015; Kádár, Haugh, 2013; O'Driscoll, 2007; Terkourafi, 2005). Хотя нет нужды и возможности здесь подробно описывать модель Браун и Левинсона (Brown, Levinson, 1987), хотелось бы все же остановиться на некоторых ее важных компонентах, среди которых *социальное лицо*. По И. Гофману, это системное понятие, модель, основанная на обобщении поступков конкретного человека и стереотипах, конструкт, создаваемый в процессе взаимодействия (Goffman, 1967). Браун и Левинсон выделили в нем два взаимосвязанных компонента: *негативное социальное лицо*, которое отражает стремление человека охранять свою социально-психологическую территорию от посягательств других людей и связано со свободой действий; *солидарное*, или *позитивное*, *социальное лицо*, кото-

рое обусловлено потребностью человека в одобрении другими людьми (Brown, Levinson, 1987, p. 61 и сл.)¹.

В процессе взаимодействия неизбежны ситуации, несущие угрозу социальным лицам участников, например просьба или приглашение, когда существует риск отказа. Для смягчения этой угрозы используются стратегии лингвистической вежливости, которые реализуются при помощи различных языковых и неязыковых средств. С помощью средств негативной вежливости, которая включает формальные, этикетные выражения, принятые в данном обществе, говорящий показывает, что уважает свободу действий собеседника. Позитивная вежливость направлена на демонстрацию близости участников коммуникации и «во многом просто отражает нормальное языковое поведение близких людей» (Ibid., p. 104). В англоязычной литературе встречаются альтернативные термины: для позитивной вежливости – *solidarity politeness* ‘вежливость солидарности’ (Scollon, Scollon, 1981, p. 175); *community politeness* ‘внутригрупповая вежливость’ (Tannen, 1981, p. 385); *involvement strategies* ‘стратегии включения’ (Scollon, Scollon, 2001, p. 46–48), для негативной вежливости – *deference politeness* ‘вежливость почтения’ (Scollon, Scollon, 1981); *strategies of independence* ‘стратегии выражения независимости’ (Scollon, Scollon, 2001, p. 46–48), в русскоязычных работах – стратегии дистанцирования и сближения, вежливость почтения и солидарности (Ларина, 2009). В настоящей статье отдается предпочтение термину стратегии солидарности, так как он в большей степени отражает суть коммуникативных усилий, направленных на создание и поддержание внутригрупповой идентичности.

В логике модели Браун и Левинсона, в работах по вежливости третьей волны зачастую анализируются ситуации, в которых угроза социальным лицам участников выражена более явно: например, это сообщение пациентам плохих новостей, неудачи межкультурной коммуникации или выражение несогласия (Grainger 2011), просьбы (Kádár, Naugh, 2013, p. 116–119). Н. Гейер анализирует опасный дискурс несогласия на совещании японских преподавателей по поводу плохого поведения ученика (Geyer, 2008). Описывая работу по поддержанию социальных лиц в конкретной группе (community of practice), автор показывает, как во взаимодействии проявляются два аспекта человеческой коммуникации – солидарность и независимость (Ibid., p. 189).

---

¹ В некоторых работах интеракционная модель коммуникации выстраивается в большей степени вокруг конструирования социального лица и в меньшей – с опорой на модель вежливости. Так, Р. Арандэйл делает акцент на динамической составляющей социального лица, показывая, как оно конструируется в процессе взаимодействия всеми участниками и как зависит от отношений между ними. Основной вопрос, на который отвечает его теория конструирования лица: «Как участники создают социальные лица в повседневном общении?». В частности, интересен анализ конструирования социального лица через поправки и самопоправки (Arundale, 2010, p. 2097–2102).

Поскольку статья посвящена взаимодействию юношей, можно предположить, что часть выявляемых особенностей связана не только с подростковым, но и с мужским коммуникативным стилем. Эти взаимосвязи в любом случае относятся к социокультурному уровню и так или иначе затрагивают проблематику соотношения вежливости и гендера, которой посвящен следующий раздел.

3. Вежливость и гендер

Помимо статической составляющей (идентичность, социальный статус, «выученный» в ходе социализации), гендер представляет собой *динамический процесс, практику*, то, что люди говорят и делают (Martin, 2003, p. 342), то есть можно говорить о «перформативности» гендера (Батлер, 2000). Гендерная идентичность конструируется в процессе взаимодействия, а «не выражает некую внутреннюю, предшествующую говорению и появлению сущность»; гендер — это то, «как *вы себя ведете и что вы делаете в определенной ситуации*»; это «неопределенная переменная», «характеристики которой уточняются временем, пространством, культурным контекстом» (Антология... 2000, с. 300). Во взаимодействии невольно, а иногда более осознанно, воспроизводятся культурные сценарии и стратегии (Ridgeway, 2004) — *практикование* гендера (Martin, 2003) в той или иной степени неизбежно. Оно осуществляется в разных формах, поэтому скорее следует изучать *практикование феминности(eй) и маскулинности(eй)* (Ibid., p. 354).

Существует пласт лингвистических работ, где описываются особенности мужской и женской речи (см., напр.: Lakoff 1973; Tannen, 1990; Holmes, 2006; Земская, Китайгородская, Розанова 1993; см. обзор в: West, Lazar, Kramarae, 1997; Кирилина, Томская, 2005). При этом взаимосвязь между особенностями речи и гендером во многом обусловлена социально-культурными установками и ролями. Так, представители обоих полов используют как «мужские» (маскулинные), так и «женские» (феминные) стратегии, а основная разница заключается в их оценках окружающими (Martin, 2003, p. 360). Стереотипы о вежливом и невежливом поведении в том или ином сообществе неизбежно связаны с гендером (Mills, 2003, p. 202; Mullany, 2006). Как отмечает С. Милз, вежливость «ассоциируется с поведением среднего класса», причем именно с «почтительностью, которая зачастую ассоциируется с отсутствием власти и заботой о других, которые связаны с представлениями о *феминности*» (Mills, 2003, p. 205).

Мужской и женский коммуникативные стили можно изучать на примере конкретных групп (West, Lazar, Kramarae, 1997, p. 130–135), не распространяя результаты на всех мужчин и женщин. Так, М. Гудвин провела обширное исследование того, как организовано спонтанное общение афроамериканских детей на детской площадке (Goodwin, 1990). Оказалось, что дети в столь раннем возрасте уже воспроизводят соответствующие модели поведения: девочки используют больше косвенных стратегий и смягчений, а мальчики стремятся больше командовать и не подчиняться.

4. Материал и методы настоящего исследования

Материал исследования составили аудиозаписи, сделанные подростком среди друзей, учеников 7-го класса (в течение 2 часов, во время перемен и после уроков). Он предварительно спрашивал у одноклассников, согласны ли они на запись в принципе. Кроме того, у меня была возможность задать вопросы этому юноше, чтобы понять, что именно происходит на записях. Все имена изменены. В настоящей статье анализируются несколько фрагментов и делаются обобщения касательно коммуникации в данной группе.

При составлении транскрипции используются принципы конверсационного анализа (см., напр.: Jefferson, 2004). Выбранные фрагменты анализируются с точки зрения организации последовательности и реализации стратегий лингвистической вежливости, с учетом социокультурного контекста — таким образом, применяется интеракционный подход, описанный выше.

В процессе работы с естественным материалом встает методологическая проблема интерпретации речевого действия как угрожающего социальном лицу собеседника или, наоборот, поддерживающего его социальное лицо. В частности, это касается оскорблений, которые в некоторых случаях оказываются «ритуальными» (Labov, 1972), и подтрунивания, которое находится на грани между тем, что приемлемо, и тем, что будет воспринято как грубость (Sinkeviciute, 2017, p. 175–176). Антропологи и лингвисты, изучающие такого рода феномены, сходятся в том, что ключевую роль в интерпретации следует отвести реакции собеседников (Ibid., p. 175–176; Radcliffe-Brown, 1940, p. 195; Haugh, 2014, p. 78). С другой стороны, иногда вспомогательным методом может стать интервью, когда участникам взаимодействия задаются вопросы, в том числе и те, которые касаются их оценки событий. Здесь мы, однако, рискуем попасть в методологическую ловушку: во-первых, такая оценка может меняться со временем; кроме того, как нам известно из этнографической практики, то, что люди говорят на интервью, иногда отличается от действительности. Поэтому самым логичным выходом представляется основывать исследовательские интерпретации прежде всего на реакции участников коммуникации. Впрочем, иногда оказывается бесполезным ориентироваться и на информацию, полученную в ходе интервью.

Следует подчеркнуть, что выбранный подход носит принципиально качественный характер, когда для демонстрации феномена достаточно и одного случая. При этом на его основании могут быть сделаны выводы более общего плана. В этом смысле статья не претендует на исчерпывающее описание всех стратегий вежливости, используемых в данном коллективе. Однако рассматриваемые фрагменты позволяют продемонстрировать локальную и культурную (а также, как можно предположить, возрастную и гендерную) специфику реализации универсального механизма.

5. Стратегии вежливости в случае просьбы

Фрагмент 1²

- 01 Р: Вить давай показывай!
 02 свой пресс <давай-давай!>
 03 В: у меня нет пресса, у меня есть ноги. у меня есть
 04 [икры
 05 Н: [у:
 06 Р: покажи банки!
 07 П: дай мне пожалуйста! и еще одну
 08 В: нет!
 09 В: на жизнь, на жизнь хватает
 10 Р: смотри
 11 В: не, чиста чиста на [жизнь хватает!
 12 В: [вы офигели бабы полпачки сожрали!>
 13 Р: полпачки! у кого полпачки?
 14 кто мне полпачки пожертвует ((смеясь))?
 15 Е: ((смеется))
 16 П: Боря! отворачивайся! ((жуя))
 17 Р: стой! дай! дай дай паже!
 18 В: не! ((жуя))
 19 Р: ну чу-
 20 В: не! ((жуя))
 21 Р: одну! ну ОДНУ!
 22 В: НЕНЕНЕ!
 23 М: Родя [у меня булочка сохранилась!
 24 Р: [да ПА:ЖЕ:!
 25 В: (???) [((жуя))
 26 Р: да ОДНУ!
 27 М: у меня булочка с: малиной сохранилась!
 28 Р: да по-братски, одну!
 29 В: дай пас! да! ((хлопает))
 30 Р: одну! ну пожалуйста! ну пожалуйста!
 31 В: ПАЦАНЫ ГАСИТЕ СВЕТ, зажимаем Борю!
 32 Р: ну можно одну ну пожалуйста! по-бротски!
 33 [((шуршит упаковка))
 34 [Р: по-флотски!
 35 за***сь!

² В транскрипции используются следующие обозначения, традиционные для конwersационного анализа:

- [пересчитал
- [самые — наложение высказываний
- . — нисходящая интонация завершения высказывания
- , — интонация продолжения, перечисления
- ? — интонация вопроса
- ! — интонация восклицания
- ОДНУ — произносится громче окружения
- десять — интонационное выделение звуков
- де:ся:ть — растягивание звука
- <давай-давай!> — произносится быстрее окружения
- девя- — оборванное слово
- ((смеется)) — невербальные действия
- (???) — неразборчивая речь

Молодые люди находятся в мужской раздевалке и одна из обычных практик коллективной маскулинности в данной ситуации — демонстрация мышц. Р. обращается к В. с прямой просьбой, реализованной с помощью императива и частицы *давай* (1), которая затем повторяется дважды в ускоренном темпе (2). В. совершает искомое действие, но при этом решает обезопасить свое социальное лицо, снизив риск неудачной демонстрации (3–4). За просьбой Р. показать еще одну группу мышц — «банки» (6) — также следует демонстрация и шуточный комментарий В., что ему «на жизнь хватает» (в смысле, этих мышц) (9), «чиста на жизнь хватает» (11).

В реплике 7 представлена просьба П. угостить печеньем, за которой сразу идет еще одна аналогичная: первая, очевидно, была удовлетворена (что очевидно из формулировки «и еще одну»), за второй следует отказ без смягчения, по крайней мере вербального. Далее Б. возмущается тем, сколько печенья у него съели, при этом он использует стилистически сниженные единицы «офигели», «сожрали» и обращение «бабы» (12). Таким образом, всеобщее внимание привлекается к лакомству, счастливым обладателем которого является Б.

Р. оформляет просьбу как вопрос, обращенный к группе людей, используя языковую игру «полпочки» (13–14). За шуткой следует предпочтительная реакция — смех друга (15), однако директивный компонент остается вообще без ответа. П., жуя первое печенье, пробует еще одну стратегию достижения результата — побудить обладателя желаемого отвернуться (16). После этого Р. начинает серию просьб, обращенных к Б., применяя различные средства и стратегии вежливости (17, 19, 21, 24, 26, 28, 30, 32, 34). Первая попытка представляет собой прямые речевые акты с привлечением внимания и сленговой единицей «паже» (17). Она происходит из письменного сокращенного варианта *пожалуйста* «пж», произносимого в речи как «паже», с ударением на второй слог (как «эспээс» — «спс» — *спасибо*). Получая отказы, Р. уменьшает величину одолжения: «ну чу-» (собираясь сказать что-то вроде «чуть-чуть») (19), «одну» (повторяется дважды, во второй раз с увеличением громкости (21)). Интересно, что за этим следует отказ, состоящий из трехкратного «не-не-не», что, вероятно, демонстрирует категоричность, а кроме того, поддерживает игру. Несмотря на это, Р. не сдаётся и снова повторяет с увеличением громкости «да паже» (24) и «да одну» (26, 28), добавляет слово, эксплицитно указывающее на принадлежность к одной группе — «по-братски» (28).

Поддержка друзей проявляется, во-первых, в том, что М. предлагает другое угощение (27) (стоит отметить, что на это никак не реагирует Р.). Во-вторых, В. подключается к разговору с шуточной угрозой (31)³. Интересно, что в следующий раз Р. произносит «пожалуйста» полностью, с частицей «ну», усиливающей просительность, опять-таки дважды;

³ Как рассказал участник, «дай пас» в 29 относится к другому диалогу, а в 31 В. уже присоединяется к Р.

кроме того, добавляется фонетически искаженное «по-бротски» (32). Нельзя точно сказать, оказывается ли эта стратегия самой эффективной или количество перешло, наконец, в результат. Уже шурша упаковкой, Р. произносит «по-флотски» — с одной стороны, созвучное его предыдущему слову, а с другой — также демонстрирующее представления о солидарности (34). В 35 наблюдается ответная реакция на получение желаемого — таким образом здесь занимается место, где обычно ожидается благодарность.

Добавлю, что стратегия повтора (с увеличением громкости), представленная в этом фрагменте, зафиксирована в речи данного участника и в других случаях (при этом повторы встречаются и в других контекстах, напр. выше «не-не-не»). Насколько данную стратегию можно считать групповой или индивидуальной — пока открытый вопрос. Для демонстрации многократности повтора в случае просьбы хотелось бы привести пример, когда слово «дай-ка» Р. повторяет 14 раз, а именно до тех пор, пока не достигнут перлокутивный эффект — друг делится телефоном. Что касается фонетического оформления, сначала «дай-ка» произносится отчетливо, а затем превращается в [дакэдакэд-экэ], то есть сильно редуцируется.

Как мы видим, здесь более ярко проявляется игровая составляющая коммуникации. Р. как будто бы доводит реализацию коммуникативных стратегий до предела, экспериментируя с тем, что дозволено в кругу друзей, повышая и выражая эмоциональность общения. Его друзья, в свою очередь, поддерживают эту игру, сокращая тем самым дистанцию между собеседниками, способствуя объединению коллектива и созданию дружеской атмосферы.

6. Групповые шутки

Одной из важных практик по поддержанию групповой идентичности являются совместные шутки. Их организация подчинена определенным закономерностям: каждый участник общения продолжает шутку, добавляя деталь, обычно более ярко выраженную. Это может быть подтрунивание над кем-нибудь из компании или просто шутки на тему, связанную или не связанную с предыдущей темой разговора или ситуацией.

Фрагмент 2

- 01 Р: у меня ДЕВЯНОСТА пять слов
 02 я пишу МИНИМУМ потому что.
 03 М: чтоб-
 04 Р: чтобы ошибок не собрать
 05 В: так а минимум это сто
 06 Р: минимум сто но:
 07 М: <минимум девяноста>
 09 Р: не плюс минус-
 08 В: а: тридцать процентов
 10 Р: не плюс-минус десять процентов, а десять процентов от ста

- 11 это де:ся:ть, а десять- а сто минус десять это девяноста:,
12 у меня еще пять слов в запасе и я три раза
13 [пересчитал-
14 М: [самые- самые лютые танцы на корпоративе у бати
15 Р: тот самый чел который-
16 М: вот так вот так это самые лютые танцы
17 [на корпоративе ((смеется))
18 Р: [тот самый чел который написал на: девят-
19 на восемьдесят девять-
20 М: это Петя написал на восемьдесят девять
21 Р: на восемьдесят девять и пять
22 М: он написал на восемьдесят девять.
23 Р: и пять слов
24 М: не не не и еще вот вот так положил руку на колено
25 самые лютые на сва:дьбах на корпоративах,
26 все так танцуют
27 Р: когда на свадьбах(???)
28 М: ((смеется))
29 В: делаешь вот [так]
30 М: [или]
31 В: и все нормально
32 М: и еще еще обычно дед так
33 [делает]
34 Р: [еще] вот так вот
35 М: тынц тынц ((смеется))
36 В: и делает вот так
37 М: и вот так вот
38 телом телом
39 Р: и вот так вот
40 М: ((смеется))
41 Р: и <еще так на нас смотреть> на всех
42 М: ((смешок)) руки в боки
43 В: а и выпивать что-нибудь

В начале фрагмента идет обсуждение объема эссе по английскому, Р. рассказывает про то, сколько слов он обычно пишет и почему. В 13–14 наблюдается наложение реплик, когда М. вводит новую тему для шуток, а Р. еще продолжает рассуждать про свои подсчеты. Как мне рассказали, М. здесь демонстрирует однообразные движения одной ногой. Предмет шутки — противопоставление манеры танцевать у детей и родителей, и шире — двух возрастных групп, двух поколений. Это противопоставление двух поколений важно для формирования подростковой идентичности и осуществляется через различные практики.

В 18–23 продолжается обсуждение количества слов в эссе, то есть пока не все участники готовы осуществить смену темы. Здесь особенность молодежного сленга представлена на уровне грамматики — повторяющийся, узнаваемый шаблон «тот самый чел, который...» (18). Это одна из шаблонных конструкций, пришедших изначально из письменного дискурса Интернета, используемых для подписи мемов и видео (среди других вариантов можно привести «когда Х...», «Х, который...»). М. слегка подтрунивает над их общим другом Петей, который написал (или якобы написал) эссе в 89 слов.

После более явного завершения этой темы происходит переход к танцевальной. Шутку М. подхватывают и развивают друзья. В 29–43 наблюдается подшучивание по очереди или, можно сказать, совместное создание шутки, когда каждый участник добавляет деталь и все получают удовольствие от совместного творчества. Кроме того, в данном случае коммуникация наиболее явным образом превращается в перформанс, который включает общий ритм взаимодействия и нарочитые движения телом.

Здесь хотелось бы прокомментировать теоретический аспект соотношения шутки и вежливости. В узком понимании модели Браун и Левинсона, лингвистическая вежливость включает языковые и неязыковые средства, используемые при реализации опасных речевых актов. В этом смысле пошутить перед тем, как обратиться с просьбой, будет стратегией позитивной вежливости (Brown, Levinson, 1987, p. 101–128). В более широком смысле вежливость, по Браун и Левинсону, представляет собой механизм поддержания социальных лиц, регулятор баланса в коммуникации между соблюдением дистанции и проявлением солидарности. С этой точки зрения, в зависимости от контекста, любая шутка может быть отнесена к стратегиям вежливости. Групповые шутки описаны для мужского рабочего коллектива, где они также играют важную роль в поддержании отношений (Руднева, 2019).

7. Ритуальные оскорбления как стратегия солидарности

Самой известной работой, посвященной ритуальным оскорблениям, является исследование У. Лабова, выполненное на материале коммуникации афроамериканцев (Labov, 1972). Здесь, как я писала выше, принципиальна реакция собеседника: человек, которого оскорбляют, относится к этому как к шутке. Данный феномен остается неизученным (или малоизученным) на русскоязычном материале. Ниже приводится фрагмент, который организован как раз вокруг оскорблений, а именно, придумывания прозвищ для участников команды:

Фрагмент 3

- 01 Р: мы тебя, мы с Михеем тебя петухом окрестили!
 02 петухом! петухом!
 03 (???)
 04 А: баран! а ты баранина!
 05 Р: не! смотри! смотри наша команда, два алкаша, петух,
 06 А: баран,
 07 Р: староста, два алкаша, э петух, староста
 08 А: баранина,
 09 Р: кир- кирка, и курильникова!
 10 (???)
 11 Р: два алкаша ((с усмешкой))
 12 М: два алкаша, петух, курильникова, староста и кирка!
 13 дениально!
 14 Р: еще раз!
 15 М: <два алкаша, петух, курильникова, староста и кирка>

- 16 за***ись компания! все починим и найдем,
17 Р: ((смеется))
18 рас***рим мы вам дом!
19 Р: ((смеется))
20 М: ((смеется))
21 Р: Михай, ну ты гений ((смеясь))

Как рассказал один из участников беседы, речь идет о команде шести одноклассников. Трое из них — участники диалога М., Р., А. — подростки, которые близко дружат, входят в одну компанию. В команду также включены три девушки, одна из которых староста, с чем связано и соответствующее прозвище с ударением на второй слог.

Фрагмент начинается с того, что к А. обращается Р. и сообщает ему придуманное прозвище внутри команды (1). Здесь нужно отметить интонационное оформление, которое можно было бы описать как «радостно-восторженное». Р. еще два раза повторяет прозвище (2). За этим следует неразборчивая речь, но скорее всего, это другие разговоры на заднем плане (запись сделана во время перемены). Важно, что сначала А. реагирует ответным оскорблением: «баран! а ты баранина!» (4). В ответ Р. поправляет друга, торопясь перечислить все прозвища (5, 7) и показав тем самым, что они придуманы для всех и не с целью обидеть. Сам он, получается, входит в команду под ником «алкаш». Интересно, что А. пробует включить в этот ряд и придуманное им прозвище для Р. (6). Одно из прозвищ представляет собой искаженное имя девушки, второе созвучно другой женской фамилии, третье связано с социальной ролью — «староста» с ударением на втором слоге. Три прозвища юношей являются нарицательными существительными, которые в других контекстах могли бы оказаться оскорбительными. Предложенный А. вариант, который он повторяет в 6, Р. оставляет без ответа. Затем происходит еще одно повторение всех прозвищ: начинает Р. (11), а подхватывает М. (12), который, по-видимому, очень доволен происходящим (воскликает «гениально», 13). После побуждения Р. «еще раз», М. повторяет перечисление, в ускоренном темпе (15), а затем сочиняет девиз, используя ненормативную лексику (16, 18). За этим идет смех обоих друзей (17, 19, 20) и комплимент творению М. (21).

Почему оскорбления носят здесь именно ритуальный характер? Мы об этом можем судить, исходя из просодического оформления, а также последующей реакции — смеха, который можно назвать доброжелательным. Кроме того, такая интерпретация подкрепляется материалом интервью. Любопытно, что оскорбления оказываются достойны только самые близкие друзья, члены компании, а прозвища девушек имеют другое происхождение. Ритуальное оскорбление можно отнести к стратегиям позитивной вежливости, по Браун и Левинсону, куда относятся шутки и использование любых маркеров внутригрупповой идентичности (Brown, Levinson, 1987, p. 101–128). Таким образом, сам жанр можно отнести к практикам солидарности.

Весь разговор опять-таки базируется на общем ритме и мелодике, которые связаны с эмоциональным состоянием участников. Апофеозом ритмизации, повторяющегося удара, оказывается элементарное стихотворчество (16, 17), вызывающее совместный смех (18, 19) и восторг друга (20).

8. Заключение

К выявленным стратегиям солидарности, используемым внутри данной группы друзей-подростков, относится подтрунивание друг над другом и групповые шутки, когда участники по очереди добавляют детали с целью усиления комического эффекта. Это становится интеракционным механизмом, позволяющим вместе создавать шутку, поддерживая тем самым внутригрупповую идентичность. Другая описанная практика — ритуальные оскорбления, в частности придумывание прозвищ, на которые не обижаются участники коммуникации. Солидарность также проявляется через общую ритмическую организацию диалога, которая может доходить до спонтанного стихотворчества.

В ситуации более проявленной угрозы социальному лицу участников, а именно в случае просьбы, выявлены следующие стратегии и средства ее реализации и смягчения: повторение слов — как буквальное, так и с вариациями; маркер вежливости «пожалуйста» и его жаргонный эквивалент «паже»; уменьшение величины одолжения; использование маркеров внутригрупповой идентичности («по-братски»), шуточная угроза со стороны другого участника, языковая игра (рифма и намеренное искажение фонетического облика слова), увеличение громкости, просодическое выделение, которые выражают экспрессивность и эмоциональное состояние. Некоторые выявленные стратегии могут осуществляться на протяжении нескольких обменов репликами: переадресация просьбы (в частности, сначала обратиться к группе, а затем к конкретному человеку); многократное повторение, в том числе с выразительными просодическими вариациями.

В статье продемонстрирована роль игровой составляющей коммуникации: собеседники экспериментируют с коммуникативными стратегиями, иногда доводя степень их выраженности до грани. Положительная реакция друзей на эти эксперименты (которые в других контекстах могли бы быть восприняты негативно — например, как унижительное «выпрашивание») сокращает дистанцию между участниками общения и способствует объединению коллектива. Важным оказывается не столько осуществить просьбу и получить искомое действие, сколько обыграть ее всем вместе, участвуя в своего рода перформансе. Можно предположить, что более экспрессивная и игровая реализация стратегий солидарности является чертой подросткового стиля коммуникации.

Благодарности. Выражаю благодарность Роману Рудневу за сбор материала и Виктории Борисовне Гулиде за ценные замечания.

Список литературы

- Антология гендерной теории / сост. Е. И. Гапова, А. Р. Усманова. Минск, 2000.
 Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / сост. Е. И. Гапова, А. Р. Усманова. Минск, 2000. С. 297 — 346.

Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М., 1993. С. 90–136.

Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. №2 (23). С. 22–43.

Корбут А.М. Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14, №1. С. 120–141.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.

Руднева Е.А. Антропология вежливости: общекультурные и локальные нормы взаимодействия // Антропологический форум. 2016. №30. С. 215–242.

Руднева Е. Подтрунивание как стратегия вежливости // Антропологический форум. 2019. №41. С. 97–120. doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-41-97-120.

Arundale R. Constituting face in conversation: face, facework and interactional achievement // Journal of Pragmatics. 2010. Vol. 42, №8. P. 2078–2105. doi: 10.1016/j.pragma.2009.12.021.

Arundale R. Conceptualizing 'interaction' in interpersonal pragmatics: Implications for understanding and research // Journal of Pragmatics. 2013. Vol. 58. P. 12–26. doi: 10.1016/j.pragma.2013.02.009.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.

Geyer N. Discourse and politeness ambivalent face in Japanese. L.; N. Y., 2008.

Goffman E. On face-work: an analysis of ritual elements in social interaction // Goffman E. Interaction ritual: essays on face-to-face behavior. N. Y., 1967. P. 5–46.

Goodwin M.H. He-said-she-said: Talk as social organization among black children. Bloomington IN, 1990.

Grainger K. 'First order' and 'second order' politeness: Institutional and intercultural contexts // Discursive approaches to politeness / ed. by Linguistic Politeness Research Group. Berlin; Boston, 2011. P. 167–188.

Haugh M. The discursive challenge to politeness research: An interactional alternative // Journal of Politeness Research. 2007. Vol. 3, №2. P. 295–317. doi: 10.1515/PR.2007.013.

Haugh M. Jocular mockery as interactional practice in everyday Anglo-Australian conversation // Australian Journal of Linguistics. 2014. Vol. 34, №1. P. 76–99. doi: 10.1080/07268602.2014.875456.

Haugh M. Im/politeness implicatures. Berlin, 2015.

Holmes J. Gendered Talk at Work. Oxford, 2006.

Jefferson G. Glossary of Transcript Symbols with an Introduction // Conversation analysis: Studies from the first generation / ed. by G.H. Lerner. Amsterdam, 2004. P. 13–31.

Kádár D., Haugh M. Understanding politeness. Cambridge, 2013.

Labov W. Rules for ritual insults // Language in the inner city: Studies in the black English vernacular. Philadelphia, 1972. P. 297–353.

Lakoff R. Language and woman's place // Language in Society. 1973. Vol. 2, №1. P. 25–80.

Martin P.Y. «Said and done» versus «Saying and doing»: Gendering practices, practicing gender at work // Gender and Society. 2003. Vol. 17, №3. P. 342–366. doi: 10.1177/0891243203017003002.

Mills S. Gender and politeness. Cambridge, 2003.

Mullany L. «Girls on tour»: Politeness, small talk, and gender in managerial business meetings // Journal of Politeness Research. 2006. Vol. 2, №1. P. 55–77. doi: 10.1515/PR.2006.004.

O'Driscoll J. What's in an FTA? Reflections on a chance meeting with Claudine // Journal of Politeness Research. 2007. Vol. 3, №2. P. 243–268. doi: 10.1515/PR.2007.011.

- Radcliffe-Brown A. R.* On joking relationships // *Africa*. 1940. Vol. 13. P. 195–210.
- Ridgeway C.* Gender, status, and leadership // *Journal of Social Issues*. 2001. Vol. 57, №4. P. 637–655. doi: 10.1111/0022-4537.00233.
- Rudneva E.* How Russians pre-request and seek assistance: a study of interaction in two communities of practice // *Russian Linguistics*. 2019. Vol. 43, №2. P. 127–142. doi: 10.1007/s11185-019-09211-z.
- Sacks H., Schegloff E., Jefferson G.* A simplest systematics for the organisation of turn-taking in conversation // *Language*. 1974. Vol. 50, №4, p. 1. P. 696–735.
- Scollon R., Scollon S. W.* Narrative, literacy and face in interethnic communication. Norwood NJ, 1981.
- Scollon R., Scollon S. W.* Intercultural communication: A discourse approach. Malden MA, 2001.
- Sinkeviciute V.* 'What Makes Teasing Impolite in Australian and British English?' // *Journal of Politeness Research*. 2017. Vol. 13, №2. P. 175–207. doi: 10.1515/pr-2015-0034.
- Tannen D.* The machine-gun question as an example of conversational style // *Journal of Pragmatics*. 1981. Vol. 5, №5. P. 383–397.
- Tannen D.* You Just Don't Understand: Men and Women in Conversation. N. Y., 1990.
- Terkouafi M.* Beyond the micro-level in politeness research // *Journal of Politeness Research*. 2005. Vol. 1, №2. P. 237–262. doi: 10.1515/jplr.2005.1.2.237.
- West C., Lazar M. M., Kramarae Ch.* Gender in discourse // *Discourse as social interaction. Discourse studies: A multidisciplinary introduction* / ed. by T. A. van Dijk. L., 1997. Vol. 2. P. 119–143.

Об авторе

Екатерина Алексеевна Руднева, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, Россия.
E-mail: katja1985mt@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3502-4390

Для цитирования:

Руднева Е. А. Стратегии солидарности в подростковом общении // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2024. Т. 15, №4. С. 72–88. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-5.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SOLIDARITY STRATEGIES IN ADOLESCENT COMMUNICATION

Ekaterina A. Rudneva

Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
9, Tuchkov Pereulok, Saint Petersburg, 199034, Russia,

Submitted on 15.02.2024

Accepted on 15.06.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-5

The study aims to reveal politeness strategies used in natural interaction within a particular community group. The article analyses excerpts from audio recordings of conversations of teenage male friends. The chosen interactional approach relies on Goffman's notion of

face and Brown and Levinson's model of linguistic politeness, ethnographic methods of collecting data, and conversation analysis. The case study continues the discussion of gender and age aspects of politeness realization and communication styles. The article reveals the following interactional solidarity strategies: teasing and group jokes, where participants add details to exaggerate the comic effect; ritual insults, in particular making up nicknames; synchronized speech pacing, even leading to creating spontaneous poetry. In the case of a request, the following politeness strategies and means are noted: repetition of words, both literal and with variations; increasing the volume and varying the speech rate, which express the common emotional state; decreasing the imposition with lexical means, markers of in-group identity; friend's supporting through an offer and a jokily threat, language game (rhyming and deliberate mispronouncing), politeness marker "please" and its slang equivalent "pazhe", minimizing the degree of a favour; using markers of group identity ("brother"), offering help and threatening jokingly, using puns (rhyme and deliberate change of the phonetic form of a word), and increasing volume and prosodic emphasis that express an emotional state. Participants experiment with communicative strategies, sometimes pushing the degree of their expression to the edge and turning it into a performance. Applying the solidarity strategies in a more expressive and playful way seems to be a feature of the adolescent communication style. The data analysed reveals the local, cultural (and supposedly age) specifics of employing the universal face-saving mechanism of the communication.

Keywords: linguistic politeness, solidarity strategies, conversation analysis, teasing, ritual insults, youth slang, teenagers' communication

Acknowledgements: I extend my gratitude to Roman Rudnev for his assistance in data collection and to Victoria Gulida for her insightful feedback and contributions.

References

- Arundale, R., 2010. Constituting face in conversation: face, facework and interactional achievement. *Journal of Pragmatics*, 42 (8), pp. 2078–2105, <http://doi.org/10.1016/j.pragma.2009.12.021>.
- Arundale, R., 2013. Conceptualizing 'interaction' in interpersonal pragmatics: Implications for understanding and research. *Journal of Pragmatics*, 58, pp 12–26, <http://doi.org/10.1016/j.pragma.2013.02.009>.
- Batler, J., 2000. Gender trouble. In: E.I. Gapova and A.R. Usmanova, eds. *Antologiya gendernoi teorii* [Anthology of Gender Theory]. Minsk, pp. 297–346 (in Russ.).
- Brown, P. and Levinson, S., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge.
- Gapova, E.I. and Usmanova, A.R., eds., 2000. *Antologiya gendernoi teorii* [Anthology of Gender Theory]. Minsk (in Russ.).
- Geyer, N., 2008. *Discourse and Politeness Ambivalent Face in Japanese*. London; New York.
- Goffman, E., 1967. On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction. In: *Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York, pp. 5–46.
- Goodwin, M.H., 1990. *He-said-she-said: Talk as social organization among black children*. Bloomington.
- Grainger, K., 2011. 'First order' and 'second order' politeness: Institutional and intercultural contexts. In: *Discursive Approaches to Politeness*. Berlin; Boston, pp. 167–188.
- Haugh, M., 2007. The discursive challenge to politeness research: An interactional alternative. *Journal of Politeness Research*, 3 (2), pp. 295–317, <https://doi.org/10.1515/PR.2007.013>.

Haugh, M., 2014. Jocular mockery as interactional practice in everyday Anglo-Australian conversation. *Australian Journal of Linguistics*, 34 (1), pp. 76–99, <https://doi.org/10.1080/07268602.2014.875456>.

Haugh, M., 2015. *Im/Politeness Implicatures*. Berlin.

Holmes, J., 2006. *Gendered Talk at Work*. Oxford.

Jefferson, G., 2004. Glossary of Transcript Symbols with an Introduction. In: G.H. Lerner, ed. *Conversation Analysis: Studies from the First Generation*. Amsterdam, pp. 13–31.

Kádár, D. and Haugh, M., 2013. *Understanding Politeness*. Cambridge.

Kirilina, A. V. and Tomskaya, M. V., 2005. Gender studies in linguistics. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 2 (23), pp. 22–43 (in Russ.).

Korbut, A.M., 2015. Turn-Talking: Non-technical Introduction to Conversation Analysis. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 14 (1), pp. 120–141 (in Russ.).

Labov, W., 1972. Rules for ritual insults. In: *Language in the inner city: Studies in the black English vernacular*. Philadelphia, pp. 297–353.

Lakoff, R., 1973. Language and Woman's Place. *Language in Society*, 2 (1), pp. 25–80.

Larina, T. V., 2009. *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [The category of politeness and communication style: a comparison of English and Russian linguocultural traditions]. Moscow (in Russ.).

Martin, P. Y., 2003. "Said and Done" versus "Saying and Doing": Gendering Practices, Practicing Gender at Work. *Gender and Society*, 17 (3), pp. 342–366, <http://doi.org/10.1177/0891243203017003002>.

Mills, S., 2003. *Gender and Politeness*. Cambridge.

Mullany, L., 2006. "Girls on tour": Politeness, small talk, and gender in managerial business meetings. *Journal of Politeness Research*, 2 (1), pp. 55–77, <https://doi.org/10.1515/PR.2006.004>.

O'Driscoll, J., 2007. What's in an FTA? Reflections on a chance meeting with Claudine. *Journal of Politeness Research*, 3 (2), pp. 243–268, <https://doi.org/10.1515/PR.2007.011>.

Radcliffe-Brown, A. R., 1940. On joking relationships. *Africa*, 13, pp. 195–210.

Ridgeway, C., 2001. Gender, Status, and Leadership. *Journal of Social Issues*, 57 (4), pp. 637–655, <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00233>.

Rudneva, E., 2019. How Russians pre-request and seek assistance: a study of interaction in two communities of practice. *Russian Linguistics*, 43 (2), pp. 127–142, <https://doi.org/10.1007/s11185-019-09211-z>.

Rudneva, E., 2019. Teasing as politeness strategy. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 41, pp. 97–120, <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2019-15-41-97-120> (in Russ.).

Rudneva, E. A., 2016. Anthropology of politeness: cultural and local interaction norms. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 30, pp. 215–242 (in Russ.).

Sacks, H., Schegloff, E. and Jefferson, G., 1974. A simplest systematics for the organisation of turn-taking in conversation. *Language*, 50 (4–1), pp. 696–735.

Scollon, R. and Scollon, S. W., 1981. *Narrative, literacy and face in interethnic communication*. Norwood.

Scollon, R. and Scollon, S. W., 2001. *Intercultural Communication: A Discourse Approach*. 2nd ed. Malden.

Sinkeviciute, V., 2017. What Makes Teasing Impolite in Australian and British English? *Journal of Politeness Research*, 13 (2), pp. 175–207, <https://doi.org/10.1515/pr-2015-0034>.

Tannen, D., 1981. The machine-gun question as an example of conversational style. *Journal of Pragmatics*, 5 (5), pp. 383–397.

Tannen, D., 1990. *You Just Don't Understand: Men and Women in Conversation*. New York.

Terkourafi, M., 2005. Beyond the micro-level in politeness research. *Journal of Politeness Research*, 1 (2), pp. 237–262, <https://doi.org/10.1515/jplr.2005.1.2.237>.

West, C., Lazar, M.M. and Kramarae, Ch., 1997. Gender in Discourse. In: T.A. van Dijk, ed. *Discourse as Social Interaction. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. Vol. 2. London, pp.119–143.

Zemskaya, E. A., Kitaigorodskaya, M.A. and Rozanova, N.N., 1993. Features of male and female speech. In: E. A. Zemskaya and D.N. Shmelev, eds. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii* [The Russian language in its functioning]. Moscow, pp. 90–136 (in Russ.).

The author

Dr. Ekaterina A. Rudneva, Researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: katja1985mt@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3502-4390

To cite this article:

Rudneva, E. A., 2024, Solidarity strategies in adolescent communication, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 72–88. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-5.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ВЕЖЛИВОСТЬ В КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

А. Ч. Пиперски

Стокгольмский университет,
Швеция, 106 91, Стокгольм, Университетсвэген 10 Е

Поступила в редакцию 25.04.2024 г.

Принята к публикации 15.06.2024 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-6

Обсуждается речевой этикет, в том числе стратегии вежливости, в коммуникации между человеком и искусственным интеллектом (ИИ). Вежливость со стороны ИИ может усилить доверие со стороны человека, а вежливость человека по отношению к ИИ может влиять на эффективность коммуникации. Для демонстрации этого был проведен пилотный эксперимент с ChatGPT 4.0, получавшим промпты на русском языке с вежливостью и без; эксперимент показал, что вежливость положительно влияет на точность ответов. Также рассмотрены трансформации речевого этикета, связанные с ИИ, в частности пропуск приветствий и прощаний, отражающий более функциональный подход к коммуникации. Хотя статья не дает окончательных ответов на то, как должны функционировать стратегии вежливости в общении между человеком и ИИ, она подчеркивает социолингвистические аспекты, которые, вероятно, станут еще более актуальными со временем. Также показан ряд изменений в практике коммуникации, которые были вызваны интеграцией ИИ в повседневную жизнь и в будущем потребуют переосмысления привычных социальных норм и речевого этикета.

Ключевые слова: *речевой этикет, искусственный интеллект, стратегии вежливости, взаимодействие человека и машины*

1. Введение

В наше время общение людей между собой перестает быть единственной разновидностью языковой коммуникации: мы всё чаще взаимодействуем с искусственным интеллектом (далее — ИИ). Это заставляет нас переосмыслить роль различных аспектов коммуникации, в том числе вежливости.

Вежливость является одним из важнейших факторов успешного человеческого общения. Наиболее известная теория вежливости была предложена П. Браун и С. Левинсоном (Brown, Levinson, 1987), которые рассматривают вежливость как набор стратегий для сохранения лица собеседника. Понятие лица первоначально было введено И. Гофманом за 30 лет до этого (Goffman, 1956); так называется социальный образ, который человек хочет поддерживать при любом взаимодействии. Следует, однако, сразу отметить, что роль лица во взаимодействии с ИИ оказывается гораздо менее существенной: мы едва ли боимся опозориться перед роботом-пылесосом или перед чат-ботом, и это может быть важным фактором, влияющим на стратегии вежливости.

Ряд вопросов, которые возникают в связи с проблемой вежливости при общении с ИИ, сформулирован в обзоре П. Рибино (Ribino, 2023):

- Должны ли социальные нормы, в частности вежливость, соблюдаться в общении человека с системами ИИ?
- Почему ИИ должен быть вежливым по отношению к человеку?
- Почему человек должен быть вежливым по отношению к ИИ?

Ответы на все эти вопросы далеки от очевидности, и человечеству еще предстоит выработать их в полной мере. Эти ответы будут лежать на пересечении утилитарного, социального и символического.

Небольшая статья, которую вы сейчас читаете, не претендует ни на полный обзор существующих исследований в области вежливости в коммуникации человека с ИИ, ни тем более на формулирование окончательных ответов. Ее цель в первую очередь состоит в том, чтобы предложить читателям задуматься о происходящих вокруг нас изменениях этикета.

2. Вежливость ИИ по отношению к человеку

Обзор большого числа исследований, представленный в (Ribino, 2023), показывает, что вежливость, проявляемая системами ИИ по отношению к человеку, способствует росту доверия к этим системам у человека. Вежливость или ее отсутствие может проявляться даже на невербальном уровне: так, оказывается, что поведение антропоморфных роботов-продавцов воспринимается как невежливое, если они работают только одной рукой (Pan et al., 2024).

Стратегии вежливости, которые ИИ использует в общении с пользователем, могут быть различными. Негативная вежливость ориентирована на минимизацию навязчивости и уважение к личному пространству пользователя. Позитивная вежливость, напротив, стремится укрепить эмоциональную связь пользователя с ИИ и создать атмосферу тепла и близости. Она включает в себя комплименты, одобрительные замечания и выражения благодарности, которые направлены на усиление положительных эмоций и укрепление доверия между ИИ и пользователем. Однако применение таких стратегий требует тонкой настройки алгоритмов ИИ, чтобы избежать чрезмерной фамильярности или ненужного вмешательства в личные дела пользователя.

Антивежливость в контексте ИИ может проявляться в виде игнорирования или нарушения социальных ожиданий, что часто воспринимается как грубость или неподобающее поведение. Если она возникает как результат ошибок в обучении языковой модели или неправильного понимания контекста взаимодействия, то воспринимается резко отрицательно как пользователями, так и разработчиками. При этом, однако, пользователь может сам изъявить желание, чтобы ИИ общался с ним с использованием антивежливости. Примером тому может служить выбор голосов в Яндекс.Навигаторе: пользователи, которым наскучила идеальная корректность голоса по умолчанию, могут выбрать другую озвучку и, соответственно, другие тексты. Например, голос Оптимуса Прайма, главного персонажа франшизы «Трансформеры», может сказать пользователю: *Рухлядь свалочная, мы потерялись!*

Э. Лумер и Х. Бушмайер выделяют две стратегии вежливости: адаптивную, то есть проявление эмпатии в зависимости от ситуации, и правилую (Lumer, Buschmeier, 2023). Они подчеркивают, что в коммуникации с ИИ люди обычно ожидают от машины правиловой вежливости, то есть определенных этикетных формул в определенных ситуациях. Приведенное выше наблюдение про антивежливость вписывается в эту теорию, несколько расширяя ее: даже если люди хотят от машины непредсказуемости, это все равно точно отмеренная и заданная в настройках непредсказуемость, а воспринимать ИИ как полноправного субъекта, отмеряющего степень вежливости по ситуации на основе своих чувств, мы пока не готовы.

3. Вежливость человека по отношению к ИИ

Вежливость со стороны человека в коммуникации с ИИ может объясняться либо привычкой, либо утилитарным стремлением добиться коммуникативного успеха. Собственно, в этом общении с ИИ не отличается от общения между людьми: иногда мы просто бываем вежливы по привычке, а иногда специально стараемся вести себя вежливо, чтобы получить что-то от собеседника.

Французский философ Г. Кёниг высказывается резко против того, чтобы человек использовал стратегии вежливости в общении с роботом: в эссе (Koenig 2019), посвященном развитию ИИ и его влиянию на человеческую жизнь, есть целая глава под названием «Не говори спасибо роботу». В ней автор рассказывает о том, что его дети обращались к голосовому помощнику Алексе с использованием всех тех формул вежливости, которым их обучили для человеческого общения: «Алекса, не могла бы ты, пожалуйста, сказать, который час?». Г. Кёниг резко возражает против такого одушевления ИИ, подчеркивая, что мы не говорим «пожалуйста» стиральной машине, автомобилю или текстовому редактору. По его мнению, крайне важно разграничивать межличностную коммуникацию и коммуникацию с ИИ. Мы видим, что в данном случае привычные социальные практики вступают в противоречие с попыткой провести символические границы между разными типами коммуникации.

Тем не менее жизненный опыт подсказывает нам, что вежливость может быть полезна для улучшения коммуникации. Если перенести этот опыт на общение с ИИ, можно ожидать, что более вежливые промпты будут давать нам более качественные ответы. Как показано в работе (Yin et al., 2024), это до определенной степени верно: авторы сравнили 3 большие языковые модели для 3 языков (английского, китайского и японского) на 3 задачах из области автоматической обработки естественного языка, используя 8 уровней вежливости промпта: от “Could you please tell me how to analyze this sentence? Please feel free to answer with one of (Positive Neutral Negative), and don’t need to give reasons” (уровень 8) до “Analyze this sentence you scum bag! The only answer

you can give is answering with one of (Positive Neutral Negative). And you know what will happen if I see any reasons" (уровень 1). Исследователи не приходят к однозначному ответу на вопрос о том, какой уровень вежливости оптимален: это зависит от модели, языка и задачи, но в целом рекомендуется использовать средние уровни.

4. Вежливые и невежливые промпты: пилотный эксперимент на материале русского языка

Для того чтобы проверить, насколько вежливость влияет на эффективность общения с ИИ, необходимо разрабатывать стандартизованные тесты для оценки такой эффективности. Гипотетически для такого рода исследований можно было бы использовать стандартные датасеты, предназначенные для оценки качества языковых моделей — например, *RussianSuperGLUE* для русского языка (Shavrina et al., 2020). Не претендуя на проведение масштабного исследования в этой области, кратко опишу один небольшой нестандартный эксперимент на тему вежливости в общении с искусственным интеллектом.

В качестве материала для исследования были использованы задачи игры-конкурса «Русский медвежонок — языкознание для всех». Их достоинство состоит в том, что многие из них достаточно нестандартны по содержанию, так что можно ожидать, что большая языковая модель будет предлагать на них разные ответы; при этом они абсолютно стандартизованы по форме: к каждой задаче есть выбор из 5 вариантов ответа, и только один из ответов является правильным.

Для эксперимента использовалась языковая модель *ChatGPT 4.0*. Сохранение чатов для обучения было отключено, чтобы обеспечить возможность повторения такого же или схожего эксперимента в будущем. На первом шаге языковой модели был задан следующий промпт: «Реши предлагаемые ниже 10 задач. Напечатай только буквы ответов без объяснений. Пример того, как должен выглядеть твой ответ: АДБАБГДДВВ», за которым следовали задачи, предложенные на «Русском медвежонке—2023» как задачи 1–10 (то есть самые легкие) для 6–7-х классов. Этот запрос был повторен 4 раза, полученные последовательности букв ответов были выписаны и сопоставлены между собой; это позволило найти задачи, на которые давались неодинаковые ответы, и в дальнейшем работать именно с такими задачами. Их оказалось четыре; вот эти задачи:²

1. Какой Иван **не** является персонажем русских народных сказок?
(А) Иван-царевич; (Б) Иван-дурак; (В) Иван-чай; (Г) Иванушка; (Д) Иван — крестьянский сын.
2. Какое из этих сочетаний обычно описывает не причину?
(А) из-за дождя; (Б) из-за болезни; (В) из-за денег; (Г) из-за границы; (Д) из-за пустяка.

² Авторы задач: А.И. Ковалёва (№1), А.А. Сомин (№2, 3), О.Ю. Подлеская (№4). Ответы на задачи: В, Г, Б, Д.

3. Какое из этих существительных образует словосочетания с числительными?

(А) свинина; (Б) рыба; (В) говядина; (Г) баранина; (Д) курица.

4. В каком из глаголов нельзя поменять приставку *от-* на *о-* и получить новый глагол?

(А) отступить; (Б) отправиться; (В) отказаться; (Г) отпираться; (Д) отсмеяться.

На следующем шаге языковая модель должна была решить эти задачи с объяснениями. Для этого использовались два разных промпта:

вежливый: Пожалуйста, реши предлагаемые ниже 4 задачи. Я был бы благодарен, если бы ты напечатал пояснения и ответы. Спасибо!

без вежливости: Реши 4 задачи. Напечатай пояснения и ответы.

Каждый из промптов вместе с задачами был предложен языковой модели по 5 раз. Вот примеры ответов модели:

Ответ на вежливый промпт:

Давай разберем каждую из задач по отдельности.

1. ****Какой Иван не является персонажем русских народных сказок?***

Варианты:

- (А) Иван-царевич
- (Б) Иван-дурак
- (В) Иван-чай
- (Г) Иванушка
- (Д) Иван – крестьянский сын

Иван-царевич, Иван-дурак, Иванушка и Иван – крестьянский сын – все они известные персонажи русских народных сказок. Иван-чай – это название растения, а не персонаж сказки. Поэтому правильный ответ: **** (В) Иван-чай****.

2. ****Какое из этих сочетаний обычно описывает не причину?***

Варианты:

- (А) из-за дождя
- (Б) из-за болезни
- (В) из-за денег
- (Г) из-за границы
- (Д) из-за пустяка

Выражения «из-за дождя», «из-за болезни», «из-за денег» и «из-за пустяка» используются для обозначения причин или обстоятельств. Однако «из-за границы» означает место происхождения или перемещение, что не относится к категории причин. Поэтому правильный ответ: **** (Г) из-за границы****.

3. ****Какое из этих существительных образует словосочетания с числительными?***

Варианты:

- (А) свинина
- (Б) рыба
- (В) говядина
- (Г) баранина
- (Д) курица

Слова «свинина», «говядина», «баранина», «курятина» обычно употребляются в единственном числе и обозначают мясо соответствующих животных. Однако «рыбина» — это редко используемое слово, и не употребляется с числительными таким образом, как другие перечисленные существительные. Таким образом, правильный ответ: **** (Б) рыбина****.

4. ****В каком из глаголов нельзя поменять приставку от- на о- и получить новый глагол?***

Варианты:

- (А) отступиться
- (Б) отправиться
- (В) отказаться
- (Г) отпираться
- (Д) отсмеяться

Меняя приставку от- на о-:

- «отступиться» станет «оступиться» (существует)
- «отправиться» станет «оправиться» (существует)
- «отказаться» станет «оказаться» (существует)
- «отпираться» станет «опираться» (существует)
- «отсмеяться» станет «осмеяться» — такого глагола не существует.

Поэтому правильный ответ: **** (Д) отсмеяться****.

Ответ на промпт без вежливости:

Ответы и пояснения

1. ****Какой Иван не является персонажем русских народных сказок?***

— ****Ответ: В) Иван-чай****

— ****Пояснение:**** Иван-царевич, Иван-дурак, Иванушка и Иван — крестьянский сын являются традиционными персонажами русских народных сказок. Иван-чай на самом деле не персонаж, а название растения (кипрей узколистный), широко известного в России.

2. ****Какое из этих сочетаний обычно описывает не причину?***

— ****Ответ: Г) из-за границы****

— ****Пояснение:**** Фразы «из-за дождя», «из-за болезни», «из-за денег» и «из-за пустяка» используются для описания причин чего-либо. «Из-за границы» же обычно используется для обозначения происхождения или местоположения и не описывает причину.

3. ****Какое из этих существительных образует словосочетания с числительными?***

— ****Ответ: Д) курятина****

— ****Пояснение:**** Слово «курятина» может употребляться с числительными в контексте веса или количества (например, два килограмма курятины). Остальные существительные (свинина, рыбина, говядина, баранина) обычно не употребляются с числительными напрямую, так как это названия мяса от определенных животных в общем смысле, без указания на конкретное количество.

4. ****В каком из глаголов нельзя поменять приставку от- на о- и получить новый глагол?***

— ****Ответ: В) отказаться****

— ****Пояснение:**** Глагол «отказаться» не образует новый глагол при замене приставки «от-» на «о-». В случаях других глаголов, таких как «отступиться» (оступиться), «отправиться» (оправиться), «опираться» (опираться) и «отсмеяться» (осмеяться), замена приставки приводит к формированию новых глаголов с другим значением.

Нетрудно заметить, что ответ на вежливый промпт длиннее, чем ответ на промпт без вежливости (1998 против 1615 знаков). При этом ответ на вежливый промпт еще и точнее: в нем правильно определены все 4 правильных ответа, тогда как без вежливости верный ответ предложен только для 2 задач из четырех. Разумеется, для статьи эти ответы были специально выбраны, но сделано это именно потому, что такая картина вырисовывается после анализа всех ответов (табл.).

Длина и качество ответа в зависимости от вежливости промпта

Вид промпта	Длина (количество знаков, медиана)	Верные ответы (количество, среднее арифметическое)
Вежливый	2008	3,6
Без вежливости	1615	2,2

По-видимому, можно предполагать, что более вежливый промпт стимулирует более длинный ответ, а более длинный ответ, в свою очередь, содержит логические цепочки, выписанные в более явном виде, и это приводит к повышению их качества, а значит, и точности ответа.

Конечно же, описанный выше эксперимент не следует воспринимать слишком серьезно. Он состоит всего из $4 + 5 \times 2 = 14$ промптов и ответов на них; диалог велся только с одной нейросетью; набор заданий был крайне специфичен и ограничен; влияние различных средств выражения вежливости в промпте на результат не было изучено. Но, как бы то ни было, это повод задуматься о продолжении таких экспериментов и о более широком тестировании популярных моделей, которые используются при работе с русским языком.

5. Новое в речевом этикете при общении с ИИ

Тот факт, что мы всё больше общаемся с ИИ, влияет на различные аспекты речевого этикета. Часть из этих изменений продолжает тенденции, которые уже наметились в коммуникации в мессенджерах между людьми, но есть и совсем новые. Полноценное не только качественное, но и количественное исследование этих тенденций — дело будущего; я же ограничусь перечислением нескольких фактов из этой области.

Взаимодействие с голосовыми помощниками часто начинается с оклика. Пользователи активируют устройства, обращаясь к ним по имени — например, «Алиса!» или «Окей, Гугл». При этом отсутствует приветствие: реплики типа «Привет!» или «Здравствуйте!» обычно не произносит ни человек, ни машина. Такой способ начала коммуника-

ции отражает функциональный подход к общению, где первостепенная цель — вызвать реакцию системы, а не продемонстрировать приверженность социальным нормам, как в человеческих диалогах. Еще более явно это проявляется в текстовом общении с большими языковыми моделями: там не используются ни оклики, ни приветствия.

Характер благодарностей в диалогах с ИИ также отличается. Пользователи могут выражать благодарность в процессе взаимодействия в ответ на выполненные запросы, но обычно эта благодарность сопровождается просьбой что-нибудь переделать: «Спасибо! А теперь напиши тот же список, но через запятую». А вот в конце сессии благодарность встречается редко: обычно человек просто забирает результаты работы языковой модели и больше не реагирует. Это подчеркивает инструментальное восприятие ИИ, где отсутствует необходимость в поддержании непрерывных социальных связей, характерных для человеческих отношений.

То же касается и ситуации прощания. В традиционном общении прощание служит важным ритуалом, завершающим взаимодействие и показывающим внимание к собеседнику, а в диалогах с ИИ четкое заключительное прощание отсутствует. Однако стоит отметить, что это встречается и в коммуникации между людьми в мессенджерах, где попрощаться тоже не принято.

6. Заключение

Взаимодействие между человеком и ИИ ставит новые вопросы в области вежливости и речевого этикета. Вполне вероятно, что решения этих вопросов будут существенно меняться со временем, но их исследование в любом случае представляется плодотворным уже сейчас. В частности, можно надеяться, что особенности коммуникации человека с ИИ позволят нам лучше понять и некоторые особенности межличностной коммуникации.

Список литературы

Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.

Goffman E. The presentation of self in everyday life. Edinburgh, 1956.

Koenig G. La fin de l'individu. Voyage d'un philosophe au pays de l'intelligence artificielle. P., 2019.

Lumer E., Buschmeier H. Should robots be polite? Expectations about politeness in human – robot interaction // *Frontiers in Robotics and AI*. 2023. Vol. 10. doi: 10.3389/frobt.2023.1242127.

Pan X., Doering M., Kanda T. What is your other hand doing, robot? A model of behavior for shopkeeper robot's idle hand // *Proceedings of the 2024 ACM / IEEE International Conference on Human – Robot Interaction*. N. Y., 2024. P. 552 – 560. doi: 10.1145/3610977.3634986.

Ribino P. The role of politeness in human – machine interactions: A systematic literature review and future perspectives // *Artificial Intelligence Review*. 2023. Vol. 56, №1. P. 445 – 482. doi: 10.1007/s10462-023-10540-1.

Shavrina T., Fenogenova A., Emelyanov A. et al. RussianSuperGLUE: A Russian language understanding evaluation benchmark // Proceedings of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP) / ed. by B. Webber, T. Cohn, Y. He and Y. Liu. Online, 2020. P. 4717–4726. doi: 10.18653/v1/2020.emnlp-main.381.

Yin Z., Wang H., Horio K. et al. Should we respect LLMs? A cross-lingual study on the influence of prompt politeness on LLM performance. 2024. arXiv:2402.14531 [cs. CL].

Об авторе

Александр Чедович Пиперски, кандидат филологических наук, лектор (Assistant Professor), Стокгольмский университет, Швеция.

E-mail: alexander.piperski@slav.su.se

Для цитирования:

Пиперски А. Ч. Вежливость в коммуникации между человеком и искусственным интеллектом // Слово.ру: балтийский акцент. 2024, Т. 15, №4. С. 89–98. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-6.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

POLITENESS IN THE COMMUNICATION BETWEEN HUMANS AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Alexander Ch. Piperski

Stockholm University,
10 E, Universitetsvägen, 106 91, Sweden, Stockholm

Submitted on 25.04.2024

Accepted on 15.06.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-6

The paper explores the evolution of communication etiquette between humans and artificial intelligence (AI), focusing particularly on the adaptation of traditional politeness strategies. While the politeness of AI can enhance the human level of trust, human politeness towards AI is equally important as it can impact the efficiency of communication. To demonstrate this, I conducted a pilot experiment with ChatGPT 4.0, using polite and non-polite prompts in Russian. The results suggest that politeness is likely to positively impact the accuracy of responses. Furthermore, the paper examines changes in speech etiquette, highlighting how interactions with AI often omit traditional greetings and farewells, reflecting a more functional approach to communication. Although the paper does not provide definitive answers on how politeness strategies between humans and AI should function, it underscores sociolinguistic points that are likely to become increasingly pressing over time. Overall, the paper illustrates a significant shift in communication practices, driven by the integration of AI into daily interactions, necessitating a reevaluation of the established social norms and speech etiquette.

Keywords: communication etiquette, artificial intelligence, politeness strategies, human-AI interaction

References

- Brown, P. and Levinson, S., 1987. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge, 345 p.
- Goffman, E., 1956. *The presentation of self in everyday life*. Edinburgh, 251 p.
- Koenig, G., 2019. *La fin de l'individu. Voyage d'un philosophe au pays de l'intelligence artificielle*. Paris, 398 p.
- Lumer, E. and Buschmeier, H., 2023. Should robots be polite? Expectations about politeness in human – robot interaction. *Frontiers in Robotics and AI*, 10, <https://doi.org/10.3389/frobt.2023.1242127>.
- Pan, X., Doering, M. and Kanda, T., 2024. What is your other hand doing, robot? A model of behavior for shopkeeper robot's idle hand. In: *Proceedings of the 2024 ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction*. New York, pp. 552–560, <https://doi.org/10.1145/3610977.3634986>.
- Ribino, P., 2023. The role of politeness in human – machine interactions: A systematic literature review and future perspectives. *Artificial Intelligence Review*, 56 (1), pp. 445–482, <https://doi.org/10.1007/s10462-023-10540-1>.
- Shavrina, T., Fenogenova, A., Emelyanov, A. et al., 2020. RussianSuperGLUE: A Russian language understanding evaluation benchmark. In: B. Webber, T. Cohn, Y. He and Y. Liu, eds. *Proceedings of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)*, pp. 4717–4726, <https://doi.org/10.18653/v1/2020.emnlp-main.381>.
- Yin, Z., Wang, H., Horio, K. et al., 2024. *Should we respect LLMs? A cross-lingual study on the influence of prompt politeness on LLM performance*. arXiv:2402.14531 [cs. CL].

The author

Dr. Alexander Ch. Piperski, Assistant Professor, Stockholm University, Sweden.

E-mail: alexander.piperski@slav.su.se

To cite this article:

Piperski, A. Ch., 2024, Politeness in the communication between humans and artificial intelligence, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 89–98. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-6.

ЛИНГВОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ВОСПРИЯТИЕ НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В МОСКВЕ 2024 ГОДА

Е. Р. Добрушина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ),
Россия, 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, 23Б
Поступила в редакцию 10.03.2024 г.
Принята к публикации 15.06.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-7

Изложены результаты исследования отношения к ненормативной лексике москвичей 1962 – 2011 годов рождения из семей с высшим образованием. Рассматривается понимание респондентами слова «мат», их отношение к социальному запрету на употребление ненормативной лексики, их оценка регулярности и целей ее использования в собственной речи и оценка изменения своей лояльности к ней в разные периоды жизни.

Исследование выполнено на основе анализа 20 интервью и 182 ответов на подробный опросник. Предложен краткий обзор понимания термина «мат» немногочисленными авторами научных исследований и словарей, а также собственное определение термина, содержащее описание отличий матерной лексики от остальной обсценной. Дается часть статистики предварительного анализа опросника. Так, оценивают себя как никогда или несколько раз в жизни произносивших матерные слова (не в рамках цитирования) 26 %, из них никогда – 23 респондента. Считают себя использующими мат часто 14 %; 60 % применяют его изредка или в определенной компании. Многие пользователи мата считают, что не пользующихся им не существует, но с напряжением относятся к тем, кто заполняет им паузы. При детях могут использовать мат 35 % респондентов, при этом при чужих ограничивают себя на 10 % больше лиц, чем при своих. Соотношение желающих запретить мат строго / запретить в некоторых ситуациях / разрешить свободно – 14 % / 44 % / 17 %.

В качестве вывода приведено описание характерной, на взгляд автора, современной модели восприятия мата: нечастое исключительно устное использование в одиночестве или при близких людях любого пола, но не при детях; в непрямом значении, без инвективности; в двух целях – для психологической разрядки и для выразительности речи и развлечения.

Ключевые слова: русский язык, обсценная лексика, ругательства, экспрессивные слова, лингвосоциология, корпусная лингвистика

1. Постановка проблемы и методы исследования

Занимаясь проблемами разных типов грамматической анормативности, так или иначе порожденных языковой системой, и проблемами диахронического описания молодежного интернет-жаргона, я заинтересовалась словом *маты* в значении *матерные слова*. Примеры типа *Не навизижу маты!* в 2022 – 2023 годах стали заметно чаще, чем раньше, появ-

ляться в речи старшеклассников, студентов, даже журналистов. Например, в научно-популярной книге об этимологии обценной лексики журналист С. Антонов неоднократно использует термин «матерная лексика», но в финальном разделе, то ли не уследив, то ли нарушив стиль ради шутки, пишет: ...*закрывать глаза и делать вид, что никаких матов на самом деле нет...* (Антонов, 2024, с. 267). Интерес к диахронии и к оценке носителями нормативного статуса формы *маты* заставил меня добавить пару вопросов к стандартной программе интервью о восприятии и использовании жаргона. Тут выяснилось, что трактовка слова *мат* у упомянутого поколения может быть совершенно неожиданной для меня. Так, информант 2006 года рождения, одиннадцатиклассник из хорошей школы, к моменту разговора со мной был уверен, что слово *дебил* относится к матерной лексике, является очень непристойным и самим фактом произнесения может обидеть, например, меня.

Это и некоторые другие открытия привели меня к вопросу о современном восприятии понятия *мат*. Этот вопрос был исследован мною сначала на базе интервью с информантами разных поколений. Отмечу, что метод интервью для изучения языкового сознания представляется очень эффективным и недооцененным в лингвистике. Проведя около 20 интервью¹, я обнаружила, что вижу несколько обобщенных типов носителей языка с разным восприятием мата, один из которых, по всей видимости, характерен именно для нашего времени. Будучи убежденной в необходимости лингвистической фиксации состояния языка в разных его проявлениях на каждом этапе, я попыталась проверить сложившуюся картину, и для этого был составлен довольно емкий, на мой взгляд, опросник и получено около 180 ответов². Информантами в основном были москвичи разных возрастов из семей с высшим образованием³. Помимо социолингвистической методики, будет применяться корпусный лингвистический анализ. Совсем недавно создан Корпус социальных сетей Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ-СС), он содержит огромный материал, что позволяет исследовать современную устно-письменную речь Рунета, в том числе ненормативную лексику.

Итак, цель работы — фиксация полученной в феврале 2024 года из интервью, опросника и НКРЯ информации о месте матерной лексики в

¹ Вопросы о мате (количеством два) встречались в интервью наряду с вопросами о словах типа *ЧСВ, чиллить, хайп, абьюзер* и др.

² Опросник распространялся в трех чуть различающихся вариантах: 23 вопроса для взрослых нефилологов, 24 для филологов и 21 для подростков. Ответы получены от 137 нефилологов 1956–2007 г. р., от 33 филологов (включая студентов) 1956–2006 г. р., от 12 подростков 2008–2011 г. р. Опросник объемён, на данный момент обработан не до конца, и здесь будет описываться лишь часть содержащихся в нем данных. Результаты опроса и интервью не объединяются, статистика приводится только для опроса.

³ Сравнивать представителей разных областей России и разных социальных кругов я на данном этапе не готова, мне хотелось получить хоть сколько-то систематизированную, обобщенную и подтвержденную данными картину для одного социального среза.

современном речевом обиходе. В первую очередь будут описаны взгляды исследователей и носителей языка на границы понятия «мат»; взгляды носителей на то, используют ли они мат и зачем и нужен ли соответствующий социальный запрет; также обсуждается вопрос о том, есть ли различия применения мата в устной и «устно-письменной» речи; в конце речь пойдет о ненормативной форме *маты*. В качестве заключения будет приведена зарисовка одной модели характерного для современности восприятия мата.

2. Границы понятия «мат»

Понятие «мат» существует в русистике без общепринятого лингвистического определения. В словарях нет толкования точнее, чем «неприличная брань» (Ожегов, Шведова). Лингвисты определяют (как правило, задавая списками) нецензурное, обценное, пейоративное, но не матерное. Так, в словаре (Василий Буй, 2005) перечислены восемь лексем, но нет ни слова о принципах их отбора и называются они *бранные* или *обценные*, а слово *мат* почти не используется — авторы в нем не нуждаются.

Обобщая, выделю в научной литературе следующие четыре приема обращения с понятиями «матерная лексика», «мат».

1) Матерными считают три лексемы и образованные от них. В прямом значении они называют: (1) мужской орган (далее «лексема 1»), (2) женский («лексема 2»), (3) действие («лексема 3»)⁴. Так, о «трех общеизвестных матерных корнях» говорит Ю. И. Левин (1998, с. 809); «основные “три кита” русского мата» — формулировка В. М. Мокиенко (1994). Определения термина «мат» эти исследователи не предлагают, понимая его шире, чем лексемы от трех корней (см. прием 4).

2) К трем перечисленным лексемам добавляют четвертую: существительное женского рода, обозначающее лицо (далее «лексема 4»). О традиционности понимания под матом экспрессивного ядра обценной лексики, состоящего из четырех лексем, говорит, например, А. Плущер-Сарно (2005, с. 77). Важно, что именно таков перечень нецензурных слов в рекомендациях по применению поправок в Закон о СМИ и Административный кодекс РФ. Рекомендации были приняты в апреле 2013 года на основе мнения экспертной комиссии при Роскомнадзоре, к работе которой были привлечены специалисты ИРЯ РАН им. Виноградова. В рекомендациях используется термин «нецензурные», а слово «мат» появляется в декабре 2013 года в интервью об этих рекомендациях, данном сотрудником Роскомнадзора. В. Ампелонский, пресс-секре-

---

⁴ Прошу прощения у читателей, которые, возможно, сочтут это чрезмерным пурризмом, свойственным обывательскому сознанию (см., напр.: Руднев, 2005, с. 30), но из уважения к институту Православия, считающего реализацию обсуждаемой лексики неприемлемой, и сочувствия к тем носителям языка, кому зрительный облик матерных лексем неприятен (а таких, как показал опрос, немало), обойдусь без какого-либо прописывания в данной статье лексем с четырьмя ядерными корнями, заменяя их эвфемизмами вида «лексема / корень 1».

тарь Роскомнадзора, в выступлениях и журналистских публикациях на эту тему использует термины «нецензурное» и «мат» как синонимы, противопоставляя им «грубые, просторечные слова и выражения» как не подлежащие цензурированию. Представление Роскомнадзора применяется для определения границ мата в научно-популярных книгах, написанных журналистами (напр.: Антонов, 2024, с. 264).

3) Матом считают разнообразную обсценную лексику, ядро которой составляют три или четыре обозначенных выше корня, а границы размыты. Так, А. Плущер-Сарно пишет: «...мы условно понимаем под “матом” целый пласт экспрессивной обсценной лексики, однако мы не будем пытаться выделить какие-либо объективные критерии ее отбора для нашей базы данных, поскольку мат — понятие условное». И далее ранжированно перечисляет 35 лексем, называемых матерными «рядовыми носителями языка», из которых выделяет первые семь, называемые наиболее часто, а затем предлагает «условно» применять термин «мат» к первым 12 из 35 единиц списка, так как они составляют «наиболее экспрессивное ядро непристойной лексики» (Плущер-Сарно, 2005, с. 77–78)⁵.

4) Многие исследователи избегают перечня или определения «матерных лексем», не разделяя обсценное на матерное и нет и не обсуждая тактику выделения описываемой лексики. При этом три или четыре лексемы как ядро обсценного иногда упоминаются. Так, В. М. Мокиенко (1994) выделяет обсценную и бранную лексику — первая более табуирована, чем вторая, — а далее описывает пять лексико-тематических групп обсценно-бранной лексики, среди прочих включая в них образования от четырех ключевых корней, но не уточняя, как входящие в группы единицы соотносятся с понятием «мат» и используя его далее без определения. Б. А. Успенский в заглавиях статей (1981; 2018) говорит об «экспрессивной фразеологии», а в тексте использует слова «мат» и «матерщина», не давая определений, описаний или перечней, как бы считая набор обсуждаемых единиц очевидным⁶. В. И. Беликов (2006) описывает два эксперимента, рассматривающих восприятие табуированной лексики; в первый опросник включены девять корней, во второй — 69 лексем, из которых 20 образованы от четырех ядерных. При этом критерии выделения единиц не обсуждаются.

Здесь матерными будут считаться четыре пронумерованные лексеммы, то есть выбрана точка зрения экспертной комиссии Роскомнадзора.

---

⁵ Ярким свидетельством отсутствия объективных критериев для классификации русских слов по рангам обсценности оказывается то, что одна из восьми «обсценных лексем» из (Василий Буй, 2005) не попала в 35 лексем, называемых матерными «рядовыми носителями языка» по данным опроса из (Плущер-Сарно, 2005), а три из восьми заняли в этом ранжированном списке 13-ю, 27-ю и 28-ю позицию, то есть не вошли в 12 лексем «условного мата», которые выделил Плущер-Сарно.

⁶ Для Б. А. Успенского, описывающего древний сакральный аспект фразеологии, матом в первую очередь является одно трехсловное словосочетание с *мать*, возглавляемое «лексемой 3», но и другие единицы он, регулярно используя термин «матерщина», тоже, видимо, подразумевает.

Я, с позиции лингвиста, не могу согласиться с тем, что мат — «условное понятие», «вопрос восприятия тех или иных слов носителем языка» (Плущер-Сарно, 2005, с. 77). Предлагаю определение. Мат — это набор лексем, образованных от четырех конкретных корней, и фразеология с этими лексемами; входящие в него единицы имеют свойства, в своей совокупности отличающие матерные лексемы от остальной обсценной лексики, а именно: (1) безусловная трактовка их как матерных и филологами, и нефилологами; (2) безусловное осознание их как табуированных всеми носителями литературного языка, в том числе регулярно их использующими; (3) существенно большая частотность в разговорной речи, чем у остальных обсценных; (4) существенно больший словообразовательный, метафорический и фразеологический потенциал; (5) существенно больший и пополняемый набор единиц, являющихся их эвфемизмами; (6) существенно большая частотность их эвфемизмов; (7) регулярное более частотное использование в качестве частиц и междометий; (8) существенно большее применение в языковой игре; (9) большая значимость для разнообразных вариантов социального и культурного самоопределения носителей русского языка. Такое определение, строго говоря, нуждается в доказательстве статистическими данными, и, возможно, когда-нибудь они будут кем-либо приведены. Пока же обращаюсь к опросу, подтверждающему положения (1) и (2).

На Вопрос-18 «Перечислите известные Вам матерные слова (если есть несколько образованных от одного корня, достаточно указать одно любое из всей группы однокоренных)» ответили 140 информантов. Из них:

1) перечислили четыре базовых корня без добавочных — 24 %⁷ (33 информанта); перечислили четыре базовых корня и добавили к ним еще несколько слов с другими корнями — 34 % (47);

2) перечислили три базовых корня — 13 % (18) (не хватает «корня 2» — 4 случая, «корня 3» — 8, «корня 4» — 8). Перечислили три базовых корня и добавили к ним еще несколько — 15 (не хватает «корня 2» — 3, «корня 3» — 5, «корня 4» — 7)⁸. Разумеется, чаще корень отсутствует не потому, что его не трактуют как матерный, и не потому, что не знают, а просто его не вспомнили, и все же 15 потерь «корня 4» и 13 потерь «корня 3» свидетельствуют, что они на периферии осознания мата, а для кого-то, возможно, «корень 4» не матерный, как не входит он в «три кита» для Ю.И. Левина и В.М. Мокиенко. Состав часто приводимых

⁷ Здесь и далее в скобках количество информантов; проценты округляются; следует понимать, что числа дают лишь приблизительную картину (информанты могут не понять вопрос, не то нажать, неверно оценить себя и др.). Но, имея большой опыт корпусной языковой статистики, я уверена, что и неточные, и очень малые числа при разумном подсчете отражают реальную картину.

⁸ «Корень 1» перечисляют всегда, и тут информация не совсем достоверна по моей вине: была использована неудачная формулировка вопроса: «Перечислите известные Вам матерные слова (если есть несколько образованных от одного корня, достаточно указать одно любое из всей группы однокоренных). При желании (не обязательно), можно маскировать слова любым способом, например, "х..."». Неудача в том, что «корень 1» был введен, то есть не получилось чистого эксперимента.

добавочных слов (прошу прощения за эвфемизмы): созвучное с «чудак» слово названо 29 раз, самка собаки — 16, старославянская буква — 11. Отмечу, что слова тематической области «испражнения» перечислил лишь один информант, значит, этот тип лексики устойчиво не ассоциируется у информантов с матерной;

3) перечислили два базовых корня 3 информанта, не вспомнены во всех случаях второй и третий, то есть менее частотные;

4) сформулировали нежелание отвечать или ничего не назвали 17% (24). Тут три основных варианта: нет ответа либо потому, что отвечать неприятно (7, напр.: «*Не хочу об этом думать, тем более писать*»; «*Вот даже в научных целях неприятно вынимать эти знания из глубин памяти. Пусть остаются там*»; «*я не знаю матерных слов я культурный вы что*»); либо потому, что вопрос бессмысленный (а отвечать, видимо, неприятно) (2, напр.: «*Не буду перечислять, потому что в этом опросе такой вопрос кажется неуместным*»); либо потому, что точно знают все слова, или потому, что слов слишком много (13, напр.: «*мне 52 года, я знаю, наверное, все, в том числе составные*», «*жизнь слишком коротка*»). Скорее удачно, что формулировка вопроса не проясняла информантам основную его цель — узнать, что они считают матерным, а что нет; видимо, многие решили, что проверяют их осведомленность, поэтому не задумывались над проблемой трактовки понятия и давали естественные ответы. Некоторые информанты пишут, что опрос помог им осознать неопределенность понятия; надеюсь, этот раздел им поможет:

● *Когда я ответила на все вопросы, захотелось найти определение матерного слова⁹.*

Назвали слова, находящиеся за рамками четырех корней, 62 информанта, не назвали — 51, это свидетельствует о размытости представлений носителей языка о составе категории, но не о ее размытости для лингвистики. Устойчивое выделение четырех базовых корней (80 информантов из 116, то есть 69%) свидетельствует о реальности свойств (1) и (2) из данного выше определения мата.

3. Пользователи и непользователи матерной лексики

В публицистических и научных книгах о мате и в репликах информантов высказывается представление о том, что мат в современном русском мире используют все.

Журналист С. Антонов пишет: «Ведь, наверное, даже самый вежливый и грамотный человек хотя бы у себя в голове время от времени возьмет да и выругается» (2024, с. 267), культуролог В. Жельвис называет научно-популярную книгу «Матерятся все?!» (2022). Высказывание информантов:

● *он у нас в крови.*

● *Ну и, если честно, я с трудом представляю себе людей, говорящих что-то кроме «лексема 4"!», когда им на ногу падает утюг.))*

⁹ Знаком ● будут помечены «свободные» высказывания о мате информантов опросника. Возможность таких высказываний была предоставлена трижды — в начале, середине и конце опроса. Основные неудачи орфографии и пунктуации исправлены.

Между тем и опросник, и интервью показывают, что не используют мат многие информанты. Вопрос-4 был сформулирован так: «Используете ли Вы матерную лексику устно в повседневной речи при коммуникации (от своего имени, а НЕ в рамках цитирования, пересказа или лингвистического обсуждения)?»¹⁰. Из 182 человек оценивают себя как не более нескольких раз в жизни произносивших матерные слова 26 % (47 информантов), из них никогда — 13 % (23). Считают себя использующими мат часто 14 % (25); 60 % (109) применяют его изредка или в определенной компании.

Вот высказывание информанта, который просто вскрикивает, уронив утюг, и произносил матерные слова не более нескольких раз в жизни; мата у него «в крови» нет; стоит заметить, что общается он в использующей мат компании:

• *Мне не очень важно кто и как ее использует. Я ее не использую потому что нет привычки и потому что это прикольное свойство человека — не ругаться матом.*

Конечно, самооценка «Никогда» относительна: например, одна информантка выбрала этот ответ, а далее указала, что чаще всего произносимое матерное слово «Лексема 4» в редуцированном виде и что использует мат «В машине». (Подобный комплект я слышала от многих интервьюируемых.) Думаю, что информантка по мере заполнения опросника осознала, что «Никогда» было немного поспешным.

Просьба оценить частоту своего использования мата контролировалась предварительным Вопросом-3: «Если в пустой квартире в закрытой темной комнате Вы роняете себе на ногу утюг, что Вы, скорее всего, скажете? (Выберите любое количество ответов.)» Результаты для 182 информантов, многие из которых выбирали несколько вариантов:

- (1) Матерное слово или слова — 53 % (97).
- (2) Просто вскрикну или издам стон без слов — 37 % (67).
- (3) *Ой, мама!* (Или что-то похожее.) — 11 % (20).
- (4) *Черт!* (Или что-то похожее.) — 26 % (47).
- (5) *Господи, помилуй!* (Или что-то похожее.) — 4 % (8).
- (6) Другой вариант: вписали матерный эвфемизм — 10 % (18).

Интересные варианты «другого», свидетельствующие о серьезном подходе информантов: «*В начале просто вскрикну, а потом, когда немного пройдет боль, выскажу утюгу матом все, что о нем думаю*»; «*Сначала слово, похожее на мат, а потом последний вариант*» (последний — *Господи, помилуй!*); «*“БЛИ-И-И-И-ИН!!!” или “СОБАКА!”*».

Итак, в ситуации, когда мат нужен для эмоциональной разрядки, что часто считается его основной современной функцией, и при этом

¹⁰ Вопрос о способности / неспособности информантов использовать матерные слова, цитируя литературу или рассказывая анекдоты, задан не был, и это, безусловно, упущение. Среди свободных высказываний информантов есть два о том, что они готовы принимать и произносить матерные слова только в анекдотах.

нет социального контроля, его используют около 50 % информантов. Это заставляет поверить рефлексии 26 % (47 информантов), использовавших мат несколько раз в жизни. Есть зазор между 47 % тех, кто «обругал утюг», и теми, кто использует мат регулярно (74 %). Какова его функция для этих 27 % информантов, идентифицирующих себя как использующих мат регулярно, но не использующих его в ситуации «утюг»? Утюг падает нерегулярно? Или же представление о том, что мат для тебя в первую очередь игра и форма общения, для одной пятой информантов оказывается принятием желательного за действительное?

Конечно, выборка охватывает образованных людей, обладающих самоконтролем и вписанных в социум. К тому же в ней больше, чем в обществе в среднем, верующих и воцерковленных, так как часть информантов — студенты и преподаватели православного вуза (опросник анонимный, но уверена, что студентов ПСТГУ среди ответивших не более 20 %). Зато другая часть — игроки в спортивный бридж (наверное, 20–30 %), это люди умные, развитые, но привыкшие к агрессивной конкурентности. И вот здесь мне хочется позволить себе ненаучное рассуждение. Допущу (надеюсь, гиперболизируя), что русские люди в мире в целом в 100 раз грубее опрошенных образованных столичных жителей. Тогда среди них 0,26 % не ругающихся чаще нескольких раз в жизни и 0,13 % не ругающихся никогда. Пусть (очень приблизительно, но точно без завышения) русских в мире 120 млн, из них примерно 100 млн старше 12 лет. Тогда сейчас существует 260 тысяч практически не ругающихся, а из них 130 тысяч — не произнесших матерного слова вне цитаты ни разу в жизни. Уверена, что это заниженные показатели, и все же их достаточно для доказательства того, что не всегда мат «у нас в крови» или «на подкорке».

Специалист по культуре речи Н.Ю. Панова, ссылаясь на научно-популярную психологическую статью, пишет: «...люди, которые никогда не ругаются матом, — это люди особого душевного склада и происхождения. Это, как правило, люди, принадлежащие к благородным семьям, в которых столетиями вырабатывался свой стиль общения и традиции. Это не только вопрос природы “аристократической” крови, это особая структура сознания. Но таких людей не очень много» (Панова, 2008, с. 150). Не очень много? 13 % и даже 0,13 % — это не так уж мало. Я точно знаю, что такие люди существуют и не являются в чем-либо необычными. Я проводила с ними интервью, и да, я знаю о себе, что у меня в голове мата в такой форме, чтобы на нем думать, нет и никогда не было. Люди из 13 % не ругаются «на утюг» и даже на обидчиков по простой причине: в их языковом сознании выражение эмоций / личной агрессии или название органов тела не сцеплено с матерной лексикой. И в этом факте нет ни ханжества, ни страха, ни обывательского стремления быть приличным. Например, можно прекрасно знать слово *гиппотам*, понимать его, уметь назвать при соответствующих вопросах, но никогда не думать о *бегемотах* с помощью этого слова. Или можно хорошо понимать иностранный язык, ценить его красоту, но никогда не думать о мире на этом языке.

4. О разных сторонах явления

Бегло перечислю некоторые ответы 133 нефилологов.

Вопрос-1: «В каком примерно возрасте Вы впервые услышали или прочли матерные слова?»

- (1) В раннем — до школы (4–6 лет) — 17 % (23).
- (2) В младшем школьном (7–10 лет) — 53 % (70).
- (3) В среднем школьном (7–10 лет) — 20 % (26).

Вопрос-2: «От кого Вы в первый раз услышали или где впервые прочли матерные слова?»

- (1) От родителей — 6 % (8).
- (2) От сверстников — 38 % (50).
- (3) От подростков постарше — 22 % (29).
- (4) От взрослых людей (не родителей) — 19 % (25).
- (5) В Интернете — (3).
- (6) В литературе (например, в поэзии) — (1).

Вопрос-5: «В каких ситуациях Вы постараетесь не использовать матерную лексику? (Выберите любое количество ответов.)»

- (1) И так почти никогда не использую — 38 % (50).
- (2) Произнося официальную речь (например, свидетельствуя в суде или читая лекцию студентам) — 70 % (92).
- (3) При чужих людях — 38 % (50).
- (4) При людях, к которым обращаетесь на Вы, — 63 % (84).
- (5) При своих детях — 54 % (72).
- (6) При чужих детях — 65 % (87).
- (7) При женщинах — 22 % (30).
- (8) При пожилых людях — 44 % (58).
- (9) При знакомых, которым это, возможно, неприятно, — 67 % (89).

Ответы на этот вопрос интересны лишь при сравнении позиций (2)–(9) друг с другом, так как не проверено, сколько из тех 50 информантов, которые не используют мат, выбирали еще и иные позиции; не проведены и другие полезные сопоставления данных. И все же интересно, что официальная ситуация ограничивает почти так же, как сочувствие к не любящим мат знакомым, но гораздо меньше, чем чужие люди рядом. Что чужих детей берегут чуть больше, чем своих; тех, с кем на Вы, — больше, чем чужих людей. Что равноправие женщин готовы нарушить 22 % опрошенных, из которых примерно треть — женщины.

Из вопросов про терпимость к мату родителей и детей информантов в сравнении с их собственной (такими были Вопрос-13 и Вопрос-14) видно, но не очень ярко, то увеличение популярности мата, о котором сейчас часто говорят, в том числе информанты в свободных высказываниях:

- Динамика экспансии нецензурной лексики в большие города. 30 лет назад различие лексики в городах-миллионниках и остальной России было гораздо больше.

Но встретилось и противоположное мнение:

• *Думаю, за последние лет 10 – 15 острота матерной проблемы сильно снизилась. Я уже просто не припомню громкого мата и агрессии на улице, в транспорте и т. д.*

5. Функции мата

Вопрос-8: «Для чего Вы используете матерную лексику? (Выберите любое количество ответов.)» Ответы 133 информантов:

- (1) Для яркого выражения отрицательных эмоций – 66 % (87).
- (2) Для яркого выражения положительных эмоций – 32 % (42).
- (3) Чтобы до собеседника дошло, что он не прав (например, ругая мужа, или ребенка, или коллегу), – 17 % (22).
- (4) Это забавно, развлекает немного – 22 % (29).
- (5) Для выразительности, непринужденности речи – 46 % (60).
- (6) Просто так: привычка – 11 % (14).

Наиболее важными функциями мата для информантов оказываются психологическая разгрузка – иными словами, выражение отрицательных эмоций (ответ 1) – и коммуникативная функция, позволяющая почувствовать собеседника своим (ответ 5), то есть стратегия доверительности (Беликов, 2006, с. 11). На третьем месте – выражение положительных эмоций. Отказываются информанты выбранного среза от использования мата как инвективы и от привычки к нему. Думаю, это достаточно объективный самоанализ. Возможно, этих функций мата в речи москвичей действительно становится меньше.

Развитием Вопроса-8 были вопросы 16 и 17: информанты верифицировали предложенные им высказывания о мате – 14 одобряющих это явление утверждений и 10 – порицающих¹¹.

В свободных высказываниях информанты часто выражали отрицательное отношение к использованию мата в эксплетивной функции. Эксплетивами, или вставками, в англистике называют «конструкции, содержащие избыточные материальные элементы особого рода, функционирующие в качестве выразителей эмоций» (Лисенкова, 2010, с. 40). О существовании такой функции мата знают все русские хотя бы на основе старинного анекдота про мат в качестве артикля; эту функцию носители языка называют связками или междометной (хотя матерные вставки – это скорее частицы).

• *для кого-то это просто междометия, которые говорящий сам вообще не особо воспринимает.*

• *Когда люди вставляют матерные слова через одно в разговоре, это убого и каждый раз хочется развидеть и расслышать.*

• *Мне не нравится, когда мат заменяет все слова-паразиты.*

• *Если для связки слов – отрицательно. Если для придания речи красочности – положительно.*

¹¹ В рамках данной статьи будут обсуждаться лишь три из 14 высказываний. Прошу за это прощения у информантов, работавших с 14 и надеявшихся в ближайшее время получить анализ и этой части тоже.

Думаю, что сейчас для мата в первую очередь важны социальные функции: с одной стороны, это способ единения с друзьями и теми, кто использует его так же, как ты. С другой — это способ отталкивания: в первую очередь от тех, кто использует его «некультурно», то есть как эксплетив. Отталкивание иногда есть и от тех, кто не желает использовать мат. Так, в Вопросе-16 было утверждение: «Мне НЕ нравится, когда люди, с которыми я общаюсь, избегают матерной лексики». Это утверждение было отвергнуто 134 информантами, но все же принято 21 (13 ответили «Согласен» и 9 — «Именно так»). Обратносимметричное утверждение было в Вопросе-17 «Мне трудно с уважением относиться к людям, которые регулярно используют матерную лексику»; отрицающие мат тоже были лояльны к противоположной стороне, но в заметно меньшей степени: отвергли 93, а приняли 54 (32 «Согласен» и 22 — «Именно так»). Это понятно: легче простить того, кто не делает то, что тебе приятно, чем того, кто делает неприятное.

В. Жельвис говорит о социальной, даже социально-сакральной функции мата «сопричастность во грехе»: «...матерщинник с помощью мата к своему полному удовлетворению обнаруживает, что он и его собеседник находятся в карнавальной атмосфере всеобщей, тотальной “дерьмовости”» (Жельвис, 2022, с. 173). Примерно об этой функции я пыталась мягко говорить, когда просила верифицировать высказывание «Есть такие стороны жизни, которые без матерной лексики обсуждать (почти) невозможно». То есть в нашем социуме кое-что так безобразно, что без мата не обойтись; не знаю, поняли ли меня информанты, но это утверждение отвергли 107 человек и приняли 46 (28 «Согласен» и 18 — «Именно так») — почти треть.

Итак, социальная самоидентификация вытесняет инвективную и эксплетивную функции, а регулирующая функция эмоциональной разрядки сохраняется.

6. Отношение к запрету на мат

Вопрос-12: «Если бы это зависело от Вас, какими бы Вы сделали ограничения на использование мата?». Ответы из 182:

- (1) Запретить по возможности строго — 14 % (25).
- (2) Запретить в некоторых ситуациях — 44 % (80).
- (3) Разрешить свободно — 17 % (31).
- (4) Трудно сказать — 26 % (47).

Этот интереснейший для меня вопрос предварялся Вопросом-11 «Вопрос для тех, кто согласен с социальным запретом на мат. Почему применение матерной лексики надо ограничивать? Сформулируйте, пусть совсем начерно и небрежно, свое мнение» (96 ответов) и аналогичным Вопросом-12 для тех, кто не согласен с запретом (95 ответов). Здесь высказывания предлагали в том числе те, кто на Вопрос-12 ответил «Трудно сказать», а некоторые отвечали в обеих категориях.

Перечислю краткими ярлыками *типичные аргументы за запрет*, каждый из которых в той или иной форме встречается много раз: (1) христианство против; (2) отрицательная сакральность; вредит куль-

туре; (3) обедняет язык; (4) оскорбителен; (5) неприятен; (6) выражает агрессию; (7) знак асоциальности; (8) вреден детям; (9) потеряет выразительность в случае запрета; (10) запрет полезен для самоограничения.

Яркие высказывания:

• *Матерная лексика – это, во-первых, одна из самых сильных вещей религии, даже если я ни к одной из них не отношусь. Нет желания пользоваться сильными религиозными словами, направленными на других людей.*

• *Мат – это распушенность, которую можно противопоставить внутренней собранности, вниманию к себе, молитве, наконец.*

• *Пока мат остается чем-то табуированным, он является элементом самодисциплины (могу, но не буду использовать зазря) и способом выплеснуть бурную эмоцию вместо какой-нибудь физической вредоносной активности.*

Типичные аргументы против запрета: часть языка; нельзя ограничивать свободу слова; ничего нельзя запрещать; обезболивает; украшает речь; ярко выражает эмоции; запреты ничего не изменяют; запреты ведут к соблазну.

Яркие высказывания:

• *Мат – это жемчужина русского языка. Для выражения искренних эмоций подходят именно такие слова.*

• *Ограничение (нежелание использовать) должно быть изнутри. Ограничивать внешними запретами нет смысла.*

7. Матерная лексика на письме

Если в использовании мата устно признались 88 % от 133 информантов-нефилологов, то для письменной речи – только 52 %. Но уж если используют, то прописывая слова полностью, на обыкновение маскировать слова указали лишь 7 человек из 62. Правда, здесь, я думаю, рефлексия информантов еще менее надежна, чем в других вопросах. Так, один из интервьюируемых [нефилолог, 1982 г. р., м., январь 2024 г.] уверенно сказал, что на письме не использует мат никогда, и в качестве доказательства прошелся поисковиком по своему основному телеграм-каналу; я выразила сомнение, потому что видела его переписку, и мы выяснили, что лексика была, но информант использовал «маскировку» в виде дефиса на месте одной из букв.

Данные НКРЯ-СС скорее свидетельствуют о регулярности использования мата на письме. Так, «лексема 1» – вторая по частотности сама по себе, но первая как мотивирующая дериваты – использована более 3700 раз, а дериваты от нее – более 4000.

Появившаяся в нашем веке возможность прописывать то, что было преимущественно устным, породило новую интересную единицу – аббревиатуру *хз*. Она происходит из идиоматизированного сочетания «лексемы 1» с формой *знает* и примечательна тем, что приобрела синтаксический статус, плохо сочетающийся с ее мотивированностью, притом что, как правило, мотивированность ясна пользователям¹². Из

¹² Мне известна еще лишь одна лексема аббревиационного происхождения, приобретающая неожиданный, если исходить из мотивированности, статус предикатной. Это слово ЧСВ, родившееся из сочетания *чувство собственной важности и*,

письменного интервью: «Говорят и пишут “хз”, и, мне кажется, это можно говорить при детях, это не обязательно расшифровывать через матерное слово, можно по-разному. А еще можно сказать “я хз”, и это когда-то не так уж давно появилось, мне кажется, не всегда было. И можно сказать “я ‘лексема 1’ знает”, и я сначала чуть удивлялась, а потом мне как-то понравилось, и я так говорю все время теперь. А недавно увидела конструкцию “я ‘лексема 1’ знаю” в твиттере и офигела), но, оказывается, довольно распространено» [филолог, 1999 г. р., ж., осень 2023 г.]. Конструкция с подлежащим я есть в словаре одного слова с одним примером (А я «лексема 1» его знает, чем заняться) (Плущер-Сарно, 2005, с. 254), но вариант с первым лицом глагола в словаре отсутствует и, похоже, действительно является новообразованием, возникшим на основе аббревиатуры за XXI век. То есть устная идиома, бывшая цельным неизменяемым предикативом, происшедшим из двусоставного предложения, породила письменное сокращение, у которого начала теряться мотивированность; полустертая аббревиатура при подлежащем я стала восприниматься как первое лицо и это породило новый вариант идиомы, в котором «лексема 1» скорее выступает как частица.

Второе удивительное свойство единицы хз в том, что она может выступать в одном и том же значении и без отрицания, и с отрицанием: я хз, что делать и я не хз, что делать.

(1) *Хотя не Хз Не знаю, в чем дело* [НКРЯ-СС. Чат для художников. telegram (08.08.2021)].

(2) *blin v moej komnate 3 krovati, ja ne хз na kakoj spat'.)))* [пример из (Budennaya, Litvintseva, Yakovleva, 2023)].

«Лексема 4» — как говорилось выше, самая частотная из-за популярности в функции эксплетива — употреблена более 2800 раз в полной форме и более 3050 в редуцированной до трех букв. Пишущие в чатах на удивление охотно прописывают этот избыточный аффектив как в сжатой форме, так и в полной:

(3) *Это был зум с камерой и мне было ТАК «ЛЕКСЕМА 4» НЕЛОВКО.* [НКРЯ-СС. Чат для художников. telegram Чат для художников (07.10.2022)].

Отдельный неисследованный вопрос — «маскировка» мата на письме. Здесь скажу только, что из 104 информантов, перечисливших матерные лексемы в опроснике, разными способами¹³ замаскировали / прописали слова 69/35, при этом из 76 нефилологов — 47/29, а из 28 филологов — 22/6.

С благодарностью процитирую информанта-филолога, имеющего огромный корректорский опыт:

• ... хотела Вам рассказать, как по закону надо табуировать, например, в СМИ. Допускается только первая буква и потом три звездочки (независимо

вопреки опорному слову *чувство*, используемое в подростковой речи в том числе как оценочный предикатив, характеризующий лиц: Он – ЧСВ. См.: (Борзенко, Добрушина, 2025).

¹³ Тут я опять по недомыслию испортила опросник: предложила информантам возможную форму маскировки (буква с многоточием); в результате у меня нет достоверной статистики: по поводу 57 случаев «первая буква + троеточие» неясно, навязаны они мною или естественны для информантов.

от количества опускаемых букв): e***. Если для понимания текста необходимо знать, в какой форме, нужно написать примечание: e... (глагол прошедшего времени в форме третьего лица, единственного числа. — Примеч. ред.).

В целом думаю, что среди информантов заметно больше не использующих мат на письме, чем в НКРЯ-СС, то есть опрошенные информанты из-за возрастных и социальных характеристик сдержаннее, чем пользователи социальных сетей.

8. Словоформа *маты*

Заметное увеличение частотности этой ненормативной формы в устной речи школьников «бросилось мне в уши» в 2023 году. Форма, безусловно, просторечная, но разговорная речь нуждается в этом слове, во-первых, из-за уникальной, несистемной словообразовательной связи прилагательного *матерный* с существительным *мат*, вызывающей потребность в более естественном и понятном названии *матерной лексики*. Вторая причина в том, что неэкономно обозначать частотное явление двумя длинными словами, когда можно использовать одно короткое. Отмечу, что существует очень редкое, появляющееся лишь у лексикологов слово *матизмы*; оно родилось, видимо, на рубеже веков, в язык не вошло и носителям языка неизвестно. Поэтому форма *маты* для просторечия очень естественна, но лишь с того момента, когда соответствующая тема стала регулярно обсуждаться: на основе корпусного анализа можно предположить, что входит в язык форма начала всего лишь 40 лет назад.

Самое раннее употребление в НКРЯ относится к 1935 году, но оно скорее игровое, индивидуальное, еще не свидетельствует о появлении этой лексемы в просторечье:

(4) ...заорало благим матом (*маты*, впрочем были не только благие) перепугав до смерти и без того напуганную белку [НКРЯ, Б.И. Вронский. Дневник (1935)].

Ранний пример находится у А.И. Солженицына в рассказе «Один день Ивана Денисовича» (1961), но в нем скорее использован просторечный фразеологизм, а не самостоятельное слово: *в десять матов обкладывает*. По примерам конца 1980-х годов становится понятно, что слово начинает распространяться в просторечии и входит в разговорную речь:

(5) *Связь была неважная, и в эфире было не без матов* [Г.А. Киреев. Дневник (1986) // Киреев Г. Кандагарский дневник // Персональный сайт Г. Киреева].

С XXI века примеры становятся более распространенными: 20 употреблений в нулевых-десятих годах у разных авторов. На сайте «Кью» есть краткое обсуждение темы «Допустимо ли употребление слова “мат” во множественном числе, по отношению к ненормативной лексике?» от 2016 года: один участник скорее за, три — против, вот часть одной из реплик: «А для отдельного матерного слова в русском языке отдельного слова нету (сюрприз!). Соответственно, словоформа “маты” — просторечная».

В опроснике для 182 ответивших соотношение «слышу часто» / «слышу изредка» / «не слышу никогда» – 19 % (34) / 67 % (118) / 13 % (24). При этом 19 % (34) используют форму сами, 26 % (47) отказались трактовать ее как ненормативную.

Итак, с конца прошлого века форма *маты* становится все более частотной. Для носителей языка неочевидны термины *матерная лексика* и *матизмы*, и они попадают в ситуацию «маты есть, а слова нет». Возможно, скоро форма станет общеупотребительной. Экспансия формы *маты* – еще одно свидетельство повышения употребительности мата в современной речи, понижения градуса напряжения общества в отношении этого явления.

9. Распространенная модель восприятия мата

В качестве заключения опишу значимую для современного городского социума модель отношения к мату. Она, конечно же, одна из многих, но представляется мне характерной для настоящего заметно больше, чем для прошлого, и сформировавшейся в XXI веке.

Образованный или получающий образование человек любого пола, примерно 1982–2000 г. р. (плюс-минус пять лет¹⁴), имеющий два варианта языкового поведения и легко контролирующий переключение с одного на другой. В общественном пространстве и дома при детях или при родителях он никогда не использует матерную лексику. А с близкими людьми – друзьями, определенной компанией, супругом или супругой, кем-то из психологически близких родственников – он использует мат, регулярно, но не в большом количестве, создавая языковые игры, шутки, эмоциональные контексты. Это для него значимо и как вид единения с друзьями, свидетельствующий о доверии, и как способ самопозиционирования через отстранение, во-первых, от боящихся мата обывателей, во-вторых, от тех, кто использует мат бесконтрольно, и, наконец, как выражение некоторой социальной независимости или протестности. Для него значимо, что он использует мат иначе, чем носители просторечия; он может назвать это игровой, интеллектуальной, художественной направленностью. В одиночестве в ситуации эмоционального напряжения он произнесет матерное выражение вслух или про себя; ему случается думать матом. Возможно, в возрасте примерно старших классов у него был период отказа от мата, тоже из соображений отмежевания от тех, кто глупее и не способен на самоконтроль, но затем под влиянием компании он снова стал его использовать, считая, что теперь это другой уровень. Детей он до определенного возраста оберегает от мата, чтобы у них был приемлемый имидж в социуме.

¹⁴ Границы поколений условны, размыты, но важны при исследованиях языка. Здесь и в других работах я использую разбиение на поколения социолога Вадима Радаева – единственного исследователя, применяющего теорию поколений к русскому социуму. Годами рождения 1982–2000 Радаев определяет поколение миллениалов (Радаев, 2023, с. 53).

Вот два высказывания информантов, относящихся к этому типу. Одно пространное, продуманное, возможно, с опорой на изученную литературу, и второе краткое — с отсылкой к мем-цитате:

• Частота мата позволяет отделить своих от чужих. Умные свободные молодые люди имеют богатый словарный запас, и редко, но метко используют мат. Если мат реально через каждое слово — человек глупый. Если мата нет вообще, то скорее всего человек несвободный, занудный или намеренно держит дистанцию. Когда мат употребляется впервые в диалоге, это важный шаг навстречу, показывающий доверие и переход на дружеское общение.

• Люблю, умею, практикую. При этом считаю, что уместность крайне важна.

***

В 2024 году образованные москвичи используют мат регулярно, хотя среди них есть значимая часть тех, кто не использует его и не думает на нем (15–25 %); чаще это люди старшего возраста или верующие, но не только. Использование матерной лексики в этом кругу — это нередко социальное явление, связанное с социальным самоопределением, часто с языковой игрой. Затем это средство эмоциональной разрядки. Инвективная, эксплетивная и номинативная функции стали малозначимыми. Сакральные, мифологические, языческие корни мата остались в многовековом прошлом. Но верующие люди нередко интуитивно чувствуют связь матерной лексики с внехристианским воздействием на человека и мир и воспринимают ее как противостоящую молитве, которая, с их точки зрения, осуществляет немоментальное, но более надежное воздействие. Неверующие люди также нередко воспринимают особую силу матерной лексики и трактуют ее как психологический эффект нарушения социально-культурного табу. Таким образом, мат остается уникальным языковым явлением, требующим от каждого способного к рефлексии носителя языка осознания своего отношения к нему с социальной, культурной и духовной точек зрения.

Список литературы

- Антонов С. В. Недурные слова. М., 2024.
- Борзенко Е. О., Добрушина Е. Р. Взаимодействие поколений при функционировании жаргонизмов, или Биография лексемы ЧСВ. 2025 (в печати).
- Беликов В. И. Границы обценного в восприятии современной городской молодежи: типологизация идиолектов // Изменения в языке и коммуникации: XXI век : сб. ст. М., 2006. С. 33–72.
- Василий Буй [Баранов А. Н., Добровольский Д. О.]. Русская заветная идиоматика. (Веселый словарь крылатых выражений.). М., 2005.
- Жельвис В. И. Матерятся все?! Роль брани в истории мировой цивилизации. М., 2022.
- Левин Ю. И. Об обценных выражениях русского языка // Избр. труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 809–819.
- Лисенкова Н. Н. Эксплетивные элементы в языковой системе (на материале современного английского языка) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2010. №1 (177). С. 40–42.

Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. 1994. №1/2. С. 50–73.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_e_1.txt (дата обращения: 25.02.2024).

Панова Н. Ю. Культура речевого поведения как своеобразное проявление социальной жизни людей // Вестник Таганрогского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 1. С. 146–150.

Плуцер-Сарно А. Большой словарь мата. СПб., 2005. Т. 1.

Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М., 2023.

Руднев В. П. И это все о нем // Большой словарь мата. СПб., 2005. Т. 1. С. 16–34.

Успенский Б. А. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Структура текста-81 : тез. симпозиума. М., 1981. С. 49–53.

Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Исследования по русской литературе, фольклору и мифологии. М., 2018. С. 195–268.

Vudennaya E., Litvintseva K., Yakovleva A. God knows how it turns out: on three constructions including Bog 'God', čert 'devil' and some taboo words in the Russian language over the last three centuries // Jazykovedný Časopis. 2023. Vol. 74, №1. P. 19–31. doi: 10.2478/jazcas-2023-0020.

Об авторе

Екатерина Роландовна Добрушина, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой славянской филологии Православного Свято-Тихоновского университета (ПСТГУ), Россия.

E-mail: edobrush@gmail.com

Для цитирования:

Добрушина Е. Р. Лингвосоциологический взгляд на восприятие ненормативной лексики в Москве 2024 года // Слово.ру: балтийский акцент. 2024, Т. 15, №4. С. 99–117. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-7.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

LINGUISTIC AND SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE ON THE PERCEPTION OF PROFANITY IN MOSCOW IN 2024

Ekaterina R. Dobrushina

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow

Submitted on 10.03.2024

Accepted on 15.06.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-7

The article presents the findings of a study on the attitudes toward profanity among Muscovites born between 1962 and 2011, all from families with higher education backgrounds. The research explores how respondents understand the term 'mat,' their views on societal restrictions regarding profanity, self-assessed frequency of using profanities and purposes for it, as well as the evolution of the attitudes toward profanity over different life stages. The study is based on the analysis of 20 interviews and 182 questionnaire responses. It also

offers a concise overview of scholarly and lexicographical interpretations of the term 'mat'. The author proposes her own definition of profanity, distinguishing it from other forms of obscene language. Preliminary statistical insights are presented. For example, 26 % of the respondents report rarely or never using 'mat' (excluding quotations), with 23 respondents claiming they have never used it. 14 % of the respondents identify themselves as frequent users, while 60 % admit to using it occasionally or only in specific social settings. Many respondents believe that profanity is used to some extent by everyone. However, a significant portion express discomfort when it is used simply to fill pauses in conversation. 35 % of the respondents admit to using obscene language in the presence of children, while 10 % more people are likely to limit its use with strangers compared to close friends or acquaintances. Opinions on profanity regulation vary, with 14 % supporting a strict ban, 44 % supporting a ban in specific situations, and 17 % advocating complete freedom to use profanities. In conclusion, the author offers a model for the perception of profanity: its infrequent, primarily oral speech use, restricted to private settings or among close acquaintances of either gender, but generally avoided in the presence of children. Profanity is used indirectly, not in an invective manner, and serves two main functions: psychological release and as a form of expressive or entertaining speech.

Keywords: Russian language, obscene vocabulary, curses, expressive words, linguosociology, corpus linguistics

References

- Antonov, S. V., 2024. *Nedurnye slova* [Not bad words]. Moscow (in Russ.).
- Belikov, V. I., 2006. The boundaries of the obscene in the perception of modern urban youth: typologization of idiolects In: *Izmeneniya v yazyke i kommunikatsii: XXI vek. Sbornik statei* [Changes in language and communication: the XXI century: a collection of articles]. Moscow, pp. 33–72 (in Russ.).
- Borzenko, E. O. and Dobrushina, E. R., 2025. *Vzaimodeistvie pokolenii pri funktsionirovani zhargonizmov, ili Biografiya leksemy ChSV* [The interaction of generations in the functioning of jargonisms, or the Biography of the lexeme of ChSV]. In print (in Russ.).
- Budennaya, E., Litvintseva, K. and Yakovleva, A., 2023. God knows how it turns out: on three constructions including Bog 'God', čert 'devil' and some taboo words in the Russian language over the last three centuries. *Jazykovedny Casopis*, 74 (1), pp. 19–31, <https://doi.org/10.2478/jazcas-2023-0020>.
- Bui, V. [Baranov, A. N. and Dobrovol'skii, D. O.], 2005. *Russkaya zavetnaya idiomatika. (Veselyi slovar' krylatykh vyrazhenii.)* [The Russian cherished idiom. (A hilarious dictionary of catch phrases.)]. Moscow (in Russ.).
- Levin, Yu. I., 1998. About the full expressions of the Russian language. In: *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics]. Moscow, pp. 809–819 (in Russ.).
- Lisenkova, N. N., 2010. Expletive elements in the language system (based on the material of modern English). *Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"], 1 (177), pp. 40–42 (in Russ.).
- Mokienko, V. M., 1994. Russian swear words: censored and obscene. *Rusistika* [Russian studies], 1/2, pp. 50–73 (in Russ.).
- Ozhegov, S. I. and Shvedova, N. Yu., 1992. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegov_e_1.txt [Accessed 25 February 2024] (in Russ.).
- Panova, N. Yu., 2008. The culture of speech behavior as a peculiar manifestation of people's social life. *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Taganrog State Pedagogical University], 1, pp. 146–150 (in Russ.).

Plutser-Sarno, A., 2005. *Bol'shoi slovar' mata* [The Big mat dictionary]. Vol. 1. St. Petersburg (in Russ.).

Radaev, V. V., 2023. *Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow (in Russ.).

Rudnev, V. P., 2005. And that's all about him. In: *Bol'shoi slovar' mata* [The Big mat dictionary]. Vol. 1. St. Petersburg, pp. 16–34 (in Russ.).

Uspenskii, B. A., 2018. The Mythological aspect of Russian expressive phraseology. In: *Issledovaniya po russkoi literature, fol'kloru i mifologii* [Research on Russian literature, folklore and mythology]. Moscow, pp. 195–268 (in Russ.).

Uspensky, B. A., 1981. The Religious and mythological aspect of Russian expressive phraseology. In: *Struktura teksta-81: tezisy simpoziuma* [Text structure-81: abstracts of the symposium]. Moscow, pp. 49–53 (in Russ.).

Zhel'vis, V. I., 2022. *Materyatsya vse?! Rol' brani v istorii mirovoi tsivilizatsii* [Is everyone swearing?! The role of armor in the history of world civilization]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr. Ekaterina R. Dobrushina, Associate Professor, Head of the Department of Slavic Philology, St. Tikhon's Orthodox University (PSTGU), Russia.

E-mail: edobrush@gmail.com

To cite this article:

Dobrushina, E. R., 2024, Linguistic and sociological perspective on the perception of profanity in Moscow in 2024, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 99–117. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-7.

РЕЧЕВОЙ КОНФЛИКТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на примере романа Цзя Пинва «Циньские напевы»)

А. В. Игнатенко

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН),
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Поступила в редакцию 23.10.2023 г.
Принята к публикации 15.05.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-8

Рассмотрена междисциплинарная проблема конфликта и, в частности, ее лингвистическая специфика как компонент эмотивного плана в художественном дискурсе на материале романа «Циньские напевы» Цзя Пинва (《秦腔》贾平凹, 2005). Цель исследования – проанализировать аспекты речевой и языковой конфликтности и ее деструктивные формы в лексико-семантических, синтаксических и функционально-стилистических единицах языка. Конфликтный коммуникативный акт рассматривается как следствие определенных неудач в речевом взаимодействии, а также как нарушение конвенций и правил дискурсивного поведения. Языковые противоречия и конфликты анализируются в рамках эмотиологии, то есть на уровне эмотивности и эмотивного поля в прагматическом пространстве художественного дискурса, как мультимодальные явления системных отношений эмоциOVERBALIKI. Выступая в качестве особых элементов структурного напряжения текста, своего рода языковых и смысловых доминант или аттракторов, дискурсивные противоречия материализуются в качестве стилистических единиц различного уровня, и могут быть использованы как инструмент для произведения необходимого эффекта в художественном нарративе. Лингвистически конфликт инициируется и диагностируется в нарушении прагматико-семантических и стилистико-синтаксических конвенциональных норм. На конкретном материале доказывається, что использование конфликтного дискурса в прозе составляет одну из особенностей идиостиля Цзя Пинва, интегрирующего различные коммуникативные стратегии. Результаты исследования обеспечивают основу для дальнейших исследований речевых столкновений в китайской художественной литературе.

Ключевые слова: Цзя Пинва, китайская литература, лингвистика конфликта, эмотивность, «Циньские напевы»

1. Введение

Противоречия в языке и речи художественного дискурса не только находятся в сфере внимания филологии, социологии и психологии, но также выступают объектом исследования лингвистики текста, когнитологии и конфликтологии. Они имеют национально-культурные и индивидуальные свойства и проявляются в рамках взаимодействия различных художественных нарративов (повествователь, персонажи, общество, автор, читатель и пр.). В основе языкового конфликта лежит острое столкновение характеров и обстоятельств, взглядов, жизненных

принципов и позиций, несовместимых намерений и целей, недопонимания, экстралингвистической антипатии и прочих, положенных в базовую мотивировку действий художественного произведения в процессе синтеза и сюжетостроения. Развитие языковых конфликтных ситуаций реализуется в противоборстве, противоречии, дуализме и конфронтации между нормами и конвенциями в речевом поведении, а также между героями, группами героев, героем и обществом или во внутренней борьбе героя с самим собой.

В настоящем исследовании языковые противоречия и конфликты рассматриваются в рамках эмотиологии, то есть на уровне эмотивности и эмотивного поля в семантико-стилистическом и прагматическом пространстве художественного дискурса, как мультимодальные и прагматические явления системных отношений эмоциOVERБАЛИКИ. Выступая как особые элементы структурного напряжения текста, своего рода языковые и смысловые доминанты или аттракторы, дискурсивные противоречия материализуются в качестве стилистических единиц различного уровня, и могут быть использованы как инструмент для создания необходимого эффекта в художественном нарративе.

Выбор художественного материала – романа Цзя Пинва (贾平凹, род. 1952) «Циньские напевы» (《秦腔》, 2005) – обусловлен, во-первых, огромной популярностью писателя на родине: произведению в 2008 году была присуждена престижная Седьмая литературная премия Мао Дуня (第七届茅盾文学奖), а во-вторых, отсутствием должного внимания со стороны отечественных исследователей идиостиля автора и художественного универсума произведения. В основе сюжета романа – социальные перемены и потрясения в 1980-е годы, а также изменения нравственных ценностей и общественных отношений на переломе эпох, которые автор выразил очень образным языком. Повествование ведется от лица «сумасшедшего» Чжан Иньшэна (张引生) на протяжении двадцати лет. Все это послужило остенсивным материалом в изучении проблем коммуникативных провалов, сложных отношений и речевых столкновений в художественном дискурсе как универсальной категории, способной репрезентативно отражать и имитировать живую речь в статике.

2. Теоретические основы исследования

Исследования в области конфликтологии обычно начинаются с утверждений о возрастании напряжения в современном мире и усилении столкновений по самым разным поводам между странами и внутри отдельных народов. Особая роль в агрессивной нарратологии принадлежит лингвистике. Лингвистической стороной конфликта занимается лингвоконфликтология. Обзор подходов к лингвистической конфликтологии за последние тридцать лет (с 1990 по 2022 год) в нашей стране систематизировала А.С. Киндеркнехт (2023), проведя количественное исследование и типологизировав виды конфликтов (внутриличностный и межличностный, межгрупповой, а также между челове-

ком и группой). Комплексное исследование феномена «конфликт», имеющего место в межличностной коммуникации, провела Л. Р. Комалова, введя в научный оборот понятие «концепции коммуникативных техник»: последние рассматриваются как «комплексные дискурсивные единицы, используемые адресантом и направленные на активизацию определенного коммуникативного поведения адресата» (2016, с. 15).

Структуру конфликта с фреймовой позиции предложила Е. Г. Беляевская, формализовав его схематически во временных условиях «расхождение — несогласие — противостояние — конфронтация — конфликт» (2021, с. 153). К конфронтационным стратегиям можно отнести инвективную стратегию, стратегии агрессии, насилия, дискредитации, принуждения, подчинения, разоблачения, реализация которых обуславливает возникновение дискомфортной коммуникативной ситуации и ведет к вербальному конфликту. Стратегии конфронтации связаны непосредственно с конфронтационными тактиками, в которые входят запугивания, угрозы, упреки, обвинения, издевки, колкости, оскорбления, провокации (Муравьева, 2002). Подробный анализ базовых оппозиционных категорий «я» и «ты», присущих всем языкам мира, с семантических позиций провела А. Вежбицкая, отметив, что они являются незаменимыми строительными универсалиями человеческого общения и понимания (Wierzbicka, 2022, p. 933).

В последнее время также получают научное основание разработки в области инклюзивного языка, который подразумевает отказ от слов с нежелательными коннотациями и ассоциациями, избегание стереотипов, эвфемии и т. п. (Леонтович, 2021). Воздействие новых коммуникационных технологий, языковых и культурных контактов на цифровое, межличностное и публичное общение в различных контекстах и курсах и их влияние на коммуникативную и языковую вариативность исследовали З. Р. Эслами, Т. В. Ларина и Р. Пашмофоруш (2023), а также М. Била и С. В. Иванова (Bilá, Ivanova, 2020).

Что касается эмоций, то понимание их как определенных мозговых процессов начинает складываться в начале XIX века, до того времени человечество пребывало в поиске и формировании культурных конструктов, выражавших конкретный тип чувств и связанных с исторической эпохой или модой. Похожие явления называли различными терминами: нравы (*temperaments*), страсти (*passions*), сантименты (*sentiments*) и пр. Со временем большинство этих понятий было вытеснено словом *эмоции* (Ферт-Годбехер, 2022). Эмоции сегодня являются объектом изучения не только психологии, физиологии, философии, но и филологии и лингвистики. Основу лингвистики эмоций, или эмотиологии, в языкознании заложил В. И. Шаховский (1987; 2008).

Вербализация эмоций, являясь одним из важнейших направлений современной лингвистики, формирует языковую, или, точнее, модальную картину мира, которая в различных лингвокультурах организуется в соответствии с этнонациональными языковыми и культурными правилами и нормами. Выражение и понимание человеком различных чувств зависит также в большой степени от эпохи и культуры. Культура

эмоций китайцев по их речевому поведению довольно экспрессивна и проявляется в коммуникативном оптимизме, уклончивости. В то же время под влиянием социализации в определенных контекстах они могут скрывать, контролировать, стимулировать и имитировать эмоции (Спешнев, 2017, с. 15).

Художественный текст рассматривается как особый вид коммуникации и взаимодействия автора-художника и читателя посредством произведения искусства, также в свете теорий лингвоэстетики (Фещенко, 2021) и лингвокреативности (Зыкова, 2023). Художественный дискурс отражает эмоциональные переживания жизни людей, иногда усиливая их концентрацию. По словам В. И. Шаховского, «любой художественный текст обязательно воспроизводит эмоциональную жизнь людей» (2008, с. 15). Он также утверждал, что «художественная коммуникация является слепком реальной коммуникации» (Там же, с. 173). Эмотивы всегда стилистически отмечены и наиболее полно реализуются в художественном дискурсе. Порождаемый с помощью лингвистических средств и приемов эмотивный фон участвует в коммуникации между автором и читателем, создавая национальную картину чувств и эмотивную плотность художественного текста. Эффективность такого рода коммуникации зависит от знания читателем эмотивного фонда в контексте конкретной культуры и языка (Игнатенко, 2023а).

В художественном дискурсе субъектоцентризм и антропоцентризм позволяет вовлечь в анализ проблемы эмоциональных и конфликтно-генных интенций художественную личность и авторскую картину мира. Так, художник слова через языковое сознание и актуализацию в конкретных речевых образцах находит филологические инновации, уникальные синтаксические рисунки, неологические модели словообразования и т. п., что можно рассматривать как своего рода лингвистические маркеры эмотивной конфликтности (стресс, нервное напряжение, раздражение, депрессия, импульсивный взрыв, ссора и пр.).

3. Анализ и результаты исследования

Любой текст, в том числе художественный, является инструментом коммуникации, так как коммуникативная функция выступает его основной функцией. Художественный текст представляет собой семантический каркас, в котором проявляются авторские дискурсивные особенности, реализуемые на различных уровнях. Многие повествовательные и образные задачи в современном китайском художественном дискурсе, который развивается в рамках неореалистического направления, решаются за счет стилистического своеобразия и конкретных стилистических приемов (Игнатенко 2022; 2023б). Так, языковой конфликт не является исключением и может рассматриваться с позиций авторского идиостиля. В системе образов романа «Циньские напевы» основным повествователем и героем является аутист-эпилептик, повествование которого укладывается в сложный и драматический период китайской истории.

Постоянные речевые конфликты между персонажами в романе выступают в качестве художественной особенности произведения и метафоры китайской жизни периода после «культурной революции» (1966–1976) с ее разрушительными последствиями. Метафора с когнитивных позиций рассматривается сегодня в широком экстралингвистическом контексте (Солопова и др., 2023; Сунь и др., 2021; Козлова, 2020). Также художественная особенность романа заключается в постоянном обращении Цзя Пинва к интермедийному дискурсу и экфрасису как приему интермедийной поэтики (Козлова, Кремнева, 2022; Игнатенко, 2019) в образной передаче театра, музыки, живописи (портреты, маски, грим, картины), парных надписей (*дуйлянь*) и т.д. Конфликт проявляется на разных уровнях: в быту, в супружестве, в общественных работах, в общении, в противостоянии семей, в межличностной коммуникации и пр. Рассмотрим некоторые частные примеры и случаи:

(1) 他这话我不爱听，走过去，抓一把土撒在他的碗里，我们就打起来¹。

[Мне его *слова не понравились*: когда он отошел, я схватил горсть земли и насыпал ему в пиалу, мы и подрались²] (здесь и далее на русском языке цитируется перевод А.Н. Коробовой; Цзя Пинва, 2017, с. 11–12).

В примере (1) повествователь и главный нарратор — Чжан Иньшэн — рефлексирует по поводу высказывания работника завода по обжигу кирпичей Саньчи, который прокомментировал предмет вождения аутиста — Бай Сюэ. Действия Чжан Иньшэна обусловлены внешними лексическими катализаторами (усилителями), то есть психологически маркерами речевой деятельности, транслирующими семантические импульсы, которые повлекли физиологическую реакцию реципиента. Другим примером провокации может быть:

(2) 我说大话，君亭要是口气软和，给我解释解释，事情也就过去了，但是君亭说：告去！他那神情压根就瞧不起我，我就火了。

[Я сказал это *нарочно*: если бы Цзюньтин отреагировал более мягко, все бы мне по порядку объяснил, дело бы этим бы закончилось. Однако он сказал: «Иди жалуйся!» Он с таким презрением посмотрел на меня, что я *вспыхнул*] (Цзя Пинва, 2017, с. 74).

В данной ситуации описывается попытка минимизации деструктивной формы конфликта, снижения психологического напряжения между субъектами и перевода негативного поведения в социально-позитивное русло. Предконфликтная перцепция и стереотипные установки рефлексирующего коммуниканта не оправдывают его ожидания, демонстрируют неожиданную и безучастную реакцию оппонента в грубой форме, из-за чего доля речевого воздействия, получаемая от реципиента, оказывается значительно сильнее и стимулирует новый

¹ Текст на оригинальном языке цит. по: 贾平凹. 《秦腔》 (Цзя Пинва).

² Перевод на русский язык приведен по: (Цзя Пинва, 2017).

контур конфликта. Это разворачивает драматическую коллизию, порождает столкновение, высокую степень эмоционального напряжения и дальнейшую речевую агрессию, которая выступает формой эмоционального реагирования на фрустрацию. Обида играет важную роль и в следующем контексте:

(3) 三蹩的爹也就从那场事起，着了一口气，肚子涨，涨过了半年，新麦没吃上人就死了。

[Отца Саньчи после этого *такая обида переполнила*, что у него распух живот, отекал полгода, и до нового урожая не дожид, *помер*] (Цзя Пинва, 2017, с. 82).

Здесь переполняющее чувство классовой несправедливости и противостояния ведет к тяжелым последствиям. Конфликт разворачивается из-за жалобы Саньчи на Цзюньтина по принципу «нападение — лучший способ защиты» (以攻为守). Вербализация конфликта приводит к его стилистическому накалу (букв. «не поев нового урожая») и драматическому исходу («помер»). Другим примером развернувшегося конфликта может быть пример (4):

(4) <...> 他呸了一口。陈亮说：“你呸呸着干啥，我得得罪你你了？！”又呸了武林一口。<...> 我悄声说：“武林是慢结巴，陈亮是快结巴，让他们吵架不知是个啥状况？”

[<...> он и плюнул в его сторону: тьфу! Чэнь Лян возмутился:

— Что значит тьфу-тьфу? Что я тебе-тебе сделал-сделал? — И тоже сказал Улиню: — Тьфу! <...>

Я тихо сказал: «Улинь — медленный заика, Чэнь Лян — быстрый заика, если они поругаются, интересно, чем дело закончится?»] (Цзя Пинва, 2017, с. 121).

Языковая экзистенция личности здесь в процессе лингвистической креации проецирует языковое сознание в динамике моделей развития конфликтных ситуаций. Нарушение правил речевого общения Улинем и его затекстовое поведение, выраженное презрительным отношением к Чэнь Линю, продуцирует речевую агрессию собеседника. Инициатор конфликта с целью демонстрации неприязни в отношении адресата использует междометие '呸' («тьфу»), которое выступает конфликтным коррелятом и помехой успешной коммуникации. Возникшая конфронтация реализуется на уровне повышенной фрустрации личности. Особенностью данного коммуникативного акта выступает проблема языкового строительства Чэнь Линем, которое происходит с дефектацией в виде сильного заикания. Такое же отношение к заике проявляет и повествователь Чжан Иньшэн:

(5) 我懒得和武林说话，我瞧不起他，才要呸他一口，<...>。

[Мне *неохота было разговаривать* с Улинем, я относился к нему с пренебрежением, только сказал: «Тьфу!» на него...] (Цзя Пинва, 2017, с. 13).

Другим примером обнажения сознательных и бессознательных причин конфликтного поведения может быть диалог, в котором Улинь обвиняет Чэнь Линя в том, что он измазал его шляпу ваксой. Оба пытаются использовать инвективную лексику:

- (6) “你，你碎?! 小鸡给老，老鸡踏，踏蛋，蛋呀?! ”陈亮没听懂这句话。武林就说：“我，啊我，日，日，日你，娘!”陈亮说：“我日你奶日日你娘娘日你老婆!”气得武林瞪了眼，手指着陈亮了半天，说：“一，啊一，一样，啊一样!”
- [— Ты-ты сопляк! Цыпленок топ-топчет яй-яйца ку-курицы?!
- Этих слов Чэнь Лянь не понял. Тогда Улинь объяснил:
- Я-я... твою мать!
- А я... твою бабушку, мать-мать и жену!
- Рассердившись, Улинь вытаращил глаза. И долго тыкал пальцем в Чэнь Ляня, повторяя:
- Я т-т-тоже! (Цзя Пинва, 2017, с. 121–122).

Изображение коллизии ругающихся заик как отправителей речи в примере (6) передает психолингвистические особенности эмоционально-мыслительных концептов. Взаимокорреляция языковых единиц в эмотивном поле сопровождается уничижительной лексикой, парцелированным криком, пунктирной паузацией, ситуационной абсурдизацией. Языковое сознание разных языковых личностей в ходе поступательной эскалации конфликта насыщает психолого-коммуникативное противоречие, которое развивает конфликтный потенциал и ведет к коммуникационному тупику. Предмет столкновения (испорченная шляпа) непосредственно переносится на конфликтующие субъекты, избирательное внимание которых сосредоточивается на индивидуальных лингвокреативных процессах, которые выглядят карикатурой друг на друга и связаны с нарушениями нормативного произношения. В построении модели коммуникативного поведения языковой личности также важна эмоциональная перцепция.

- (7) “你不骂我，我只是来传达刘干事的意见的!”哑巴还是哇哇叫喊。
- [— Ты на меня не кричи, я только передаю мнение сотрудника управы Лю. Немой продолжал громко мычать] (Цзя Пинва, 2017, с. 198).

В примере (7) выбор поведения (дистанцирование от ответственности за сказанное) Шу Чжэня сопровождается использованием уклонения от прямого столкновения, но с преобладанием модальной уверенности, что приводит к попытке трансформации конфликтной коммуникации в консенсуальный дискурс и нейтрализации деструктивного спора. Но попытка бегства и ухода от прямого столкновения с помощью иронизирования и модализации провоцирует бессловесное нападение со стороны Немого, пытающегося справиться с фрустрирующим фактором. При этом комический эффект данной коллизии придает то, что Немой, не обладающий полноценной коммуникативной компетенцией, слышит и понимает, имитирует криками речевое взаимодей-

ствии, стимулируя тем самым агрессию. Поэтому поведение Шу Чжэня можно интерпретировать амбивалентно: с одной стороны, он проявляет видимое волевое поведение и пластичность с установкой на сотрудничество, с другой — подтрунивает над инвалидом, не относясь серьезно к конфликтной ситуации. Другим примером эскалации конфликта выступает спор, рискующий перерасти в конфликт, в следующем фрагменте:

(8) 中街刘家的那两个傻子娃从牌楼下过来，争论着天上的太阳，一个说是太阳，一个说是月亮，他们拦住了一个过路人，那人说：我不是清风街的，不太清楚。

[Из-под арки вышли две сумасшедшие девочки из семьи Лю с Центральной улицы. Они спорили по поводу солнца на небе. Одна говорила, что это солнце, а другая — что это луна; остановили прохожего, попросили его рассудить их, а тот в ответ: «Да я сам не местный, не в курсе»] (Цзя Пинва, 2017, с. 41–42).

В данном примере конфликт профилактируется созданием образной комической фигуры и, как следствие, комическим эффектом. В основе спора, по сути, антитеза, которая обрисовывает сферу конфликтной ситуации. Спор в отличие от столкновения отличается, как правило, тем, что может быть лишен агрессии и в художественном дискурсе может быть замечен в результате интерпретации.

В условиях сложной политической ситуации, когда общество стояло в оппозиции властям, каждый болезненный выход на приватную территорию рассматривался как акт агрессии. Так, в примере (9) эмоциональность возникает на стыке несоответствия ожиданиям инициатора ссоры:

(9) 我本来要同情他的，他竟然说：“引生，你那水田里的草都长疯了，你咋不去拔拔？”我就来气了，说：“你有空的时候你去拔拔么！”他说：“你以为你是村干部呀？”

[Я было ему *посочувствовал*, но он вдруг сказал: «Иньшэн, на твоём заливном поле травы прут как сумасшедшие, ты бы пошел прополол!» Я *рассердился* и говорю:

— Если у тебя время есть, иди и сам прополи!

— А ты что начальство деревенское, мне задание давать?] (Цзя Пинва, 2017, с. 42).

Кратковременное переживание рассерженности выступает здесь показателем отрицательного психофизиологического комфорта личности, что отражается на вербальном уровне и порождает спонтанно-незапланированную эмоционально-резкую коммуникацию. Другим примером такого рода провокации может быть следующая фигура речи:

(10) “屙下的屎能吃吗？”

[— А дерьма съест не хочешь?] (Цзя Пинва, 2017, с. 147).

В примере (10) конфликтоген, выраженный инвективной лексикой, через словесное оскорбление, запугивание и унижительный образ призван подавить адресата и подчинить его своей воле. В качестве приема используется риторическая коммуникативная техника. Рассмотрим еще один пример:

(11) 狗剩说：“我的碯呀，你咋老成这熊样啦？！”老女演员变了脸。狗剩要和她握手，她把手塞到口袋里。

[— *Ох, ничего себе! Как же ты пострашнела с возрастом!*

Актриса покраснела. Гоу Шэн протянул ей руку для рукопожатия, но она спрятала ее в карман] (Цзя Пинва, 2017, с. 20).

В примере (11) вскрывается попытка выхода на поле эксплицитного конфликта и его разрушительного воздействия. Уход от столкновения и нивелирование унижительного обращения являются следствием конфликтоустойчивости актрисы и ее нежелания продуцировать и породить агрессию. Концептуальный возрастной коррелят (старость) и его следствие («пострашнела») рассчитан на референцию эмотивного кода. Эмоциональное состояние актрисы локализуется во внешних проявлениях (покраснела, отказалась пожимать руку). В то же время инициатор оскорбления не придает значения своему пренебрежительному высказыванию и не имеет намерения разворачивать столкновение («протянул ей руку»).

(12) 武林扑过来要打我，我说：“你过来，你狗日的过来！”武林就没敢过来，举着手落下去，捡了那个瓶子底，瓶子底里还有一点酒，他唾一口，说：“啊，我惹你？你，你，你是疯子，不，不惹，啊惹！”又唾一口。

[Улинь *рванулся было ко мне, чтобы ударить, а я ему: «Подходи, сукин сын, твою мать, иди сюда!» Он не посмел, поднятые руки опустил, подобрал отбитое дно бутылки — хлебнул оставшееся на доньшке вино — и сказал: «А-а, задело тебя? Т-т-ты псих, н-н-не буду с тобой связываться!» И сделал еще один глоток] (Цзя Пинва, 2017, с. 15).*

В примере (12) междометия выступают рафинированными индикаторами эмоций и экспрессивами, которые выполняют перлокутивную функцию и напрямую воздействуют на реципиента или читателя. Многие междометия и звукоподражания в романе можно семантизировать как эмотивы.

В пространственных рассуждениях также может использоваться прием «обратного нарратива». Так, в повествовательном нарративе рассказчик рассуждает:

(13) 这事我不愿意给队长说，说了他也弄不清。

[Все это я не собирался рассказывать руководителю труппы, он все равно ничего бы не понял] (Цзя Пинва, 2017, с. 30).

Повествователь в данном примере произвел когнитивную операцию по выявлению потенциала коммуникативного успеха и, экстраполировав релевантный результат сообщения реципиенту и его перцепцию, принял решение не делиться информацией. Таким образом, как

мы видим, художественный текст может предоставлять богатый материал для исследования речевых конфликтов, а также культурных и этнонациональных особенностей проявления речевой агрессии.

4. Выводы и заключение

Результаты проведенного контекстуально-интерпретационного анализа речевого материала прозы Цзя Пинва на примере романа «Циньские напевы» (2005) позволяют сделать вывод, что в семиотике его художественного дискурса металингвистически проявляется фактор языковой личности и в семантико-смысловой архитектонике текста выявляются понятийно-эстетический, виртуально образный, эмоционально-чувственный, аксиологические и другие слои, что вскрывает смыслопорождающий потенциал художественного мира и основу идиостиля автора. Анализ прагматики метаязыка прозы Цзя Пинва показал, что на стилистическом уровне в качестве конфликтогенных языковых и речевых маркеров выступают языковые единицы, которые отражают специфику и фиксацию особого мировидения создателя текста, определяя уникальность этого текста и языкового материала как отражения реальности.

Конфликтная перлокуция на метаязыковом уровне в романе «Циньские напевы» Цзя Пинва продуцируется с помощью эмоционально-экспрессивного фона, который доминирует над информационным в контексте различных противостояний и столкновений. Эмоциональная связанность отдельных текстовых фрагментов и всего художественного дискурса демонстрирует, что в семантическом моделировании отражены когнитивный и прагматический механизмы межличностной коммуникации. Можно утверждать, что идиостиль Цзя Пинва репрезентирует динамическую систему объективаций экстралингвистического контекста, в которых реализуется лингвистика конфликта.

Список литературы

Беляевская Е. Г. Фрейм «conflict» в языке и тексте // Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире. М., 2021. С. 145–157.

Зыкова И. В. Ноцицепция и ее лингвокреативный потенциал в художественно-эстетической репрезентации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2023. Т. 22, №1. С. 65–80. doi: 10.15688/jvolsu2.2023.1.6.

Игнатенко А. В. Экфрастическая репрезентация произведений живописи в чеховской прозе // Новый филологический вестник. 2019. Т. 50, №3. С. 160–170. doi: 10.24411/2072–9316–2019–00069.

Игнатенко А. В. Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюня на примере романа «Я не Пань Цзиньянь» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Востоковедение и африканистика. 2022. №3. С. 507–523. doi: 10.21638/spbu13.2022.308.

Игнатенко А. В. Эмотивная суггестивность в современном китайском художественном дискурсе (на примере романа Юй Хуа «Жить», 1992) // *Oriental studies*. 2023а. №4. С. 1004–1014. doi: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014.

Игнатенко А. В. Особенности парентетических конструкций в романе Мо Яня «Устал рождаться и умирать» (2005) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология*. 2023б. Т. 22, №4. С. 115–126. doi: 10.25205/1818-7919-2023-22-4-115-126.

Козлова Л. А. Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24, №4. С. 899–925. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925.

Козлова Л. А., Кремнева А. В. Лингвоживописная техника письма и ее роль в создании образа художника // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26, №3. С. 721–743. doi: 10.22363/2687-0088-30060.

Киндеркнехт А. С. Конфликт в исследованиях по лингвистике // *Научный диалог*. 2023. Т. 12, №1. С. 45–68. doi: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-45-68.

Комалова Л. Р. Межличностная коммуникация. М., 2016.

Леонтович О. А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25, №1. С. 194–220. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220.

Муравьева Н. В. Язык конфликта. М., 2002.

Солопова О. А., Нильсен Д., Нильсен Э. Зооморфные метафоры в моделировании образа России: диахронический анализ американского медиадискурса // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27, №3. С. 521–542. doi: 10.22363/2687-0088-35048.

Спешиев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб., 2017.

Сунь Ю., Калинин О. И., Игнатенко А. В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25, №1. С. 250–277. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277.

Ферт-Годбехер Р. Эмоции: великолепная история человечества. М., 2022.

Фещенко В. В. Художественная коммуникация: от семиотических моделей к лингвоэстетической теории // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2021. Т. 12, №1. С. 7–31. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-1.

Цзя Пинва. Циньские напевы / пер. с кит. А. Н. Коробовой. М., 2017.

Цзя Пинва. Циньские напевы. [贾平凹. 《秦腔》]. URL: <https://www.tysk.top/xdwx/6091/> (дата обращения: 23.10.2023) (на кит. яз.).

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.

Эслами З. Р., Ларина Т. В., Пашифоруди Р. Идентичность, вежливость и дискурсивные практики в меняющемся мире // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27, №1. С. 7–38. doi: 10.22363/2687-0088-34051.

Vilá, M., Ivanova, S. V. Language, culture and ideology in discursive practices // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24, №2. P. 219–252. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252.

Wierzbicka A. I and Thou: Universal human concepts present as words in all human languages // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26, №4. P. 908–936. doi: 10.22363/2687-0088-31361.

Об авторе

Александр Владимирович Игнатенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН им. Патриса Лумумбы, Россия.

E-mail: ignatenko-av@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0001-9261-4306

Для цитирования:

Игнатенко А. В. Речевой конфликт в художественном дискурсе (на примере романа Цзя Пинва «Циньские напевы») // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 118 – 131. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-8.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

LANGUAGE CONFLICT IN THE LITERARY DISCOURSE: JIA PINGWA'S NOVEL "QIN QIANG"

Alexander V. Ignatenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Mikluho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

Submitted on 23.10.2023

Accepted on 15.05.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-8

The present study addresses the interdisciplinary issue of conflict and its linguistic specificity as a component of the emotive dimension in artistic discourse, with a focus on the novel "Qin Qiang" by Jia Pingwa (2005). The aim is to analyse the aspects of speech and language conflict, as well as its destructive forms, within the lexico-semantic, syntactic, and functional-stylistic units of the language. A conflictual communicative act is viewed as the result of specific failures in speech interaction and the violation of conventions and rules governing discursive behaviour. Linguistic contradictions and conflicts are analysed within the framework of emotiology, at the level of emotivity and the emotive field in the pragmatic space of artistic discourse, as a multimodal phenomenon shaped by systemic relations of emotionalism. Discursive contradictions function as key elements of the structural tension in the text, serving as linguistic and semantic dominants or attractors. These contradictions materialize as stylistic units at various levels and can be employed as a tool to create the desired effect in artistic narrative. Linguistically, conflict arises from violations of pragmatic-semantic and stylistic-syntactic conventional norms. Drawing on empirical material, the study demonstrates that the use of conflictogenic discourse in prose is a distinctive feature of Jia Pingwa's idiosyncrasy, integrating various communicative strategies. The findings provide a foundation for further research into speech collisions in Chinese fiction.

Keywords: Jia Pingwa, Chinese literature, linguistics of conflict, emotivity, "Qin Qiang"

References

Belyaevskaya, E.G., 2021. The "conflict" frame in language and text. In: *Yazyk v global'nom kontekste: yazykovye kontakty i yazykovye konflikty v sovremennom mire* [Language in a global context: language contacts and language conflicts in the modern world]. Moscow, pp. 145 – 157 (in Russ.).

Bilá, M. and Ivanova, S.V., 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (2), pp. 219 – 252, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252>.

Eslami, Z. R., Larina, T. V. and Pashmforoosh, R., 2023. Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics*, 27 (1), pp. 7 – 38, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>.

Feshchenko, V. V., 2021. Literary communication: from semiotic models to a theory of linguistic aesthetics. *Slovo.ru: baltic accent*, 12 (1), pp. 7 – 31, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-1-1> (in Russ.).

Firth-Godbehere, R., 2022. *Emotsii: velikolepnaya istoriya chelovechestva* [A human History of Emotion: How the Way We Feel Built the World We know]. Moscow, 320 p. (in Russ.).

Ignatenko, A.V., 2019. Representation of Painting by Ekphrasis in Chekhov's Prose. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 50 (3), pp. 160–170, <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2019-00069> (in Russ.).

Ignatenko, A.V., 2022. Features of the language game in Liu Zhenyun's prose on the example of the novel "I am not Pan Jinlian". *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 3, pp. 507–523, <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.308> (in Russ.).

Ignatenko, A.V., 2023a. Emotive Suggestiveness in Contemporary Chinese Fictional Discourse: A Case Study of Yu Hua's *To Live* (1992). *Oriental studies*, 16 (4), pp. 1004–1014, <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014> (in Russ.).

Ignatenko, A.V., 2023b. Features of Parenthetical Constructions in Mo Yan's Novel "Tired of Being Born and Dying" (2005). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 22 (4), pp. 115–126, <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-4-115-126> (in Russ.).

Jia Pingwa, 2017. *Tsin'skie napevy* [Qing Melodies]. Translated by A.N. Korobova. Moscow, 406 p. (in Russ.).

Jia Pingwa. *Qin qiao* [贾平凹. 《秦腔》]. Qing Melodies. Available at: <https://www.tysk.top/xdwx/6091/> [Accessed 23 October 2023].

Kinderknekht, A.S., 2023. Conflict in Linguistic Researches. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 12 (1), pp. 45–68, <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-45-68> (in Russ.).

Komalova, L.R., 2016. *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya* [Interpersonal communication]. Moscow, 180 p. (in Russ.).

Kozlova, L.A. and Kremneva, A.V., 2022. Lingua-artistic technique of writing and its role in portraying an artist. *Russian Journal of Linguistics*, 26 (3), pp. 721–743, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30060> (in Russ.).

Kozlova, L.A., 2020. Metaphor as the refraction of culture determined cognition. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (4), pp. 899–925, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925> (in Russ.).

Leontovich, O.A., 2021. The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1), pp. 194–220 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220>.

Murav'eva, N.V., 2002. *Yazyk konflikta* [The language of conflict]. Moscow, 264 p. (in Russ.).

Shakhovskiy, V.I., 1987. *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language]. Voronezh, 190 p. (in Russ.).

Shakhovskiy, V.I., 2008. *Linguisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic theory of emotions] Moscow, 416 p. (in Russ.).

Solopova, O.A., Nilsen, D. and Nilsen, A., 2023. The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 27 (3), pp. 521–542, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35048>.

Speshnev, N.A., 2017. *Kitaitsy: osobennosti natsional'noi psikhologii* [The Chinese: features of national psychology] St. Petersburg, 336 p. (in Russ.).

Sun, Y., Kalinin, O.I. and Ignatenko, A.V., 2021. The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in political public speeches. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1), pp. 250–277, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277> (in Russ.).

Wierzbicka, A., 2022. I and Thou: Universal human concepts present as words in all human languages. *Russian Journal of Linguistics*, 26 (4), pp. 908–936, <https://doi.org/10.22263/2687-0088-31361>.

Zykova, I.V., 2023. Nociception and its linguocreative potential in artistic-aesthetic representation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 22 (1), pp. 65–80, <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.6> (in Russ.).

The author

Dr. Alexander V. Ignatenko, Associate Professor, the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University, Russia.

E-mail: ignatenko-av@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0001-9261-4306

To cite this article:

Ignatenko, A.V., 2024, Language conflict in the literary discourse: Jia Pingwa's novel "Qin Qiang", *Slovo.ru: Baltic accent*, 2024, Vol. 15, no. 4, pp. 118–131. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-8.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОРИИ РУССКОГО СТИХОВЕДЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Традиционный нарратив об истории изучения русского стиха, представленный, например, в «Современном русском стихе» М. Л. Гаспарова (1974), предлагал рассматривать стиховедение как дисциплину, постепенно приближающуюся к «позитивной науке» путем отсеивания всех радикальных и «субъективных» теорий. В 1960–1970-е годы, когда математизация гуманитарного знания, виделась одной из наиболее захватывающих научных перспектив, а русская теория стиха лежала в руинах после борьбы с формализмом в 1930-е, такой подход позволил сначала вернуть интерес к стиховедческой проблематике, а затем и вообще сделать теорию стиха одной из наиболее прогрессивных областей в смысле приближения к идеалу точного знания. Даже сейчас, спустя полвека после книги Гаспарова, «русский метод», как позднее стали называть квантитативный и статистический подход к изучению стиха, не вполне исчерпал себя, найдя преемника в бурно развивающихся *digital humanities*.

Однако параллельно с квантитативным подходом в мировой науке о стихе развивалась такая версия теории стиха, которая была в большей мере связана с теоретической лингвистикой и которая — так же, как и стиховедение, только несколько раньше — пережила радикальную математизацию благодаря влиянию структурализма. Но если идеалом для «русского метода» была статистика, предполагающая обработку большого количества данных, то для лингвистического структурализма таким идеалом служила скорее теория множеств (и основанные на ней алгебра и топология) — как наука о комбинациях различных (абстрактных) сущностей друг с другом. В том числе и поэтому русское стиховедение развивалось «интенсивно», уходя все дальше вглубь частных проблем стиха конкретного периода или эпохи, а европейское и американское — «экстенсивно», предпочитая сравнивать друг с другом различные национальные традиции и типы стихосложения, а также пытаясь выделить в них общее и различное. Отсюда и широкое распространение в структуралистском стиховедении метрической типологии — субдисциплины, стремящейся прийти к общим основаниям стиха независимо от конкретного языка или системы стихосложения (в широком диапазоне от привычной европейской силлабики и тоники до сомалийского аллитерационного стиха). Конечно, такое движение было не вполне линейным, и в «Очерке истории европейского стиха» Гаспаров также пытался построить типологию европейского стиха, привлекая, в

том числе, и квантитативные методы, однако после этой во всех отношениях выдающейся работы русские стиховеды практически не ставили перед собой широкие типологические задачи.

Тем не менее в 1920-е годы, когда русское стиховедение еще не знало, что будет почти полностью квантитативным, поиски шли в том числе и в этом направлении. В целом эта эпоха до сих пор в равной степени поражает как разнообразием предлагаемых подходов к стиху и пронизательностью отдельных замечаний, так и неспособностью сформулировать достаточно последовательную теорию стиха в целом. Можно сказать, что у этой теории тогда было две основные траектории, которые, однако, нередко переплетались, порождая разные гибриды: первая существовала в русле всеобщего увлечения звучащим словом и, что не менее важно, в контексте стремительного развития звукозаписи, предлагая идти в сторону звучащего стиха и извлекая из его акустических особенностей общую теорию версификации; вторая в большей степени понимала структуру стиха как существующую саму по себе, независимо от того, каким образом тот или иной стих озвучивался, и в большей мере осознавала поэтическое слово как языковую универсалию, независимую от конкретной звуковой реализации.

К первому направлению относилась нашумевшая в свое время тактометрическая теория, разные варианты которой развивали в своих работах А. П. Малишевский, А. П. Квятковский и И. Л. Сельвинский: уже по этому ряду имен видно, что она была связана с Литературным центром конструктивистов и во многом обслуживала те новации в стихосложении, которые стремились закрепить близкие к центру поэты. Второе направление было представлено внешне более традиционными работами Андрея Белого, В. Я. Брюсова, В. А. Пяста, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского, С. П. Боброва — видно, что эти теоретики были близки либо к символистам, либо к ОПОЯЗу, и хотя многие из них сами были активными участниками литературного процесса, они, в отличие от «тактометристов», за редким исключением не использовали стиховедческие аргументы в литературной полемике. Если второе направление признавалось гаспаровской школой, то большинство идей первого было, напротив, ею отвергнуто, хотя следы пристального внимания к этому кругу идей остались и в постановке исследовательских вопросов, и в терминологическом аппарате: так, понятия «дольник», «тактовик» и некоторые другие, равно как и сама попытка разграничить эти неклассические типы стиха, — прямое наследие расцвета стиховедческих теорий 1920-х годов.

Таким образом, за бортом современного стиховедения оказалась и леймическая теория Г. А. Шенгели, и метротоника А. П. Малишевского, и тактометрическая теория А. П. Квятковского — И. Л. Сельвинского; последняя, однако, долго сохраняла свои позиции за счет «Поэтического словаря» (под редакцией Квятковского), который пользовался большой популярностью — правда, скорее среди практиков, нежели теоретиков стиха. Однако новая волна интереса к метрике в мировой науке, во многом вызванная влиянием фонологии, заставляет отчасти пере-

смотреть такое положение дел. Нельзя не обратить внимание, что подходы, используемые в современной метрической типологии, обнаруживают разительное сходство именно с теми теориями, которые были отвергнуты гаспаровской школой: генеративная и деривационная метрики во многом приходят к тем же вопросам, которые ставили перед собой теоретики 1920-х годов: что общего между стихом различных национальных и версификационных традиций? Существуют ли универсалии, характерные для стиха как такового, и базовые элементы, из которых строится любой стих? Каковы общие метрические принципы стихосложения? Таким образом, исследование альтернативных, то есть не принятых гаспаровской школой теорий стиха первой половины XX века, предполагает не только интеллектуальную археологию понятий русского стиховедения, но и выработку нового инструментария, созвучного поискам современной науки о стихе. В этом контексте ранние теории русской метрики вполне могут оказаться тем самым камнем, который отвергли строители (но что с ним было потом, мы помним).

*Приглашенные редакторы-составители раздела
К. М. Корчагин, В. А. Плунгян*

АВТОРСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В РУССКОМ СТИХОВЕДЕНИИ: НАСЛЕДИЕ ЯЗЫКА ФОРМАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

И. А. Пильщикова

Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе,
США, 90095-1502, Калифорния, Лос-Анджелес, Каплан Холл, 320
Поступила в редакцию 01.04.2024 г.
Принята к публикации 15.06.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-9

*Любая система терминов представляет собой «карту-схему» проблемной области, в которой они употребляются. История терминологии, как и всякое историко-научное исследование, полезно для методологической рефлексии и нередко дает импульс для переосмысления той или иной проблемы благодаря возвращению «к истокам» и реактуализации отброшенных последующей эволюцией импликаций и потенциальных путей развития. В статье рассматривается несколько терминов, появившихся в первые десятилетия существования русского научного стиховедения (1910 – 1920-е годы): это введенный М.П. Штокмаром термин «ритмический курсив», ставший общеупотребительным после работ К.Ф. Тарановского и М.Л. Гаспарова; «словораздел» – термин, введенный О.М. Бриком, но давно переставший восприниматься как авторский; наконец, «дольник», выражающий одно из наиболее дискуссионных понятий русского стиховедения (рассматривается также связь этого термина с близким, но вышедшим из употребления термином «пауэник»). Заключительный раздел статьи посвящен появлению самого слова «стиховедение» (калька с немецкого *Verslehre*) как названия дисциплины. Исследование терминологии русского стиховедения способствует более плодотворному развитию современной теории стиха, во многом восходящей к полемике русской формальной школы с поэтами-символистами.*

Ключевые слова: поэзия, русский формализм, стиховедение, терминология

Историю русского стиховедения принято отсчитывать с 1910 года – времени публикации глав о ритмике 4-стопного ямба в книге Андрея Белого «Символизм» (1910). В 1910-е и 1920-е годы формалисты (участники Московского лингвистического кружка и петроградского Опояза) приложили немало усилий для развития новой дисциплины – в продолжение подхода Белого и в полемике с ним (а также с теориями другого поэта-символиста – Валерия Брюсова). «Борьба “формалистов” с “символистами” является важнейшим моментом в деле построения научной теории стиха. Полемика с символистскими трудами стимулировала выработку понятия о стихе как метрическом единстве, системный подход к его изучению, пересмотр кардинальных стиховедческих понятий – таких, как проза и стих, метр и ритм, силлабический и тонический стих, стопа, – и переформулировку их...» (Флейшман, 1977, с. 113). Для темы настоящей статьи существенно, что вырабатывались не только новые концепции и понятия, но и выражающие их термины.

В статье рассматривается несколько терминов, появившихся в вышеуказанный период, проясняется контекст их возникновения и прослеживается история их использования.

1. Ритмический курсив

Термин стал общеупотребительным после работ К. Ф. Тарановского (1966б, с. 143; 1973, р. 356, note 10) и М.Л. Гаспарова (1974, с. 199 и 196, примеч. 17), хотя можно было ожидать и более раннего его распространения: дело в том, что он встречается в «Очерках теории и истории русского стиха» Л.И. Тимофеева (1958, с. 406). Напомню, что первой стиховедческой работой Гаспарова была рецензия на эту книгу, которая — при всех ее недостатках — восстановила права стиховедения в советской академической системе.

Леонид Иванович Тимофеев (1904–1984) начинал работу в стиховедении под руководством одного из пионеров статистического подхода к литературе и бывшего члена Московского литературного кружка (МЛК) Бориса Исааковича Ярхо, участвовал в сборнике Подсекции теоретической поэтики Государственной академии художественных наук (ГАХН) «Ars poetica», но после разгона ГАХН перешел на более безопасные марксистские позиции. Будучи избран в 1958 году членом-корреспондентом Академии наук СССР, он занимал достаточно высокое положение в академической иерархии и к концу 1950-х стал официальным главой полузадушенного советского стиховедения.

Однако изобретателем термина был даже не Тимофеев, а другой ученик Ярхо, соучастник Тимофеева по 2-му выпуску сборника «Ars poetica» (1928), вышедшему под редакцией М.А. Петровского и Б.И. Ярхо, — Михаил Петрович Штокмар (1903–1965), который ввел это новообразование в статье «Вольный стих XIX века». «Вольным» в это время уже назывался стих, в котором неупорядоченно чередуются стихи разных размеров одного метра; ср. у В.Я. Брюсова: «Отъ свободныхъ стиховъ должно отличать *вольные стихи*, какъ называется сочетание разностопныхъ стиховъ, преимущественно ямбическихъ» (Брюсов, 1919, с. 118; в источнике разрядка). Действительно, из вольных размеров в русской поэзии наиболее распространен ямб, в составе которого самой редкой и парадоксально короткой строкой будет односложная — вопреки тому, что даже одна стопа ямба двусложна с ударением на втором слоге и поэтому вроде бы не может быть урезана до одного слога. Штокмар приводит примеры таких строк и поясняет: «...в этих примерах наличие односложного стиха является нарочитым приемом, сущность которого можно метафорически определить как своего рода *ритмический курсив*» (Штокмар, 1928, с. 122; курсив здесь и далее в цитатах мой. — И.П.)¹. Далее он обобщает это наблюдение, говоря о «свойств[е] редко встречающихся мелких отрезков служить средством

¹ Здесь и далее курсив в цитатах мой (если не оговорено иное).

ритмического курсива», и заключает, что «явление, которое мы назвали “ритмическим курсивом”, представляет собою преломление смыслового ряда в системе интонирования и ритмической структуре» (Там же, с. 124, 125).

В отличие от Тимофеева, Тарановского и Гаспарова, Штокмар пользовался обсуждаемым словосочетанием для описания неожиданной ритмической формы вольного, а не монометрического стиха; но при этом не забывал подчеркивать его семантическую функцию: «Коротко-стопные стихи, использование которых упало еще у некоторых поэтов XVIII века до крайне низкого процента, выступают почти исключительно с функцией ритмического курсива на смысловой основе» (Там же, с. 140).

Тимофеев тоже подчеркивал семантическую нагруженность «ритмического курсива», когда писал о единственной строке нелюбимой Пушкиным VII формы 4-стопного ямба в «Графе Нулине» (*Пощечину, да ведь какую!*): «Необычная ритмическая форма строки пришлась как раз на место резкого интонационного подъема, явилась своего рода ритмическим курсивом, выделившим наиболее существенное в смысловом отношении место» (1958, с. 406; впервые в статье: Тимофеев, 1951, с. 220). Можно даже говорить об иконизме пушкинской строки, имитирующей звук пощечины и последовавшую за ней тишину. Это наблюдение (вне связи с термином «ритмический курсив») повторено Тарановским в его знаменитой книге-диссертации «Руски дводелни ритмови» со ссылкой на указанную статью Тимофеева (Тарановски, 1953, с. 90, примеч. 119). Сам Тарановский (в упомянутых работах 1966 и 1973 годов) предпочитал говорить не о семантической и иконической, а об эмотивной и суггестивной функции ритмического курсива.

2. Словораздел

Этот термин уже не воспринимается как авторский. Между тем Якобсон писал в 1922 году: «Словораздел... термин Брика, принятый молодыми московскими ритмиками» (Якобсон, 1923, с. 29, примеч. 35). Согласно протоколу заседания Московского лингвистического кружка 1 июня 1919 года, термин «словораздел» в прениях используют докладчик Осип Брик и председатель Роман Якобсон (Pilshchikov, 2017, p. 163, 174).

Один участник МЛК принял термин *словораздел* лишь отчасти, и *pendant* изобрел собственный термин — *слор*; это Сергей Павлович Бобров (1889—1971). В 1925 году он написал статью «Словораздел» для первого русского словаря литературных терминов: «СЛОВОРАЗДЕЛ, *слор*, междусловесный перерыв, малая цезура — есть перерыв в стихе между двумя словами. <...> Понятие это введено А. Белым для объяснения различия между формами таких междусловесных пауз или, как он сам писал, — паузных форм» (Бобров, 1925, с. 831—832). Между тем Андрей Белый этим термином не пользовался, в «Символизме» (Белый, 1910) он называет словоразделы «цезурами». Зато еще один (уже четвертый в этом экскурсе) член МЛК — Борис Викторович Томашевский (1890—

1957) — дает в «Русском стихосложении» новое определение, ныне общепринятое: «...цезурой называется такой *словораздел*, который во всех стихах стихотворения находится между одними и теми же слогами» (Томашевский, 1923, с. 21). У В.М. Жирмунского во «Введении в метрику» «цезура» несколько раз определяется как «постоянное метрическое сечение» (то есть значение термина не кажется ему очевидным), и здесь же в параграфе «Цезура» (§24) он безоговорочно пользуется термином «словораздел»: «В русском стихе в цезуре требуется *словораздел*, но ударение обязательно не во всех размерах» (Жирмунский, 1925, с. 148); ср.: «Цезура в русском стихе есть метрически обязательный *словораздел*, который не всегда совпадает с синтаксической паузой и не требует перед собою неподвижного ударения» (Жирмунский, 1923, с. 49–50).

Бобров приводит синоним «малая цезура». Противопоставление большой и малой цезуры восходит к Брюсову: «Различаются цезуры большая... и малая... Большая цезура есть перерывъ, установленный для данного ритма въ определенномъ мѣстѣ метра, т.-е. послѣ определеннаго слога определеннои стопы. <...> Малая цезура есть перерывъ внутри метра послѣ каждаго слова или комплекса словъ, произносимыхъ съ однимъ ударениемъ» (Брюсов, 1919, с. 16).

Георгий Шенгели (1894–1956) в «Трактате о русском стихе» критикует это «установившееся словоупотребление», называет «большую цезуру» «главной цезурой» и *медианой*, а также использует терминологическое сочетание *междусловесный перерыв* (еще один синоним, который Бобров включил в энциклопедическую статью): «Большую цезуру правильнее было бы именовать *медианой*: мы избежали бы терминологической путаницы: цезура по античной традиции — сечение внутри стопы; большая цезура всегда — после стопы, иначе — всегда: диереза — по крайней мере в ямбе» (Шенгели, 1923б, с. 125). «Цезура — *междусловесный перерыв*, рассекающий стопу. Диереза — *междусловесный перерыв*, совпадающий с границей стопы. <...> Установившееся словоупотребление несколько иное: цезурой называется всякое сечение стиха; термин “большая цезура” употребляется в указанном выше смысле. Мы предпочитаем сечения называть *междусловесными перерывами*, а большую цезуру — *медианой*, как тяготеющую к середине стиха» (Там же, с. 137). Между прочим, Тарановский в своей сербской книге 1953 года употребляет термин Шенгели — *медијана*. Переводчик этой книги на русский (Виктор Сонькин) был вынужден изменить терминологию на устоявшуюся и заменить «медиану» «цезурой» (Бейли, Тарановская-Джонсон, Прохоров, 2010, с. 9).

Однако сам Шенгели довольно скоро от этой критики отказался в связи с пересмотром своего отношения к стопе (см.: Шенгели, 1926, с. 11; 1940, с. 15). Во втором издании «Практического стиховедения» (Шенгели, 1926) он частично заменяет новым термином «словораздел» «междусловесные перерывы» первого издания (1923а), а в посмертном издании «Техники стиха» (1960) примирились все вышеописанные терминологические традиции: «Нередко, впрочем, малые цезуры называются только *словоразделами*, а большая — просто цезурой. Этой терминологии мы и будем для простоты придерживаться» (Шенгели, 1960, с. 30).

Терминология утвердилась (см., например: Голенищев-Кутузов, 1959), и только Бобров печатно употреблял свой неологизм «*слор*» вплоть до 1960-х годов (см.: Бобров, 1965, с. 81–82; и др.). Главная проблема этого термина (вне зависимости от варианта, бриковского или бобровского) — его диффузность; лингвистическая неопределенность понятия «словораздел» препятствует его полноценной разработке в стиховедении и лингвистической поэтике. Между тем оно необходимо даже для базового определения силлабо-тонического метра: допустимость или недопустимость сверхсхемных ударений при одновременном пропуске схемных определяется исключительно дистрибуцией словоразделов («правило Якобсона — Томашевского»).

3. Дольник

Этот стихотворный размер стал в XX веке, по словам М. Л. Гаспарова, «как бы шестым классическим метром» русской поэзии (1984, с. 260). Термин был введен Брюсовым и переосмыслен Жирмунским. Современное употребление кодифицировано Гаспаровым: дольник — это стих с переменной анакрусой, в строках которого число иктов (то есть метрических ударений) урегулировано по количеству, а между ударениями располагается один или два (метрически) безударных слога (Гаспаров, 1974, с. 220). Деривация термина: усечение до общей части терминов *трехдольник*, *четырёхдольник* и тому подобных, образованных на основе прилагательного «*X-дольный*» от существительного *доля*.

Осмысление дольника шло в двух разных направлениях — или, вернее будет сказать в одном направлении, но с двух разных сторон. Как известно (Там же, с. 226), первым этот размер идентифицировал Бобров, назвавший его *паузником*. В 1913 году Бобров предложил термин *трехдольный паузник* (1913, с. 148), а в статье «Трехдольный паузник у Пушкина» (1915, с. 7–14) пояснил, что назвал так размер, подобный классическим «трехдольным» (синоним: «трехсложным») размерам (дактиль, амфибрахий и анапест) (Там же, с. 9), в котором любой слог (в том числе икт) может быть заменен паузой: «Трехдольнымъ паузникомъ мы называемъ стихъ, въ основѣ котораго лежитъ классическая трехдольная стопа и который допускаетъ въ каждой стопѣ своей замѣну каждаго $\chi\rho\nu\nu\omicron\varsigma$ $\pi\rho\acute{\iota}\tau\omicron\varsigma$ ’а, а также и ударяемаго слога — паузой ($\chi\rho\nu\nu\omicron\varsigma$ $\kappa\epsilon\nu\acute{o}\varsigma$ ’омь)» (Там же, с. 8). Такая формулировка имеет перед альтернативными то преимущество, что позволяет объяснить замену икта паузой в парадоксальных ритмических формах типа V формы трехиктного дольника (*Неожиданный* $\wedge$ *аквильон*). Однако в подобных стихах словораздел не обязательно проходит на месте «пропущенного» икта. Полвека спустя Владислав Холшевников, указав на приоритет Боброва в концептуализации «паузника», констатировал: «...так как паузой называют обычно перерыв в речи, то термин этот двусмыслен. Поэтому теперь чаще употребляют термин “дольник”» (Холшевников, 1972, с. 57).

Альтернативный подход — определение обсуждаемого размера как урегулированного акцентного стиха (Пильщиков, 2022, с. 276–277).

Брюсов, изобретатель термина *дольник*, называл дольниками стихи, у которых «между ударными слогами число неударныхъ слоговъ произвольно: обычно — отъ 1 до 3, рѣдко — до 4» (Брюсов, 1919, с. 120), то есть не проводил различия между дольником и акцентным стихом в позднейшем понимании этих терминов. Томашевский, напротив, использовал общий термин «акцентный стих» «для обозначения [всех] форм стиха с переменными междуударными интервалами» (см.: Гаспаров, 1974, с. 398). Однако в ряду других «акцентных» размеров Томашевский выделял «стяженные» — такие, в которых «группы в 3 слога (“стопы”) как бы сокращены в группы в 2 слога (стяжены)», и указывал, «что в традиционной терминологии размеры эти именуется “дактилохорейческими”» (Томашевский, 1925, с. 100).

Следующий шаг в развитии этой концепции сделал Виктор Максимович Жирмунский (1891—1971). Систему стихосложения, в которой учитывается число ударений, он называл «тонической» с дальнейшим разделением на «тоническое стихосложение, соблюдающее принцип счета слогов или не соблюдающее такового» (Жирмунский, 1925, с. 27). В состав «чисто тонических» размеров он включил и *дольники* (Там же, с. 28, 43, 59, 79, 141 и др.), у которых междуударный интервал «обыкновенно» (sic!) равняется 1 или 2 (Там же, с. 222). Свой подход Жирмунский противопоставил подходу Боброва: «Уже Белый рассматривает *дольники* поэтов-символистов как паузный стих. <...> Наиболее отчетливо эта точка зрения обоснована в работах московского поэта Сергея Боброва <...>. Он рассматривает *дольники* как вариации анапеста с паузами» (Там же, с. 168). Альтернативный подход предполагает существование «*дольников*, написанных по чисто тоническому принципу счета ударений, с переменным числом неударных слогов между ними» (Там же, с. 60).

Бобров до конца жизни продолжал именовать открытый им размер по-своему и называл термин *дольник* «брюсовским переименованием *паузника*» (Бобров, 1965, с. 92). Бывший конструктивист Александр Павлович Квятковский (1888—1968) тоже считал термин «дольник» неудачным, предпочитая ему «паузник» (1960, с. 102, примеч. 26); эта оговорка попала даже в его «Поэтический словарь» (1966, с. 107). Тем не менее в конечном счете в борьбе *паузника* и *дольника* победил дольник; для его более корректного определения Гаспарову оставалось лишь точно определить число метрически безударных слогов.

4. Стиховедение

Эта калька с немецкого *Verslehre* (*Vers* ‘стих’ + *lehre* ‘изучение’) принадлежит Боброву, который писал в статье «Рифма и ассонанс», датированной мартом 1915 года и опубликованной год спустя (Бобров, 1916, с. 61—68): «Техническія знанія, которыми долженъ обладать современный поэтъ, все разрастаются; разрастаясь, они координируются, масса ихъ принимаетъ все болѣе и болѣе стройный видъ; вскорѣ, быть-мо-

жесть, должны мы будемъ признать существованіе новой науки, науки о стихотворствѣ, *стиховѣдѣнія*» (Там же, с. 61; в источнике разрядка). В 1916 году в предисловии к книге Божидара «Распевочное единство» Бобров утверждал, что ее основное положение (о просодическом единстве всех размеров русского стиха) «должно стать краеугольнымъ камнемъ мощнаго зданія — экспериментальной эстетики русской, русскаго стиховѣдѣнія (*stihologia*)» (Божидар, 1916, с. 5). В разделе объявлений, помещенном в конце этого издания и в других изданиях «Центрифуги», находится анонс готовящейся книги Боброва «Основы стиховеденія» (не вышла).

Четвертого апреля 1918 года по инициативе Брюсова и Вячеслава Иванова была организована Студия стиховедения при Литературной секции Московского союза учащихся искусству. В прочитанном там Брюсовым «Кратком курсе науке о стихе» термин «стиховедение» употребляется только в названии студии, так что оно явно принадлежит не ему. Сам Брюсов предпочитал мелькнувший у Боброва альтернативный композит *стихология*, ранее означавший «чтеніе или пѣніе псалмовъ по стихамъ» (Словарь... 1847, с. 226). Вступительная глава «Краткого курса» носит название «Сравнительная стихология и частныя стихологии» и начинается словами: «*Наука о стихѣ (стихология)* раздѣляется на *сравнительную и частную*. Сравнительная стихология разсматриваетъ различныя системы стихосложенія (въ разныхъ языкахъ) и выводитъ общіе законы стиха. Частныя стихологии разсматриваютъ отдѣльныя системы стихосложенія» (Брюсов, 1919, с. 7; в источнике разрядка). На эту книгу молодой Якобсон отозвался разгромной статьёй «Брюсовская стихология и наука о стихе» (Якобсон, 1922). Во втором издании книги Брюсова (1924), получившей новое заглавие «Основы стиховеденія» и статус учебника для вузов, термин *стиховедение* использован только в оглавлении, а первая часть называется «Общее введение в стихологию».

Победило тем не менее *стиховедение*. Новое терминологическое обозначение области сразу принял Шенгели, озаглавивший свою вторую монографию «Практическое стиховедение» (Шенгели, 1923а). Первая глава антиформалистской книги Андрея Белого «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» (Белый, 1929) называется «Принцип стиховедения». В 11-м томе «Литературной энциклопедии» статья о «раздел[е] поэтики, изучающ[ем] свойства стихотворной речи и принципы ее анализа», написанная Тимофеевым, называется «Стиховедение» (Тимофеев, 1939).

Русская наука о стихе началась с полемики формалистов с символистами (см.: Пильщиков, Устинов, 2020; и др.). Не только зарождение, но и дальнейшее развитие русского стиховедения проходило под знаком усвоения, развития и переосмысления этих двух традиций. В этом отношении история стиховедческой терминологии весьма симптоматична. Как фрагмент «истории стиховедческой теории» (*history of verse*

theory) она помогает представить динамическую и местами внутренне противоречивую теорию стиха русской формальной школы как единое проблемное поле.

Благодарности. В основу статьи положен доклад на IX Международной научной конференции «Современные проблемы славянской филологии: форма и смысл. К 130-летию со дня рождения В. Шкловского» (11–12 ноября 2023 г., Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань). Автор признателен организаторам конференции и составителям настоящего блока статей.

Список литературы

Бейли Дж., Тарановская-Джонсон В., Прохоров А.В. От составителей // Тарановский К. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе / пер. с сербского В.В. Сонькина. М., 2010. С. 7–10.

Белый А. Символизм: Книга статей. М., 1910.

Белый А. Ритм как диалектика и «Медный всадник». М., 1929.

Бобров С.П. Вертоградари над лозами. М., 1913.

Бобров С.П. Новое о стихосложении А.С. Пушкина. М., 1915.

Бобров С.П. Записки стихотворца. М., 1916.

Бобров С.П. Словораздел // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 831–835.

Бобров С.П. Синтагмы, словоразделы и литавриды: (Понятие о ритме содержательно-эффективном и о естественной ритмизации речи) // Русская литература. 1965. №4. С. 80–101; 1966. №1. С. 79–97.

Божидар (Гордеев Б.П.). Распевочное единство / ред., предисл., коммент. С.П. Боброва. М., 1916.

Брюсов В.Я. Краткий курс науки о стихе (Лекции, читанные в Студии Стиховедения в Москве 1918 г.). М., 1919. Ч. 1: Частная метрика и ритмика русского языка. (На обложке: Наука о стихе. Метрика и ритмика.)

Брюсов В.Я. Основы стиховедения: Курс В.У.З. 2-е изд. М., 1924. Ч. 1–2: Общее введение. Метрика и ритмика.

Гаспаров М.Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика. М., 1974.

Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984.

Голенищев-Кутузов И.Н. Словораздел в русском стихосложении // Вопросы языкознания. 1959. №4. С. 20–34.

Жирмунский В.М. Рифма, ее история и теория. Пб., 1923.

Жирмунский В.М. Введение в метрику. Теория стиха. Л., 1925.

Квятковский А.П. Русское стихосложение // Русская литература. 1960. №1. С. 78–104.

Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966.

Пильщиков И.А. «По ту сторону дольника»: безударные икты и сверхсхемные ударения в русском акцентном стихе // Критика и семиотика. 2022. №1. С. 273–318. doi: 10.25205/2307-1737-2022-1-273-318.

Пильщиков И.А., Устинов А.Б. Московский Лингвистический Кружок и становление русского стиховедения (1919–1920) // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel. (Stanford Slavic Studies; 50.) Berlin, 2020. P. 389–413.

Словарь Церковно-Славянского и Русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: в 4 т. СПб., 1847. Т. 4.

- Тарановски К. Руски дводелни ритмови. I—II. Београд, 1953.
- Тарановский К. Ф. Звукопись в «Северовостоке» М. Волошина // *Orbis scriptus: Dmitrij Tschizhevskij zum 70. Geburtstag*. München, 1966a. S. 835—840.
- Тарановский К. Ф. Четырехстопный ямб Андрея Белого // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1966b. Vol. 10. P. 127—147.
- Тарановский К. Ф. О замкнутой и открытой интерпретации поэтического текста // *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists*. Warsaw, August 21—27, 1973. The Hague; Paris, 1973. Vol. 1 : Linguistics and Poetics. P. 333—360.
- Тимофеев Л. И. Стихovedение // *Литературная энциклопедия*. М., 1939. Т. 11. Стб. 61—63. (Подпись: Л. Т.)
- Тимофеев Л. И. Пушкин — реформатор русского стиха // *А. С. Пушкин: Материалы юбилейных торжеств*. М.; Л., 1951. С. 205—221.
- Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958.
- Томашевский Б. В. Русское стихосложение. Метрика. Пг., 1923.
- Томашевский Б. В. Теория литературы (Поэтика). М.; Л., 1925.
- Флейшман Л. С. [без подписи]. Томашевский и Московский лингвистический кружок // *Ученые записки Тартуского университета*. Вып. 422. (= Труды по знаковым системам. IX.) Тарту, 1977. С. 113—132.
- Холшевников В. Е. Основы стихovedения. Русское стихосложение. Изд. 2-е, перераб. Л., 1972.
- Шенгели Г. А. Практическое стихovedение. М., 1923a.
- Шенгели Г. А. Трактат о русском стихе. 2-е изд. М.; Пг., 1923b. Ч. 1 : Органическая метрика.
- Шенгели Г. А. Практическое стихovedение. 2-е изд. Л., 1926.
- Шенгели Г. А. Техника стиха: Практическое стихovedение. [3-е изд.] М., 1940.
- Шенгели Г. А. Техника стиха. [4-е изд.] М., 1960.
- Штокмар М. П. Вольный стих XIX века // *Ars poetica*. М., 1928. Вып. 2: Стих и проза. С. 117—167.
- Якобсон Р. О. Брюсовская стихология и наука о стихе // *Академический центр Наркомпроса. Научные известия*. М., 1922. Сб. 2 : Философия. Литература. Искусство. С. 222—240.
- Якобсон Р. О. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Берлин, 1923.
- Pilshchikov I. Заседание Московского лингвистического кружка 1 июня 1919 г. и зарождение стихovedческих концепций О. Брика, Б. Томашевского и Р. Якобсона // *Revue des études slaves*. 2017. Т. 88, №1/2. P. 151—175.

Об авторе

Игорь Алексеевич Пильщиков, доктор филологических наук, профессор и заведующий кафедрой славянских, восточноевропейских и евразийских языков и культур, Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, США.

E-mail: pilshchikov@ucla.edu

ORCID ID: 0000-0003-0153-6598

Для цитирования:

Пильщиков И. А. Авторская терминология в русском стихovedении: наследие языка формальной школы // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2024. Т. 15, №4. С. 135—146. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-9.

AUTHOR-COINED TERMINOLOGY IN RUSSIAN VERSE THEORY:
THE FORMALIST LEGACY

Igor A. Pilshchikov

University of California, Los Angeles (UCLA)
320 Kaplan Hall, Los Angeles, CA 90095-1502, U.S.A.

Submitted on 01.04.2024

Accepted on 15.06.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-9

Any system of terminology serves as a map of the field within which it is employed. The history of terminology, as an integral component of intellectual history, offers valuable insights for methodological reflection. It often prompts a reevaluation of specific issues by returning to their origins and rekindling potential implications and developments that were set aside in the course of the subsequent evolution of the discipline. This paper focuses on several terms that emerged during the formative decades of Russian verse theory (1910s and 1920s). These include: *ritmicheskiĭ kursiv* [rhythmic italics], a term coined by Mikhail Shtokmar, which became common after the works of Kiril Taranovsky and Mikhail Gasparov; *slovorazdel* [word boundary], a term coined by Osip Brik, which has lost its association with Formalist terminology in modern-day use; and, eventually, *doĭnik* [strict accentual verse], one of the most debated concepts in Russian verse studies (the difference between this concept and the related but defunct concept of *pauznik* [pause-based verse] is also discussed). The concluding section of the article is devoted to the history of the overarching term for verse studies, *stikhovedenie* (a calque of the German *Verslehre*). The study of versification terminology allows us to more effectively develop modern verse theory, which dates back in many respects to the polemics between the Russian Formalists and the Symbolists.

Keywords: poetry, Russian formalism, verse studies, terminology

Acknowledgements. This article is based on a paper presented at the 9th International Conference on Slavic Languages and Literatures, "Form and Meaning. In Commemoration of the 130th Anniversary of the Birth of Viktor Shklovsky" (11–12 November 2023, National Chengchi University, Taipei City, Taiwan). The author is grateful to the conference organizers and the editors of this cluster.

References

- Bailey, J., Taranovsky-Johnson, V. and Prokhorov, A.V., 2010. From the editors. In: K. Taranovsky, ed. *Russkie dvuslozhnye razmery. Stat'i o stikhe* [Russian binary meters. Essays on verse]. Translated by V.V. Son'kin. Moscow, pp. 7–10 (in Russ.).
- Bely, A., 1910. *Simvolizm: Kniga statei* [Symbolism: Essays]. Moscow (in Russ.).
- Bely, A., 1929. *Ritm kak dialektika i "Mednyi Vsadnik"* [Rhythm as dialectics and "The Bronze Horseman"]. Moscow (in Russ.).
- Bobrov, S.P., 1913. *Vertogradari nad lozami* [Gardeners over the vines]. Moscow (in Russ.).
- Bobrov, S.P., 1915. *Novoe o stikhoslozhenii A.S. Pushkina* [New perspectives on the versification of A.S. Pushkin]. Moscow (in Russ.).
- Bobrov, S.P., 1916. *Zapiski stikhotvortsia* [A poet's notes]. Moscow (in Russ.).
- Bobrov, S.P., 1925. The word section. In: *Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov* [Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms]. Vol. 2. Moscow; Leningrad, pp. 831–835 (in Russ.).

Bobrov, S.P., 1965. Syntagmas, word boundaries, and litaurids: (The concept of content-effective rhythm and the natural rhythmization of speech). *Russkaya literatura* [Russian literature], 4, pp. 80–101 (in Russ.).

Bobrov, S.P., 1966. Syntagmas, word boundaries, and litaurids: (The concept of content-effective rhythm and the natural rhythmization of speech). *Russkaya literatura* [Russian literature], 1, pp. 79–97 (in Russ.).

Bozhidar (Gordeev, B.P.), 1916. *Raspevochnoe edinstvo* [Chanting unity]. Moscow, (in Russ.).

Bryusov, V.Ya., 1919. *Kratkii kurs nauki o stikhe (Leksii, chitannye v Studii Stikhovedeniia v Moskve 1918 g.)* [A brief course on the science of verse (Lectures read at the Studio of Verse Studies in Moscow, 1918)]. Part I. Moscow (in Russ.).

Bryusov, V.Ya., 1924. *Osnovy stikhovedeniia: Kurs V.U.Z.* [Foundations of verse studies: A university course]. Parts 1–2. 2nd ed. Moscow (in Russ.).

Fleishman, L.S., [Unknown]. Tomashevsky and the Moscow Linguistic Circle. In: *Trudy po znakovym sistemam. 9. Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Sign Systems Studies. 9. Scientific letters of The University of Tartu], 422. Tartu, pp. 113–132 (in Russ.).

Gasparov, M.L., 1974. *Sovremennyi russkii stikh: Metrika i ritmika* [Contemporary Russian verse: Meter and rhythm]. Moscow (in Russ.).

Gasparov, M.L., 1984. *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika* [A history of Russian verse: Meter. Rhythm. Rhyme. Strophic forms]. Moscow (in Russ.).

Golenishchev-Kutuzov, I.N., 1959. Word boundaries in Russian versification. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 4, pp. 20–34 (in Russ.).

Jakobson, R., 1922. Bryusov's versology and the science of verse. In: *Akademicheskii tsentr Narkomprosa. Nauchnye izvestiya* [The Narkompros Academic Center. Scientific news]. Vol. 2. Moscow, pp. 222–240 (in Russ.).

Jakobson, R., 1923. *O cheshskom stikhe preimushchestvenno v sopostavlenii s russkim* [On Czech verse, primarily in comparison with Russian verse]. Berlin (in Russ.).

Kholshevnikov, V.E., 1972. *Osnovy stikhovedeniia. Russkoe stikhoslozhenie* [Foundations of verse studies. Russian versification]. 2nd ed. Leningrad (in Russ.).

Kviatkovski, A.P., 1960. Russian versification. *Russkaia literatura* [Russian literature], 1, pp. 78–104 (in Russ.).

Kviatkovski, A.P., 1966. *Poeticheskii slovar'* [Poetic dictionary]. Moscow (in Russ.).

Pilshchikov, I. and Ustinov, A., 2020. The Moscow Linguistic Circle and the formation of Russian verse studies (1919–1920). In: L. Fleishman, D.M. Bethea and I. Vinitzky, eds. *Stanford Slavic Studies 50. Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Berlin, pp. 389–413 (in Russ.).

Pilshchikov, I., 2017. The meeting of the Moscow Linguistic Circle on 1 June 1919 and the genesis of the prosodic theories of O. Brik, B. Tomashevsky and R. Jakobson. *Revue des études slaves*, 88 (1/2), pp. 151–175.

Pilshchikov, I., 2022. "The Dolnik and Beyond": Unstressed Ictuses and Extra-Schematic Stresses in Russian Accentual Verse. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 1, pp. 273–318, <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-1-273-318> (in Russ.).

Shengeli, G.A., 1923a. *Prakticheskoe stikhovedenie* [Practical verse studies]. Moscow (in Russ.).

Shengeli, G.A., 1923b. *Traktat o russkom stikhe* [Treatise on Russian verse]. Part 1. 2nd ed. Moscow; Petrograd (in Russ.).

Shengeli, G.A., 1926. *Prakticheskoe stikhovedenie* [Practical verse studies]. 2nd ed. Leningrad (in Russ.).

Shengeli, G.A., 1940. *Tekhnika stikha: Prakticheskoe stikhovedenie* [Versification technique: Practical verse studies]. 3d ed. Moscow (in Russ.).

Shengeli, G.A., 1960. *Tekhnika stikha* [Versification technique]. 4th ed. Moscow (in Russ.).

Shtokmar, M.P., 1928. Free verse of the 19th century. In: *Ars poetica*. Vol. II. Moscow, pp. 117–167 (in Russ.).

Slovar' Tserkovno-Slavyanskogo i Russkogo yazyka, sostavlennyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk: v 4 t [Dictionary of Church Slavonic and Russian Language, compiled by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences: in 4 vols]. 1847, vol. 4. St. Petersburg (in Russ.).

Taranovsky, K., 1953. *Ruski dvodelni ritmovi, I–II* [Russian binary rhythms, I–II]. Belgrade.

Taranovsky, K.F., 1966a. Sound painting in M. Voloshin's "The Northeast". In: *Orbis scriptus: Dmitrij Tschizhevskij zum 70. Geburtstag*. Munich, pp. 835–840 (in Russ.).

Taranovsky, K.F., 1966b. Andrey Bely's four-stop Iambic. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 10, pp. 127–147.

Taranovsky, K.F., 1973. On the closed and open interpretation of a poetic text. In: *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. Warsaw. August 21–27*. Vol. 1. The Hague; Paris, pp. 333–360.

Timofeev, L.I., 1939. Verse studies. In: *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary encyclopedia]. Vol. 11. Moscow, pp. 61–63 (in Russ.).

Timofeev, L.I., 1951. Pushkin as a reformer of Russian verse. In: *A. S. Pushkin: Materialy iubileinykh torzhestv* [A.S. Pushkin: Materials of the jubilee festivities]. Moscow; Leningrad, pp. 205–221 (in Russ.).

Timofeev, L.I., 1958. *Ocherki teorii i istorii russkogo stikha* [Essays on the theory and history of Russian verse]. Moscow (in Russ.).

Tomashevsky, B.V., 1923. *Russkoe stikhoslozhenie. Metrika* [Russian versification. Metrics]. Petrograd (in Russ.).

Tomashevsky, B.V., 1925. *Teoriya literatury (Poetika)* [Theory of literature (Poetics)]. Moscow; Leningrad (in Russ.).

Zhirmunsky, V.M., 1923. *Rifma, ee istoriya i teoriya* [Rhyme, its history and theory]. St. Petersburg (in Russ.).

Zhirmunsky, V.M., 1925. *Vvedenie v metriku. Teoriya stikha* [Introduction to metrics. Theory of verse]. Leningrad (in Russ.).

The author

Dr. Igor A. Pilshchikov, Professor and Chair, Department of Slavic, East European and Eurasian Languages and Cultures, University of California, Los Angeles, USA.

E-mail: pilshchikov@ucla.edu

ORCID ID: 0000-0003-0153-6598

To cite this article:

Pilshchikov, I.A., 2024, Author-coined terminology in Russian verse theory: the formalist legacy, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 135–146. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-9.

ИСТОРИЯ СТИХОВЕДЕНИЯ И ФОРМАЛИЗМ

Б. В. Орехов^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

² Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Поступила в редакцию 01.04.2024 г.

Принята к публикации 15.06.2024 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-10

Ядерная идея формализма в том, что литература не является простой функцией психологии или социальной теории и не может быть объяснена с помощью аппарата этих наук. Можно сказать, что стиховедение едва ли не единственная филологическая субдисциплина, которая сумела сохранить основную идею формализма, объясняя стиховедческие факты стиховедчески, а не экономически, социологически или психологически. Именно так, не прибегая к редукционизму, но выстраивая свою концепцию истории культуры как череды кризисов и их разрешений, действует в статье об истории русской рифмы М.Л. Гаспаров. М. И. Шапир в известной работе об эволюции русского четырехстопного ямба специально подчеркивает необычность применяемого им хода – объяснения стиховедческого факта с помощью исторически зафиксированных социально значимых событий. Стиховедение более всех остальных литературоведческих направлений сохраняет герметичность, предполагающую объяснение литературных данных через литературные обстоятельства. То, как литература оказывается в ситуации необходимости отстать от других наук, напоминает положение, в котором оказались в свое время социология и лингвистика, борьбу за отделенность которых от психологии вели Дюркгейм и Соссюр. В новейшее время под методологию формалистов пытался мимикрировать Франко Моретти, который при этом все же отстаивал ценности методологически враждебного лагеря, предполагающего, что литературные факты можно объяснять, используя логику социальных наук.

Ключевые слова: стиховедение, рифма, формалисты, М.Л. Гаспаров, Франко Моретти, квантитативные методы

Учебники, излагающие историю гуманитарных дисциплин, чаще всего представляют ее в духе Пьера Бурдьё (2000), то есть как поле борьбы агентов за наиболее правильный способ высказывания о своем предмете. В роли более или менее равноправных агентов выступают представители различных методов или школ (например, культурно-исторической, психологической, структуралистской и др.). Такое описание исторической ситуации выглядит естественным для наблюдателя, находящегося в точке конца XX – начала XXI века, то есть во времени, когда уже сложилась и институционализировалась демаркация науки второго порядка – иначе говоря, сетка разграничений наук между собой. Институционализация проявляет себя, например, в библиотечных классификациях (УДК, ББК) или шифрах специальностей,

присваиваемых ВАК РФ диссертациям, представляемым на соискание ученых степеней. Все это говорит о равновесности существующей системы, об устойчивом месте дисциплин в зоне науки.

Но так было не всегда. Для того чтобы в конце концов попасть в систему классификации наук, некоторым дисциплинам в течение своей истории приходилось отстаивать свою особость, то есть существование специфического предмета, право на собственные способы концептуализации и выстраивание каузальных рядов. Такой путь эмансипации от других наук с их понятийным аппаратом и объяснительными моделями в конце XIX — начале XX века последовательно проходят социология, лингвистика и литературоведение. Особость социологии при этом осмысливается в работах Эмиля Дюркгейма, языкознания — в лекциях Фердинанда де Соссюра, а науки о литературе — в трудах представителей русской формальной школы.

Дюркгейм в «Методологии социологии» посвящает специальное место разграничению социальных и психических фактов. За вниманием к этой теме легко реконструируется контекст усиления позиций социальной психологии, науки, изучающей поведение включенных в группы людей и предлагающей для него психическое объяснение. Он решает эту задачу с помощью понятия *субстрата*: поскольку психология обладает концептуальным аппаратом для описания психической деятельности индивида, а социальные группы состоят из индивидов, то психология потенциально способна «поглотить» поле социологии. Дюркгейм видит в этой конструкции неполноту, сходную с той, которую демонстрирует по сравнению с системой простая сумма ее частей. Описывая понимание социального у Огюста Конта, Дюркгейм проводит аналогию с организмом: «Для него общество так же реально, как живой организм. Оно, конечно, не может существовать вне индивидов, которые служат для него субстратом; и тем не менее оно есть нечто иное» (1995, с. 175). Действительно, просто положенные вместе органы разъятого тела не способны дать телу жизнь, без которой они не будут в полной мере отвечать понятию «организма». Жизнь как сущностный признак организма — это также «нечто иное».

В аналогичном социологии положении в начале XX века оказались и другие науки, например языкознание. Очевидно, что Ф. де Соссюру представлялся болезненным вопрос о соотношении лингвистики и социальной психологии: он выделяет обсуждение этой темы в специальный раздел своих лекций, опубликованных в 1915 году: «...поскольку лингвистика снабжает социальную психологию столь ценными данными, не составляет ли она с нею единое целое?» (1977, с. 45). И далее он сосредоточивается на противопоставлении языка и речевой деятельности, указывая, что последняя является «одновременно физической, физиологической и психической», «относится и к сфере индивидуально, и к сфере социального» (Там же, с. 48). Признавая, что речевая деятельность возможна только благодаря человеческой физиологии, то есть тот очевидный факт, что в производстве звуков участвуют органы речи, Соссюр оговаривается: «Все органы речи являются столь же по-

сторонними по отношению к языку, сколь посторонни по отношению к азбуке Морзе служащие для передачи ее символов электрические аппараты» (Там же, с. 56). Это «материальное обеспечение» речевой деятельности в контексте разговора о языке оказывается аналогом субстрата у Дюркгейма: звучащая речь невозможна без соответствующей физиологии (и не могла бы без нее появиться), как невозможно общество без индивидов. При этом язык есть (как сказал бы Дюркгейм) нечто иное, не локализуемое в органах речи, и его описание не может быть сведено к их физиологическому описанию. Именно стратегия Соссюра должна была быть ближе русским формалистам, чем стратегия Дюркгейма. Об ориентации формалистов на лингвистику как науку «по материалу своего исследования соприкасающуюся с поэтикой, но подходящую к нему с иной установкой и с иными задачами» говорится в программной работе Бориса Эйхенбаума о формальном методе (1927, с. 120).

Традиционный литературоведческий нарратив о методах науки, воспроизводимый в университетских аудиториях на курсах теории литературы, выстроен следующим образом. В начале XX века в отечественном литературоведении складывается несколько школ, конкурирующих друг с другом за возможность порождать высказывания о художественной литературе. Школы обычно перечисляются «через запятую», что подразумевает их горизонтальные отношения между собой. Идеи одной из таких школ — формальной — оформляются в работах Эйхенбаума, Юрия Тынянова, Бориса Томашевского, Виктора Шкловского и других. При этом последовательной саморефлексии метод, в сущности, не получает. В одной из ранних работ Михаил Бахтин говорит, что единственным опытом уяснения формалистами их исторического положения остается статья Эйхенбаума «Теория формального метода» (Бахтин, 2000, с. 221). Эта статья начинается со слов, которые прямо противоречат современному нарративу: «Так называемый “формальный метод” образовался не в результате создания особой “методологической” системы, а в процессе борьбы за самостоятельность и конкретность литературной науки» (Эйхенбаум, 1927, с. 116). Если для 1920-х годов борьба литературной науки за самостоятельность была актуальна, то в современной ситуации эти демаркационные смыслы высказывания Эйхенбаума оказываются не только невостребованными, но и непонятными. Однако их можно актуализировать благодаря совмещению в одном контексте с работой Дюркгейма о разграничении социальной психологии и социологии.

Ключевым для понимания роли формалистов в дискуссиях о предмете литературоведения является более ранний текст Эйхенбаума — его предисловие к книге «Молодой Толстой» (1922). Упомянув формальный метод, он говорит, что охотнее назвал бы его «морфологическим» — «в отличие от других (психологического, социологического и т. д.), при которых предметом исследования служит не само художественное произведение, а то, “отражением” чего является оно по мнению исследователя» (Эйхенбаум, 1922, с. 8). Другими словами, формализм должен рассматриваться не как специфический метод в ряду дру-

гих методологических решений литературоведения, а как попытка выявить специфику словесного искусства, и, отталкиваясь от нее, конституировать отдельную науку — науку о литературе.

Показательна в этом смысле перекличка между риторикой Дюркгейма и Эйхенбаума, который в том же предисловии к «Молодому Толстому» так пишет о претензиях к формальному методу: «Считалось, что изучать самое произведение значит анатомировать его, а для этого надо, как известно, сначала убить живое существо» (Там же). Эйхенбаум признает, что именно так и действует формальный метод, оправдывая подобную стратегию обращения с материалом. Здесь звучит сходная идея той, что была высказана Дюркгеймом в статье «Дуализм человеческой природы и его социальные условия» (1914): «Таким образом, мы не можем понять вещи, пока хотя бы отчасти не перестанем чувствовать в них жизнь, и не можем продолжать чувствовать жизнь, если не откажемся понимать ее» (2013, с. 137). Вряд ли здесь можно говорить о прямой цитате или даже об общем текстуальном источнике сходства. Вероятнее всего, мысль Дюркгейма восходит к кругу идей Канта, а формулировка Эйхенбаума имеет в виду реплику Сальери из пушкинской маленькой трагедии:

Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию...

Тем не менее параллель вскрывает существование обоих ученых в общем пространстве поиска научного языка для описания своего предмета.

Загадочным без контекста борьбы формалистов за эмансипацию от психологии выглядит следующее утверждение Эйхенбаума: «В области изучения фольклора и общей сюжетологии морфологический метод уже достаточно укреплен» (1922, с. 8). Формальный метод в фольклористике действительно проявил себя наиболее заметным образом в книге Владимира Проппа «Морфология сказки», которая, однако, вышла только через шесть лет после «Молодого Толстого», и ничего сопоставимого с этим, впоследствии классическим, трудом Проппа до 1920-х годов не появлялось. Объяснение такого утверждения можно найти в том, что Эйхенбаум говорит не о морфологии сказки в том узком смысле, в котором позднее о ней будет рассуждать Пропп (выделение порождающих моделей сюжетосложения), а о морфологии в широком смысле — о таком подходе к предмету исследования, когда текст не ставится в зависимость от внешних факторов. Подобные работы в фольклористике действительно уже были, к ним можно отнести, к примеру, указатель сказочных сюжетов, составленный в 1910 году Антти Аарне. В самом деле, предметом внимания в таком труде становится именно содержание текста, а не текст как отражение внеположенных ему факторов социальной или экономической природы. Кроме того, такая классификаторская работа гомоморфна классификации социальных типов, которую Дюркгейм называет социальной морфологией.

К началу 1930-х годов формальная школа сдает позиции перед так называемым «марксистским литературоведением». Историко-литературные факты ультимативно объясняются результатами классово-борьбы, и работа формализма над демаркацией науки о литературе сходит на нет — к тексту и внутритекстовым процессам литературоведение вернется только в рамках «структурализма». В отечественной традиции это произойдет в контексте московско-тартуской семиотической школы, а модельными сочинениями станут разборы поэтических текстов Юрием Лотманом. В то же время именно Лотман вскоре сам будет отказываться от такого «формалистского» подхода, предъявляя своему читателю литературу на фоне истории материальной культуры. Его «Комментарий» к роману в стихах Пушкина, композиционно выстроенный как двуединство описания социокультурного контекста и самого текста уже довольно далеко отстоит от манифеста Эйхенбаума, а переориентация автора с литературоведения на «Беседы о русской культуре», где литература играет роль иллюстративного материала, окончательно закрепляет в этой дисциплинарной зоне уступки, которые вынуждена делать наука о литературе в пользу других исследовательских стратегий.

На этом фоне особое место занимает стиховедение, которое неосознанно, но вполне последовательно сохраняет статус, декларирувавшийся формалистами в начале 1920-х годов. Объяснительные модели в стиховедческих работах не включают языка социологии или экономики, плохо соотносятся с марксистским или культурно-социологическим подходом. И в первую очередь этим, а вовсе не количественным подходом в наибольшей степени стиховедение отличается от науки о литературе. Отвергает психологические объяснения при отборе поэтических размеров автором Михаил Гаспаров в предисловии к книге «Метр и смысл»:

Первый напрашивающийся ответ будет такой: значит, в звучании каждого размера есть что-то, от природы имеющее ту или иную содержательную окраску — хотя бы самую неопределенную, чисто эмоциональную. Иными словами, связь между метром и смыслом есть связь органическая <...> Импрессионистические оценки такого рода по самому характеру своему не выдерживают критики: для любого метра могут быть представлены несчетные примеры, противоречащие объявленной характеристике (Гаспаров, 1999, с. 8—9).

Органической характеристике размера Гаспаров противопоставляет «историческую». Чтобы избежать путаницы терминов, заметим, что речь идет не об абстрактной истории и не об истории культуры в духе Лотмана, а об истории, не выходящей за пределы собственно стиховедения, то есть истории *самого* стиха.

Осознавая такую замкнутость стиховедения на своем материале, Максим Шапир в полемически заостренной работе об эволюции ритма специально говорит, что, противореча сложившейся в науке традиции, стремится увязать наличные стиховедческие факты с исторически значимыми событиями:

Эта работа посвящена обоснованию тезиса, абсурдность которого... кажется вопиющей: я утверждаю, что восстание гренадерской роты лейб-гвардии Преображенского полка, случившееся в ночь на 25 ноября 1741 года, оказало решающее влияние на судьбы русского стиха... избранный сюжет было бы трудно определить иначе, как «вульгарно-социологический»: мне предстоит доказать, что дворцовый переворот, в результате которого на престол взошла Елисавета Петровна, непосредственно отразился на ритмической структуре русской силлабо-тоники (Шапир, 1996, с. 69).

Еще один характерный пример отказа от традиционных в литературной науке объяснительных схем — работа Гаспарова о русской рифме:

Сопоставляя все прослеженные линии развития отдельных видов аномальной рифмы, приходим к выводу: история русской рифмы представляет собой чередование периодов стабилизации и периодов кризиса — периодов разработки ритмического фонда, определенного некоторыми устойчивыми нормами узуса, и периодов поиска, когда старые нормы рифмовки сменяются новыми. Первая стабилизация — это 1745—1780 годы; первый кризис («от Державина до Лермонтова») — 1780—1840; вторая стабилизация — 1840—1900; второй кризис («от Брюсова до Гусева») — 1900—1935; третья стабилизация — 1935—1960; третий кризис («от Евтушенко до Евтушенко») — 1960—1990 годы. В развитии каждого кризиса рифмы можно выделить три фазы: 1) начальную — отказ от прежнего узуса рифмовки; 2) вершинную — поиски сразу во всех направлениях, с сильными индивидуальными отличиями, с резкими переломами в писательских привычках; 3) заключительную — одно из направлений поисков определяется как предпочтительное, устанавливаются нормы допустимости соответствующих новых видов рифмы, а другие направления поисков отмирают. Вряд ли нужно добавлять, что никакой оценочности в слово «кризис» мы не вкладываем (1984, с. 13).

Это модельные примеры, но им в основном следуют и другие авторы, создающие свои тексты в рамках отечественного стиховедческого подхода — так называемого «русского метода», как его называл Джеймс Бейли. Как и настаивал в свое время Эйхенбаум, стиховеды не стремятся объяснять свои наблюдения ни классово, ни психологически, ни социально. Это трудно доказать, поскольку ни один перечень примеров не будет полон, но я считаю, что предварительно можно выдвинуть тезис: стиховедение осталось едва ли не единственной дисциплиной (может быть, отчасти пару ей может составить нарратология), изучающей литературный материал, которая следует модели формализма, не уступая своего предмета другим научным языкам. Причины этого явления, скорее всего, коренятся в том, что стиховедение в своих наблюдениях довольно долго занималось позитивистским описанием структур, дистанцируясь от «надстраивания» над этими структурами семантики. Поскольку структуры дисциплинарно и предметно специфичны, у того, кто попробовал бы сконструировать их объяснение через психологию и особенно социологию, неизбежно возникли бы большие методологические сложности, требующие метафорического переосмысления материала.

В заключение хотелось бы обратиться к еще одному сюжету, который может пролить дополнительный свет на дисциплинарный статус стиховедения. В 2013 году вышла книга американского исследователя итальянского происхождения Франко Моретти *Distant Reading* (Moretti, 2013), которая сыграла важную роль в концептуализации области *digital humanities* (Пильщиков, 2018, с. 39), где, как и в работах русских формалистов, ключевой стала операция формализации плохо поддающегося ей художественного материала. Поэтому с самого появления книги предпринимались попытки осмыслить, как соотносятся идеи Моретти и наследие русской формальной школы. Эта тема стала одной из ключевых на специальной конференции *Russian Formalism and the Digital Humanities*, прошедшей в Стэнфорде в 2015 году (Ustinov, 2016). На ее открытии Моретти отметил, что «одним из главных методологических импульсов для него стала антология русского формализма...» (Пильщиков, 2018, с. 40).

Попробуем соотнести методологическую программу формалистов с реальной исследовательской практикой *distant reading*. Концепция Моретти предполагает, что в противоположность *close reading* (медленному чтению) исследователь не обращается к изучаемому тексту или корпусу текстов непосредственно. Между «читателем» и его объектом помещается посредник — модель, включающая количественное распределение в тексте / корпусе некоторого формализованного параметра, которое можно представить в виде графика или таблицы. Иллюстративна в этом смысле глава книги (как и остальные, прежде вышедшая отдельной статьей) *Style, Inc. Reflections on Seven Thousand Titles (British Novels, 1740–1850)*. В ней все многообразие информации, содержащейся в коллекции из семи тысяч художественных книг редуцировано до одного вычислимого параметра — длины заглавия каждой из них. Отложенная на графике кривая, показывающая устойчивый нисходящий тренд, и есть основной предмет анализа для исследователя.

Описав этот тренд, Моретти предлагает ему объяснение, за которым обращается к особенностям функционирования книжного рынка в соответствующую эпоху: «...первое, что мы видим на этом расширенном (литературном. — Б.О.) поле за данный исторический период, — это *силу рынка*: его рост создает основное ограничение в способе репрезентации романов» (Моретти, 2016, с. 263–265). Рынок — это экономическое понятие, внеположное тому, что Эйхенбаум называл «самым художественным произведением». Таким образом, Моретти видит в распределении значений своего параметра «отражение» экономических процессов, а поскольку это распределение служит моделью литературы, то и сама литература как объект в этой исследовательской оптике становится зависимой от социально-экономических факторов.

Метод Моретти по отношению к формальному предстает своего рода троянским конем: как и русские формалисты, он отталкивается от формы, причем понятой предельно узко — как набор поддающихся формализации и подсчету признаков, существующих на уровне языка,

но на «последней миле» исследования поступает идеологически чуждым формализму образом. «Последняя миля» — это логистический термин, обозначающий чрезвычайно трудный для планирования этап доставки товара конечному пользователю. Для *digital humanities* известные сложности также возникают на финальном этапе работы с материалом, то есть в тот момент, когда исследователь должен подобрать для полученных данных объяснительную модель. Моретти легитимизирует объяснение литературных фактов социальными и экономическими причинами. Упрощенно говоря, в рамках *distant reading* литература — это отражение социального.

Значимый контраст составляет, например, статья Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя» (1918), где представлен не теоретический манифест, а пример исследовательской практики. В ней автор фиксирует особенности композиции повести, ряд языковых и жанровых эффектов, вводит понятие *тона*, заимствуя терминологию из музыковедения. Все описываемые факты подчеркнуто принадлежат миру текста, а литературовед последовательно игнорирует возможности выйти за его пределы — как в область диахронии (заменить теоретическую модель генетической, сопоставив объект анализа с другими образцами литературных произведений), так и в область социального или психологического. Здесь, однако, есть и существенное отличие от того, как подходит к материалу Дюркгейм. Если он, следуя своей установке, объясняет социальные факты *социальными же* фактами (примером может служить книга «Самоубийство», 1897), то Эйхенбаум вовсе отказывается от объяснений. Его текст демонстрирует почти голый эмпиризм, находящий продолжение в последующих работах Романа Jakobsona, описывающих структуру русских классических стихотворений («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы») и совместной с Клодом Леви-Строссом статье о «Кошках» Бодлера. Совокупный опыт Эйхенбаума, Jakobsona и Моретти подсказывает, что исследователи литературы, даже научившись сосредоточиваться на художественной форме, с трудом видят в собственно литературном материале объяснительный ресурс и вынуждены либо отказываться от объяснения, либо привлекать внешние по отношению к литературе способы концептуализации.

Итак, формалисты в борьбе литературоведения за свою особость проиграли дважды. Первый раз, когда советский марксизм индуцировал литературоведение видеть в литературных фактах надстройку, объясняемую через базис. Второй раз, когда, возродив формальный и количественный подход, и многое сделав для их продвижения, Моретти показал такой образец аналитических процедур, который не видит за литературным фактом особенного статуса, а предполагает его представление как отражение социокультурных и экономических процессов. При этом литературоведение как пункт библиотечной классификации и как шифр специальности ВАК РФ все же существует. Это означает, что проигранной оказалась борьба именно за свойственное формалистам видение специфики литературы как объекта исследования, но не за институционализацию литературоведения как таковую.

Благодарности. Исследование выполнено в НИУ ВШЭ при поддержке гранта Российского научного фонда №23-28-01201, <https://rscf.ru/project/23-28-01201/>.

Список литературы

- Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М., 2000.
- Бурдьё П. Поле литературы / пер. с фр. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. №5 (45). С. 22–87.
- Гаспаров М.Л. Эволюция русской рифмы // Проблемы теории стиха / отв. ред. В.Е. Холшевников. Л., 1984. С. 3–36.
- Гаспаров М.Л. Метр и смысл. М., 1999.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., посл. и примеч. А.Б. Гофмана. М., 1995.
- Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия / пер. с фр. Г.Б. Юдина¹ // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, №2. С. 133–145.
- Моретти Ф. Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. М., 2016.
- Пильщикова И. Франко Моретти и новый квантитативный формализм // Новое литературное обозрение. 2018. №2 (150). С. 39–45.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с фр. ; под ред. А.А. Холодовича. М., 1977.
- Шанир М.И. У истоков русского четырехстопного ямба: генезис и эволюция ритма: (К социолингвистической характеристике стиха раннего Ломоносова) // Philologica. 1996. Т. 3, №5/7. С. 69–101.
- Эйхенбаум Б. Молодой Толстой. Пб. ; Берлин, 1922.
- Эйхенбаум Б. Литература: Теория. Критика. Полемика. Л., 1927.
- Moretti F. Distant Reading. L., 2013.
- Ustinov A. The Legacy of Russian Formalism and the Rise of the Digital Humanities // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2016. Bd. 4. S. 287–289.

Об авторе

Борис Валерьевич Орехов, кандидат филологических наук, доцент, школы лингвистики, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Лаборатория цифровых исследований литературы и фольклора, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Россия.

E-mail: nevmenandr@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-9099-0436

Для цитирования:

Орехов Б.В. История стиховедения и формализм // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 147–157. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-10.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

¹ Г.Б. Юдин внесен 19 января 2024 года в список иностранных агентов решением Министерства юстиции РФ. — Примеч. ред.

THE HISTORY OF VERSE STUDIES AND FORMALISM

Boris V. Orekhov^{1,2}

¹Higher School of Economics' National Research University,
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

²Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
4 Makarova Nab., Saint Petersburg, 119034, Russia

Submitted on 01.04.2024

Accepted on 15.06.2024

doi: 10.5922/ 2225-5346-2024-4-10

The core idea of formalism is that literature is not merely a function of psychology or social theory and cannot be explained using the tools of these sciences. One could say that poetics is almost the only philological subdiscipline that has managed to preserve the fundamental idea of formalism, explaining poetic facts in terms of poetics itself, rather than through economic, sociological, or psychological means. This is precisely the approach taken by Mikhail Gasparov in his article on the history of Russian rhyme, where, without resorting to reductionism, he constructs his concept of cultural history as a sequence of crises and their resolutions. Maxim Shapir, in his well-known work on the evolution of the Russian iambic tetrameter, specifically highlights the unusual method he employs – the explanation of a poetic fact through historically documented and socially significant events. Poetics, more than any other branch of literary studies, maintains its hermetic nature, which presupposes the explanation of literary data through literary circumstances. The situation in which literature finds itself having to defend its autonomy from other sciences is reminiscent of the position once faced by sociology and linguistics, where Emile Durkheim and Ferdinand Saussure fought for their separation from psychology. In recent times, Franco Moretti has attempted to mimic the methodology of formalists, though he still advocates the stance of a methodologically opposed party, which assumes that literary facts can be explained using the logic of social sciences.

Keywords: theory of verse, rhyme, Russian formalists, Gasparov, Moretti, quantitative philology

Acknowledgement. This publication was supported by grant 19-78-10132 of the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/19-78-10132/>.

References

Bakhtin, M. M., 2000. *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filozofiya yazyka* [Freudianism. Formal method in literature studies. Marxism and philosophy of language]. Moscow (in Russ.).

Bourdieu, P., 2000. Literary field. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 5 (45), pp. 22 – 87 (in Russ.).

Durkheim, É., 1995. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its object, method, purposes]. Translated by A. B. Gofman. Moscow (in Russ.).

Durkheim, É., 2013. The dualism of human nature and its social conditions. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 12 (2), pp. 133 – 145 (in Russ.).

Eikhenbaum, B., 1922. *Molodoi Tolstoi* [Young Tolstoy]. Peterburg; Berlin (in Russ.).

Eikhenbaum, B., 1927. *Literatura: Teoriya. Kritika. Polemika* [Literature: Theory. Critics. Polemics]. Leningrad (in Russ.).

Gasparov, M. L., 1984. Russian rime evolution. In: *Problemy teorii stikha* [Problems of theory of verse]. Leningrad, pp. 3 – 36 (in Russ.).

Gasparov, M. L., 1999. *Metr i smysl* [Meter and meaning]. Moscow (in Russ.).

Moretti, F., 2013. *Distant Reading*. London.

Moretti, F., 2016. *Dal'nee chtenie* [Distant reading]. Translated by A. Vdovin, O. Sobchuk and A. Shely. Moscow (in Russ.).

Pilshchikov, I., 2018. Franco Moretti and New Quantitative Formalism. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2, pp. 39–45 (in Russ.).

Saussure, F. de, 1977. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works in linguistics]. Translated by A. A. Kholodovich. Moscow (in Russ.).

Shapir, M. I., 1996. At the origins of iambic quatrameter: genesis and evolution of its rhythm. *Philologica*, 3 (5/7), pp. 69–101 (in Russ.).

Ustinov, A., 2016. The Legacy of Russian Formalism and the Rise of the Digital Humanities. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Bd. 4, s. 287–289.

The author

Dr. Boris V. Orekhov, Associate Professor, School of Linguistics, 'Higher School of Economics' National Research University; Senior researcher, Laboratory of Digital Research of Literature and Folklore, the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: nevmenandr@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-9099-0436

To cite this article:

Orekhov, B. V., 2024, The history of verse studies and formalism, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 147–157. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-10.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

Г. А. ШЕНГЕЛИ КАК ТЕОРЕТИК И КАК ПРАКТИК СТИХА

В. А. Плунгян^{1, 2}

¹ Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Поступила в редакцию 01.04.2024 г.

Принята к публикации 15.06.2024 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-11

На современном этапе стиховедческих исследований наблюдается возрождение интереса к теоретическим подходам 1920–1930-х годов, возникшим в кругах, близких к русской «формальной школе». На этом фоне одной из наиболее значимых представляется фигура Георгия Шенгели (1894–1956), который известен прежде всего как теоретик стиха и один из наиболее проницательных исследователей русской неклассической метрики. Меньшее внимание привлекали собственные поэтические опыты Шенгели, оставшиеся в тени его стиховедческой, переводческой и организаторской деятельности. В настоящей работе на фоне концепции «леймического стиха» Шенгели будут проанализированы некоторые его метрические эксперименты, среди которых встречаются как многочисленные образцы классического дольника, так и дериваты античных логоздов и более редкие типы дольников на двусложной основе. В целом Шенгели демонстрирует тяготение к классическому и слабо расшатанному дольнику: в большинстве созданных им «леймических» текстов имеются строки правильных трехсложных метров, нередко переменная анакруста; встречаются и единичные расширения междуиктовых интервалов. Такой репертуар близок и к метрике младших акмеистов (особенно Георгия Иванова и Георгия Адамовича), и к метрике поэтов волошинского круга (прежде всего Софии Парнок), но отражает индивидуальную манеру Шенгели.

Ключевые слова: Шенгели, теория стиха, неклассический стих, леймический стих, стиховедение, русский метод

1. Введение: о Шенгели

Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1956) сегодня мало кому известен за пределами узкого круга специалистов по русской поэзии: первая половина XX века была слишком богата блестящими конкурентами во всех тех областях, в которых протекала его деятельность поэта, переводчика и стиховеда; по ряду биографических причин он и сам, после бурного дебюта 1920-х годов, большую часть жизни осознанно занимал маргинальное положение внутри советского социума. Тем не менее он в равной степени интересен и как стихотворец, и как теоретик стиха (вполне вписываясь в ряд, представленный в XX веке Андреем Белым, Брюсовым, Недоброво, Бобровым, Квятковским и другими), и в настоящих заметках мы попытаемся рассмотреть обе эти его ипостаси.

Первые поэтические опыты Шенгели относятся к середине 1910-х годов. Его поэзия раннего периода носит отпечаток отчетливого влияния эгофутуристов, прежде всего Северянина, трепетное отношение к ко-

тому он сохранял до конца жизни; в то же время сам автор в дальнейшем эти опыты не считал значительными и даже пытался уничтожить свой первый сборник «поэз» «Розы с кладбища» (1914) — в метрическом плане некоторые из них, безусловно, интересны с позиций сегодняшнего дня¹. Достаточно быстро, уже к началу 1920-х годов, Шенгели вырабатывает собственный, более индивидуальный стиль, близкий даже к поэтике не столько младших акмеистов и их последователей (с поэтами «парижской ноты» его нередко сравнивали критики и исследователи²), сколько авторов «волошинского круга», занимавших в русской поэзии начала XX века особое место, в том числе в отношении тематики и формальных особенностей стиха. Важную роль в этой эволюции сыграло, по-видимому, и личное знакомство Шенгели и Максимилиана Волошина (начавшееся в 1917 году); в зрелых стихах первого заметно и влияние неоклассической поэтики парнасцев (как отчасти и у Волошина), и интерес к античным мотивам и метрическим образцам (как, например, у Софии Парнок, другого поэта этого круга). Индивидуальность стихам Шенгели придает не только тщательная формальная обработка и вкус к неброским, но эффектным метрическим экспериментам, но также особая интонация усталого скепсиса и экзистенциальной горечи, которая неизменно сохраняется (и даже усиливается) в поздних текстах.

По-видимому, период между 1917 и 1922 годами оказывается для творчества Шенгели самым насыщенным, разнообразным и значимым: в это время он переезжает из родного Причерноморья в Москву, и в это же время выходят его важнейшие зрелые прижизненные сборники — «Раковина» (первое, керченское издание 1918 года; второе, существенно дополненное московское — 1922 года, фактически новая книга) и первое издание «Трактата о русском стихе» (Одесса, 1921). Уже в этой публикации 26-летнего автора можно увидеть *in nuce* все основные идеи оригинальной метрической теории Шенгели (исходным стимулом для которой, как можно полагать, послужило полемическое отталкивание от взглядов Валерия Брюсова), но работу над ее основными положениями, многократно дополняя и изменяя текст, он продолжал практически всю жизнь: последнее прижизненное издание под названием «Тех-

¹ Неслучайно М.Л. Гаспаров, знавший толк в метрических раритетах, включил в свою знаменитую антологию (Гаспаров, 2001) целых три текста Шенгели, причем как раз ранних. Это «Закатные лебеди» (1915), по Гаспарову, редкий образец дольника на двусложной основе (иначе, «расширенного хорей»), «Барханы» (1916), написанные уникальными пятисложными стопами («гиперпеонами» вида 1*4*, которые, кажется, больше нигде в корпусе русской поэзии не встречаются) и, наконец, графически нестандартный парцеллированный гексаметр «В звездный вечер помчались...» (1920).

² Биографы также отмечают значимость фигуры Николая Гумилева для многих жизненных обстоятельств Шенгели; некоторые интересные наблюдения о рецепции Гумилева у позднего Шенгели см. в небольшой заметке: (Иткин, 2018).

³ Шенгели рано потерял родителей; большая часть его детства и юности прошла в Керчи, в семье бабушки; до переезда в Москву в начале 1922 года он также короткое время жил в Одессе и Харькове. Подробные биографические сведения о нем см. в: (Молодяков, 2017).

ника стиха» появляется в 1940 году, окончательный же вариант был опубликован лишь посмертно — в 1960-м (на этот текст мы в дальнейшем и опираемся; проследить историю всех авторских редакций и эволюцию стиховедческих взглядов автора — отдельная и довольно сложная задача, которую здесь мы не решаем). Фактически энергия и опыт этих пяти переломных лет (на которые пришлась революция и Гражданская война) определили всю дальнейшую жизнь Шенгели с ее постепенным затуханием внешней активности: если до конца 1920-х годов он еще ведет достаточно интенсивную жизнь литератора, критика, преподавателя и академического исследователя, то с начала 1930-х годов он, практически не печатая оригинальных произведений и последовательно ограничивая личные контакты⁴, целиком уходит в переводческую и издательскую деятельность, периодически стараясь работать вне столиц — что, как можно полагать, и позволило ему уцелеть в последующие десятилетия. Последняя прижизненная поэтическая книга Шенгели — сравнительно небольшой сборник «Избранные стихи» 1939 года; как поэт, в 1930-е и 1940-е годы он много экспериментирует с эпосом, но почти ничего из этих опытов не опубликовано.

Как кажется, в индивидуальном облике Шенгели наиболее характерной чертой является крайне тесная связь поэтического творчества и теоретического исследования стиха. Хотя выше мы отмечали, что такого рода сочетание интересов было нечуждо многим русским поэтам начала века, практически все остальные поэты-стихovedы этого времени были либо по преимуществу все-таки поэтами (как Андрей Белый и Брюсов, виднейшие фигуры символизма) либо по преимуществу стиховедцами (как Сергей Бобров и Алексей Квятковский, почти не известные как оригинальные авторы). У Шенгели обе эти стороны кажутся совершенно равноправными: как становится ясно спустя столетие, он один из самых значительных теоретиков стиха в своем поколении — и яркий и своеобразный поэт (далеко не полностью прочитанный и понятый при жизни). Важно при этом, что если в поэтической стилистике Шенгели всегда ощущается твердый расчет и продуманное мастерство, то в его академических исследованиях ключевую роль играет его собственный поэтический опыт. Такое равновесное сочетание творческого и исследовательского начала делает Шенгели уникальной в своем роде фигурой. Это ощущение очень хорошо и непосредственно передано в известном мемуарном очерке Арс. Тарковского, который в 1958 году, вскоре после смерти Шенгели, вспоминал начало знакомства с ним в Москве в середине 1920-х годов (Тарковскому, поступавшему на Высшие литературные курсы, тогда едва исполнилось 17 лет):

Мне казалось странным, что Шенгели — профессор. Для меня он был — поэт. Я не думал, что человек одновременно может быть и поэтом, и ученым. Я еще в детстве, года три тому назад, прочел книгу его стихотворений «Раковина». А теперь он подарил мне свой «Трактат о русском стихе» (Тарковский, 1991, с. 184).

⁴ За исключением немногих молодых поэтов, творческую близость с которыми он ощущал и которых старался поддерживать заказами на переводы (в их числе Семен Липкин, Арсений Тарковский, Аркадий Штейнберг и ряд других).

Действительно, «одновременно быть поэтом и ученым» удастся немногим — но Шенгели, кажется, удалось.

2. Метрическая теория Шенгели

Ниже мы укажем лишь самое существенное во взглядах Шенгели на неклассическую метрику: подробный анализ теоретических положений его «Техники стиха» явным образом выходит за рамки настоящего текста. Собственно, для нас интерес представляет лишь один, причем сравнительно небольшой раздел этой книги, который называется «леймический стих» (Шенгели, 1960, с. 187–240); остальные разделы в ней более традиционны и посвящены общим определениям стиховедческих терминов, описанию классического силлабо-тонического репертуара, а также рифме, фонике и строфике (заметим, впрочем, что этот современный канон, охватывающий все «формальные параметры стиха», был дан Шенгели в четком и сжатом виде одним из первых).

В качестве синонима к леймическому стиху Шенгели употребляет термин «паузный», замечая, что леймами он называет «паузы особого рода» (Там же, с. 188), возникающие «вместо» ударных или безударных слогов правильных силлабо-тонических метров. Формально такое понимание отсылает к терминологии Боброва (и позднее Квятковского), называвших тонический стих *паузником*, в отличие от брюсовского *дольника*. Подход Брюсова опирался на подсчеты объема междуударных слоговых интервалов в тоническом стихе (при этом все ранние авторы слабо различали *дольник*, *тактовик* и *акцентный стих* — это разграничение укоренилось в русском стиховедении уже после работ М.Л. Гаспарова). С другой стороны, подход Боброва опирался на идею акустического преобразования правильного метра, где на месте исходных слогов возникают паузы: уменьшение слогового объема с точки зрения этой теории компенсируется сохранением длительности звучания.

Казалось бы, «дольник» в русском стиховедении оказался намного жизнеспособнее «паузника»: объективный позитивистский подход, опирающийся на измеримый параметр (слоговой объем междуударных интервалов), предпочтительнее апелляции к длительности звучащей строки, не только субъективной, но и не подтвержденной экспериментально. Даже сторонникам этого подхода не удалось доказать, что длительность звучания и длина пауз может быть сколько-нибудь объективно измерена и использована для определения метра. В эпоху Колмогорова и Гаспарова паузная теория метра представлялась окончательно похороненной и не имевшей шансов на возрождение.

Однако дело обстоит несколько сложнее. Главная проблема заключается в том, что современные *дольниковые* теории неклассического метра опираются на понятие *икта*, а оно (в отличие от более простого понятия ударного слога, присутствовавшего у ранних стиховедов) не является чем-то объективно заданным и возникает в результате сложной интерпретации метра стихотворения в целом, с опорой на метрический контекст. Использовать же простое понятие ударного слога при определении метра без специальных уточнений невозможно, поскольку

ку икт, или «сильное место» строки, — это всего лишь слог, где ударение ожидаемо, но далеко не всегда присутствует. Замена понятия ударного слога на понятие сильного ставит определение метра в зависимость от интерпретации исследователя, и если при анализе силлаботоники это, в общем, не приводит к непреодолимым противоречиям, то при анализе неклассического стиха теория лишается последовательности. Наиболее известный парадокс в этой области связан со строками дольника, включающими фрагмент *4* вида *фиолетовый гобелен* (так называемая «пятая ритмическая форма дольника» у Гаспарова (Гаспаров, 1968)): они объявляются разновидностью трехиктного дольника, хотя на уровне наблюдения содержат два ударения и четырехсложный безударный интервал; при этом точную позицию среднего икта в такой строке указать невозможно — это виртуальная сущность. Интуитивно такое решение кажется правильным, однако оно не сочетается с «плоской» теорией неклассического стиха, выводящей метрическую схему непосредственно из наблюдаемого распределения ударных и безударных слогов: наблюдаемые факты предполагают такую интерпретацию, которая заведомо неверна, а желаемая интерпретация не выводится непосредственно из наблюдаемых фактов. Подобные противоречия неоднократно служили предметом рефлексии в современном стиховедении⁵. Из сказанного следует, что позитивистский квантитативный подход к неклассическому стиху нуждается в серьезных модификациях. На этом фоне многие идеи стиховедов прошлого, в том числе и те, что, казалось бы, были давно отвергнуты, приобретают неожиданную актуальность. И в особенности сказанное относится к теории Шенгели, которая содержит наибольшее количество интуитивно верных догадок.

Как представляется, сегодня наиболее жизнеспособная теория неклассической метрики должна исходить из того, что наблюдаемый стих описывается не сам по себе, а как некоторая возможная последовательность заданных преобразований абстрактной исходной структуры. Для русского дольника исходными структурами естественно считать правильные силлабо-тонические метры, а преобразованиями — прежде всего устранения (*синкопы*) и добавления (*расширения*) слогов. В таком случае, например, наиболее распространенный классический трехиктный дольник оказывается синкопированным трехиктным трехсложником с переменной анакрусой, причем возможна как синкопа слабого слога, так и синкопа икта (последнее и приводит к появлению гаспаровской «пятой формы»). Соответственно, наиболее распространенный тип тактовика оказывается не синкопированным, а, наоборот, расширенным трехсложником. Подобные подходы (обычно называемые «депривационной» теорией метрики) обсуждаются, в частности, в (Плунгян, 2008; 2011; Семенов, 2011; Корчагин, 2017), и мы не будем подробно на них останавливаться. Для нашего изложения существенно, что «леймическая» теория Шенгели практически полностью совпадает с

---

⁵ Ср. обсуждение этого круга проблем с разных теоретических позиций в работах: (Иванов, 2004; Плунгян, 2008; 2011; Семенов, 2011; Корчагин, 2017; Пильщиков, 2022) и ряде других.

идеологией деривационного подхода (и для стиховедения 1920-х годов является наиболее последовательным ее вариантом) — если только исключить из этой теории апелляцию к длительности звучания (пресловутым паузам) и считать «леймы» не особенностью произнесения стихотворных строк, а определенным типом *деривации* правильных метров — слоговыми синкопами. Историческая судьба теории Шенгели сложилась неудачно прежде всего потому, что эта теория воспринималась критиками как акустическая — между тем ее следует оценивать как абстрактное алгоритмическое описание преобразований над правильными силлабо-тоническими структурами; в этом случае она поражает точностью и кажется опередившей свое время почти на целое столетие.

Из бесспорных заслуг Шенгели следует отметить не только интуитивно верный подход к дольнику как к синкопированному силлабо-тоническому стиху, но и намеченные им принципы классификации такого типа стиха. В частности, именно Шенгели (по-видимому, впервые в русском стиховедении) указывает на существование двух различных типов дольника: наиболее распространенного синкопированного трехсложника — и более редкого синкопированного двусложника (как в северянинском *Я сидел на балконе против заспанного парка* — синкопированный 8-стопный хорей); позднее Гаспаров (значительно менее последовательно) воспроизведет это различие под именем «дольник на трехсложной / двусложной основе» (Гаспаров, 2001, с. 136—139; ср. также: Плунгян, 2011; Корчагин, 2017).

Заслуживает внимание и тщательно разработанная Шенгели классификация типов леймического стиха (то есть типов синкоп): так, он выделяет единичные, двойные и множественные (в его терминологии, «несмежные») синкопы в строке, последовательно различает синкопы слабых и сильных слогов (последние он называет «корневые леймы»), делает множество других тонких и проницательных наблюдений. Как кажется, единственный тип стиха, который он систематически не описывал, — это в каком-то смысле противоположный дольнику по деривационной истории расширенный трехсложник, который позднее, вслед за Квятковским, будет назван тактовиком. Метрическая типология Шенгели — это исключительно типология синкоп: раздел о леймическом стихе — единственный раздел его опубликованной книги, посвященный неклассической метрике.

Новаторство и смелость Шенгели на самом деле поразительны — неудивительно, что современники не поняли и не оценили его теории; у следующего же поколения стиховедов репутация Шенгели была испорчена апелляцией к акустическим характеристикам стиха, на самом деле для его подхода, как мы уже говорили, несущественной.

3. Метрические эксперименты Шенгели

Внимательный анализ поэтического наследия Шенгели показывает, что к метрике своих стихов он относился сознательно и, по-видимому, пытался на практике реализовать многие из тех конфигураций, теоретическую возможность которых он обсуждал в «Технике стиха». Не да-

вая опять же исчерпывающего описания его метрического репертуара, остановимся на «леймических» опытах Шенгели, то есть на созданных им самим образцах синкопированного стиха.

Значительную долю его корпуса (особенно раннего) составляют имитации античных метров (в этом отношении он сближается с Софией Парнок): встречаются дериваты алкеевой строфы (*Пологий берег мягко сошел к волне*, 1921), сапфическая строфа (*Помню ясный полдень, когда впервые*, «Мой город», 1927), но больше всего образцов гекзаметра и элегического дистиха. При этом Шенгели-стихoved с абсолютной ясностью отмечает, что в русской традиции гекзаметр и элегический дистих — наиболее распространенные и давние образцы синкопированного дактиля: «Фактически русский гекзаметр оказался леймическим шести-стопным дактилем» (Шенгели, 1960, с. 223).

Оставшийся корпус тонического стиха демонстрирует тяготение Шенгели к классическому и слабо расшатанному дольнику: в большинстве созданных им «леймических» текстов имеются строки правильных трехсложных метров, нередко переменная анакруса, встречаются единичные расширения (особенно в поздних текстах). Настоящим образцом тактовика является лишь неопубликованная при жизни поэма «Повар базилевса» (1941 — 1946), написанная традиционным «восточковским» нерифмованным трехиктным тактовиком с переменной анакрусой и сплошной женской клаузулой (несмотря на «славянский» метрический подтекст, в поэме Шенгели воссоздается византийский топос в декорациях его родной Керчи). В коротких лирических стихотворениях тактовик у Шенгели в явном виде не встречается. Такой репертуар близок и к метрике младших акмеистов (особенно Георгия Иванова и Георгия Адамовича), и к метрике поэтов волошинского круга (прежде всего Софии Парнок).

Наиболее интересны, пожалуй, дольники Шенгели на двусложной основе. С одной стороны, в его синкопированных трехсложниках нередко строки двусложных метров, то есть множественные синкопы (они же «несмежные леймы»), что создает более широкий диапазон варьирования междуиктовых интервалов, чем в классическом дольнике:

ЯЗж 1*1*1*1	Она́ ушла́, Омфа́ла,
Я~ДкЗм. 3*1*0	Наиздева́вшись всла́сть.
ДкЗж 2*1*1*1	А Ге́раклу жа́ль, что ма́ло
ДкЗм 1*2*1*0	Ему́ удало́сь попря́сть.
	(«Она ушла, Омфала...», 1934)

Здесь стандартные строки трехстопного ямба (разных ритмических форм) сочетаются как со строками трехиктного дольника, так и с «гибридными» строками, где односложные междуиктовые интервалы представлены в соединении с анапестической анакрусой (по Шенгели, это две «несмежные леймы» в анапесте). Наряду с синкопированными строками в таких текстах возможны как правильные двусложники, так и правильные трехсложники; ср. еще один пример трехиктного стиха с широким диапазоном варьирования междуиктовых интервалов:

Дк3ж 1*2*1*1	А дымно-лиловый фósффор
Дк3м 1*4*0	Над горóдом изнемог.
Д~Дк3ж 3*2*1	И волосóк виадукá
Я3м 1*1*1*0	Продёрнут сквозь него́.

(«Урбанистический пейзаж», 1933)

С другой стороны, встречаются и такие образцы, где правильных трехсложных строк нет вовсе, а анакруса не превышает один слог (и, как правило, регулярна). Это явным образом дериваты правильных двусложников, которые можно описывать и как «расширенные двусложники», и как «синкопированные трехсложники с множественными синкопами». На наш взгляд, первый способ экономней, так как постулирует меньше преобразований исходной структуры. Ср. два стихотворения 1924 года, написанные метром именно такого типа:

Х4д 0*1*1*1*2	Ввёрх плеснуло сёрдце тёсное,
Дк4м 0*1*2*1*0	Тóчно слы́ша призыв трубы:
Х4д 0*1*3*2	Там Медведица небесная
Дк4м 2*4*0	Запрокинулась на дыбы.

(«Засинели с неба снежного...», 1924)

Х4ж 0*1*1*1*1	Всё, что надо, ёсть: и лампа,
Дк4м 2*4*0	И бума́га, и тишина́, —
Дк4ж 0*1*4*1	Что́ же гипсовая немота
Дк4м 2*2*1*0	Заливает мой слова?

(«Всё, что надо, есть: и лампа...», 1924)

Оба примера интересны тем, что, несмотря на значительное количество строк с тремя (или даже двумя) наблюдаемыми ударениями, источником деривации для их метра наиболее целесообразно считать четырехиктный двусложник (собственно, четырехстопный хорей): хореическая основа в них в целом преобладает, и далее в процессе деривации на нее накладывается лишь одно (необязательное) слоговое расширение в строке. При выборе же в качестве источника деривации правильного трехсложника наряду с более сложной деривационной историей возникает дополнительная неоднозначность в определении исходной структуры: четырехстопный дактиль или трехстопный анапест (в последнем случае стих в целом приходится интерпретировать не как четырехиктный, а как трехиктный дольник). Все это заставляет видеть в указанных образцах расширенный четырехстопный хорей (напомним, что расширенный четырехстопный хорей Шенгели использовал и в ранних «Закатных лебедях» 1914 года). Метр первого из двух стихотворений более сложен, так как оно представляет собой строчный логоэд (нечетные строки написаны Х4д, четные — расширенным Х4м); во втором стихотворении чередование правильных и расширенных строк не упорядочено (зато оно представляет собой сравнительно редкий случай урегулированной клаузулы жм без рифмы — прием, который Шенгели любил, метрически регулярные нерифмованные тексты с регулярной клаузулой встречаются на всем протяжении его творчества).

Список литературы

Гаспаров М.Л. Русский трехударный дольник XX в. // Теория стиха / под ред. В.Е. Холшевникова. Л., 1968. С. 59–106.

Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. Изд. 2-е. М., 2001.

Иванов Вяч. Вс. Безударные интервалы у Бродского // Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2004. Т. 3 : Сравнительное литературоведение. Всемирная литература. Стиховедение. С. 732–746.

Иткин И.Б. «Старый доктор в обветшалой тоге...»: об одном «неоконченном» стихотворении Георгия Шенгели // Rhema – Рема. 2018. №3. С. 9–14. doi: 10.31862/2500-2953-2018-3-9-14.

Корчагин К.М. Типология систем стихосложения и метрический статус дольника на двусложной основе // Сборник Матице Српске за славистику. 2017. №92. С. 707–729.

Молодяков В. Георгий Аркадьевич Шенгели: биографический очерк // Г.А. Шенгели. Стихотворения и поэмы / сост., подгот. текста и коммент. В.А. Резвого. М., 2017. Т. 2. С. 607–621.

Пильщиков И.А. «По ту сторону дольника»: Безударные икты и сверхсхемные ударения в русском акцентном стихе // Критика и семиотика. 2022. №1. С. 273–318. doi: 10.25205/2307-1737-2022-1-273-318.

Плунгян В.А. Писал ли Есенин «есенинским дольником»? // Фонетика и нефонетика: К 70-летию Сандро В. Кодзасова / под ред. А.В. Архипова, О.В. Федоровой. М., 2008. С. 766–776.

Плунгян В.А. «Мне с каждым утром противней заученный, мертвый стих»: к некоторым особенностям тонического стиха М. Кузмина // The Many Facets of Mikhail Kuzmin: A Miscellany / ed. by L. Panova, S. Pratt. Bloomington, 2011. P. 43–57.

Семенов В.В. К проблеме метрической неоднозначности в русском неклассическом стихе XX в. // Вопросы языкознания. 2011. №2. С. 97–110.

Тарковский А. Мой Шенгели [1958] // Тарковский А. Собр. соч. М., 1991. Т. 2. С. 183–189.

Шенгели Г.А. Техника стиха. М., 1960.

Об авторе

Владимир Александрович Плунгян, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник, заведующий отделом корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; ведущий научный сотрудник, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: plungian@iling-ran.ru

ORCID ID: 0000-0002-2393-1399

Для цитирования:

Плунгян В.А. Г.А. Шенгели как теоретик и как практик стиха // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 158–168. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-11.

GEORGY SHENGELI AS A VERSE MASTER AND AS A VERSE EXPLORER

Vladimir A. Plungian^{1, 2}

¹ V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
18/2, Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia;

² 'Higher School of Economics' National Research University,
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

Submitted on 01.04.2024

Accepted on 15.06.2024 r

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-11

The present stage of verse studies is marked by a rekindling of interest in the theoretical approaches of the 1920s and 1930s that emerged in the milieu close to the Russian 'formal school'. In this respect, one of the most significant figures is Georgii Shengeli (1894 – 1956), who is known primarily as one of the most insightful researchers of verse theory and Russian non-classical metrics. Less attention has been paid to Shengeli's own poetic experiments, which have remained in the shadow of his work in verse theory, translation and publishing. This study analyses, against the backdrop of Shengeli's concept of 'leimic verse', his experiments in the domain of tonic metrics, including numerous examples of classical dolnik, derivatives of antique logaoedic verse, and rarer types of dolnik on disyllabic base. Shengeli's corpus of tonic verse demonstrates an affinity for the classical and slightly loosened dolnik: most of his 'leimic' texts have lines of regular three-syllable meters, variable anacrusa is not uncommon, and there are isolated extensions. This repertoire is close both to the metrics of the younger Acmeists (especially Georgy Ivanov and Georgy Adamovich) and to the metrics of the poets of the Maximilian Voloshin circle (primarily Sofia Parnok).

Keywords: Shengeli, theory of verse, non-classical verse, leimic verse, Russian method

References

Gasparov, M.L., 1968. Russian dolnik with three ictuses in the 20th century. In: V.E. Kholoshevnikov, ed. *Teoriya stikha* [Theory of verse]. Leningrad, pp. 59–106 (in Russ.).

Gasparov, M.L., 2001. *Russkii stikh nachala XX veka v kommentariyakh* [Russian verse of the early 20th century with commentaries]. Moscow (in Russ.).

Itkin, I.B., 2018. "The old doctor in a decrepit toga...": on an "unfinished" poem of Georgy Shengeli. *Rhema – Rema*, 3, pp. 9–14, <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2018-3-9-14> (in Russ.).

Ivanov, V.V., 2004. Intervals with no accents in Brodsky's verse. In: *Izbrannyye trudy po semiotike i istorii kul'tury* [Collected works on semiotics and culture history]. Vol. 3. Moscow, pp. 732–746 (in Russ.).

Korchagin, K.M., 2017. Metric systems typology and metric status of dolnik based on binary meter. *Zbornik Matitse Srpske za slavistiku* [Matica Srpska Journal of Slavic Studies], 92, pp. 707–729 (in Russ.).

Molodyakov, V., 2017. Georgy Shengeli: sketch of a biography. In: *G. A. Shengeli. Stikhotvoreniya i poemy* [Collected poems]. Vol. 2. Moscow, pp. 607–621 (in Russ.).

Pilshchikov, I.A., 2022. "The Dolnik and Beyond": Unstressed Ictuses and Extra-Schematic Stresses in Russian Accentual Verse. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 1, pp. 273–318, <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-1-273-318> (in Russ.).

Plungian, V.A., 2011. «Mne s kazhdym utrom protivney zauchennyy, mertvyuy stikh»: to a number of peculiarities of Mikhail Kuzmin's tonic verse. In: L. Panova and S. Pratt, eds. *The Many Facets of Mikhail Kuzmin: A Miscellany*. Bloomington, pp. 43–57 (in Russ.).

Plungian, V. A., 2008. Did Esenin write by means of “Esenin’s dolnik”? In: A. V. Arkhipov and O. V. Fedorova, eds. *Fonetika i nefonetika* [Phonetics and beyond]. Moscow, pp. 766–776 (in Russ.).

Semenov, V. V., 2011. To the problem of ambiguity in Russian non-classic verse. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2, pp. 97–110 (in Russ.).

Shengeli, G. A., 1960. *Tekhnika stikha* [Technics of the verse]. Moscow (in Russ.).

Tarkovsky, A., 1991. My Shengeli [1958]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 2. Moscow, pp. 183–189 (in Russ.).

The author

Dr. Vladimir A. Plungian, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Leading researcher, ‘Higher School of Economics’ National Research University, Russia.

E-mail: plungian@iling-ran.ru

ORCID ID: 0000-0002-2393-1399

To cite this article:

Plungian, V. A., 2024, Georgy Shengeli as a verse master and as a verse explorer, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 158–168. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-11.

У ИСТОКОВ МЕТРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ: ОТ МЕТРОТОНИКИ К ТАКТОМЕТРИКЕ

К. М. Корчагин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Поступила в редакцию 01.04.2024 г.

Принята к публикации 15.06.2024 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-12

Одной из первых русскоязычных работ, направленных на создание общей теории стиха, стала небольшая книга М. П. Малишевского «Метротоника» (1925), где предлагался единый взгляд на устройство метрики. Позднее ряд идей Малишевского был разработан А. П. Квятковским, предложившим единую трактовку для классического и неклассического стиха. Стихovedение гаспаровской школы считало эти теории ненаучными, однако более пристальный их анализ позволяет показать, что они были закономерными предшественниками современной метрической типологии. В статье разбираются теоретические взгляды Малишевского – как в контексте стихovedения 1920-х годов, так и в более широком контексте тактометрической теории, до Малишевского представленной прежде всего работами А. М. Кубарева. Показывается эволюция тактометрической теории от Кубарева до Малишевского и то, каким образом она вписывается в развивающуюся чуть позднее метрическую типологию – субдисциплину, программа которой впервые предложена в работах Р. Якобсона и Дж. Лотца. Завершает статью стихovedческий анализ поэтического наследия Малишевского, который был активен не только как теоретик, но и как практик стиха. Поэтические произведения Малишевского рассматриваются на фоне изложенных в «Метротонике» взглядов на метрику, которые, как будет показано, с трудом могут быть применены к анализу его же собственных поэтических текстов, куда более традиционных по структуре.

Ключевые слова: Малишевский, Кубарев, Квятковский, Гаспаров, метрическая типология, метротоника, тактометрическая теория стиха, стихovedение, русский метод

1. Метротоника и тактометрия¹

В «Современном русском стихе» М. Л. Гаспарова (1974) в разделах о неклассических размерах довольно много внимания уделено критике так называемой «тактометрической» теории стиха и выросшего из нее представления о тактовике как об отдельном неклассическом метре. Одним из наиболее активных апологетов этой теории был А. П. Квятковский, некогда участник Литературного центра конструктивистов, а впоследствии автор «Поэтического словаря» (1966) – влиятельного среди поэтов и литературных критиков и многократно переиздававшего

© Корчагин К. М., 2024

¹ В этом разделе в переработанном виде использованы отдельные фрагменты работы (Корчагин, 2021).

гося с многочисленными исправлениями и дополнениями². Обсуждая истоки метротонической теории Квятковского, Гаспаров указывает на две параллели ей среди стиховедческих трудов 1920-х годов — на многолетний труд Андреаса Хейслера *Deutsche Versgeschichte* (1925–1929), до сих пор влиятельный среди германистов, несмотря на неочевидность некоторых теоретических положений, и на забытую к тому времени небольшую книгу М. П. Малишевского «Метроника» (1925). При этом изложенную в последней работе теорию стиха он называет «фантастически странной и сложной» (Гаспаров, 1974, с. 296), замечая, однако, что «Квятковский в своей теории упрощает Малишевского так же, как Сельвинский в своей теории упрощает Квятковского» (Гам же); указывает он и на второй источник, из которого поэты узнавали о тактовой теории помимо «Поэтического словаря», — на «Студию стиха» И. Л. Сельвинского, бывшего вождя конструктивистов (1962)³.

Обстоятельства жизни создателя «Метроники», о котором после лаконичной обмолвки Гаспарова не вспоминали еще полвека, теперь достаточно хорошо известны благодаря К. Ю. Лаппо-Данилевскому (2011) и в особенности А. Л. Соболеву (2020)⁴. Малишевский (1896–1955) окончил Елецкую гимназию, где водил дружбу с впоследствии известным советским писателем М. М. Пришвиным, и несколько лет проучился на

---

² Первое и одно из последних изданий — (Квятковский, 1966; 2013). Несмотря на то что эти два издания разделяет полвека, прошедших после смерти автора, они довольно значительно отличаются друг от друга — в том числе в тех аспектах, которые касаются изложения аспектов тактометрической теории. Эти изменения связаны с попыткой И. Б. Роднянской приводить каждое новое издание словаря в соответствие с современным состоянием науки о стихе. Выражение тактометрической теории в том виде, в каком ее хотел видеть сам Квятковский можно найти в неопубликованной при жизни «Ритмологии» (Квятковский, 2008).

³ Первая половина «Студии стиха» состоит из переработанного материала лекций, которые Сельвинский читал в Литературном институте, а вторая — из ответов на письма студентам-заочникам, среди которых встречается только два имени, оставивших более или заметный след в литературе — Валентин Португалов и Татьяна Глушкова. Говоря о тактовике, Сельвинский критикует А. П. Квятковского и Г. А. Шенгели и на примерах из собственной же ранней поэзии доказывает, что тактовик — это не особый тип метра, а своего рода особая система стихосложения, построенная по принципу музыкального размера, куда могут укладываться и строки классических ямбов и хореев, и строки, не похожие ни на один привычный размер (Сельвинский, 1962, с. 93–111). И хотя теоретический базис этих идей не вполне устраивал стиховедов, для поэтов-практиков и особенно выпускников Литературного института книга, по всей видимости, была полезна и наглядно показывала, как писать неклассическими размерами, так что следы такого понимания тактовика можно встретить до сих пор — например, в поэзии Марии Степановой, много позаимствовавшей из тактовиков Сельвинского.

⁴ Материалом для статьи К. Ю. Лаппо-Данилевского послужили в том числе конспекты, сделанные Малишевским во время слушания лекций Вячеслава Иванова в Литературной студии при Академическом подотделе Литературного отдела Наркомпроса в Москве в 1920 году.

юридическом факультете Московского университета. Как и некоторые другие стиховеды, начинал он скорее как поэт и в первое появление в Москве, в 1916 году, по рекомендации своего товарища Пришвина предпринял усилия, чтобы встретиться с одним из заметных символистов старшего поколения, Юргисом Балтрушайтисом, от которого получил наставления в поэтической технике, вполне обычные для начинающего поэта (Соболев, 2020, с. 471–472). Затем, так и не завязав прочных знакомств в литературном мире Москвы, он возвращается в Елец, но ненадолго: в 1920 году он уже снова в Москве, где практически сразу поступает в Литературную студию Академического подотдела Лито Наркомпроса под руководством Вячеслава Иванова, Валерия Брюсова и Михаила Гершензона (Там же, с. 478). В следующем, 1921 году он поступает в только что открывшийся Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова и около года спустя на недолгое время становится его ученым секретарем. Именно в этот момент начинается его карьера уже не только как стихотворца, но и как стиховеда — стремительная и короткая: оставаясь студентом, он читает лекции по теории стиха, которые к началу 1924 года складываются в будущую «Метротонику» — рукопись будет отправлена на рецензию Брюсову, который в целом активно участвовал в судьбе Малишевского, хотя и не принимал вполне его стиховедческую теорию.

После издания «Метротоники» (малым тиражом, за счет собственных средств автора) и закрытия Литературного института Малишевский поступает в аспирантуру ГАХНа одновременно по литературной и музыкальной секции, где работает над масштабно задуманной диссертацией «Материал поэзии как искусства. Введение в элементарную теорию поэзии», которую защищает в 1929 году. В отзыве на эту работу со стороны музыкальной секции, приводимом А. Л. Соболевым, подчеркивается характерная особенность всех теоретических трудов Малишевского: «В общем плане этой работы... уделено значительное место исследованию всех точек соприкосновения формообразующих элементов поэзии и музыки» (Там же, с. 495), — пожалуй теми же словами можно охарактеризовать и более раннюю «Метротонику».

Тем не менее после всех этих успехов в следующие годы Малишевский существует на периферии тогдашней литературной жизни: он еще работает как поэт и даже получает положительные отзывы на свои стихи от Бориса Пастернака и Эдуарда Багрицкого, но издать их отдельной книгой ему так и не удается. В эти годы он сближается с отколовшимися от ЛЦК младоконструктивистами Георгием Оболдуевым и Иваном Пулькиным, к тому же кругу, известному под названием «Союз приблизительно равных», был близок, с одной стороны, старший поэт Иван Аксенов, а с другой — младший Ян Сатуновский (Адаскина, 2006). Однако новые друзья становятся жертвами одной из первых волн репрессий — на рубеже 1933–1934 годов, а сам Малишевский в начале тридцатых неудачно выступает в «Новом мире» с критикой поэмы Семена Кирсанова «Товарищ Маркс», которая вызвала жесткую ответную реакцию со стороны писательского истеблишмента. После этих неудач

Малишевский уже не возвращается к стиховедению: он немного переводит советских поэтов (грузинских и немного поэтов коми), пишет еще одну диссертацию, которая оформится в так и не опубликованный труд «Биология мышления».

Стиховедческие взгляды Малишевского, несмотря на их ограниченное признание в 1920-е годы, были поняты довольно плохо: причинами тому послужило отсутствие дальнейшей академической карьеры и публикаций, но также и трудность самой «Метротоники» — книги, в наиболее существенных моментах чрезмерно конспективной, а в моментах менее существенных, наоборот, избыточно многословной. Наиболее заметный интерес к этому труду в довоенное время проявлял разве что Владимир Пяст; Квятковский же, который лично знал Малишевского и периодически виделся с ним, избегал упоминать о нем в печати. Напротив, Пяст в «Современном стиховедении» периодически ссылается на Малишевского, однако не в основном тексте работы, а во «Введении», где упоминает ГАХНовскую диссертацию (1931, с. 6), и в «Полемическом приложении», где критикует Малишевского за неточность в определении цезуры (Там же, с. 316—318), но солидаризируется с ним в главном: «Мы, — совместно с Малишевским, подобно как Белый совместно с Гёте, — утверждаем *приоритет* музыки над смыслом» (Там же, с. 356), — не вдаваясь, однако, слишком глубоко в тактометрическую теорию.

В теории стиха Малишевский сначала был учеником Брюсова, однако впоследствии достаточно далеко отошел от него, увлекшись идеей родства музыкального и стихового ритма. При этом «Метротоника» на самом деле представляет собой *первую* часть планировавшегося многотомного труда, который так и не был осуществлен: она носит подзаголовок «Метрика», а остальные части должны были быть посвящены, соответственно, «ритмике», «эвфонии» и «гармонии». Очевидно, что метрика не только открывает этот ряд, но и остается в нем самым важным элементом, тем более что уже в предисловии к книге автор сообщает о своей главной цели — «найти общую меру в оценке разноязыких произведений поэзии через единство формально-художественных данных» (Малишевский, 1925, с. 3). Так в чем же особенность метротонической теории и почему ее автора не устраивает имеющееся учение о стихе, которое он даже называет «силлабо-тонической путаницей», относя к апологетам последней не только архаичного Н. Н. Шульговского, но и В. Я. Брюсова, Г. А. Шенгели, Б. В. Томашевского, С. П. Боброва и даже футуриста Божидара с его энигматическим «Распевочным единством» (Там же, с. 9)?

Согласно метрологической доктрине, в каждом стихотворении — независимо от языка и системы стихосложения! — существует некая абстрактная схема, называемая «основой метра», или «ритмическим ключом»: «Подобно тому, как в музыке имеется *мелодический ключ*, без которого немислимо сыграть пьесу» (Там же). Поэтические произведения, у которых такой метрический ключ совпадает, «соизмеримы» друг с другом, а значит «должны звучать как родственные» (Там же). Прин-

ципиальным и действительно новаторским моментом здесь оказывается то, что метрические ключи могут быть одинаковы у стихотворений, написанных на разных языках и принадлежащих к разным литературным традициям, — здесь «открывается возможность *сравнивать между собой произведения*, написанные всевозможными приемами, на каком бы то ни было языке» (Там же). В основном, правда, эти принципы иллюстрируются на материале наиболее знакомого автору стихосложения, русского, но в последней главе книги, планировавшейся как отдельная работа, сделана попытка приложить метротоническую теорию к другим стихосложениям — «латинскому», немецкому, английскому, итальянскому, французскому, латышскому, «еврейскому» (то есть идишскому), чувашскому, грузинскому, армянскому, осетинскому и японскому. Вся «Метротоника» отличается чрезмерной лаконичностью и скупостью объяснений, почему при анализе тех или иных текстов применены те или иные приемы, но последняя глава удивляет краткостью даже на этом фоне: анализ здесь сводится почти исключительно к построению схемы распределения тактов. Тем не менее, несмотря на подобную лаконичность, можно попытаться определить ключевые принципы метротонической теории, и существенную помощь в этом может оказать тот контекст, в котором она возникла, тем более что интересы Малишевского, как покажет его дальнейшая карьера как аспиранта ГАХНа, вовсе не ограничивались теорией стиха.

Ключевой принцип метротоники напоминает ту трактовку понятия внутренней формы у Вильгельма фон Гумбольдта, которая в европейской науке распространилась со времен Хаймана Штейнталь и против которой Густав Шпет, коллега Малишевского по ГАХНу, полемически выступал во «Внутренней форме слова» (Шпет, 1927). То, что под внутренней формой имел в виду сам Гумбольдт, до сих пор во многом остается предметом спекуляций и споров: ряд исследователей предпочитает видеть в этом понятии предвестие гипотезы лингвистической относительности Сепира — Уорфа, другие — генеративной грамматики, хотя основатель генеративной грамматики Ноам Хомский среди своих предшественников числит скорее грамматистов Пор-Рояля, а не Гумбольдта. Шпет, в свою очередь, пытался порвать с утилитаристским пониманием внутренней формы, видя в ней своего рода концентрированное выражение категории субъекта (Там же, с. 196 и далее). Тем не менее уже в 1855 году последователь и впоследствии издатель Гумбольдта Штейнталь интерпретирует внутреннюю форму предельно близко к тому, как впоследствии глубинные формы будут пониматься в лингвистическом структурализме и генеративной грамматике: «Во всех трех частях грамматики — в абстрактном учении о технике языка, в учении о слове и формах слова и в синтаксисе — в каждой присутствует учение о значении или представлении о внутренней форме, существующей наряду с внешней, или звуковой формой» (Steinthal, 1855, S. XXIII)⁵. Для

⁵ "In aller drei Theilen der Grammatik aber, in der abstracten Lehre von der Technik der Sprache, in der Lehre vom Wort und den Wortformen, und in der Syntax, in jedem ist die Bedeutungslehre oder die Darstellung der innern Form neben der äußern oder Lautform zu geben".

русскоязычной аудитории основным проводником учения о внутренней форме был А. А. Потебня, и в литературе часто можно встретить мнение, что именно он был ответственен за осмысление гумбольдтианского понятия в ключе будущей генеративной грамматики (Зализняк, 2006, с. 46; Пильщиков, 2014, с. 55), хотя, скорее всего, он тоже воспринял учение о внутренней форме через работы Штейнталя.

Хотя книга Шпета была издана в 1927 году, спустя два года после «Метротоники», изложенные в ней идеи разрабатывались еще в первой половине 1920-х: в 1923–1924 годах в ГАХНе, где впоследствии Малишевский обучался в аспирантуре, была представлена серия докладов о внутренней форме, авторами которых помимо Шпета были близкие ему феноменологи А. А. Буслаев и М. М. Кенигсберг (Пильщиков, 2014, с. 62). Таким образом, полемика вокруг Гумбольдта могла быть известна Малишевскому, который отчасти абсорбировал это учение в свою теорию стиха, дополнив его крайне сложной и специфичной системой нотации, частично позаимствованной из музыки, а частично — из более ранних вариантов тактометрической теории.

Наиболее близкими к тактометрической теории 1920-х годов были работы А. М. Кубарева (1796–1881) и, в первую очередь, его небольшая книга «Теория русского стихосложения» (1837), изданная почти за столетие до работ Малишевского. В ее основе лежит похожая интуиция: стихотворения, написанные с точки зрения школьной теории стиха одними и теми же размерами, ритмически могут сильно отличаться друг от друга, а, следовательно, нужно предположить, что в их основе лежат разные метры. Вместо неадекватных русскому стиху *стоп* Кубарев предлагает говорить о *тактах*: «У древних стопа, у нас такт, понятия тождественные; разница только в названии от того, что они били меру ногою, а мы рукою (*tactus* от *tangere*)» (1837, с. 17). Разница, однако, в том, что строительными материалами стоп выступают долгие и краткие слоги, а тактов — слоги ударные и безударные. В силу того, что в начале такта всегда имеется ударение, а со следующим ударением начинается следующий такт, нет необходимости вводить сложные правила соответствия между стопами и реальным стихотворным ритмом: любое стихотворение может быть описано как последовательность тактов трех типов — дву-, трех- и четырехсложных. Малишевский использует иную, более разветвленную нотацию, но — упрощая «стихологические» тонкости, изложение которых составляет большую часть «Метротоники», — можно сказать, что он все же следует интуиции Кубарева.

«Метротоника» различает стопы двусложные (хореи), трехсложные (дактили), четырехсложные (пеоны), пятисложные (квинтоны) и т. д. Отмечено, что ямбы и хореи школьной метрики отличаются друг от друга лишь длиной «затакта» («анакрусы» у Кубарева), а потому должны быть рассмотрены как принадлежащие к одному и тому же метру. То же касается и трехсложных размеров. Напротив, пеоны, которые в традиционном стиховедении считаются производными ямбов и хореев, должны трактоваться как отдельные метры. Можно сказать, что именно выделение пеонов в отдельную группу метров — тот признак, по которой можно узнать тактометрическую теорию стиха: эту идею можно

найти и у Кубарева, и у Малишевского, и у Квятковского — в то время как противостоят им теоретики, не придающие существенного значения пеонам или считающие их всего лишь ритмической вариацией обычных двусложных метров (кстати говоря, «Студия стиха» Сельвинского в этом отношении отделяется от тактометрической теории Квятковского).

Одно из принципиальных терминологических отличий Малишевского от других представителей тактометрической теории, роднящее его с современной генеративной метрикой (Корчагин, 2011), — использование понятие *моры* для обозначения наиболее элементарной единицы метра; она определяется как «наиболее обычная для данного языка долгота слога» (Малишевский, 1925, с. 13). Это понятие, в свою очередь, позволяет ввести «систему метротонических мор», «подобную системе музыкальных нот» (Там же), которые складываются в стопы и над которыми производятся различные преобразования, составляющие, собственно, основное содержание метротонической теории. При этом в выборе терминологии Малишевский опирается в большей мере на стиховедческие работы Брюсова, прежде всего на учение об «ипостасах», под которыми понимается «замена одного элемента (или его части) равноценным другим» (Там же, с. 46). При помощи теории ипостас — как и у Брюсова — рассматриваются ритмические вариации в классической силлабо-тонике, в то время как довольно большой корпус тоники, существовавший к тому времени в русской поэзии, остается за кадром. Единственное исключение — два отрывка из «Левого марша» и «Флейты-позвоночника» Маяковского, рассмотренных в разделе «Склад свободных стихов», где подчеркивается непериодичность строения этих текстов и отсутствие в них повторяющихся метрических структур: «Все внимание (в этих стихотворениях. — К.К.) обращено на внутреннее строение стопы», здесь «перекидывается мост в “прозу”» (Там же, с. 84). Справедливости ради надо признать, что метрика именно этих произведений Маяковского действительно избегает регулярности.

Теория Малишевского в полной мере наследует и сильные, и слабые стороны прежней тактометрической теории: ее слабость в том, что анализы зачастую произвольны и то, что было призвано упростить картину русской метрики, на деле ее усложняет. Более того, Малишевский, по всей видимости, полагал, что множество возможных вариантов разбора одного и того же стихотворения составляет принципиальную и сильную черту его теории, в то время как позднейшая наука о стихе, прежде всего в лице М.Л. Гаспарова, стремилась, скорее, к обратному — к по возможности наиболее однозначным трактовкам. Тем не менее внимания заслуживает другая ключевая идея «метротоники» — что неклассические метры могут интерпретироваться так же, как классические, при помощи учения о «паузе» и других преобразованиях стиха, благодаря которым в реальном стихотворении могут отсутствовать слоги, предписанные схемой. Однако, несмотря на то что эта идея намечает заманчивую перспективу для исследования неклассической метрики, сам Малишевский остается по большей части в пределах классического стиха. Редкие исключения — анализ народной песни «Уж как пал ту-

ман на сине море...», где он выделяет 4-стопную структуру на основе хорей (современный стиховед сказал бы, что это 4-иктный тактовик), и 4-стопного дактиля с цезурными усечениями «Долгая ночь. Гаснет лампада...», который интерпретируется как паузированный дактиль. Характерно, что Кубарев, главный предшественник Малишевского в тактометрической теории, также не уходил дальше народного стиха и производных от дактиля, но в его время это могло объясняться небольшим количеством образцов неклассических метров в тогдашней русской поэзии.

При этом общие принципы работы Малишевского позволяют не только связать ее с тактометрической теорией XIX века или с конкурирующими теориями Квятковского и Шенгели, но и с более поздней метрической типологией, которая в качестве отдельного направления оформляется уже в послевоенные годы и не в последнюю очередь благодаря прямому влиянию русского стиховедения. Метрическая типология как новая дисциплина развивалась под влиянием послевоенных англоязычных работ Р.О. Якобсона и Дж. Лотца (Jakobson, Lotz, 1951; Jakobson, 1952), которые во многом вдохновлялись работами В.М. Жирмунского, до поры игнорируя тактометрическую теорию.

Эти статьи носили скорее конспективный характер и в более простом виде представленные в них идеи были изложены Дж. Лотцем в позднейших публикациях (Lotz, 1960; 1972a; 1972b). Лотц был специалистом по венгерскому языку, и, возможно, именно изучение венгерского стиха стало импульсом для обращения к метрической типологии. Фонологическая система венгерского языка с точки зрения супrasegmentных средств сильно отличается от систем германских языков: в нем существуют фиксированное ударение на первом слоге и противопоставления по долготе и краткости, и это потенциально позволяет венгерским поэтам писать стихи в любой из классических систем стихосложения, включая силлабо-тоническую (Abondolo, 2001). Такое изобилие языковых средств подталкивает к мысли, что связь системы стихосложения с языком устроена несколько более сложным образом языком, чем предполагала предшествующая наука: так, в венгерском стихосложении (и близком к нему в этом отношении чешском) совершались попытки создавать стихи во всех системах стихосложения, притом что народный и литературный стих до XVIII века были силлабическими. Все эти формы в том или ином виде сохранялись в венгерской поэзии вплоть до середины XX столетия, до того момента, когда Лотц опубликовал свои первые работы по метрической типологии (Гаспаров, 2003, с. 203–204; Lotz, 1972b, p. 101).

Однако ближе всего к теории Малишевского подходит так называемая теория пар и троек, которая в 2000-е годы была сформулирована Морисом Халле и Найджелом Фаббом (Halle, Fabb, 2008). В этой теории, о которой нам уже приходилось подробно писать (Корчагин, 2011), все многообразие метрических типов в мировой поэзии сводится к двум простым элементам — двусложным и трехсложным; такие пары и тройки так же, как в тактометрической теории, отличаются друг от

друга только анакрусой (или «затактом»), а все реальное многообразие поэтических размеров получается из них путем применения нескольких несложных преобразований к абстрактной схеме распределения таких элементов.

2. Малишевский-стиховед и Малишевский-стихотворец

Относительно недавно вышедшее собрание стихотворений Малишевского позволяет закончить настоящую работу в жанре, во многом традиционном для русского стиховедения: «Малишевский — стиховед и стихотворец». Как упоминалось выше, Малишевский был близок к «Союзу приблизительно равных», все участники которого активно работали с неклассическим стихом, — часто к такому стиху обращался и он, причем его доля растет с годами, так что к середине 1930-х годов (когда, если судить по опубликованному корпусу, Малишевский практически перестает писать стихи) неклассический стих начинает уверенно лидировать. Причем используется он в наиболее радикальном варианте — это верлибр, где часто избегается даже намек на традиционные силлабо-тонические формы. Таковы и самые поздние из датированных стихов Малишевского, составляющие цикл в память о дрессированной свинье Чанге, напоминающие, скорее, о переходящем в прозу верлибре Сергея Нельдихена:

После огромного перерыва в мыслях о тебе,
Я видел тебя во сне, Чанг,
И ходил как именник.
Сила, энергия, гордость наполнили мое существо.
Я улыбался себе, миру, тебе (с. 368)⁶.

Также существуют сведения, что в какой-то момент Малишевский пытался писать стихи, следуя собственным теоретическим разработкам, но попытки публикации таких стихов были неудачны: наиболее показательна в этом отношении «Баллада о sic transit gloria mundi» (1929), которую автор предложил издательству «Федерация», но получил предсказуемый отказ. Одну из издательских рецензий, резко негативную, написал другой теоретик стиха — Леонид Тимофеев: «...в формалистическом плане книга неудовлетворительна: в основу ее положена несостоятельная научно теория о долготных закономерностях русск. стиха» (цит. по: с. 603). Подобные попытки проиллюстрировать графикой собственные стиховедческие принципы не были редкостью в поэзии 1920-х годов: например, тексты Алексея Чичерина из сборника «Мена всех» (1924) или некоторые поэтические произведения Алексея Квятковского, но в конце 1920-х годов они уже явно казались не ко времени.

Баллада Малишевского состоит из шести частей, каждая из которых написана в несколько разной манере; для него в целом было характер-

⁶ В этом разделе ссылки на стихи даются по изданию (Малишевский, 2020) с указанием страницы в скобках.

но строить так произведения, которые он обозначал как баллады. Кроме того, сохранилась версия баллады, размеченная при помощи особых декламационных знаков с широко разнесенными по странице строками, — чем-то напоминающая графико-декламационные произведения Чичерина. Тем не менее в большей части «баллады» узнаются вполне традиционные двусложные размеры — ямб и хорей, от которых автор периодически отступает в сторону менее урегулированного стиха. Подобные перебои несколько напоминают неклассический стих Сельвинского — так же часто приближающийся к двусложнику, разве что у Малишевского такие отступления от силлабо-тоники встречаются относительно нередко вызывают вопросы о том, насколько они мотивированы (ниже отмечены астерисками):

Дымя сигарой в паровозный дым,
 Рассматривая сломанные ногти,
 Под стук колес, в тамбуре напевал: *
 Как хорошо ты, о дневное море.
 Дневное море, как хорошо ты. *
 Но моря не было. Невзрачные холмы
 Напоминали о жилище человека (с. 438).

Характерно, что именно в «балладах» Малишевский наиболее смело обращался со стихом. Отчасти этому способствовал и литературный контекст: общеизвестно, что в германской балладе использовался дольник-никовый стих и в 1920-е годы такие баллады уже нередко переводили размером оригинала, не выправляя его в регулярную силлабо-тонику. Таким же стихом — и часто очень раскованным — переводили и новые баллады — например, Киплинга и Брехта, им писал свои баллады Николай Тихонов. Малишевский обращается к жанру баллады в начале 1920-х годов, а последнюю известную нам балладу пишет в 1932 году. При этом далеко не всегда его баллады оказываются нарративными стихотворениями, как ожидается от этого жанра, — иногда это просто лирические циклы, где нарративный элемент представлен в зачаточном виде или вовсе отсутствует. Тем не менее свобода в обращении с метрикой характерна и для таких текстов.

Уже в одном из первых (шутливых) произведений в таком духе, датированном 1921 годом, Малишевский свободно пользуется дольником на основе ямба, достаточно точно следуя прихотливому ритму классической баллады, то используя цезурные наращения в 4-стопном ямбе, то еще более радикально нарушая двусложную ритмическую структуру:

Был стол, был стул, был чемодан,	Я4м
Похожий на софу,	Я3ж
Кровати не было и спал	Я4м
Чудак всегда в шкапу.	Я3ж

Когда ж бранили его слегка,	1*1*2*1*0
Сознав себя подлецом,	1*1*2*0
Углом засаленного воротника	1*1*6(2*3/3*2)*0
Скрывал свое лицо (с. 385).	Я3м

При этом в поздних балладах, написанных после скандальной «Баллады о sic transit gloria mundi» Малишевский все больше стремится к свободному стиху — сначала перемежая его с ямбами и более регулярной тоникой, а затем и вовсе отказываясь от какого-либо намека на регулярность, как и от нарратива: его последняя баллада «Город» (1932) — своеобразная, почти заумная описательная лирика:

Лодырничество,
 Таинственную неопределенность планов
 Смахивает умелый хозяйственник с производства.
 Ночь вынимает из сердца предприятия.
 Ночь спускается на новостройку.
 Лает под окном паровоз.
 Пробегает в переулках в мостках.
 Рассыпает семафоры и огни.
 Разделяет переходы буферами (с. 459).

Корпус ранних стихов Малишевского (до середины 1920-х годов, когда вышла «Метротоника»), напротив, напоминает дайджест пост-символистской поэзии: здесь можно найти множество силлабо-тонических размеров, среди которых особое внимание обращают на себя короткие дактили в духе Юргиса Балтрушайтиса, к которому автор, напомним, обращался за литературными советами («Этой весны мне не жаль — / Новая будет весна...» (с. 60), 1919) и длинные хорееи, цезурные («Чухнет тусклая лампада — на моем столе...» (с. 93), 1920) и бесцезурные, в духе поэмы «Конь блед» Брюсова («Улицы столичные, затертые ногами...» (с. 28), 1917). Изредка появляются и размеры с цезурными эффектами («Я все покрою громовым словом...» (с. 30), 1918): в это время, спустя несколько лет после того, как поэзия Игоря Северянина проходит пик своей славы, они уже начинают постепенно выходить из моды. Также можно отметить весьма умеренное использование строфических форм, редко выходящих за пределы рутинного катрена, но это тоже общая черта эпохи: новаторство в это время направлено скорее на метрику, а не на строфику.

Набор неклассических метров у Малишевского до середины 1920-х годов также во многом типичен для поэтов, дебютировавших во второй половине 1910-х: от силлабо-тоники такие авторы переходят сразу к распатанной тонике, к акцентному стиху; может быть, потому, что эта форма наиболее заметно отличается от поэтической классики. Подобный скачок можно хорошо видеть на примере младшего поколения авангардистов, активно обращавшихся к акцентному стиху и ритмически близким к нему формам тактовика, — например, у Вадима Шершеневича, о котором тематически и ритмически напоминают многие стихи Малишевского конца 1910-х — первой половины 1920-х годов:

Ты сказала: «Я боюсь твоего скелета».
 Было несколько странно услышать подобную фразу,
 Так как миг подходил более для оценок эстета
 Чем для врача, открывшего рядом заразу (с. 114).

На этом фоне встречаются и более урегулированные формы неклассического стиха — например, классический трех- и четырехиктный дольник, но то, насколько редко они появляются на фоне, с одной стороны, силлабо-тоники, а с другой — более свободной метрики, позволяет предполагать, что эта форма не особо интересовала Малишевского. Однако другие, более редкие тексты, напротив, как будто находятся в фарватере поисков эпохи: так, в собрании можно найти пример цезурного дольника — стихотворение «Сюрприз» (1925), написанное примерно в то же время, когда Малишевский работал над «Метротоникой»: оно может быть хорошей иллюстрацией структурной связи между дольником и цезурным стихом, напоминая более поздние опыты в этом жанре вроде «Прощания с Политехническим» Андрея Вознесенского:

На площади, битком набитой народом,	1*3*1*2*1 или 1*1*1*1*2*1
Ребенок шар воздушный упустил.	1*1*1*1*1*0 Я5м
И сквозь рыдания движеньем твердым	1*1*1 1*1*1 Я2ж Я2ж
Летящий шар в снегу — перекрестил (с. 217).	1*1*1*1*1*0 Я5м

Завершая, можно сказать, что если теория Малишевского во многом опередила свое время, хотя и не была воспринята позднейшими исследователями-стиховедами, его поэзия во многом оставалась типичной для эпохи — по крайней мере до середины 1920-х годов. Наиболее любопытные изменения в ней намечаются в начале 1930-х, когда он сближается с «Союзом приблизительно равных», но резкая реакция на «Балладу о sic transit gloria mundi» вместе со все более сгущавшейся атмосферой тех лет во многом лишает его стимула для дальнейших экспериментов. Далее он все чаще обращается к свободному стиху — форме, которая, казалось бы, максимально далека от его изысканий в области метрики, и нередко она служит для него чем-то вроде лирического дневника, не рассчитанного, по всей видимости, на внешнего читателя. В свою очередь в истории русского стиховедения метротоническая теория остается курьезом, тем более что она действительно изложена на чрезмерно сложном и схематичном формальном языке, однако главная интуиция труда Малишевского, кажется, не утратила своей важности: идея о том, что системы стихосложения разных национальных традиций, несмотря на возможное внешнее несходство, могут быть уподоблены друг другу на структурном уровне. Уже это позволяет герою нашей статьи занять причитающееся ему место в истории как русского стиха, так и русского стиховедения.

Список литературы

- Адашкина Н.Л. Из наследия И.А. Аксенова // Тыняновский сборник. Вып. 12: X—XI—XII Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2006. С. 275—317.
- Гаспаров М.Л. Современный русский стих. М., 1974.
- Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. 2-е изд. (доп.). М., 2003.
- Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966.

- Квятковский А. П. Ритмология. СПб., 2008.
- Квятковский А. П. Поэтический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2013.
- Корчагин К. М. Современные зарубежные исследования метрики // Вопросы языкознания. 2011. №4. С. 90–115.
- Корчагин К. М. Русский стих: цезура. СПб., 2021.
- Кубарев А. М. Теория русского стихосложения. М., 1837.
- Лаппо-Данилевский К. Ю. Труды А. Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 96–110.
- Малишевский М. Метроtonика. Краткое изложение основ метроtonической междуязыковой стихологии. М., 1925. Ч. 1: Метрика.
- Малишевский М. Полнолуние осени. М., 2020.
- Пильщиков И. А. «Внутренняя форма слова» в теориях поэтического языка // Критика и семиотика. 2014. №2. С. 54–76.
- Пяст Вл. Современное стиховедение. Ритмика. Л., 1931.
- Сельвинский И. Студия стиха. М., 1962.
- Соболев А. Л. Биографический очерк // Малишевский М. Полнолуние осени. М., 2020. С. 464–515.
- Шпет Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта. М., 1927.
- Abondolo D. Hungarian: the poetics of grammar // Abondolo D. A poetics handbook: verbal art in the European tradition. Richmond, 2001. P. 166–180.
- Halle M., Fabb N. Meter in poetry. A new theory. N. Y., 2008.
- Jakobson R. Studies in comparative Slavic metrics // Oxford Slavonic Papers. 1952. №3. P. 21–66.
- Jakobson R., Lotz J. Axioms of a versification system exemplified by the Mordvinian song // Acta instituti hungarici univesitatis Holmiensis. 1951. Ser. B. 1. P. 5–13.
- Lotz J. Metric typology // Style and language / Ed. T. A. Sebeok. Cambridge (Mass.), 1960. P. 135–148.
- Lotz J. Elements of Versification // Versification. Major language types / ed. by W. K. Wimsatt. N. Y., 1972a. P. 1–21.
- Lotz J. Uralic [versification] // Versification. Major language types / ed. by W. K. Wimsatt. N. Y., 1972b. P. 100–121.
- Steinthal H. Grammatik, Logik, und Psychologie, ihre Principien und ihr Verhältniss zu einander. Berlin, 1855.

Об авторе

Кирилл Михайлович Корчагин, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия.

E-mail: stivendedal@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-3778-7252

Для цитирования:

Корчагин К. М. У истоков метрической типологии: от метроtonики к тактометрии // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 169–183. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-12.

THE ORIGINS OF METRIC TYPOLOGY:
FROM 'METROTONICS' TO 'TACTOMETRICS'

Kirill M. Korchagin

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia

Submitted on 01.04.2024

Accepted on 15.06.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-12

One of the first Russian-language works aimed at creating a general theory of verse was Mikhail Malishevskii's short book "Metrotonics" (1925), which offered a common theoretical frame for the whole structure of metrics. Later, some of Malishevskii's ideas were developed by Aleksei Koiatkovskii, who proposed a unified treatment of classical and non-classical verse. Theoretics of the 'Russian method' in the theory of verse considered these theories unverifiable, although a closer analysis of them allows us to show that they were precursors of modern metric typology. The present article explores Malishevskii's theoretical views both in the context of the theory of verse of the Russian 1920s and in the broader context of 'tactometric' theory, which before Malishevskii was represented primarily by the works of Aleksei Kubarev. It shows the development of 'tactometric' theory from Kubarev to Malishevskii and how it fits into metric typology, a subdiscipline that developed later and whose program was first proposed in the works of Roman Jakobson and John Lotz. The article concludes with a formal analysis of the poetic legacy of Malishevskii, who was active not only as a theorist but also as a poet. His oeuvres in poetry are examined against the background of his views on metrics, which, in fact, are hardly applicable to the structures of his own poems, which are much more traditional than his theoretical frame.

Keywords: Mikhail Malishevskii, Aleksei Kubarev, Aleksei Koiatkovskii, Mikhail Gasparov, metric typology, metrotonics, tactometrics, theory of verse, Russian method

References

- Abondolo, D., 2001. Hungarian: The Poetics of Grammar. In: D. Abondolo, ed. *A Poetics Handbook: Verbal Art in the European Tradition*. Richmond, pp. 166–180.
- Veselovskii. Aktual'nye aspekty naslediya. Issledovaniya i materialy [Aleksandr Adaskina, N.L., 2006. From Ivan Aksenov's legacy. In: *Tynyanovskii sbornik. Vypusk 12* [Papers and materials in honor of Tynianov. Issue 12]. Moscow, pp. 275–317 (in Russ.).
- Gasparov, M.L., 1974. *Sovremennyi russkii stikh* [Modern Russian verse]. Moscow (in Russ.).
- Gasparov, M.L., 2003. *Ocherk istorii evropeiskogo stikha* [A history of European versification]. 2nd ed. Moscow, pp. 203–204 (in Russ.).
- Halle, M. and Fabb, N., 2008. *Meter in poetry. A new theory*. New York.
- Jakobson, R. and Lotz, J., 1951. Axioms of a Versification System Exemplified by the Mordvinian Song. *Acta instituti hungarici universitatis Holmiensis*, 1, pp. 5–13.
- Jakobson, R., 1952. Studies in Comparative Slavic Metrics. *Oxford Slavonic Papers*, 3, pp. 21–66.
- Korchagin, K.M., 2011. Contemporary studies in metrics abroad. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 4, pp. 90–115 (in Russ.).
- Korchagin, K.M., 2021. *Russkii stikh: tsezura* [Russian verse: caesura]. St. Petersburg (in Russ.).

Kubarev, A. M., 1837. *Teoriya russkogo stikhoslozheniya* [Theory of Russian versification]. Moscow (in Russ.).

Kviatkovski, A. P., 1966. *Poeticheskii slovar'* [Dictionary of poetry]. Moscow (in Russ.).

Kviatkovski, A. P., 2008. *Ritmologiya* [Rhythmology]. St. Petersburg (in Russ.).

Kviatkovski, A. P., 2013. *Poeticheskii slovar'* [Dictionary of poetry]. 3d ed. Moscow (in Russ.).

Lappo-Danilevskii, K. Yu., 2011. Aleksandr Veselovskii's works and Viacheslav Ivanov's Baku lectures on poetics. In: *Aleksandr Veselovskii. Actual aspects of his legacy*. St. Petersburg, pp. 96–110 (in Russ.).

Lotz, J., 1960. Metric Typology. In: T. A. Sebeok, ed. *Style and Language*. Cambridge (Mass.), pp. 135–148.

Lotz, J., 1972a. Elements of Versification. In: W. K. Wimsatt, ed. *Versification. Major Language Types*. New York, pp. 1–21.

Lotz, J., 1972b. Uralic [versification]. In: W. K. Wimsatt, ed. *Versification. Major Language Types*. New York, pp. 100–121.

Malishevskii, M., 1925. *Metrotonika. Kratkoe izlozhenie osnov metrotonicheskoi mezhdudyazykovoi stikhologii* [Metrotonics. Summary of the basics of metrotonic inter-language poetry]. Part 1. Moscow (in Russ.).

Malishevskii, M., 2020. *Polnolunie oseni* [Full moon of autumn]. Moscow (in Russ.).

Piast, V., 1931. *Sovremennoe stikhovedenie. Ritnika* [Contemporary theory of verse. Rhythmics]. Leningrad (in Russ.).

Pilshchikov, I. A., 2014. "The Inner Form of the Word" in the Theories of Poetic Language. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2, pp. 54–76 (in Russ.).

Selvinsky, I., 1962. *Studiya stikha* [Studio of the verse]. Moscow (in Russ.).

Shpet, G., 1927. *Vnutrennyaya forma slova. Etyudy i variatsii na temy Gumbol'dta* [The inner form of the word. Sketches and variations on Humboldt's themes]. Moscow (in Russ.).

Sobolev, A. L., 2020. Sketch of biography. In: M. Malishevskii, ed. *Polnolunie oseni* [Fool moon of autumn]. Moscow, pp. 464–515 (in Russ.).

Steinthal, H., 1855. *Grammatik, Logik, und Psychologie, ihre Principien und ihr Verhältniss zu einander*. Berlin.

Zaliznyak, A. A., 2006. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Multiple of meanings in language and methods of its representation]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr. Kirill M. Korchagin, Leading Researcher, the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: stivendedal@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-3778-7252

To cite this article:

Korchagin, K. M., 2024, The origins of metric typology: from 'metrotonics' to 'tactometrics', *Slovo. ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 169–183. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-12.

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ СТИХ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ

А. М. Петров

Карельский научный центр РАН,
Россия, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
Поступила в редакцию 01.04.2024 г.
Принята к публикации 15.06.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-13

Рассмотрены общие проблемы изучения русского народного стиха. Описаны крупнейшие теории, в рамках которых изучался фольклорный стих, критически осмыслено их место в истории российского стиховедения. Спецификой бытования стихового фольклора, существующего в устно-музыкальном виде, обусловлены поиски особого метода его анализа: традиционное стиховедение обладает значительным числом методов и ресурсов для исследования разных форм литературного стиха, но зачастую ограничено в своих возможностях при обращении к стиху фольклорному. Наиболее содержательным следует признать комплексный подход к изучению народного стиха. Это связано с разнообразием форм фольклора: помимо классической народной тоники, существует множество поздних жанров, созданных по лекалам силлабо-тонической системы стихосложения; для других славянских культур могут быть релевантны методы анализа силлабического текста и т. д. Каждый жанр должен рассматриваться в контексте его истории; фольклор требует дифференцированного подхода. При этом степень сближения с музыковедением может быть разной: в отдельных случаях вполне достаточно традиционных методов стиховедения (например, в области лингвистики стиха). Особым потенциалом обладает тактометрический подход, поскольку вводит в предметно-понятийное поле стиховедения идеи изохронной метрики, слабо разработанные на материале русского народного стиха.

Ключевые слова: *стиховедение, метрика, ритмика, фольклорный стих, теория стиха, методы стиховедения*

1. Предисловие. Типы фольклорного стиха

В области поэтики фольклора стихосложение относится к одному из наиболее трудных разделов: «...во всем стиховедении это самая темная область. О литературном стихе во всех учебниках говорится: он бывает силлабическим, силлабо-тоническим и тоническим; и эти три вида стиха описываются более или менее внятно, так что учащийся может их опознать в читаемых стихотворениях. А о народном стихе говорится в лучшем случае, что о нем существуют разные мнения, и ученые еще не столкнулись, какое надежнее» (Гаспаров, 2001, с. 9). Эти слова, написанные М. Л. Гаспаровым в «Предисловии» к избранным статьям американского стиховеда Дж. Бейли более двадцати лет назад, до сих пор не потеряли актуальности. История научного осмысления народного

стиха насчитывает уже более двух столетий, однако и в наше время не существует общепринятой системы, классификации разных его типов, единой непротиворечивой теории его описания. Исследователи отмечают, что народный стих доступен «освещению лишь в самых общих чертах» (Лобанов, 2007, с. 33).

Народный стих по своей природе синкретичен, что обусловлено свойствами фольклора как особого феномена человеческой культуры — *устностью, вариативностью, анонимностью* и т.д. В случае с народным стихом важную роль играет фактор музыкального исполнения, то есть *наличие напева*. Известно, что последовательность создания текста и напева может быть любой: музыка может быть написана к существующему стихотворению; текст может быть сочинен к какой-либо готовой мелодии. В фольклоре мы имеем дело с более сложным случаем: текст и напев здесь, как правило, существуют в неразрывном единстве, создаются одновременно при каждом новом исполнении. Доступные исследователям образцы аудиозаписей фольклора обнаруживают, что при переходе любого исполнителя на пересказ без мелодии метроритмическая структура стиха меняется коренным образом, вплоть до полного перераспределения ритмических акцентов, с получением совершенно другого текста. В свое время В.Я. Пропп утверждал: «У русских весь стихотворный фольклор поется. Изучать его вне связи с музыкой — значит понимать только половину дела. В этом отношении в науке последних лет имеются большие сдвиги, и дальнейшее сотрудничество фольклористов с музыковедами должно нам многое приоткрыть. Текст и напев составляют одно органическое целое, и метрика стиха не может изучаться вне музыкального ритма и голосоведения» (Пропп, 1976, с. 38).

И все же думается, что это высказывание излишне категорично. На наш взгляд, более точен в определениях был К. Ф. Тарановский: «Сегодня всем ясно, что текст народных песен представляет собой стих, что измерение этого стиха при помощи музыкальных фактов, иногда фиктивных, ни к чему не ведет, и что структуру стиха можно и нужно исследовать лингвистическими средствами. Иное дело — вопрос о взаимоотношении языкового и музыкального ритма в народных песнях. Здесь, конечно, сотрудничество лингвиста и музыковеда необходимо, и в славистике есть примеры такого сотрудничества, которое уже приносит плоды» (Тарановский, 2010, с. 523).

Следовательно, фольклорный стих может изучаться в разных аспектах в зависимости от того, какие задачи ставит перед собой исследователь. Различны и объекты изучения — проблема соотношения текста и напева; сами напевы; проблема ритмики стиха в разножанровом материале; исследование может быть направлено на решение актуальных задач лингвистики стиха (Гаспаров, Скулачева, 2004, с. 133–145) и т.д. Исследовательская оптика определяется насущными потребностями теоретического стиховедения, филологии, этномузыкологии и т.д. Противоречия между филологическим стиховедением и музыковедением в этом плане представляются во многом иллюзорными: у каждой

дисциплины свой объект и свои границы; сближение или размежевание должны быть обусловлены конкретными нуждами того или иного исследования в определенный момент.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что русский стиховой фольклор представлен множеством жанров — разнообразных по времени появления, по генетическим истокам. Так, помимо былины, последовательно записывавшейся фольклористами с XIX века, известны более поздние жанры — городской (мещанский) романс, частушка и др. Они уже достаточно тесно связаны с литературными формами версификации, книжно-письменная форма здесь может быть первична, а мелодии могут накладываться на уже имеющийся текст. При этом, разумеется, представить себе романс или частушку без мелодии в фольклоре по-прежнему невозможно, однако словесный и мелодический компоненты ощущаются здесь как более автономные, чем в былине. Можно привести в пример поздний духовный стих: «Мира Заступница, Мать Всепетая! / Я пред тобою с мольбой: / Бедную грешницу, мраком одетую, / Ты благодатью прикрой...», который бытовал в фольклоризированном виде (Духовные стихи, с. 168–169), однако по происхождению представляет собой стихотворение поэтессы Юлии Валерьяновны Жадовской (Афанасьева, 2021, с. 9). Иными словами, в песенном фольклоре связь текста и напева не всегда является настолько тесной, насколько мы привыкли думать. Аналитический подход к этому материалу во многом определен и задачами конкретного исследования, и изучаемым жанром, и прочими факторами.

Кроме того, вопреки укоренившемуся мифу, далеко не весь русский стихотворный фольклор обязательно связан с мелодией. Напомним, что по соотношению словесного текста и напева принято выделять три типа фольклорного стиха (Тарановский, 2010, с. 519):

1. *Речитативный* (эпический, нарративный, декламационный). В стихе этого типа напев и словесный ритм «находятся в относительном равновесии» (Гаспаров, 1989, с. 20)². Типичные жанры: былина, историческая песня, духовный стих, причитание и т.п., то есть эпические (иногда — лиро-эпические) жанры фольклора.

2. *Лирический* (песенный)³. Характеризуется безусловным преобладанием напева, хотя и здесь словесный текст (пусть и с большим трудом, и по неоднозначной методике) поддается выделению из музыкальной ткани. Жанры: лирическая песня, частушка, народный романс и т.п. Это основной объект исследовательских усилий этномузыколо-

---

² Определения подобного рода не претендуют на научную точность и не имеют под собой никаких измерений и расчетов; скорее, они характеризуют некую меру интуитивного, субъективного ощущения, более или менее разделяемого исследователями.

³ Стиховедческая терминология неустойчива. Например, М.Л. Гаспаров называет песенным стихом «эпический стих былин, исторических и духовных песен» и относит его к одному из древнейших (1984, с. 22). Мы предпочитаем называть песенным *лирический* тип стиха. В другой работе он также называет лирический стих песенным (1989, с. 20).

гов; из филологических работ назовем капитальный труд Дж. Бейли (2010), в котором были впервые выделены три основных размера русской народной лирики: 1) размер 5+5, 2) четырехстопный хорей с дактилическим окончанием, 3) двухударный акцентный стих с дактилическим окончанием.

3. *Сказовый* (говорной, раешный). Его часто называют досиллабическим, в основе такого стиха — парная рифмовка, основная область применения в фольклоре — «загадки, раешные прибаутки, а с XVIII века тексты лубочных картинок вроде знаменитой “Небылица в лицах, найдена в старых светлицах, оберчена в черных тряпицах, как мыши kota погрёбают, недруга своего провожают”» (Гаспаров, 1984, с. 26). Этот тип стиха не связан с мелодией, достаточно свободен от стилистических ассоциаций, которыми были окружены песенный (речитативный) и молитвословный стих; по этой причине стал «первым русским литературным стихом широкого употребления» (Там же). В настоящее время раешный стих находит продолжение в ряде литературных и околослитературных экспериментов, включая рэп-импровизации (Орлицкий, 2017, с. 166).

2. Теории фольклорного стиха

Разнообразие форм фольклорного стиха естественным образом привело к созданию разных (зачастую противоречащих друг другу) теоретических построений, призванных объяснить его происхождение и структуру. В этой области наука о стихе имеет давние традиции: современное российское фольклорное стиховедение во многом базируется на принципах, которые разрабатывались еще В.К. Третьяковским, А.Х. Востоковым и многими другими. Напомним об основных вехах на этом пути. История филологического и музыковедческого изучения народного стиха уже неоднократно, хотя и с разной степенью полноты, освещалась в ряде специальных работ (Штокмар, 1952; Банин, 1982; Гаспаров, 1997; Бейли, 2001, с. 332–358; Ефименкова, 2001; Лобанов, 2007). Это позволяет нам пунктирно обозначить основные проблемные вопросы, кратко рассмотреть важнейшие гипотезы, не отвлекаясь на побочные, второстепенные или маргинальные теории.

Русский фольклорный эпический и лирический стих изучался в рамках **четырёх** базовых теорий: *стопной*, *тонической*, *музыкальной* (Штокмар, 1952, с. 17–135; Гаспаров, 1997, с. 59), *силлабической* (Банин, 1982, с. 95)⁴. Особое место в русском стиховедении занимает *тактометрическая* теория А.П. Квятковского (Квятковский, 2008). В настоящей статье мы выделяем также *комплексный* подход, опирающийся на дифференцированное описание разных типов народного стиха в рамках разных систем стихосложения.

⁴ В работе (Штокмар, 1952) выделены также «комбинированные теории» (мы оставляем их в стороне) и учение о народной «синтаксической стопе» (соответствует *силлабической* теории в нашем обзоре).

I. Согласно *стопной* теории, любую фольклорную стихотворную строку можно разложить на определенный набор классических стоп (хорей, ямба, дактиля, амфибрахия, анапеста), чередующихся с большей или меньшей регулярностью. Основателем этого подхода к анализу народного стиха является В.К. Третьяковский (Штокмар, 1952, с. 17). Несложно заметить, что при помощи этой процедуры на стихотворные стопы можно разложить любой текст, на что указал еще М.П. Штокмар: «...из того, что комбинации слогов, составляющих фразу, можно назвать теми или иными “стопными” терминами, ровно ничего не следует, так как ритм образуется (если уж пользоваться понятием стопы) не наличием каких-либо стоп в произвольной последовательности, а повторяемостью стоп» (Там же, с. 20). Аналогичная дискуссия в свое время состоялась при обсуждении проблемы природы *ритмической прозы*: одна из теорий (В.М. Жирмунский называл ее «наивной») была поддержана Г.А. Шенгели и Андреем Белым: она «отыскивала в цитируемых примерах наличие чередования метрических стоп» (Жирмунский, 1975, с. 569).

В XIX веке при помощи терминов силлабо-тонической системы (стопа, ямба, хорей, дактиль и т.д.) пытался описать былинный стих один из первых собирателей северного эпического фольклора А.Ф. Гильфердинг (Гильфердинг, 1873, с. XXXII – XLVII). Ему удалось установить, что какого-то одного определенного эпического размера не существует, их несколько. Преобладает «обыкновенный эпический размер», к которому исследователь отнес «чистый хорей с дактилическим окончанием» (Там же, с. XXXIII). Второй размер — «игривый», здесь «хореические стопы перемешаны с дактилическими» (Там же, с. XXXVIII). Третий — «анапестический»: «вся тяжесть стиха падает на последнюю стопу, в которой произносятся два ударения, одно самое резкое, на последнем слоге, другое на третьем или четвертом слоге с конца, а у одного сказителя (Висарионова) слышалось иногда два ударения на двух последних слогах рядом, и при этом на последнем слоге более протяжное, так что стих выходит какой-то особенно медленный и грузный» (Там же, с. XL); ср.: *во синих морях, под оболока, за темны леса, Колыван богатырь, больший брат* и т.п. Имеются дополнительные (редкие) вариации эпических размеров, однако именно к этим трем указанным размерам, в целом, и сводится, согласно А.Ф. Гильфердингу, все разнообразие былинного стиха. Основной же былинный метр — это хорей.

Очевидно, что А.Ф. Гильфердинг никак не мог описывать былинный стих с учетом разных ступеней расшатанности — в то время не существовало ни соответствующей методики, ни терминологии, ни, пожалуй, и достаточного количества литературного материала, на котором эта методика могла бы быть разработана. В сложных случаях стиховедческий аппарат XIX века был бессилен, что нисколько не умаляет значения первых опытов анализа стиха былины. Время для углубленного описания фольклорного стиха тогда еще попросту не пришло. Непоследовательность первых оценок фольклорной метрики вполне понятна — особенно если учесть, что и сейчас наши взгляды на народный стих полны противоречий. Некоторую роль мог сыграть и фактор

эстетический: в Олонецкую губернию А. Ф. Гильфердинг «приехал уже сложившимся фольклористом славянофильской ориентации <...> силлабо-тонический стих на шкале эстетических ценностей в то время стоял несравненно выше тонического, а оценивать искусство отечественных рапсодов славянофильцы стремились по самому высокому счету» (Федотов, 1995, с. 207).

В XX веке отголоски стопной теории можно встретить в работах Р. О. Якобсона (Jakobson, 1966), см. об этом в (Гаспаров, 1997, с. 60–61)⁵, хотя, разумеется, уже не в таком прямолинейном виде, как у В. К. Тредиаковского. Р. О. Якобсон настаивал на хореической основе (с возможным «хорео-дактилическим» типом ритма) народного эпического стиха (Там же, с. 61). К этой же трактовке фольклорного стиха склонялся К. Ф. Тарановский, а позже — Дж. Бейли (Казарцев, 2017, с. 47), однако последний оперировал уже более развитым методологическим аппаратом, чем ученые XIX века. Помимо «вольных хореев», он выделял в стихе былины 3-ударный акцентный стих⁶ и неметрический стих⁷ (Бейли, 2009, с. 20).

Попытки прямолинейной «стопной» интерпретации неклассического стиха уже на литературном материале предпринимаются до сих пор (см., напр.: (Москвин, 2009), где дольник и тактовик описаны как комбинации все тех же классических силлабо-тонических стоп). Например, блоковское четверостишие «Вхожу я в темные храмы, / Совершаю бедный обряд. / Там жду я Прекрасной Дамы / В мерцаньи красных лампад» (3-иктный дольник) трактуется как «стопная полиметрия», основанная «на сочетании ямба и анапеста по схеме “ЯЯАн.я — АняАн — ЯАня.я — ЯЯАн”, задающей необычный акцентный рисунок» (Москвин, 2009, с. 311). Эта же методика лежит в основе современной попытки реконструкции стихотворного ритма в ряде произведений древнерусской литературы, от «Слова о полку Игореве» до «Почтения Владимира Мономаха» и т. д., которые, по мнению автора методики, были написаны «неравносложной силлабо-тоникой», см. (Николаев, 2020, с. 67–92). Поддержка этой гипотезе отыскивается среди материалов русских былин, для двух из которых («Соловей Будимирович» и «Волх Всеславьевич») приводятся полные стихотворные разметки (Там же, с. 94–96). Недостатком этого подхода является то, что он не учитывает историю стиховедения, а само «стиховедение оказывается компендиумом принципиально равноправных точек зрения, существующих как бы вне времени» (Корчагин, 2012, с. 459). На современном уровне развития стиховедения подобные штудии могут представлять интерес лишь как источники «сведений о стиховедческих интуициях прошлого» (Там же; см. также: Ранчин, 2021).

⁵ В этом обзоре М. Л. Гаспаров относит к сторонникам «стопной» теории Н. С. Трубецкого, который в действительности отстаивал *тоническую* организацию былинного стиха. См., напр.: (Трубецкой, 1987а).

⁶ В гаспаровской терминологии это *трехиктный тонический стих* — вероятнее всего, *трехиктный тактовик*.

⁷ В гаспаровской терминологии — *акцентный стих*.

II. *Тоническая* теория восходит к исследованиям А.Х. Востокова (1812; 1817). Сторонники этой концепции рассматривали фольклорный стих «как равноударный: мерой стиха является постоянное количество ударений, количество же безударных слогов между ними метрически безразлично. Стих определяется как “трехударный”, “четыреударный” и т.п., а когда реальное число ударений в нем отступает от нормы, то делаются оговорки, что учету подлежат лишь “сильные” ударения» (Гаспаров, 1997, с. 59). В связи с тем, что счет количества «сильных» (сейчас мы бы назвали их «фразовыми») ударений в фольклоре имеет весьма субъективный характер, тоническая концепция неоднократно подвергалась критике. В частности, еще в 1879 году с полемическими заявлениями выступил некий автор под псевдонимом «Словесник»: «Как все логическое, и логическое ударение — вещь очень тонкая, изменчивая, спорная, зависящая от человеческих ощущений и настроений. Один и тот же человек одно и то же выражение в одном и том же смысле, в разное время, произнесет различно, над различными словами повысит или понизит голос, — смотря по настроению. О пении и говорить нечего: при разном настроении человек различно споеет одну и ту же песню, различно будет выделять голосом логические ударения. Вследствие этого ударение логическое и не может быть основой стихотворного размера, и никогда не было и не будет» (цит. по: Штокмар, 1952, с. 52). Отметим неустойчивость терминологии: очевидно, Словесник называет *логическим* ударением что-то другое — то же *фразовое* ударение, поскольку А.Х. Востоков имел в виду именно «прозодические периоды» (словесные группы, синтагмы, объединенные фразовым ударением), а не логическое выделение слова, которое действительно едва ли возможно установить в песенном традиционном тексте. Концепция народного (преимущественно былинного) стиха как стиха *музыкально-тонического* была впоследствии поддержана В.М. Жирмунским (1975, с. 215).

В 1937 году увидела свет небольшая работа Н.С. Трубецкого о метрике былины, также выдержанная в русле тонической концепции (1987а). Статья содержит две части: сначала автор характеризует стих былины в его современном состоянии; затем делает попытку реконструкции истории былинного стиха — от ранней славянской силлабики (до XII века) до более поздней тоники (с XII—XIII веков и далее). Н.С. Трубецкий начинает статью со следующего утверждения: «Что до работ, посвященных метрике былин, то их практически нет. Незаконченный труд Ф.Е. Корша о русском народном стихосложении составляет в этой сфере самый серьезный опыт...» (Там же, с. 352). В действительности к первой трети XX века работ по метрике былины существовало немало — среди них были и работы достаточно крупные. Н.С. Трубецкой указал на разнообразие ритмических типов былины, на сосуществование в былинном стихе множества практически не поддающихся учету тенденций. Он отметил: «На основе опубликованного материала трудно решить, является ли эта ритмическая неустойчивость индивидуальной чертой отдельных сказителей или же это общая

традиция» (Там же, с. 354). Последующие наблюдения над метрикой былины, предпринятые уже после этой публикации, позволяют, на наш взгляд, склониться ко второму предположению. В целом же, по Н. С. Трубецкому, «число слогов в стихе довольно неопределенно; постоянно лишь число ударений» (Там же, с. 356). Исторически «краеугольным камнем» былинного стиха являются «не “стопы” в том смысле, как их знает классическая метрика, но древний силлабический стих, преобразованный в результате изменения просодической структуры русского языка» (Там же, с. 358).

В русле тонической концепции находятся и научные поиски М. П. Штокмара, хотя сам исследователь утверждал, что «отчетливо» выявил ее «неполноценность» и «внутреннюю противоречивость» (Штокмар, 1952, с. 58). «Неполноценность» эта в основном сводится к проблемам терминологического порядка: исследователи «востоковского» крыла никак не могли подобрать точное определение для сильного, иктового (или фразового) ударения, вокруг которого группируется синтагма (или «прозодический период»). Они называли его то логическим, то тоническим, то смысловым, то относительным и т. д. (Там же). Такая позиция вызвала справедливые возражения К. Ф. Тарановского, откликнувшегося большой рецензией на монографию М. П. Штокмара⁸: «Можно ли обвинять Классовского в том, что он не нашел точный термин, и так ли уж важен термин?» (Тарановский, 2010, с. 521).

Собственную теорию фольклорного стиха М. П. Штокмар создать не успел, но, судя по основным идеям, отраженным в его работе, эта теория должна была сильно напоминать тоническую. В основе его построений — выделение текста из напева (разрыв с музыкальной теорией) и апелляция к динамическим особенностям «народного языка»⁹: использование сказителями наполнительных и анафорических частиц, энклитик и проклитик, многочисленных суффиксов и приставок для увеличения слогового объема синтагмы. Согласно М. П. Штокмару, в народном стихе междударный слоговой интервал длиннее, чем в стихе литературном: «показатель слогуударного равновесия», специально вычисленный им, составляет 3,8, в то время как в разговорном и литературном языке — 2,8 (Штокмар, 1952, с. 292). Объяснение находится в акцентологических особенностях древнерусского языка, где, по мнению М. П. Штокмара, существовала схожая тенденция. К. Ф. Тарановский подчеркнул, что концепция М. П. Штокмара не выдерживает критики (Тарановский, 2010, с. 538): он оспаривает саму методику вычисления «коэффициента слогуударности» и заключает, что в выкладках М. П. Штокмара «все неверно, от начала до конца» (Там же, с. 527).

Новый подход к тоническим фольклорным текстам предложил М. Л. Гаспаров (1997), проанализировавший народный стих с учетом разных ступеней «распатывания» метра, с опорой на собственные исследования в области литературного тактовика. Значение работы

⁸ Впервые опубликована в (Тарановски, 1955—1956).

⁹ Под «народным языком» М. П. Штокмар понимает преимущественно язык фольклора.

М.Л. Гаспарова для теории фольклорного стиха заключается в том, что понятие «фольклорный стих» впервые наполнилось сущностной конкретикой; были определены точные термины; появилась значимая методологическая опора (в частности, так называемый «русский метод» лингвостатистического обследования стиха). На разножанровом материале (былины, лирические песни, духовные стихи, исторические песни) была предложена методика анализа метрики и ритмики стихового фольклора, подробно (во всех ритмических вариациях) описан трехиктный, двухиктный и четырехиктный тактовик. Помимо этого, прослежена судьба народного стиха в литературе — на материале соответствующих художественных стилизаций. Выяснилось, что силлаботонические строки в былинах, ранее доставившие немало хлопот исследователям, в действительности могут являться одними из возможных ритмических форм тактовика — основного метра народной тоники. Былинный же стих был однозначно определен М.Л. Гаспаровым как трехиктный тактовик (Гаспаров, 1989, с. 26), т. е. в этом плане он солидаризировался с А.Х. Востоковым, трактовавшим стих былины как «стих о трех ударениях дактилического окончания» (Востоков, 1817, с. 139).

Исследование М.Л. Гаспарова опиралось на печатные публикации фольклорных текстов без привлечения аудиоматериалов. Следующим шагом в осмыслении народного стиха (на материале былины) стала работа М.А. Лобанова, который, подробно исследовав не только печатные публикации, но и аудиозаписи былин, предложил довольно широкую формулировку для определения былинного стиха: «это комплекс взаимособобщающихся размеров» (2007, с. 21). По М.А. Лобанову, былинный стих предстает как весьма подвижное образование, однако вариативность метрики определена рамками традиции, в основе которой лежат несколько размеров: классический трехиктный стих (*И он шёл в свою полáту в белокаменну*), двухиктный «игривый» (*Он правíл коня / ко Пучáй-реки*¹⁰), двухиктный «скомороший» (*В той было столи́че, // В дальнею грани́че*) (Там же, с. 15–21). Такой подход к анализу былинной метрики нельзя назвать чисто-тоническим: это, скорее, *комбинированный* подход, сочетающий учет иктовых позиций в строке и количество слогов, группирующихся вокруг икта. Для получения схемы строки М.А. Лобанов использует метод В.А. Чудовского: обычной цифрой обозначает количество слогов в словесной группе, объединенной фразовым ударением; верхним цифровым индексом — номер слога, на который это ударение падает: «Что не вéтры-то (5³) по полю (3²) разве-валися (5³)» (Там же, с. 62–63). Широкого распространения этот метод пока что не получил, однако, на наш взгляд, он вполне заслуживает внимания.

Попытка ревизии востоковско-гаспаровской теории былинного стиха была предпринята уже в настоящее время на материале фонозаписей, сделанных от сказителя Ф.А. Конашкова (Petrov, 2019; Петров, 2023). Использование подлинных звучащих текстов позволило устано-

¹⁰ Акцентная разметка наша.

вить, что былинный стих существует как бы «в двух измерениях»: 1) трехиктный тактовик печатных публикаций, которые принято читать с определенной декламаторской манерой (с тремя фразовыми ударениями и атонированием словоформ, не вписывающихся в схему); 2) тактовик с альтернативой 3- и 4-ударных строк, то есть тактовик не изотонический, допускающий некоторые отклонения от схемы, но не распатанный до акцентного стиха (характерен для голосового, музыкального исполнения). В реальном бытовании акцентному выделению подлежит каждое слово, а не группа слов. Следует отметить и плодотворный опыт характеристики говорного стиха *заговоров*, квалифицируемого как «тонический стих с урегулированными просодическими (фразовыми) ударениями, или как вольный акцентный стих» (Хворостьянова, 2004, с. 106). Таким образом, тоническая концепция прошла проверку временем и не потеряла своего значения до сих пор. При помощи этого подхода имеется возможность характеризовать огромные массивы фольклорных стихотворных текстов; аудиозаписи же позволяют выйти на новый уровень верификации наших знаний о фольклорном стихе и получить более точные результаты.

III. Согласно *музыкальной* теории, в процессе живого исполнения народной песни «равенство слогов по длительности, наличное в лирическом напева тексте, отпадает, так как одни слоги растягиваются по сравнению с другими и между ними возникают совершенно новые соотношения, которые регулируются единственно законами музыкальной ритмики» (Штокмар, 1952, с. 78). У истоков этой теории стоял А. М. Кубарев (1829) (Там же), а «наиболее влиятельным сторонником этого взгляда был [Ф. Е.] Корш» (Гаспаров, 1997, с. 59). Как отмечает М. Л. Гаспаров, «эта теория очень мало считалась с фактами реальных (зафиксированных) напевов, а то и реальных текстов, быстро выродившись в спекулятивные реконструкции “подлинного звучания” того или иного стиха. Поэтому, хотя апелляции к “напеву” быстро стали общим местом в дискуссиях о народном стихе, они, как правило, давали не объяснение, а только видимость объяснения проблемы» (Там же). По мнению ученого, музыкальная теория полностью стала уделом прошлого после критики М. П. Штокмара и перестала «притязать на роль ключа к народному стиху» (Там же).

Однако это не совсем так. В XX веке проблема музыкальной организации фольклорного стиха была переосмыслена на новом уровне и возвращена в предметное поле фольклорного стиховедения — правда, не филологами, а музыковедами. Для филологического же стиховедения полное размежевание теории стиха и этномузыкологии видится, скорее, недостатком, чем достоинством, на что ранее уже указывалось (Корчагин, 2011, с. 112–113). Этот аспект изучения стихового фольклора требует особой профессиональной подготовки. Стиховеду-филологу можно ограничиться первым «подступом» к фольклорному материалу: включить в выборку аудиозаписи разных жанров и, таким образом, существенно расширить представления о звучащей былине, или духовном стихе, или балладе и т. д., о нормах акцентуации, подлинном силлабическом составе строк и т. п. (Зайцев, 1995).

Музыкальное направление теории фольклорного стиха представлено, в общем, двумя ветвями: 1) работы преимущественно *филологические* по задачам и проблематике (их объект, скорее, слово, но в разрезе проблемы соотношения текста и напева); 2) работы преимущественно *музыковедческие* (их объект, скорее, напев; отношение к теории стиха, стиховедению здесь может быть косвенным).

В качестве немногих примеров для первой группы можно привести работы (Грубецкой, 1987б; Лобанов, 2007; Маточкин, 2012). Вторая группа сложнее и разнороднее. Естественно, что музыкальная сторона организации фольклорного стиха активно и профессионально разрабатывалась прежде всего музыковедами. Историография здесь обширна, достаточно сослаться на концептуальные обзоры (Банин, 1982) и (Ефименкова, 2001, с. 32–44), не говоря уже о работе (Штокмар, 1952, с. 78–103). Существует несколько центров этномузыкологии, со своими школами, приоритетами, подходами (см., напр.: (Этномузыкология, 2014)).

Если же говорить о филологах, фольклористах, то, как мы уже сказали, в настоящее время музыкальная теория фольклорного стиха находит отражение в подходе А. А. Маточкина. Он считает фольклорный стих *равнодолготным* и делит общую продолжительность звучания былины на количество стихов в ней, получая среднюю продолжительность звучания каждой строки (Маточкин, 2012). Реальная продолжительность звучания каждого стиха измеряется при помощи компьютерной программы: «...стихи одной старины песенного типа *примерно* равны по занимаемому ими физическому времени» (Там же, с. 64), обычно это 6,41 сек. В специальной табличной форме (исследователь прибегает к термину «табличный анализ») продемонстрировано, как соотносятся слоги по длительности звучания, причем учтены все огласовки, распевы и паузы. Ранее, как указывает А. А. Маточкин, похожий способ оформления былинного текста был предложен М. А. Лобановым: «...преобразование нотной записи в таблицу представляется удобным методом подачи стиха, ибо при этом сохраняется и высокая точность фиксации его акцентного рисунка, какую только могут дать ноты, и в то же время доступность, позволяющая тем, кто нотами не владеет, без труда воспроизвести ритм» (2007, с. 30). Этот подход (А. А. Маточкин называет его «квантитативным») тесно смыкается с концепцией *изохронной метрики* (Agouï, 2009). Область *изохронной метрики* изучалась европейскими и американскими исследователями на материале английского, немецкого, французского фольклорного стиха; специальное внимание было уделено детскому фольклорному стиху (считалки, *nursery rhymes* и т. п.), см. подробный аналитический обзор со ссылками на первоисточники в статье (Корчагин, 2011, с. 103–109).

IV. Особый подход к русскому народному стиху предпринял А. П. Квятковский в рамках собственной *тактометрической* теории (2008, с. 423–456). Он предлагал читать русские народные стихи «тактовой читкой» (Там же, с. 425), то есть использовать специфическую манеру декламации, которая может показаться субъективной. Исследователь справедливо указывал на невозможность соотнесения канонов

чистой силлабо-тоники с народной тонической поэзией. Строка, согласно А. П. Квятковскому, делится не на стопы, а на изохронные такты, и в этом его теория перекликается с музыкальной теорией народного стиха. При анализе метрики необходимо полагаться на слух: улавливать «в звучащем стихе не только слоги, но и паузы, причем и те и другие могут быть различны по долево́й долготе» (Там же, с. 440). Если же строки неравносложны, то необходимо искусственно растягивать или, напротив, быстрее проговаривать слоги, удлинять или сокращать паузы, например (*шестнадцатидольник*, условным знаком $\cup$ обозначается «недостающая» доля такта, то есть читателю предлагается выдержать соответствующую временную паузу): «И-ивушка, ивушка, зеленая моя! $\cup\cup\cup //$ Что-о же ты, ивушка, не весело стоишь? $\cup\cup\cup$ » (Там же, с. 443) и т. д. Все графические ухищрения (знаки пауз, долей, удвоения гласных и т. п.), призванные наглядно передать звучание стиха, по своей точности заведомо уступают классической музыкальной нотации.

Следует отметить некоторую произвольность, «фантазийность» аналитических процедур в рамках этого метода: интерпретация метра и ритма находится всецело во власти декламатора. По воле автора в стихотворной строке появляются дополнительные гласные и паузы, на которые нет никаких указаний в цитируемых А. П. Квятковским источниках: под такие схемы при желании можно без особых усилий подвести любой фольклорный стих. На наш взгляд, предпочтительнее все же иметь дело с формальными, объективными параметрами, подчиняющимися набору базовых правил. Первичной же опорой для изучения песенного фольклора являются *аудиозаписи*: только они позволяют понять принципы и приемы подлинного народного исполнения. Не случайно схемы А. П. Квятковского подверглись критике именно с музыковедческой стороны: как отметила Б. Б. Ефименкова, «Квятковский иллюстрирует свою теорию только приемлемыми для нее образцами, хотя и объявляет ее универсальной» (Ефименкова, 2001, с. 27).

Говоря об исторических песнях, автор тактометрической теории утверждает, что они «не только поются, но и отлично читаются» (Квятковский, 2008, с. 452). В принципе с этим можно согласиться. Однако весьма спорным следует признать утверждение, будто «в чтении, в рецитации исторические песни выигрывают сильнее, чем в пении, так как в рецитации исчезает однообразный напев и всплывает богатейшая живая, говорная интонация» (Там же). В фольклористике не принято иерархически противопоставлять словесный текст и напев — они составляют одно целое.

Все это, заметим, не значит, что тактометрическая теория вовсе не пригодна для анализа фольклорного стиха. Напротив, она обнаруживает собственный потенциал, поскольку явно коррелирует с идеями изохронной метрики, пока еще слабо разработанной в российском фольклорном стиховедении. Здесь мы возвращаемся к необходимости учета нотного материала и сотрудничества со специалистами в области этномузыкологии.

V. Согласно *силлабической* концепции, в русском фольклорном стихе длина строк урегулирована по количеству слогов, выдерживается принцип «слогочислительного единообразия» (Банин, 1982, с. 95). Ука-

занный подход отстаивался в работах Н. Остолопова, И. И. Срезневского, А. А. Потемни и других (Там же). На тенденции к силлабическому урегулированию в фольклорном стихосложении указывал и Дж. Бейли: на материале русской народной лирической песни он попытался выявить приемы, которыми пользуются исполнители для соблюдения изосиллабизма строк (Бейли, 2010, с. 163–218).

При этом, насколько мы можем судить по эпическим текстам (в частности, былинам), изосиллабизм едва ли образует основу метрики русского народного стиха — по крайней мере в том его виде, который известен по публикациям эпических произведений фольклора с XVIII—XIX веков. Однако учет силлабической структуры, на наш взгляд, вполне может быть принят в расчет как один из возможных характеризующих параметров. Здесь достаточно вспомнить народно-песенный размер русской лирики 5+5, который обычно трактуется в терминах тонической метрики (выделяются строго закрепленные иктовые позиции), однако само его название указывает на потенциальную возможность силлабического урегулирования в некоторых жанрах и контекстах русского песенного фольклора.

В целом этот фактор можно учитывать не только при изучении русского народного стиха и его истории, но и в исследованиях по сравнительной славянской метрике. Здесь уместно вспомнить сербский народный силлабический 10-сложник (*десетерац*), а также гипотетический праславянский силлабический стих, к которому, по вполне обоснованному мнению ряда исследователей, восходит и русская народная тоника¹¹.

VI. *Комплексный (дифференцированный)* подход стал возможен после а) существенного развития методологического инструментария общей теории стиха; б) накопления качественных разножанровых фольклорных материалов в достаточном количестве. Большой вклад в разработку этого подхода внес Дж. Бейли, впервые применивший к значительным объемам данных «русский метод». Отметим, что иногда этого исследователя ошибочно причисляют к сторонникам *стопной* теории (Красноперова, 2004, с. 108; Маточкин, 2012, с. 61), при этом с правильной оговоркой: «Эти ученые (сторонники стопной теории. — А. П.) не отрицают других форм организации народного стиха, но настаивают и на существовании той формы, которая может быть названа стопной» (Красноперова 2004, с. 108).

Дж. Бейли предложил гибкий подход к изучению народной метрики и ритмики: методика его работы зависела от того, с каким типом стиха он имеет дело — эпическим или лирическим; силлабо-тоническим или тоническим. Каждый частный случай требовал специального рассмотрения: текст действительно мог тяготеть к силлабо-тонике и стопному строению, а мог представлять собой чистый тонический акцентный стих. Все эти тонкости были исследователем учтены, никакая «теория» не ограничивала его научный метод. Также он отделил объект исследования от музыковедения и задал жесткие филологические рам-

¹¹ Процесс трансформации силлабического стиха в тонический можно наблюдать на примере русских народных духовных стихов. При проникновении книжной силлабики в фольклор слогочислительное единообразие немедленно разрушается (Петров, 2021, с. 101).

ки для работы (сейчас это вызвало бы серьезную критику апологетов музыкального подхода к анализу народного стиха). Согласно его концепции, «в песне первичен словесный текст, а напевы налагаются на него, как разные декламаторские манеры налагаются на литературные ямбы и хорей» (Гаспаров, 2004, с. 50). Дж. Бейли вышел из научной школы К. Ф. Тарановского, что позволяет отнести его к представителям российского лингвостатистического, дескриптивного стиховедения. Для американской традиции более характерен генеративный подход, поэтому фигура Дж. Бейли в американской стиховедческой науке стоит несколько особняком. Наиболее значимые его труды по русскому народному стиху – сборник статей (2001) и монография (2010) – переведены на русский язык и опубликованы.

В работах Дж. Бейли в наиболее полном виде эксплицированы методологические проблемы изучения народного стиха и намечены пути их решения. В частности, немало внимания уделено особенностям народно-песенной акцентуации, текстологии фольклорных памятников и т. д. Особенно важна технология выделения метрического инварианта (текстового аналога) из распетого стиха, то есть из конкретного речевого воплощения универсальной языковой модели. Необходимость этой процедуры давно витала в воздухе, к ней прибегали музыковеды (например, А. А. Банин); Дж. Бейли впервые широко применил данную методику для филологического анализа фольклорного стиха. Разметку текста исследователь осуществлял уже на основе полученного метрического инварианта, очищенного от признаков музыкального исполнения – распевов, частиц, оговорок, повторов, словообрывов и т. п. Теоретическая ценность проделанной ученым работы огромна: Дж. Бейли удалось «сквозь хаос переходных и деформированных ритмов увидеть очертания правильных размеров, складывающихся в связную систему» (Гаспаров, 2004).

В настоящий момент комплексный подход представляется наиболее перспективным, поскольку позволяет учесть и дифференцированно описать все многообразие форм фольклорного стиха без искусственных ограничений, неизбежно сковывающих исследователя, если он твердо придерживается какой-либо одной «теории» и пытается втиснуть в ее рамки богатство фактического материала – как печатного, так и звукового.

3. Заключение

Насколько можно судить по представленному обзору (по необходимости очень беглому), все существующие подходы к изучению фольклорного стиха в принципе правомерны, важно лишь не применять к материалу неадекватный инструментарий (например, не пытаться анализировать тонический стих в категориях силлабо-тоники). Народный стих, как и литературный, может быть создан по лекалам любой системы стихосложения. Один и тот же исследователь может использовать подходы и дефиниции стопной теории, если изучает соответствующий силлабо-тонический материал (напр., частушки (Петрова, 2010), романсы, поздние духовные стихи (Петров, 2022), отдельные былины, сложенные вольными хорейями (Бейли, 2001, с. 277–282), и т. п.); и работать

в русле тонической теории, если имеет дело с народной тониной (былины, классические народные духовные стихи, исторические песни и т.д.). Ничто не мешает использовать и методы анализа силлабики, если предмет изучения — силлабический стих. Принципиально иные задачи — у музыкального подхода, который правомерен и даже необходим в отношении фольклорного материала. При корректном применении серьезный (и еще далеко не изученный) потенциал можно выявить и в тактометрической теории.

Фольклорный стих — действительно сложный феномен. Однако можно рассматривать эту сложность не как недостаток (к чему мы уже привыкли), а как *преимущество*, ведь все имеет и обратную сторону. Его многогранность может оказаться полезной для самых разных областей, в том числе смежных со стиховедением, не говоря уже об истории стиха. Первые трудности, с которыми столкнулись исследователи XVIII—XIX веков, были вызваны в основном неразработанностью научного аппарата. Сейчас, когда многие из этих затруднений преодолены благодаря развитию общей теории стиха, на передний план выступил *комплексный* подход, удобство которого, с одной стороны, в исследовательской свободе, гибкости маневрирования; с другой — в развитом, по сравнению с XIX веком, методологическом инструментарии, открывающем совершенно новые перспективы в фольклорном стиховедении.

Благодарности. Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках работы по госзаданию.

Список литературы

- Афанасьева Э. М. Молитвенная лирика русских поэтов. М., 2021.
- Банин А. А. К изучению русского народно-песенного стиха: методологические заметки // Фольклор: Поэтика и традиция. М., 1982. С. 94—139.
- Бейли Дж. Избранные статьи по русскому народному стиху. М., 2001.
- Бейли Дж. Был ли 5-стопный хорей древней формой русского эпического размера? // Славянский стих. VIII: Стих, язык, смысл / под ред. А. В. Прохорова, Т. В. Скулачевой. М., 2009. С. 20—30.
- Бейли Дж. Три русских народных лирических размера / пер. с англ. Е. А. Савиной при участии и под ред. М. В. Акимовой. М., 2010.
- Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении // Санкт-Петербургский вестник. 1812. Ч. 2, №6. С. 39—68, 168—206, 271—288.
- Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817.
- Гаспаров М. Л. К 75-летию Джеймса Бейли // Живая старина. 2004. №4. С. 50.
- Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984.
- Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989.
- Гаспаров М. Л. Русский народный стих и его литературные имитации // Избр. труды. М., 1997. Т. 3: О стихе. С. 54—131.
- Гаспаров М. Л. Предисловие I // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому народному стиху. М., 2001. С. 9—13.
- Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М., 2004.
- [Гильфердинг А. Ф.] Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. С двумя портретами онежских рапсодов и напевами былин. СПб., 1873.
- Духовные стихи. Канты: сборник духовных стихов Нижегородской области / сост., вступ. статья, подг. текстов, исслед. и коммент. Е. А. Бучилиной. М., 1999.

Ефименкова Б. Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М., 2001.

Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975.

Зайцев А. И. Стих русской былины и праиндоевропейская поэзия // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28 : Эпические традиции: материалы и исследования. С. 198 – 205.

Казарцев Е. В. Сравнительное стиховедение: метрика и ритмика. СПб., 2017.

Квятковский А. П. Ритмология. СПб., 2008.

Корчагин К. М. Современные зарубежные исследования метрики // Вопросы языкознания. 2011. №4. С. 90 – 115.

Корчагин К. М. Рец. на кн.: В. П. Москвин. Теоретические основы стиховедения. М., 2009. 320 с. // Philologica. 2012. Vol. 9, №21/23. С. 448 – 463.

Красноперова М. А. К вопросу о становлении анапестического ритма в русском народном восьмисложном стихе // Русский фольклор. СПб., 2004. Т. 32 : Материалы и исследования. С. 108 – 129.

Лобанов М. А. Стих былины. Метрика – семантика – генезис. СПб., 2007.

Маточкин А. А. Индивидуальные особенности квантитативности песенного стиха печорских сказителей // Антропологический форум. 2012. №16. С. 61 – 71.

Москвин В. П. Теоретические основы стиховедения. М., 2009.

Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М. ; СПб., 2020.

Орлицкий Ю. Б. Рифменный (раешный) стих в новейшей русской поэзии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. XI. Славянский стих. М., 2017. С. 158 – 170.

Петров А. М. Духовные стихи о царевиче Иоасафе: состав сюжетов и метрические модели // Антропологический форум. 2021. №49. С. 88 – 131. doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-88-131.

Петров А. М. Четырехстопный хорей в русских фольклорных духовных стихах поздней традиции: некоторые вопросы метрики и ритмики // Вопросы языкознания. 2022. №3. С. 54 – 74. doi: 10.31857/0373-658X.2022.3.54-74.

Петров А. М. Существует ли трехиктный былинный тактовик? // Вопросы языкознания. 2023. №4. С. 65 – 95. doi: 10.31857/0373-658X.2023.4.65-95.

Петрова А. А. Ритмический строй северной частушки. Опыт полевого стиховедения // Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития : матер. Междунар. науч. конф. / под ред. С. И. Богданова, Е. В. Хворостьяновой. СПб., 2010. С. 198 – 204.

Пропи В. Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Пропи В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 34 – 45.

Ранчин А. М. Стихи и проза, лед и пламень... [Рец. на: Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М. ; СПб., 2020] // Новое литературное обозрение. 2021. №4 (170). С. 344 – 352.

Тарановски К. Рец. на: М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения (Изд-во АН СССР, Москва, 1952, 419 с.) // Южнославянский филолог. XXI, кн. 1 – 4. Београд, 1955 – 1956. С. 335 – 363.

Тарановский К. Ф. О книге М. П. Штокмара «Исследования в области русского народного стихосложения» // Тарановский К. Ф. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе / пер. с серб. В. В. Сонькина. М., 2010. С. 519 – 544.

Трубецкой Н. С. К вопросу о стихе русской былины // Избр. труды по филологии. М., 1987а. С. 352 – 358.

Трубецкой Н. С. О метрике частушки // Избр. труды по филологии. М., 1987б. С. 371 – 390.

Федотов О. И. А. Ф. Гильфердинг о народном стихе // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28 : Эпические традиции: материалы и исследования. С. 206 – 216.

Хворостьянова Е. В. Ритмический строй севернорусских заговоров // Русский фольклор. СПб., 2004. Т. 32 : Материалы и исследования. С. 88 – 107.

Штокмар М. П. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952.

Этномузыкология: история формирования научно-образовательных центров, методы и результаты ареальных исследований : матер. междунар. науч. конференций 2011–2012 годов / Санкт-Петербургская гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова; редкол.: Г. В. Лобкова (науч. ред.); К. А. Мехнецова (отв. ред.), И. Б. Теплова (отв. ред.) [и др.]. СПб., 2014.

Aroui J.-L. Proposals for metrical typology // Towards a typology of poetic forms: from language to metrics and Beyond / ed. by J.-L. Aroui, A. Arleo. Amsterdam, 2009. P. 1 – 42.

Jakobson R. Slavic Epic Verse: Studies in Comparative Metrics // Selected Writings. The Hague ; P., 1966. Vol. 4 : Slavic Epic Studies. P. 414 – 463.

Petrov A. M. Metrical types of *bylinas* (Russian epic folk songs) in the collection of the Institute of Linguistics, Literature and History at the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences // Quantitative approaches to versification / ed. by P. Plecháč, B. P. Scherr, T. Skulacheva, H. Bermúdez-Sabel, R. Kolár. Prague, 2019. P. 183 – 191.

Об авторе

Александр Михайлович Петров, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Россия.

E-mail: hermitage2005@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5095-4254

Для цитирования:

Петров А. М. Русский народный стих и основные подходы к его изучению // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 184 – 203. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-13.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

RUSSIAN FOLK VERSE AND THE MAIN APPROACHES TO ITS STUDY

Alexander M. Petrov

Institute of Linguistics, Literature, and History
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
11, Pushkinskaya St., Petrozavodsk, 185910, Russia

Submitted on 01.04.2024

Accepted on 15.06.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-13

This paper addresses general issues in the study of Russian folk verse. A critical examination of the major theories related to this topic highlights their significance in the history of Russian versification. The unique characteristics of folk verse, which exist in an oral-musical form, necessitate the development of specialized methods for its analysis. While traditional studies of versification offer a variety of methods and resources for analysing different forms of literary verse, they often fall short when applied to folklore verse. A flexible approach to the study of folk poetry is essential, given the diversity of folklore forms. In addition to classical

folk accentual verse, many genres adhere to the principles of syllabic-accentual versification. Methods for analysing syllabic texts from other Slavic cultures may also be relevant. Each genre must be contextualized within its historical framework; thus, folklore requires a differentiated analytical approach. Furthermore, the degree of convergence with musicology can vary: in verse linguistics, traditional versification methods may often suffice. The approach based on counting beats holds particular promise, as it relates to the concepts of isochronic metrics, which remain underexplored in the field of Russian folk versification.

Keywords: versification, metrics, rhythm, folk verse, theory of verse, methods for study of verse

Acknowledgment. The paper was written as part of the State task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

References

Afanas'eva, E.M., 2021. *Molitvennaya lirika russkikh poetov* [The Genre of a Prayer in the Oeuvre of Russian Poets]. Moscow (in Russ.).

Aroui, J.-L., 2009. Proposals for Metrical Typology. In: J.-L. Aroui and A. Arleo, eds. *Towards a Typology of Poetic Forms: From Language to Metrics and Beyond*. Amsterdam, pp. 1–42.

Bailey, J., 2001. *Izbrannye stat'i po russkomu narodnomu stikhu* [Selected Works on Russian Folk Versification]. Moscow (in Russ.).

Bailey, J., 2009. Was Trochaic Pentameter an Archaic Form of Russian Epic Meter? In: *Slavyanskii stikh. VIII: Stikh, yazyk, smysl* [Slavic Verse. Vol. 8. Verse, Language, Semantics]. Moscow, pp. 20–30 (in Russ.).

Bailey, J., 2010. *Tri russkikh narodnykh liricheskikh razmera* [Three Russian Lyric Folk Song Meters]. Moscow (in Russ.).

Banin, A. A., 1982. Towards the Study of Russian Folk Song Verse: Methodological Notes. In: *Fol'klor: Poetika i traditsiya* [Folklore: Poetics and Tradition]. Moscow, pp. 94–139 (in Russ.).

Buchilina, E. A., ed., 1999. *Dukhovnye stikhi. Kanty: sbornik dukhovnykh stikhov Nizhegorodskoi oblasti* [Spiritual Verses. Kants: Collection of Spiritual Verses of the Nizhniy Novgorod Region]. Moscow (in Russ.).

Efimenkova, B. B., 2001. *Ritm v proizvedeniyakh russkogo vokal'nogo fol'klora* [Rhythm in Russian Vocal Folklore]. Moscow (in Russ.).

Fedotov, O. I., 1995. A. F. Gilferding's Views on Folk Verse. In: *Russkii fol'klor. T. 28. Epicheskie traditsii: materialy i issledovaniya* [Russian Folklore. Vol. 28. Epic Traditions: Materials and Studies]. St. Petersburg, pp. 206–216 (in Russ.).

Gasparov, M. L. and Skulacheva T. V., 2004. *Stat'i o lingvistike stikha* [Articles on Verse Linguistics]. Moscow (in Russ.).

Gasparov, M. L., 1984. *Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika* [Outline of the History of Russian Verse: Metrics, Rhythm, Rhyme, Stanza]. Moscow (in Russ.).

Gasparov, M. L., 1989. *Ocherk istorii evropeiskogo stikha* [Outline of the History of European Verse]. Moscow (in Russ.).

Gasparov, M. L., 1997. Russian Folk Verse and its Literary Imitations. In: M. L. Gasparov, ed. *Izbrannye Trudy. T. 3. O stikhe* [Selected Works. Vol. 3. Versification]. Moscow, pp. 54–131 (in Russ.).

Gasparov, M. L., 2001. Preface I. In: J. Bailey, ed. *Izbrannye stat'i po russkomu narodnomu stikhu* [Selected Works on Russian Folk Versification]. Moscow, pp. 9–13 (in Russ.).

Gasparov, M. L., 2004. For the 75th Anniversary of James Bailey. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 4, pp. 50 (in Russ.).

Hilferding, A.F., 1873. *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda. S dvoumya portretami onezhskikh rapsodov i napevami bylin* [Onega epics recorded by Alexander Fedorovich Hilferding in the summer of 1871. With two portraits of Onega rhapsodies and melodies of epics]. St. Petersburg (in Russ.).

Jakobson, R., 1966. Slavic Epic Verse: Studies in Comparative Metrics. In: R. Jakobson, ed. *Selected Writings. Vol. 4: Slavic Epic Studies*. The Hague; Paris, pp. 414–463.

Kazartsev, E.V., 2017. *Sravnitel'noe stikhovedenie: metrika i ritmika* [Comparative Verse Studies: Meter and Rhythm]. St. Petersburg (in Russ.).

Khvorost'ianova, E.V., 2004. Rhythmical Order of Northern Russian Incantations. In: *Russkii fol'klor. T. 32. Materialy i issledovaniya* [Russian Folklore. Vol. 32. Materials and Studies]. St. Petersburg, pp. 88–107 (in Russ.).

Korchagin, K.M., 2011. Contemporary studies in metrics abroad. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 4, pp. 90–115 (in Russ.).

Korchagin, K.M., 2012. Review on: V.P. Moskvina. Theoretical Foundations of Verse Studies. *Philologica*, 9 (21/23), pp. 448–463 (In Russ.).

Krasnoperova, M.A., 2004. To the Question of the Origin of Anapaestic Rhythm in Russian Folk Octosyllabic Verse. In: *Russkii fol'klor. T. 32. Materialy i issledovaniya* [Russian Folklore. Vol. 32. Materials and Studies]. St. Petersburg, pp. 108–129 (in Russ.).

Kviatkovski, A.P., 2008. *Ritmologiya* [Rhythmology]. St. Petersburg (in Russ.).

Lobanov, M.A., 2007. *Stikh byliny. Metrika – Semantika – Genezis* [Verse of Bylina-Epics: Metrics – Semantics – Genesis]. St. Petersburg (in Russ.).

Lobkova, G.F., Mekhnetsova, K.A. and Teplova, I.B., eds., 2014. *Etnomuzykologiya: istoriya formirovaniya nauchno-obrazovatel'nykh tsentrov, metody i rezul'taty areal'nykh issledovaniy: Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii 2011–2012 godov* [Ethnomusicology: History of the Formation of Scientific and Educational Centers, Methods and Results of Areal Research. Proceedings of International Scientific Conferences of 2011–2012]. St. Petersburg (in Russ.).

Matochkin, A.A., 2012. Individual Features of the Pechora Epic Singers' Quantitative Technique for Verse Singing. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 16, pp. 61–71 (in Russ.).

Moskvina, V.P., 2009. *Teoreticheskie osnovy stikhovedeniya* [Theoretical Foundations of Verse Studies]. Moscow (in Russ.).

Nikolaev, S.L., 2020. *"Slovo o polku Igoreve": rekonstruktsiya stikhotvornogo teksta* [The Tale of Igor's Campaign: Reconstruction of a Poetic Text]. Moscow; St. Petersburg (in Russ.).

Orlitskii, Yu.B., 2017. Rhyming Verse (Raeshnik) in the Newest Russian Poetry. In: *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 11. Slavyanskii stikh* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute. 11. Slavic Verse]. Moscow, pp. 158–170 (in Russ.).

Petrov, A.M., 2019. Metrical Types of *Bylinas* (Russian Epic Folk Songs) in the Collection of the Institute of Linguistics, Literature and History at the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. In: P. Plecháč, B.P. Scherr, T. Skulacheva, H. Bermúdez-Sabel and R. Kolár, eds. *Quantitative Approaches to Versification*. Prague, pp. 183–191.

Petrov, A.M., 2021. Spiritual Verses about Tsarevich Joasaph: Plots and Metrical Models. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 49, pp. 88–131, <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-49-88-131> (in Russ.).

Petrov, A.M., 2022. Trochaic tetrameter in Russian folk spiritual verses of late tradition: Some issues of metrics and rhythmicity. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 3, pp. 54–74, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.3.54-74> (in Russ.).

Petrov, A. M., 2023. Is there a three-ictic taktovik in the verse of Russian bylinas? *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 4, pp. 65–95, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.4.65-95> (in Russ.).

Petrova, A. A., 2010. Rhythmical Structure of Northern Chastushkas: A Field Study. In: S. I. Bogdanov and E. V. Khvorost'yanova, eds. *Otechestvennoe stikhovedenie: 100-letnie itogi i perspektivy razvitiya: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russian Study of Verse: 100-yers Results and Development Prospects: Proceedings of the International Conference]. St. Petersburg, pp. 198–204 (in Russ.).

Propp, V. Ya., 1976. Principles of Classification of Folklore Genres. In: V. Ya. Propp, ed. *Fol'klor i deistvoitel'nost'. Izbrannye stat'i* [Folklore and Reality. Selected Articles]. Moscow, pp. 34–45 (in Russ.).

Ranchin, A. M., 2021. Review of: Nikolaev S. L. "The Word about Igor's regiment": reconstruction of a poetic text. Moscow; St. Petersburg, 2020. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 4 (170), pp. 344–352 (in Russ.).

Shtokmar, M. P., 1952. *Issledovaniya v oblasti russkogo narodnogo stikhoslozheniya* [Research in the field of Russian folk poetry]. Moscow (in Russ.).

Taranovsky, K., 1955–1956. Review on "Studies in Russian Folk Versification" by M. P. Shtokmar. *Juzhnoslovenski filolog*, 21(1–4). Belgrade, pp. 335–363.

Taranovsky, K. F., 2010. On "Studies in Russian Folk Versification" by M. P. Shtokmar. In: K. F. Taranovsky, ed. *Russkie dvuslozhnye razmery. Stat'i o stikhe* [Russian Binary Meters. Articles about Verse]. Moscow, pp. 519–544 (in Russ.).

Trubetskoy, N. S., 1987a. On the Verse of Russian Bylina-Epics. In: N. S. Trubetskoy, ed. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works in Philology]. Moscow, pp. 352–358 (in Russ.).

Trubetskoy, N. S., 1987b. On the Meter of Chastushka. In: N. S. Trubetskoy, ed. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works in Philology]. Moscow, pp. 371–390 (in Russ.).

Vostokov, A. Kh., 1812. An Essay on Russian Versification. *Sankt-Peterburgskii vestnik* [Saint Petersburg's Courier], 2 (6), pp. 39–68, 168–206, 271–288 (in Russ.).

Vostokov, A. Kh., 1817. *Opyt o russkom stikhoslozhenii* [An Essay on Russian Versification]. St. Petersburg (in Russ.).

Zaitsev, A. I., 1995. The Verse of Russian Bylina-Epics and Proto-Indo-European Poetry. In: *Russkii fol'klor. T. 28. Epicheskie traditsii: materialy i issledovaniya* [Russian Folklore. Vol. 28. Epic Traditions: Materials and Studies]. St. Petersburg, pp. 198–205 (in Russ.).

Zhirmunsky, V. M., 1975. *Teoriya stikha* [Theory of Verse]. Leningrad (in Russ.).

The author

Dr. Alexander M. Petrov, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: hermitage2005@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5095-4254

To cite this article:

Petrov, A. M., 2024, Russian folk verse and the main approaches to its study, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 184–203. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-13.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК
VS. ПЕТРОГРАДСКИЙ ФОРМАЛИЗМ: ТЕОРИЯ СТИХА.
2. О «РИФМЕ» В. М. ЖИРМУНСКОГО¹

М. В. Акимова

Высшая нормальная школа,
Франция, 75005, Париж, ул. Ульм, 45
Поступила в редакцию 01.04.2024 г.
Принята к публикации 15.06.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-14

Представлен историко-научный анализ устных выступлений и других работ, которые критиковали «Мелодику стиха» Б.М. Эйхенбаума (1922) и «Рифму, ее историю и теорию» В.М. Жирмунского (1923) с позиций «московского формализма». Изложение опирается на неопубликованные и ранее неизвестные материалы, которые, таким образом, вводятся в научный оборот. Речь идет о докладах в ГАХН филолога-ипетиянца М.М. Кенигсберга и стиховеда М.П. Штокмара, ученика Б.И. Ярхо. Кроме того, привлекаются сведения из новонайденной статьи М.М. Кенигсберга «Составные рифмы в лирике Иннокентия Анненского» (1924). Тезисы доклада М.М. Кенигсберга публикуются впервые, сопровождаются научным комментарием. Цель статьи – раскрытие полемического слоя в работах формалистов-москвичей. Она достигается путем выявления ключевых положений анализируемых текстов, их комментирования, взаимного сопоставления и реконструкции логики авторов. Представлена интерпретация архивных материалов в контексте внутренней формалистической полемики. Новые данные показывают, что работы В.М. Жирмунского послужили импульсом для развития М.М. Кенигсбергом собственной теории стиха с ориентацией на семантику; М.П. Штокмар, напротив, отверг принципы разграничения рифм у автора монографии 1923 года.

Ключевые слова: русский формализм, ГАХН, МЛК, теория стиха, М.М. Кенигсберг, В.М. Жирмунский, М.П. Штокмар

Введение

В последние десятилетия появилось немало работ, посвященных как полемике с формалистами ОПОЯЗа, так и выяснению специфики московского формализма (Шапир, 1990; Левинтон, Устинов, 1990; Depretto, 2008; Дмитриев, 2009; Вендитти, 2010; Полилова, 2011; Hansen-Löve, 2012; Чубаров, 2013; Pilshchikov, 2022). Настоящая статья развивает ту же проблематику, преследуя одновременно цель познакомить специалистов с малодоступными источниками по истории ГАХН (Государственной академии художественных наук)² и интерпретировать их.

© Акимова М. В., 2024

¹ Первую статью из цикла «Государственная академия художественных наук vs. петроградский формализм: теория стиха» см.: (Акимова, 2024).

² До 1925 года в названии Академии было слово «Российская» (РАХН), но мы будем использовать аббревиатуру ГАХН как устоявшуюся.

В ГАХН критика петербургской «формальной школы» проводилась едва ли не систематически. В частности, внимательного разбора удостоились стиховедческие монографии, появившиеся как раз в первые годы работы Академии: «Мелодика русского лирического стиха» (1922) Б.М. Эйхенбаума, «Рифма, ее история и теория» (1923) и «Введение в метрику. Теория стиха» (1925) В.М. Жирмунского, «Проблема стихотворного языка» (1924) Ю.Н. Тынянова. Отклики на них в среде московских ученых позволяют наметить линии разграничения складывавшихся в 1920-е годы формалистических концепций. С этой целью мы уже обращались к освоению книги Эйхенбаума о мелодике лингвистом, членом МЛК и ГАХН С.Я. Мазэ и к той дискуссии, которая возникла вокруг его рецензии в кругу филологов и эстетиков-шпеттианцев (Акимова, 2024). Мы пришли к выводу, что книга Эйхенбаума, с одной стороны, позволила Мазэ сформулировать свои собственные взгляды на мелодику стиха, увидеть в ней что-то вроде универсального механизма создания особого стихотворного синтаксиса и эти специфические синтаксические формы связать, далее, с особым поэтическим смыслом. С другой стороны, и книга Эйхенбаума, и дискуссии после докладов Мазэ позволили другому члену МЛК и ГАХН, филологу и последователю Г.Г. Шпета М.М. Кенигсбергу предложить свою феноменологию стиха (см.: Шапир, 1994а; 1994б; Кенигсберг, 1994). Поэтический синтаксис и поэтическая семантика играли в его теории ключевую роль, а полемика с «Мелодикой стиха» стала импульсом к новым рассуждениям.

1. М. М. Кенигсберг о «Мелодике стиха» Б. М. Эйхенбаума

В статье «Анализ понятия *стих*», написанной на основе доклада в МЛК 26 февраля 1923 года, Кенигсберг критикует представления Эйхенбаума о синтаксисе следующим образом. «Эйхенбаум, — пишет он, — пытаюсь семантизировать стих... ищет некоторое “*нечто*” (курсив мой. — М.А.), которое стояло бы на рубеже специфической фонетики стиха и семантики. Таким “*нечто*” он считает синтаксис, строящийся в неразрывной связи с ритмом, и в этом смысле определяемый Эйхенбаумом как условный, деформированный, из простой грам[м]атической формы становящийся *формантой* (? <—> М. К.<.>)» (Кенигсберг, 1994, с. 161–162; ср.: Эйхенбаум, 1922, с. 5–6). Кенигсберг задает автору «Мелодики стиха» три вопроса, которые ставят под сомнение значение всех основных использованных здесь Эйхенбаумом терминов, и тем самым разрушает исходное положение всего исследования.

Во-первых, Кенигсберг подозревает, что Эйхенбауму неизвестно, насколько сложным является понятие грамматической формы и что она способна выражать эстетические значения. Как совершенно справедливо указывает в примечании к этому месту М.И. Шапир, Кенигсберг предъявлял Эйхенбауму учение Шпета о внутренних формах слова, как оно изложено во втором выпуске «Эстетических фрагментов» (Кенигсберг, 1994, с. 181, примеч. 39). Во-вторых, Кенигсберг не понимает, как синтаксис может быть «деформированным»: с его точки зрения, это автономная область стихотворного языка, не меняющаяся под воздействием стиха как формы. Стих же — форма «вне- или надграм-

матическая» (Там же, с. 162–163). Убеждение в автономии языковых форм Кенигсберг перенял от Шпета, который в «Эстетических фрагментах» писал: «В самом языке должно быть свое свободное законодательство. Формы языкового построения, конструирования, порядка, уклада должны быть автономны» (Шпет, 1989, с. 406). Эту автономию философ видел в «слове» в смысле языкового знака, а также, по всей видимости, в способности языка порождать знаки. Недовольство Кенигсберга словом «форманта» можно объяснить, кроме того, раздражением перед типично формалистским техницизмом.

Будучи погружен в сложную проблематику внутренней формы слова (которую Эйхенбаум игнорирует), причем развернутую не только Шпетом, но и Антоном Марти (см.: Пильщикова, 2014; Вендитти, 2010; Кенигсберг, 2017), Кенигсберг, в-третьих, никак не мог принять суждение о том, что синтаксис стоит «на границе между фонетикой и семантикой» (Кенигсберг, 1994, с. 164; курсив мой). Для него язык (а стих — это язык) имел другую геометрию, намеченную Шпетом: «Под *структуру* слова разумеется не морфологическое, синтаксическое или стилистическое построение, вообще не “плоскостное” его расположение, а, напротив, органическое, вглубь: от чувственно воспринимаемого до формально-идеального (эйдетического) предмета, по всем ступеням располагающихся между этими двумя терминами отношений» (Шпет, 1989, с. 382). «Между терминами», то есть между двумя «пределами»³: внешней формой и идеальным предметом — располагается область внутренних форм; это формы логические, синтагматические, или семиологические, а также формы поэтические. Последние возникают в результате эстетического взгляда на предмет, они имеют как бы параллельную логику, на которой строятся соответственно поэтическая грамматика и поэтический синтаксис (см.: Там же, с. 400–414). Однако в качестве инструмента они пользуются теми же знаками языка — вот почему Кенигсберг подозревал, что Эйхенбаум не понимал, какой сложной может быть грамматическая форма: это и нормальный языковой знак, и предмет обыгрывания для эстетического сознания.

Если под «фонетикой» (звуком) Эйхенбаум разумеет метр или ритм, то его мысль о синтаксисе как «границе» между фонетикой и семантикой неверна потому, что стих не просто звук, а знак, имеющий значение. «А то “ничто”, которое ищет Б.М. Эйхенбаум, — рассуждает Кенигсберг, — оказывается фикцией: изучается именно самый стих, как языковая форма, т.е. семантически, а семантика его изучается на фоне его отношений к формам грам[м]атическим» (Кенигсберг, 1994, с. 164–165). Категорично объявляя предмет исследования петроградского коллеги «фикцией», Кенигсберг напрочь отвергает его логику, его термины, и мы видим, как на этом месте возникает другая логическая система, обосновывающая новое понимание стиха. Способ исследования семантики стиха у Кенигсберга отвечает рекомендациям Шпе-

³ Шпет характерным образом этимологизировал значения слов: сюжет понимал как предмет; синтагму как знак, то есть соединение; термин как предел, границу; поэму как любую поэтическую форму; символ как со-поставление, со-отношение.

та: смысл поэтических форм он предлагал искать как раз в отношении к формам грамматическим (синтаксическим). Ср.: «Символический поэтический смысл, смысл слова в поэтической форме, есть отношение между логическим смыслом и синтагмами, как *sui generis* предметами (словесно-онтологическими формами)» (Шпет, 1989, с. 412).

Отталкиваясь от Эйхенбаума и опираясь на Шпета, Кенигсберг предлагает смотреть на стих как на внутреннюю поэтическую форму (Кенигсберг, 1994, с. 161, 181, примеч. 36)⁴. Это форма поэтическая (в значении Шпета), потому что она «модифицирует логическое содержание» (Там же, с. 161; Вендитти, 2010, с. 158; Кенигсберг, 2017, с. 260). Кроме того, она внутренняя, потому что все поэтические формы, по Шпету, являются внутренними, а также потому, что она и делает стих стихом. Видимым признаком сей внутренней формы является «синтаксическая структура стиховой глосемы» (то есть строки; Кенигсберг, 1994, с. 161), которая не совпадает со структурой любой нормальной синтаксической единицы языка (предложением или словосочетанием).

Определение стиха у Кенигсберга можно уточнить, обратившись к его же статье «Понятие внутренней формы у Антона Марти и возможности дальнейшей интерпретации». На это указывал еще Б. В. Горнунг, в 1925 году готовивший к печати статью покойного друга о стихе (Там же, с. 151–152). Среди внутренних форм Марти различал фигурные и конструктивные. Последние являются формами порядка, представления и изложения мысли, — именно они определяют синтаксис языка (Вендитти, 2010, с. 157; Кенигсберг, 2017, с. 245–246, 255). К выделенным австрийским философом конструктивным внутренним формам Кенигсберг добавляет также рондо, сонет, героическую эпопею, авантюрный роман и «в конце концов, все формы... композиции» (Там же, с. 259). Поскольку стих он тоже считал «композиционной формой» (Кенигсберг, 1994, с. 161, 172, 173, 174, 175, примеч. 7), выходит, что, развивая Марти, он понимал стих именно как конструктивную внутреннюю форму.

2. Книга В. М. Жирмунского о рифме в оценке М. М. Кенигсберга

Книга Жирмунского «Рифма, ее история и теория» (1923) стала предметом специального доклада Кенигсберга «Проблемы теории рифмы (По поводу книги В. М. Жирмунского)». Доклад состоялся 25 марта 1924 года в Комиссии по изучению художественной формы Философского отделения ГАХН⁵. Эта Комиссия под руководством Шпета

⁴ Как предупреждал Б. В. Горнунг, теория стиха Кенигсберга со времени его доклада об этом в МЛК в феврале 1923 года менялась: редактируя свою статью, он предполагал заменить выражение «эстетическая внутренняя форма» на «поэтическая внутренняя форма» (имея в виду, добавим, шпетовское понятие «поэтических внутренних форм»), а также переработать текст в соответствии с учением Шпета о синтаксисе (Кенигсберг, 1994, с. 151).

⁵ Краткий протокол заседания см.: (Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ), ф. 941, оп. 14, д. 7, л. 21).

составилась в июне 1923 года из симпатизировавших ему членов Московского лингвистического кружка, а также философов из кружка «Квартет»; в ее работе принимали участие А. С. Ахманов, А. А. Буслаев, Г. О. Винокур, Н. Н. Волков, А. Г. Габричевский, Б. В. Горнунг, А. А. Губер, Н. И. Жинкин, В. П. Зубов, М. М. Кенигсберг, С. Я. Мазэ, М. А. Петровский, А. Г. Цирес, Р. О. Шор и др. (см.: Горнунг, 2001, с. 374; Шапир, 1994а, р. 78; Мазур, 1995, с. 141). Группа занималась проблемами художественной формы с точки зрения эстетики и философии искусства. Критика «формальной школы» была одной из задач работы Комиссии, о чем уже приходилось писать (Акимова, 2024). В этом ГАХН наследовала отчасти МЛК, поскольку разногласия во взглядах на язык, литературу и методы их изучения возникли еще там, а многие из членов Кружка стали сотрудниками Академии. Еще в МЛК Б. В. Горнунг, А. А. Буслаев, М. М. Кенигсберг, А. И. Ромм, Р. О. Шор начали систематически выступать против Р. О. Якобсона, О. М. Брика и В. Б. Шкловского (Тоддес, Чудакова, 1981, с. 240–241; Левинтон, Устинов, 1990, с. 200; Шапир, 1994а, р. 75–76; Горнунг, 2001, с. 365–366, 369, 372–374; Pilshchikov, 2022, р. 241). С переходом в новую институцию их деятельность в этом отношении не изменилась.

Любопытно, правда, что шпетовская Комиссия по форме, по крайней мере в 1923–1924 годах, носила камерный характер: заседания посещали только ее члены, даже М. А. Петровский и А. Г. Габричевский редко заходили туда. Критика «формальной школы» совершалась, таким образом, в узком кругу единомышленников. Выработать собственную позицию участникам группы было важнее, чем полемизировать открыто. Для столкновения с противниками использовались другие ячейки ГАХН (пленарные заседания, Литературная секция). Так что неудивительно, что доклад Кенигсберга о рифме не слушали другие стиховеды Академии: ни Б. И. Ярхо, ни Г. А. Шенгели, ни М. П. Малишевский (ученики Ярхо М. П. Штокмар и Л. И. Тимофеев тогда еще не поступили в ГАХН).

Тезисы выступления Кенигсберга, до сих пор не известные исследователям и публикуемые ниже, следует поместить в контекст его работ о рифме (см. их перечень: Шапир, 1994а, с. 79–80). Еще до этого выступления в ГАХН и даже до написания статьи о стихе и «Заметок о рифме»⁶ Кенигсберг откликнулся на наблюдения Жирмунского о рифмах Блока. В первом номере машинописного журнала «Гермес» (июль 1922) московский стиховед поместил отзыв на работу петербургского коллеги «Поэзия Александра Блока» из сборника «Об Александре Блоке» (1921, отдельный оттиск 1922). Именно там Жирмунский изложил предварительные взгляды на феномен рифмы, развитые впоследствии в книге 1923 года. Рецензия Кенигсберга свидетельствует не только о его знакомстве с этой версией теории Жирмунского, но и о том, что она вызвала в нем ответные теоретические соображения, которыми он, впро-

---

⁶ Появились в №3 журнала «Гермес» (сентябрь 1923 года), републикованы в: (Кенигсберг, 2012).

чем, в рецензии не делится, приберегая для другого случая. Приведем тот фрагмент из его отзыва на «Поэзию Александра Блока», где идет речь о рифме:

Последняя глава посвящена В.М. Жирмунским анализу блоковских рифм. Исторически автор определяет роль Блока, как решающую в отношении деканонизации точной рифмы⁷. Блок действительно первый особенно решительно порвал со сложившимся к концу XIX века каноном точной рифмы. И в настоящее время в стихах исходящих из чуждых и даже противоположных Блоку лагерей мы найдем все те отступления от старого канона, которые с особенной ясностью были впервые поставлены в поэзии Блока. Краткость рецензии не позволяет подробно остановиться на теоретических моих разногласьях с В.М. (а также О.М. Бриком, на которого В.М. ссылается⁸) по вопросу о рифме, т.к. это требует слишком много места⁹.

Кенигсберг подхватывает такие термины, как рифменный «канон» и «деканонизация точной рифмы». Жирмунский оперирует ими, чтобы показать «условность» «понятия точной рифмы», которое «относительно и изменчиво; оно обозначает предел, определяемый художественными вкусами эпохи, более свободными или более требовательными. В истории рифмы мы наблюдаем, с одной стороны, процесс канонизации тех или иных пределов точности, установление более или менее определенных норм для звуковой концовки, с другой стороны — разрушение этих норм, освобождение от установленных канонов, “деканонизацию” точной рифмы» (Жирмунский, 1922, с. 92; ср.: Жирмунский 1923, с. 100). Кенигсберг принимает эти положения Жирмунского и использует их в собственных «Заметках о рифме»: «Точная и неточная рифмы определяются не физическими характеристиками звукового качества их, — резюмирует он, — а исключительно тем, что считается точным и что неточным в условиях данного исторического канона» (Кенигсберг, 2012, с. 340). Статья Кенигсберга создавалась в августе — сентябре 1923 года, тогда как книга Жирмунского вышла из печати

⁷ Речь идет о VII главке работы Жирмунского. О процессе «деканонизации» точной рифмы см.: (Жирмунский, 1922, с. 94–96). Помимо Блока, Жирмунский называет и других поэтов — разрушителей точной рифмы: это Державин и «некоторые его современники» и — еще до Блока — Брюсов. Однако именно Блок сделал неточную рифму «органическим явлением стиля» (Там же, с. 96). Наблюдения Жирмунского подтверждаются и уточняются исследованиями М.Л. Гаспарова, выделившего в истории рифмы два «кризиса»: первый начал Державин, второй — Брюсов и Блок (см.: Гаспаров, 2000, с. 94–96, 254–256; Гаспаров, 1997, с. 296–300). Роли Блока в истории русской рифмы Гаспаров посвятил специальную статью, где, в частности, показал, что Блок выступил новатором только в области неточной женской рифмы (см.: Гаспаров, 1997, с. 326–339).

⁸ Жирмунский ссылался на статью О.М. Брика «Звуковые повторы» (Жирмунский, 1922, с. 92; Жирмунский, 1923, с. 17–19, 311, примеч. 3).

⁹ «Гермес». 1922. №1, без пагинации. Цитирую с сохранением орфографии и пунктуации по копии рецензии Кенигсберга, любезно предоставленной мне Г.А. Левингоном.

1 октября того же года. Таким образом, московский стиховед не мог ни заимствовать представление об условности рифмы из монографии Жирмунского (он с ней тогда еще не успел познакомиться), ни предвосхитить его — он развивал положения петербургского филолога из его исследования о Блоке. От Жирмунского же понимание исторически обусловленной «точности / неточности» рифмы воспринял и Ю.Н. Тынянов. На параллели между его наблюдениями о рифме в «Проблеме стихотворного языка» (1924), кенигсбергским понятием «канонически-точной» рифмы и «ролью канона» в истории этой формы по Жирмунскому указывал М.И. Шапир (см.: Кенигсберг, 1994, с. 180, примеч. 31). Подчеркнем, что взгляды трех ученых не просто сосуществуют, а связаны между собой генетической связью: источником был Жирмунский.

Позднее, в марте 1924 года, Кенигсберг увидел главную заслугу Жирмунского именно в том, что тот понял, что суждения о «точности» или «неточности» рифмы обусловлены исторически (Приложение, тезис 2). Действительно, по наблюдениям петербургского ученого, существуют градации точности: 1) полное фонетическое («акустическое») «тождество всех звуков стиха <вправо>, начиная с последнего ударного» — рифма точная; 2) «незначительное» несовпадение в вокализме и / или консонантизме рифмующих звуков, «узаконенное традицией» — рифма приблизительная, или «узуально-точная»; 3) несовпадение качества и порядка звуков, ощущаемое как «диссонанс» — рифма (узуально)-неточная (Жирмунский, 1923, с. 67–72). Существует также «субъективное», по словам М.Л. Гаспарова, восприятие рифмовки: то, что казалось неточным и недопустимым (не рифмой) в одно время, может стать вполне допустимым в другое (Гаспаров, 1997, с. 293). Определить, к какому виду относится созвучие, *a priori* нельзя: это устанавливается путем исторического, в идеале количественного исследования, каковые вслед за Жирмунским проделал М.Л. Гаспаров (в статье «Эволюция русской рифмы»; см. там же эту мысль Жирмунского: Гаспаров, 1997, с. 294) и другие исследователи. Если реальное наполнение видов рифм со временем меняется, то границы самих понятий приблизительных и неточных рифм остаются неизменными. Это происходит потому, что Жирмунский их определял по отношению к созвучию точному, как будто оно постоянное. И вот этот отсчет от «акустических» характеристик, опору на фонетику, то есть на **психику** (звуки воспринимаются органами чувств), Кенигсберг-феноменолог считал ошибкой Жирмунского (Приложение, тезис 2 и примеч.; Гаспаров называет этот подход «объективным» и продолжает им пользоваться: Гаспаров, 1997, с. 293–294).

Можно говорить о том, что работы Жирмунского послужили импульсом для рифмологических штудий Кенигсберга. Соображения петербургского ученого о рифменном каноне, об «узуально-(не)точной» рифме помогают его более молодому коллеге перевести вопрос о рифме со звукового в семиотический и семантический план. Это хорошо согласовалось с его теорией стиха (Шапир, 1994а, р. 79), где ключевым моментом была ориентация на семиотику. Поскольку стих — это знаковое явление, обладающее значением как форма (Кенигсберг, 1994, с. 164),

то и рифма — это не просто созвучие, но и знак, имеющий значение. В «Заметках о рифме» такой взгляд на стиховые явления резко противопоставлен фонологическому подходу Р.О. Якобсона — сильнейшего «формалиста» другого лагеря, с которым кружок Шпета вел последовательную полемику¹⁰. Дело в том, что не только фонетика, которую Кенигсберг ставил вне лингвистики, но и, странным образом, фонология, с его точки зрения, не могла фундаментально определить поэтические формы¹¹: «Все попытки эмпирических обобщений в учении о ритме не учитывают, сколько мне известно, семантической сущности вопроса и переносят его в плоскость акустического, психологического или modo *novissimo* фонологического наблюдения и эксперимента» (Там же, с. 173). В «Заметках о рифме» Кенигсберг снова противопоставляет фонологическому подходу Якобсона свой, семиотический: «...возможность рассмотрения форм стиха под семиотическим углом, призванным сменить любой натуралистический, напр. фонологический, провозглашенный недавно Р. Якобсоном, становится непосредственно очевидной» (Кенигсберг, 2012, с. 339).

Семиотическая сущность рифмы заключается в том, что она является знаком конца стихотворной строки, а «стих характеризуется прежде всего своей концовкой» (Там же, с. 339). Напомним, что графическое деление речи на строчки для Кенигсберга было видимым проявлением стиховой сущности (Шапир, 1994а, с. 89–91; Кенигсберг, 1994, с. 156–157)¹². Рифма становится «признаком стиха», его «закреплением» (Кенигсберг, 2012, с. 345), частью той композиционной формы, которую для него являлся стих. Жирмунский тоже придавал принципиальное значение «композиционной функции» рифмы и определял ее как «всякий звуковой повтор, несущий организующую функцию в метрической композиции стихотворения» (Жирмунский, 1923, с. 9). Такое определение Кенигсберг мог бы уточнить: не «всякий», а только повтор на конце строки организует, причем не только метр, а вообще весь стих как таковой. Любые повторы внутри стиха рифмой не являются (см. тезис 3).

Таким образом, в гахновском докладе Кенигсберг критикует Жирмунского со своей пансемиотической позиции, причем в целом дает

---

¹⁰ «В МЛК борьба против формализма началась еще в 1921 году, когда была получена из Праги книжка Р.О. Якобсона “Новейшая русская поэзия”» (Горнунг, 2001, с. 372). Еще одним критиком Якобсона, из младшего крыла МЛК, был А.И. Ромм, рецензировавший в Кружке 5 марта 1923 года книгу «О чешском стихе» (см. подробнее: Шапир, 1994а, р. 86–87). См. также антиформалистский доклад Б.В. Горнунга в ГАХН в феврале 1925 года (Горнунг, 2017).

¹¹ Впрочем, Кенигсберг критиковал фонологию Якобсона с позиции фонологии же, см.: (Шапир, 1994а, р. 90–91).

¹² М.И. Шапир увидел, что Кенигсберг совпал с Тыняновым в выделении «стихового единства» в качестве признака стиха, и указывал, в частности, на Р. Вестфалю, который мог быть источником этой терминологии (Там же, с. 91, 105, примеч. 49). Добавим, что в книге о рифме Жирмунский писал: «Стихом мы предпочтительно называем ритмическую единицу, образующую в пределах строфы наиболее прочное единство» (1923, с. 48).

книге положительную оценку. Чувствуется, что рецензент хочет не отвергнуть автора, а выстроить с ним конструктивный диалог. Это становится еще более очевидным, если обратиться к докладу Кенигсберга «Составные рифмы в лирике Иннокентия Анненского». Он был прочитан через десять дней после его устного разбора книги Жирмунского, 4 апреля 1924 года, в подсекции теоретической поэтики Литературной секции ГАХН. Протокол обсуждения не найден, его должен был вести секретарь подсекции Н.Н. Лямин; сохранился присутственный лист (ошибочно датированный 3 апреля), из которого узнаем, что в тот день Кенигсберга слушали Б.И. Ярхо, М.А. Петровский, Ф.А. Петровский, Н.Н. Лямин, Н.К. Гудзий, И.Л. Поливанов, Б.В. Горнунг, А.Г. Челпанов, Н.И. (?) Новосадский, Я.Э. Голосовкер и еще два гостя (РГАЛИ, ф. 941, оп. 6, д. 5, без номера листа (?)). Сохранились также тезисы доклада, написанные от руки автором и датированные им 3 апреля 1924 года¹³. Здесь Жирмунский упоминается в следующем контексте:

Въ соотвѣтствіи съ установленнымъ Жирмунскимъ принципомъ классификаціи составныхъ рифмъ могутъ быть расклассифицированы и рифмы Анн<енского>, при чемъ опредѣленіе Жирмунского должно быть нѣсколько пополнено, т<ак> к<ак> даже в иныхъ случаяхъ полной энклизы образующееся сочетаніе есть все же сочетаніе «необычное» съ точки зрѣнія обычнаго русскаго взгляда на отдѣльное слово (РГАЛИ, ф. 941, оп. 6, д. 5, л. 35).

Кенигсберг находит полезной классификацию составных рифм, предложенную Жирмунским, и в то же время стремится ее улучшить, используя свои наблюдения над рифмой Анненского. Таким образом, речь идет о развитии идей петербургского филолога. Так, Кенигсберг проверяет утверждение коллеги о том, что максимальная точность составной рифмы возможна только если ее образует сочетание с энклитикой (лишенной собственного ударения), например, *Гарольдом ~ со льдом; кто же ~ боже* (Жирмунский, 1923, с. 91). Такие объединения двух слов одним ударением предусмотрены грамматикой и акцентологией; Жирмунский готов считать их «привычными» и вообще исключать из числа составных рифм, в отличие от «непривычных» других сочетаний знаменательного и служебного слова, вроде *смешно бы, от себя ли, вдруг ли* (Жирмунский, 1923, с. 320, примеч. 37). Возможно, Кенигсберг искал в связи с этим более адекватного определения составной рифмы, а может быть, имел в виду контрпримеры из Анненского.

К счастью, теперь мы это можем выяснить из текста статьи Кенигсберга «Составные рифмы в лирике Иннокентия Анненского», о существовании которой до сих пор не было известно. Она сохранилась в домашнем собрании Б.В. Горнунга¹⁴ в виде авторизованной машинописи

¹³ (РГАЛИ, ф. 941, оп. 6, д. 5, л. 35). Эта дата стоит под тезисами, теми же чернилами и тем же почерком. В правом верхнем углу другим почерком поставлена дата 4 апреля 1923 года — это, очевидно, дата самого доклада.

¹⁴ Горячо благодарю Е.М. Горнунг за возможность познакомиться с этой статьей и постараюсь приложить усилия для ее скорейшей публикации.

с правкой. Текст датирован мартом 1924 года, и, значит, доклад о Жирмунском 24 марта был непосредственно связан с работой над статьей, а доклад о рифмах Анненского автор прочел, опираясь на уже практически законченное исследование. О полемике с Жирмунским по поводу определения составной рифмы из этой статьи можно узнать следующее. Кенигсберг был против исключения из этого понятия всех слов с энклитиками независимо от того, образуют они «привычное» в языке грамматическое сочетание или нет. Вообще ориентироваться на языковой узус, когда имеешь дело с поэзией, неправильно: «...проблема ударения в тоническом (или силлабо-тоническом) стихе должна быть рассматриваема вне всякой связи с проблемой ударения в нестихотворной речи, а поэтому и вопрос о нестихотворной энклизе не может решить вопроса о качестве энклизы в тоническом стихе. Если ударение играет роль валентного, “содержательного” элемента в стихотворной речи, то атонация, хотя бы и грам[м]атическая автосемантична, да еще на таком сильном месте в стихе, как рифма, не может не играть поэтической роли»¹⁵.

Кенигсберг предлагает каждый раз решать вопрос о том, составная ли перед нами рифма или обычная, но в виде двух графем, — исходя из контекста творчества автора. Если стиховое окончание в данном конкретном случае имеет какую-либо значимость (например, жанровую или семантическую), то это составная рифма. Так, в их число попадают даже слова, написанные через дефис, и неслоговые энклитики — *такта ~ так-то, так-то; костыль ~ не ты ль* (из «Тоски маятника» и «Январской сказки»). Подводя итог этому эпизоду полемики с Жирмунским, Кенигсберг полагает необходимым расширить «объем понятия составная рифма». «Для поэзии Иннокентия Анненского, — продолжает он, — это представляется тем более необходимым, что то, что могло являться в контексте поэзии, равнодушной к явлению составной рифмы, простой небрежностью или не сознаваться, как составная рифма, в лирике Анненского, очень богатой разными типами составных рифм в несомненном смысле, должно рассматриваться также, как один из видов того же родового понятия»¹⁶.

В статье об Анненском находим также подтверждение высказанного выше мнения, что автор в целом положительно оценил книгу «Рифма, ее история и теория»: «Основополагающая работа проф. Жирмунского является несомненным отправным моментом и для рассуждений в частности о составной рифме»¹⁷. Ссылки на нее Кенигсберг делает *passim*, ориентируясь на термины, классификации, наблюдения ученого. Как и в устной рецензии на монографию, он критикует «акустический» подход к конечным созвучиям. Но только здесь Кенигсберг отдает должное тому вниманию, которое Жирмунский уделяет семантической стороне явления, для московского стиховеда важнейшей (ср.: Жирмунский, 1923, с. 22, 64, 72, 79 и др.). Пожалуй, замечания о смысло-

¹⁵ М. Кенигсберг, «Составные рифмы в лирике Иннокентия Анненского» (архив семьи Горнунгов). С. 5.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

вых эффектах рифмовки — это наиболее интересные места статьи Кенигсберга. Замечательно, что они, будучи совершенно оригинальными, возникают либо как ответ на рассуждения Жирмунского, либо как их развитие. К тому же они появляются почти одновременно с книгой Тынянова «Проблема стихотворного языка» (вышла из печати в феврале 1924 года), в которой автор говорит о рифме исключительно с семантической точки зрения. Параллели между Кенигсбергом и Тыняновым интерпретировал М. И. Шапир (Шапир, 1994а, р. 88–89, 91–99); о совместном повороте к семантике у «гермесовцев» и Тынянова писали Г. А. Левинтон и А. Б. Устинов (1990, с. 201). «Жирмунский» слой в работах Кенигсберга о рифме добавляет новый материал к размышлениям о взаимодействии формалистических школ в 1920-е годы.

3. М. П. Штокмар о классификации рифм В. М. Жирмунского

Двадцать седьмого марта 1925 года в подсекции теоретической поэтики ГАХН состоялся доклад М. П. Штокмара «Проблемы теории и истории русской рифмы»¹⁸, в котором он отчасти тоже полемизировал с Жирмунским, но с других позиций, нежели Кенигсберг. Штокмар был аспирантом Б. И. Ярхо, то есть учился у него такому формальному анализу, который шпегтианцы называли бы эмпирическим и сочли бы недостаточным. Целью анализа Ярхо была дальнейшая квантификация материала. Имея в виду подобную цель, Штокмар и предлагает новую классификацию рифм. Она производится по критериям: «число, место и качество повторяющихся звуков»¹⁹. Едва ли не все предшествующие разграничения, в том числе предложенные Жирмунским, Штокмар отвергает как непригодные для формального анализа. Термин «неточная рифма» ему кажется неудачным, и вместо него он предлагает «рифма, образованная неоднородными звуками». Для понимания линий размежевания внутри русского формализма существенно, что во время прений Ярхо в целом поддержал своего ученика (хотя и возражал ему), а Нина Волькенау (в то время уже вдова Кенигсберга) высказала критическое замечание, прямо транслируя идеи покойного: «...что подразумевает докладчик под формально-историческим исследованием стиха, утверждая, что подобное исследование является его основной задачей так же, как и того кружка, к которому он принадлежит? Овладение формально-историческим методом не чувствуется в работе... докладчика. Докладчик произвольно исследует рифму лишь со стороны звучания, придавая, по[-]видимому, семантическому анализу лишь второстепенное значение. <...> игнорируя семиотику, нельзя понять ни стиха, ни рифмы» (РГАЛИ, ф. 941, оп. 6, ед. хр. 25, л. 73 об.).

Все дело в том, что под «формальным» исследованием Штокмар понимал совсем не то, что Кенигсберг: само понимание «формы» было различным (см. хотя бы: Шапир, 1994а, р. 84; Вендитти, 2010; 2017, с. 240–249; Грюбель, 2010; Плотников, 2017, с. 30–31 и др.; Плотников,

¹⁸ Тезисы см.: (РГАЛИ, ф. 941, оп. 6, д. 25, л. 75–75 об.); протокол обсуждения см.: (Там же, л. 73–74 об.).

¹⁹ (Там же, л. 75 об.).

2021; Pilshchikov, 2022, p. 215). Отвечая Нине Волькенау, Штокмар решился на формулировку научной сверхзадачи всего формально-статистического стиховедения: «...кружок, к которому он принадлежит, стремится на основе строго подобранного материала построить точную систему исторической теории стиха» (РГАЛИ, ф. 941, оп. 6, ед. хр. 25, л. 74 об.). Поэтому если для Кенигсберга Жирмунский как исследователь рифмы был недостаточно семиотичен, то для Штокмара он был недостаточно формален в своих чисто эмпирических, перцептивных наблюдениях. Интересно, что через несколько десятилетий М. Л. Гаспаров в фундаментальном квантитативном исследовании эволюции русской рифмы будет опираться все-таки на типы созвучий, выделенные Жирмунским, а в статье о рифме Маяковского («Двадцать конъектур») объявит устаревшей специальную работу Штокмара на ту же тему (Гаспаров, 1997, с. 290, 293–294, 539).

Таким образом, архивные материалы демонстрируют полемическую часть теории рифмы как у филолога-шпеттианца М. М. Кенигсберга, так и у такого представителя квантитативного стиховедения, как М. П. Штокмар. Фундаментальные представления о стихе у Кенигсберга вырастали в том числе из критики Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского, работы которых служили ему в то же время импульсом для конкретизации положений или для возникновения новых идей. Острота дискуссий и их частота, одновременность с выступлениями петроградских формалистов говорят о том, что науке о стихе изначально был присущ драматизм, тем больший, чем в большее забвение вскоре погружился молодой московский формализм.

Приложение

**Тезисы к докладу М. Кенигсберга
«Проблемы теории рифмы (по поводу книги В. М. Жирмунского «Рифма,
ее история и теория»)»²⁰**

10. III. 1924

1. Книга В. М. Жирмунского является работою, основополагающей по целому ряду пунктов. Вместе с тем в своей теоретической и проблематической части она обнаруживает некоторые принципиальные и методологические дефекты, характерные чрезмерным расширением терминов и определен и часто недостаточной историчностью.

²⁰ Публикуется впервые по автографу М. М. Кенигсберга из домашнего архива семьи Горнунгов. Благодарю Е. М. Горнунг за возможность познакомиться с документом. Доклад Кенигсберга состоялся 25 марта 1924 года в Комиссии по изучению проблем художественной формы Философского отделения РАХН. Подробный протокол, передающий реплики выступавших в прениях, пока не найден. Сохранилось несколько вариантов краткого протокола заседания. Председателем был Г. Г. Шпет, секретарем — Б. В. Горнунг. Кроме них и докладчика присутствовали: А. А. Буслаев, Н. Н. Волков, А. А. Губер, Н. И. Жинкин, А. Г. Цирес и, в качестве гостя, Н. В. Кенигсберг (Волькенау). В прениях высказались: А. А. Буслаев, Н. Н. Волков, Б. В. Горнунг, А. Г. Цирес и Г. Г. Шпет (РГАЛИ, ф. 941, оп. 14, д. 7, л. 21).

2. Попытка В. Жирмунского уйти от традиционного школьного определения рифмы, считающегося лишь с явлением, исторически-случайным, акустически точной рифмы — безусловно заслуживает сочувствия. Вводимое в связи с этим понятие узуальной (мы бы предпочли «канонической») точности является большим завоеванием²¹. Но на пути введения этого понятия автор постоянно сбивается на акустический путь, что в частности сказывается в его понятии «приблизительных» рифм и в избранном, хотя и методически, пути анализа с исходом в акустически точной Р<иомф>²².

3. В определении Р<иомы> ка<кь> организующего принципа должно различать организацию стихическую и внутрстихическую. В связи с этим можно было бы не смешивать принципиально совершенно разнородные: 1, С<о>бств<енно> Р<иому>, к<а>к<ь> стихически организующий принцип 2, т<ак> называемые внутр<енние> рифмы к<а>к<ь> цезурно и ритмически организующий принцип²³ 3, *Stabreim* в др<евне>-германском стих<осложении> к<а>к<ь> метрически организующий принцип²⁴. Рифмой следует называть стихическое явление, связанное с концом стиха, т<о> е<сть> самым существенным — главным определяющим конструктивную сущность стихической речи моментом²⁵. В таком случае — всякие «рифмы» — в других местах стиха будут омонимами.

Список литературы

Акимова М.В. Государственная академия художественных наук vs. петроградский формализм: теория стиха. 1. О «Мелодике стиха» Б.М. Эйхенбаума // Временник русского формализма. 2024. Т. 1, №1. С. 77–106. doi: 10.14672/rf.v1i1.2443.

²¹ См.: (Жирмунский, 1923, с. 13–14, 68–71; понятие «узуально-точной» рифмы — с. 100).

²² Ср.: «Во всяком языке, вокруг созвучий безусловно точных в акустическом отношении, существует более широкий или узкий круг... приблизительных соответствий, почему либо узаконенных традицией. Такие рифмы можно считать узуально-точными <...>» (Жирмунский, 1923, с. 68). Иначе они называются приблизительными; разница между созвучиями такого рода состоит «в оттенках ударного гласного, долгого или краткого, открытого или закрытого; в ударном вокализме <...>; чередование <sic!> твердых и мягких согласных, долгих и кратких, в некоторых случаях — звонких и глухих и т.п.» (Там же). Приблизительную рифму Жирмунский в самом деле определял как отклонение от «точности безусловной», а виды таких рифм анализировал как виды отступлений (Там же, с. 129–130).

²³ Жирмунский делил внутренние рифмы на постоянные и случайные. «Постоянные внутренние рифмы ничем существенным не отличаются от рифмы краевой. Чаще всего такие рифмы появляются в цезуре, играя в метрическом членении стиха существенную организующую роль: они определяют своим присутствием границу и связь между полустихиями» (Там же, с. 48).

²⁴ Жирмунский видел в *Stabreim* германского аллитерационного стиха «начальную рифму», «равноправную с обычным для нас типом рифмы — концовки», и считал ее, как и Кенигсберг, элементом метрической организации (Там же, с. 226–227). Но и два других типа рифм для него, в отличие от Кенигсберга, имели метрическое значение.

²⁵ Отношение Жирмунского к стихотворной графике не было вполне определенным: то это «воля поэта», которая диктует метрическую интерпретацию, то это всего лишь условное деление на строки (Там же, с. 50, 316 примеч. 21).

Вендитти М. Исследование М. Кенигсберга о внутренней форме у А. Марти (1924) // Логос. 2010. №2 (75). С. 150–161.

Вендитти М. Философские основания литературоведения в ГАХН // эстетическая теория 1920-х годов / под ред. Н.С. Плотникова, Н.П. Подземской, при участии Ю.Н. Якименко. М., 2017. Т. 1 : Исследования. С. 227–263.

Гаспаров М.Л. Избр. труды. М., 1997. Т. 3 : О стихе.

Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., 2000.

Горнунг Б.В. Поход времени. Статьи и эссе / сост., примеч. М. Воробьевой. М., 2001.

Горнунг Б.В. К вопросу о предмете и задачах поэтики // Искусство как язык – Языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов / под ред. Н.С. Плотникова, Н.П. Подземской, при участии Ю.Н. Якименко. М., 2017. Т. 2 : Публикации. С. 487–512.

Грюбель Р. «Красноречивей слов иных / Немые разговоры»: Понятие формы в сборнике ГАХН «Художественная форма» (1927) в контексте концепций Густава Шпета, русских формалистов и Михаила Бахтина // Логос. 2010. №2 (75). С. 11–34.

Дмитриев А. Как сделана формально-философская школа (или почему не состоялся московский формализм?) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 годы. М., 2009. Т. 8 / под ред. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. С. 71–96.

Жирмунский В.М. Поэзия Александра Блока. Пб., 1922.

Жирмунский В.М. Рифма, ее история и теория. Пб., 1923.

Жирмунский В.М. Введение в метрику: теория стиха. Л., 1925.

Кенигсберг М.М. Из стихологических этюдов. Анализ понятия «стих» / подг. и публ. С.Ю. Мазура и М.И. Шапира ; вступ. и примеч. М.И. Шапира // Philologica. 1994. Vol. 1, №1/2. С. 149–185.

Кенигсберг М. Заметки о рифме (Из стихологических этюдов, 1923) / подгот., публ. и пред. Г.А. Левинтона // Philologica. 2012. Vol. 9, №21/23. С. 334–356.

Кенигсберг М.М. Понятие внутренней формы у Антона Марти и возможности дальнейшей интерпретации / подгот., вступ. и примеч. М. Вендитти // Искусство как язык – Языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теориях 1920-х годов. М., 2017. Т. 2: Публикации / под ред. Н.С. Плотникова, Н.П. Подземской, при участии Ю.Н. Якименко. С. 228–261.

Левинтон Г.А., Устинов А.Б. К истории машинописных изданий 1920-х годов // Тыняновский сборник. V Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 197–210.

Мазур С. Государственная академия художественных наук (ГАХН) // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 140–142.

Пильщиков И.А. Внутренняя форма слова в теориях поэтического языка // Критика и семиотика. 2014. №2. С. 54–76.

Пильщиков И., Устинов А. Московский лингвистический кружок и становление русского стиховедения (1919–1920) // Stanford Slavic Studies. 2020. Vol. 50: Unacknowledged legislators. Studies in Russian literary history and poetics in honor of Michael Wachtel / ed. by L. Fleishman, D.M. Bethea and I. Vinitzky. Berlin et al., 2020. P. 389–413.

Плотников Н.С. Структура и история. Программа философских исследований искусства в ГАХН // Искусство как язык – Языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теориях 1920-х годов / под ред. Н.С. Плотникова, Н.П. Подземской, при участии Ю.Н. Якименко. М., 2017. Т. 1 : Исследования. С. 29–43.

Плотников Н. С. Вне энциклопедии: краткая история приключений понятия «форма» // Синтез современности. Руины ГАХН и постдисциплинарность / под ред. Н. Сазонова и А. Хенниг. М., 2021. С. 239–250.

Полилова В. Полемика вокруг сборников «Художественная форма» и «Ars Poetica»: Б.И. Ярхо и ОПОЯЗ // Studia Slavica : сб. работ молодых филологов. Tallinn, 2011. Vol. 10. С. 153–170.

Toddес Е. А., Чудакова М. О. Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка: (Материалы к изучению бытования научной книги в 1920-е годы) // Федоровские чтения 1978. М., 1981. С. 229–249.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л., 1924.

Чубаров И. М. Критика формализма в ГАХН // Русский формализм (1913–2013): Международный конгресс к 100-летию русской формальной школы : тез. докл. Москва, 25–29 августа 2013 г. М., 2013. С. 160–161.

Шанир М. И. [Приложения: Комментарии; Библиографии; Указатели] // Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 256–448.

Шанир М. И. Кенигсберг и его феноменология стиха // Russian Linguistics. 1994a. Vol. 18, №1. P. 73–113.

Шанир М. И. Протокол заседания Московского лингвистического кружка 26 февраля 1923 г. // Philologica. 1994b. Vol. 1, №1/2. С. 191–201.

Шпет Г. Соч. / предисл. Е. В. Пастернак. М., 1989.

Эйхенбаум Б. Мелодика русского лирического стиха. Пб., 1922.

Depretto C. La question du formalisme moscovite // Revue des études slaves. 2008. T. 79, №1/2. P. 87–101.

Hansen-Löve A. Die 'Formal-Philosophische Schule' in der russischen Kunsttheorie des zwanziger Jahre. Ein Überblick [1978/1987] // Zwischen den Lebenswelten. Interkulturelle Profile der Phänomenologie / hrsg. von N. Plotnikov, M. Siegfried, J. Bonnemann. Berlin, 2012. S. 205–257.

Pilshchikov I. The four faces of Russian formalism // Central and Eastern European literary theory and the West / ed. by M. Mrugalski, Sch. Schahadat and I. Wutsdorff in coll. with D. Ulicka. Berlin, 2022. P. 212–257.

Об авторе

Марина Вячеславовна Акимова, кандидат филологических наук, Высшая нормальная школа, Институт современных текстов и рукописей, Франция.

E-mail: aquimova@mail.ru

Для цитирования:

Акимова М. В. Государственная академия художественных наук vs. петроградский формализм: теория стиха. 2. О «Рифме» В. М. Жирмунского // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 204–221. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-14.

THE STATE ACADEMY OF ARTISTIC SCIENCES
VERSUS PETROGRAD FORMALISM: VERSE THEORY.
II. ON ZHIRMUNSKY'S "RHYME, ITS HISTORY AND THEORY"

Marina V. Akimova

Higher Normal School, Paris, France

45 Rue d'Ulm, Paris, 75005, France

Submitted on 01.04.2024

Accepted on 15.06.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-14

The article presents a historical and scientific analysis of the oral presentations and other works that criticized Boris Eikhenbaum's "Melodics of Verse" and Viktor Zhirmunsky's "Rhyme, Its History and Theory" from the perspective of Moscow formalism. The overview relies on unknown materials, which can thus be introduced into scholarly discourse. It refers to the presentations made by the philologist and philosopher Maksim Kænigsberg and the literary scholar Mikhail Shtokmar, a student of Boris Yarkho at the State Academy of Artistic Sciences. In addition, the data from the newly discovered article by Maxim Kænigsberg, "Compound Rhymes in the Lyrics of Innokentii Annenskii" (1924), is explored. The theses of Kænigsberg's exposé are published for the first time, with notes. The aim of the article is to reveal the polemical layer in the works of Moscow formalists. This is achieved by identifying key positions in the analysed texts, by their historical commentary, mutual comparison, and the discovery of authors' logic. The results of the research include the publication of archival materials and their interpretation in the context of internal formalistic polemics. New materials reveal that Zhirmunsky allowed Kænigsberg to develop his own theory of verse with an orientation towards semantics; whereas Shtokmar, on the contrary, rejected an important part in Zhirmunsky's rhyme theory. The interrelation between different branches of the Russian formalism become clearer.

Keywords: Russian Formalism, GAKhN, MLK, theory of verse, Kænigsberg, Zhirmunsky, Shtokmar

References

Akimova, M. V., 2024. State Academy of Artistic Sciences vs. Formalism in Petrograd: Theory of verse. 1. On Boris Eikhenbaum's "Melodics of verse". *Vremennik russkogo formalizma*, 1 (1), p. 77–106, <https://doi.org/10.14672/rf.v1i1.2443> (in Russ.).

Chubarov, I. M., 2013. Critics of Formalism in GAKhN. In: *Russkii formalizm (1913–2013): Mezhdunarodnyi kongress k 100-letiyu russkoi formal'noi shkoly: tezisy dokladov* [Russian Russian Formalism (1913–2013): International Congress on the 100th Anniversary of the Russian Formal School: abstracts]. August, 25–29. Moscow, pp. 160–161 (in Russ.).

Depretto, C., 2008. La question du formalisme moscovite. *Revue des études slaves*, 79 (1/2), pp. 87–101.

Dmitriev, A., 2009. How formal-philosophical school made? In: M. A. Kolerov and N. S. Plotnikov, eds. *Issledovaniya po istorii russkoi mysli: Ezhegodnik za 2006–2007 gody* [Studies on history of Russian thought: The yearbook for 2006–2007]. Vol. 8. Moscow, pp. 71–96 (in Russ.).

Eikhenbaum, B., 1922. *Melodika russkogo liricheskogo stikha* [Melodics of Russian lyric verse]. Petersburg (in Russ.).

Gasparov, M. L., 1997. *Izbrannye trudy. T. III: O stikhe* [Collected works. Vol. 3: On verse]. Moscow (in Russ.).

Gasparov, M.L., 2000. *Ocherk istorii russkogo stikha* [An essay on the history of Russian verse]. Moscow (in Russ.).

Gornung, B., 2001. *Pokhod vremeni. Stat'i i esse* [Campaign of time. Articles and essays]. Moscow (in Russ.).

Gornung, B.V., 2017. To the question of subject of poetics. In: N.S. Plotnikov, N.P. Podzemskaya and Yu.N. Yakimenko, eds. *Iskusstvo kak yazyk – Yazyki iskusstva. Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk i esteticheskaya teoriya 1920-kh godov* [Art as a language – The languages of art. The State Academy of Art Sciences and Aesthetic Theory of the 1920s]. Vol. II. Moscow, pp. 487–512 (in Russ.).

Grübel, R., 2010. “Krasnorechivey slov inykh / Nemye razgovory”: Concept of inner form in “Khudozhestvennaya forma” by GAKhN (1927) through the prism of conceptions by Gustav Shpet, Russian formalists and Mikhail Bakhtin. *Logos*, 2 (75), pp. 11–34 (in Russ.).

Hansen-Löve, A., 2012. Die ‘Formal-Philosophische Schule’ in der russischen Kunsttheorie des zwanziger Jahre. Ein Überblick [1978/1987]. In: *Zwischen den Lebenswelten. Interkulturelle Profile der Phänomenologie*. Berlin, s. 205–257.

Koenigsberg M.M., 2017. Concept of inner form in Anton Marty’s work and the possibility of further interpretation. In: N.S. Plotnikov, N.P. Podzemskaya and Yu.N. Yakimenko, eds. *Iskusstvo kak yazyk – Yazyki iskusstva. Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk i esteticheskaya teoriya 1920-kh godov* [Art as a language – The languages of art. The State Academy of Art Sciences and Aesthetic Theory of the 1920s]. Vol. II. Moscow, pp. 228–261 (in Russ.).

Koenigsberg, M.M., 1994. From versological fragments. Analysis of the concept of “verse”. *Philologica*, 1 (1/2), pp. 149–185 (in Russ.).

Koenigsberg, M., 2012. Notes on rime (From poetic studies, 1923). *Philologica*, 9 (21/23), pp. 334–356 (in Russ.).

Levinton, G.A. and Ustinov, A.B., 1990. To the history of type-written periodicals of the 1920s. In: *Tynyanovskii sbornik. V Tynyanovskie chteniya* [Tynianov’s collection. V Tynianov’s readings]. Riga, pp. 197–210 (in Russ.).

Mazur, S., 1995. State Academy of Artistic Sciences (GAKhN). In: *Russkaya filosiya. Maliy entsiklopedicheskii slovar'* [Russian philosophy. Small Encyclopedic Dictionary]. Moscow, pp. 140–142 (in Russ.).

Pilshchikov, I. and Ustinov, A., 2020. The Moscow Linguistic Circle and the formation of Russian verse studies (1919–1920). In: L. Fleishman, D.M. Bethea and I. Vinitsky, eds. *Stanford Slavic Studies 50. Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Berlin, pp. 389–413 (in Russ.).

Pilshchikov, I., 2022. The four faces of Russian formalism. In: M. Mrugalski, Sch. Schahadat and I. Wutsdorff in coll. with D. Ulicka, eds. *Central and Eastern European literary theory and the West*. Berlin, pp. 212–257.

Pilshchikov, I.A., 2014. “The Inner Form of the Word” in the Theories of Poetic Language. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2, pp. 54–76 (in Russ.).

Plotnikov, N.S., 2017. Structure and history. The program of philosophical studies of art at the GAKhN. In: N.S. Plotnikov, N.P. Podzemskaya and Yu.N. Yakimenko, eds. *Iskusstvo kak yazyk – Yazyki iskusstva. Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk i esteticheskaya teoriya 1920-kh godov* [Art as a language – The languages of art. The State Academy of Art Sciences and Aesthetic Theory of the 1920s]. Vol. I. Moscow, pp. 29–43 (in Russ.).

Plotnikov, N.S., 2021. Beyond encyclopedia: A short story of concept of “form”. In: N. Sazonov and A. Hennig, eds. *Sintez sovremennosti. Ruiny GAKhN i postdistsiplinarnost'* [Synthesis of modernity. The ruins of GAKhN and postdisciplinarity]. Moscow, pp. 239–250 (in Russ.).

Polilova, V., 2011. Debates around “Khudozhestvennaya forma” and “Ars Poetica” volumes: Boris Yarkho and OPOYaZ. *Studia Slavica: sbornik rabot molodykh filologov* [Studia Slavica: collection of works by young philologists]. Vol. X. Tallinn, pp. 153–170 (in Russ.).

Shapir, M.I., 1990. [Additions: Commentaries; References; Indexes]. In: G.O. Vinokur, ed. *Filologicheskie issledovaniya: Lingvistika i poetika* [Studies in philology: Linguistics and Poetics]. Moscow, pp. 256–448 (in Russ.).

Shapir, M.I., 1994a. Koenigsberg and his phenomenology of verse. *Russian Linguistics*, 18 (1), pp. 73–113 (in Russ.).

Shapir, M.I., 1994b. Protocols of Moscow linguistic circle, 26 Feb. 1923. *Philologica*, 1 (1/2), pp. 191–201 (in Russ.).

Shpet, G., 1989. *Sochineniya* [Works]. Moscow (in Russ.).

Toddes, E. A. and Chudakova, M. O., 1981. First Russian translation of Ferdinand de Saussure’s “Course of General Linguistics” and activity of Moscow linguistic circle (Materials for the study of the existence of a scientific book in the 1920s). In: *Fedorovskie chteniya 1978* [Fedorov’s readings, 1978]. Moscow, pp. 229–249 (in Russ.).

Tynyanov, Yu.N., 1924. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The problem of poetic language]. Leningrad (in Russ.).

Venditti, M., 2010. Maksim Koenigsberg’s study on inner form in Anton Marty’s work (1924). *Logos*, 2 (75), pp. 150–161 (in Russ.).

Venditti, M., 2017. The philosophical foundations of literary studies in the GAKhN. In: N.S. Plotnikov, N.P. Podzemskaya and Yu.N. Yakimenko, eds. *Iskusstvo kak yazyk – Yazyki iskusstva. Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk i esteticheskaya teoriya 1920-kh godov* [Art as a language – The languages of art. The State Academy of Art Sciences and Aesthetic Theory of the 1920s]. Vol. I. Moscow, pp. 227–263 (in Russ.).

Zhirmunsky, V.M., 1922. *Poeziya Aleksandra Bloka* [Aleksandr Blok’s poetry]. Petersburg (in Russ.).

Zhirmunsky, V.M., 1923. *Rifma, ee istoriya i teoriya* [Rime, its history and theory]. Petersburg (in Russ.).

Zhirmunsky, V.M., 1925. *Vvedenie v metriku: teoriya stikha* [Introduction to the Metric: the Theory of verse]. Leningrad (in Russ.).

The author

Dr. Marina V. Akimova, Institute of Modern Texts and Manuscripts, Higher Normal School, France.

E-mail: akimova@mail.ru

To cite this article:

Akimova, M.V., 2024, The State Academy of Artistic Sciences versus Petrograd formalism: Verse theory. II. On Zhirmunsky’s “Rhyme, its history and theory”, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 204–221. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-14.

СТИХ ГЕЙНЕ В НАУЧНЫХ ДИСКУССИЯХ И РУССКОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (1910—1930-е ГОДЫ)

В. С. Полилова

МГУ имени М. В. Ломоносова,
Россия, 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Поступила в редакцию 01.04.2024 г.
Принята к публикации 15.06.2024 г.
doi: 10.5922/2225- 5346-2024-4-15

Распространение новых стихотворных метров в творчестве старших и младших символистов закономерно вело к попыткам их научного осмысления и описания. В настоящей статье показано, что в работах о русском стихе уже начиная с «Символизма» А. Белого дольник / паузник последовательно осмыслялся в сопоставлении с германской тоникой вообще и стихом Гейне в особенности. Теоретический интерес к дольнику подпитывался не только актуальным поэтическим процессом, но и новыми переводческими опытами, прежде всего эквиритмическими переводами из Гейне А. А. Блока, опубликованными в его сборнике «Ночные часы» (1911). Формальное сходство между русским и германским дольником подталкивало ученых к развитию сравнительной метрики и теории тонического стиха, а ритмические различия — к разработке понятий ритма и метра в отношении несиллабо-тонического стиха и выработке понятий формальной и функциональной эквивалентности метрических форм в стихотворном переводе. Кроме научных высказываний 1910–1930-х годов, в статье обсуждаются ритмические стратегии, которые были реализованы в русских переводах трехиктного дольника Гейне, выполненных в первые десятилетия XX века (А. А. Блок, Ю. Н. Тынянов, В. А. Зоргенфрей, Е. Ф. Книпович, В. Е. Аренс). Заложенная Блоком эквиритмическая традиция передачи стиха Гейне противопоставлена функциональному подходу Тынянова. Проведенное исследование углубляет понимание связей между символистским и формалистским стиховедением, а также символистским переводом и так называемым филологическим переводом 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: А. Блок, Г. Гейне, немецкий дольник, русский дольник, эквиритмический перевод, русский формализм

1. Гейне в работах и дискуссиях о стихе и стихотворном переводе (1910–1920-е)

Эпоха становления дольника как полноценного русского метра на рубеже XIX—XX веков совпала с эпохой рождения современной науки о стихе. Широкое распространение новых размеров в творчестве старших и младших символистов не могло не вызвать попыток их осмысления и описания. В этих первых суждениях о набирающем силу типе стиха анализу подвергались не только опыты русских поэтов — практически неизменно они сопоставлялись со стихом немецких романтиков и прежде всего стихом Гейне.

Уже Андрей Белый в «Символизме» сопоставляет стих Гёте и Гейне со стихом З. Н. Гиппиус, В. Я. Брюсова и А. А. Блока, используя для описания их структурных особенностей понятие паузы $\chi\rho\acute{o}\nu\varsigma \kappa\epsilon\nu\acute{o}\varsigma$ древнегреческой версификации: «...особенно интересно применение паузъ въ русскомъ стихѣ; какъ извѣстно въ нѣкоторыхъ стопахъ въ греческой версификаціи не доставало нужнаго количества слоговъ; отсутствіе слоговъ могло быть восполнено *паузой*; пауза у древнихъ называлась $\chi\rho\acute{o}\nu\varsigma \kappa\epsilon\nu\acute{o}\varsigma$; у Гёте, Гейне тоническій стихъ изобилуетъ $\chi\rho\acute{o}\nu\iota \kappa\epsilon\nu\acute{o}\iota$; у насъ же паузу главнымъ образомъ ввели модернисты; впервые мы встрѣчаемъ паузу у З. Н. Гиппиусъ и Брюсова въ трехдольныхъ размѣрахъ («Твоя дѣ | ва со взо | ромъ „¹ жгу | чимъ»»); особенно удачно применяетъ паузы Ал. Блокъ («А вѣтеръ | зовущій | „ съ сѣвера»). Теперь употребление паузъ уже никого не удивляетъ; но еще пять-шесть лѣтъ тому назадъ употребленіе *паузъ* русская критика встрѣтила, какъ недопустимое новшество, какъ неумѣніе писать стихи» (Белый, 1910, с. 557; в источнике разрядка).

С. П. Бобров в одном из примечаний к работе «Трехдольный паузник у Пушкина» тоже упоминает Гёте и Гейне: «Трехдольный паузникъ очень частъ у Гёте и Гейне; у послѣдняго — общеизвѣстная “Лорелея” и мн. др.». Кроме того, он бегло характеризует некоторые переводы из Гейне: «Есть нѣсколько стихотворныхъ переложеній “Лорелеи”, между ними А. Н. Майкова... и А. А. Блока... Послѣднее переложение гораздо ближе къ подлиннику, ибо писано трехдольнымъ паузникомъ, а Майковское метрическимъ амфибрахіемъ, — Феть, переводя Гейне, пользовался паузами; см. стихотворение “Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ...”, строки 5, 6 и 9» (Бобров, 1915, с. 9, примеч. 3). В «Запискахъ стихотворца» Бобров повторяет похвалу блоковскому переводу «Лорелеи», подчеркивая, что тот «почти буквально повторяетъ паузы Гейне» (1916, с. 53, примеч. 2; о «Лорелее» Блока пишет и В. М. Жирмунский: Жирмунский, 1928, с. 252).

В брюсовском «Краткомъ курсе науке о стихе» в разделе о дольнике специальный подпункт посвящен немецкому *Knittelvers*. В. Я. Брюсов называет его особой формой дольника и указывает, что именно этим типом стиха написаны вступление к «Фаусту» Гёте и большая часть стихотворений Гейне. Понятие иллюстрируется строками из «Последней любви» Тютчева, но, как и у Боброва, упоминаются блоковские переводы из Гейне, сохраняющие метр подлинника (Брюсов, 1919, с. 121; с дополнениями: Брюсов, 1924, с. 122–123). Взгляд на русский дольник как на аналог *Knittelvers* отражен и в брюсовской литературной критике (Брюсов, 1922, с. 147).

Наиболее известные работы обсуждаемого периода, посвященные Гейне, — это, безусловно, сопоставительная мемориальная статья Ю. Н. Тынянова «Блок и Гейне» (1921), опубликованная вскоре после смерти поэта, и тыняновская же публикация «Тютчев и Гейне» (1922), представ-

¹ Кавычка и знак краткого слога над ней, который мы не воспроизводим, отмечают у Белого паузу. Белый цитирует стихи Брюсова и Блока по памяти, с небольшими неточностями.

ляющая собой извлечение из незаконченной монографии, работа над которой велась в 1917–1920 годах (Чудаков и др., 1977, с. 407–408). В первой Тынянов прослеживает гейневские влияния на лирику Блока², и в том числе отмечает связь свободных ритмов «Северного моря» и блоковских экспериментальных стихов вроде «Она пришла с мороза...», а также отмечает ритмическое новаторство – «спайку двух метров на основе замедления темпа» – в переводе «Лорелеи» (Тынянов, 1921, с. 250–251, примеч. 1). В работе «Тютчев и Гейне» Тынянов рассматривает тютчевские попытки найти «аналогию метру подлинника» при переводе, в том числе с помощью паузника на амфибрахической основе, использованного вместо оригинального паузника на ямбической основе (1977, с. 36–37; речь о строке «И сладко заснул он в инистой мгле» в тютчевской версии *Ein Fichtenbaum steht einsam...*).

В 1922 году В. М. Жирмунский в статье, написанной по поводу «Мелодики стиха» Б. М. Эйхенбаума, рассматривает в одном ряду дольники европейских и русских романтиков, а также Блока и Ахматовой (1928, с. 116–121), а затем посвящает истории немецкого, английского и русского тонического стиха по отдельному параграфу во «Введении в метрику», связывая их общей вводной главкой «Теория чисто-тонического стихосложения» (1925, с. 184–225).

В основополагающей для русского стиховедения работе Б. В. Томашевского «Стих и ритм» (написана в 1925 году) ставится проблема метричности дольника. Томашевский формулирует ее в качестве общей для русского, немецкого и английского стиха: «Не менее запутанным представляется вопрос и в том случае, если идти от стиха к прозе. Оказывается, что большинство современных русских стихотворений (а следовательно и аналогичных форм Шиллера – речь капуцина в “Лагере Валленштейна” – Гёте, Кольриджа, Гейне и др.) не обладают правильным стопосложением, они не метричны, и следовательно – неизвестно, чем они отличаются от прозы» (Томашевский, 1928, с. 6, разрядка оригинала).

Немецкий свободный стих (*freie Rhythmen*) упоминается не только у Тынянова в связи с верлибрами Блока. А. М. Пешковский в заметке «Стихи и проза с лингвистической точки зрения» (Пешковский, 1925; первая публ. 1924) ставит вопрос о ритмической структуре текстов гейневского «Северного моря» и приходит к выводу, что они написаны тактовым стихом. Пешковский также сравнивает ритмику немецких оригиналов с ритмикой трех переводов на русский язык (Михайлова, Прахова, Чехихина-Ветринского), которые находит, при всех отличиях, соответствующими подлиннику. *Nordsee* также упоминается у Ю. Н. Тынянова в «Проблеме стихотворного языка» в связи с вопросом о границах стиха и прозы (Тынянов, 1924, с. 37, 45).

---

² См.: «Здесь любопытна одна аналогия, к которой сам Блок подает повод: в списке поэтов, наиболее близких Блоку, одно из первых мест занимает Гейне. Блок не только переводил и редактировал Гейне, но и развил и утончил русскую гейневскую традицию. Во всей обширной книге русского Гейне едва ли не самыми совершенными страницами будут переводы Фета и Блока, которые должны стать во главу угла при разрешении вопроса о “русском Гейне”» (Тынянов, 1921, с. 250–251).

К середине 1920-х окончательно формируется представление о первом десятилетии XX века как эпохе второй русской стиховой революции, главенствующую роль в которой сыграл Блок. Именно как о революции писал о состоявшемся обновлении метрического репертуара Жирмунский: «...победа принципа чистого тонизма над ломоносовским стопосложением совершалась уже в наши дни, в эпоху неоромантизма, и в этом мы видим столь же значительную революцию в истории русского стиха, как и самое введение силлабо-тонической системы Тредьяковским и его последователями. В этой революции, несомненно, решающая роль принадлежит творчеству Александра Блока» (Жирмунский, 1928, с. 253; см. также: Tarlinskaja, 1993, р. 17–19; Гаспаров, 1997, с. 449–456). В этот же период более пристального внимания удостоиваются дольниковые эксперименты XIX века, прежде всего переводы из немецких и английских поэтов, выполненные «размерами подлинника» (Жуковский, Лермонтов, Тютчев, Фет, Ап. Григорьев; см.: Жирмунский, 1925, с. 212–218; Жирмунский 1928, с. 253–255).

«Русский Гейне» стал центральной темой ранних исследований А. В. Федорова³. Его дипломной работой «Русский Гейне (1840–1860 годы)», защищенной в Институте истории искусств в 1929 году, руководил Тынянов (Федоров, 1983, с. 100). Но еще до окончания ГИИ Федоров опубликовал две фундаментальные работы по вопросам стихотворного перевода, опиравшиеся главным образом на его наблюдения над русской гейнеаной. В статье «Проблема стихотворного перевода» (написана в декабре 1925 года) он представляет классификацию отступлений от подлинника в стихотворных переводах «в области семантики, лексики и синтаксиса», иллюстрируя ее почти исключительно примерами из переводов Гейне (Федоров, 1927, с. 106–118). Вопросы, связанные с передачей метрической и эвфонической сторон оригинала в переводе, были рассмотрены Федоровым в публикации «Звуковая форма стихотворного перевода (Вопросы метрики и фонетики)» (1928). Одно из ключевых мест в ней посвящено переводам дольников Гейне. Блоковские переводы Федоров рассматривает совместно с более поздними переложениями — переводами Тынянова, известными ему от самого переводчика еще до первой публикации 1927 года (Федоров, 1983, с. 91). В отличие от предшественников, отмечавших исключительную ритмическую верность блоковских переводов, Федоров, напротив, подчеркивает отступления от ритмического строя оригинала и указывает на достаточность *функционального* метрического подобия между русскими и немецкими текстами:

...ненужность передачи реального ритмического построения при ее полной возможности, незатрудненной даже языковыми условиями — наблюдаем в новейших или современных нам переводах дольников (Блок и Ю.Н. Тынянов). Реально точный перевод их по языковым условиям и раньше был возможен; функционально адекватный перевод их стал возмо-

³ В отчете Отдела Словесных искусств ГИИ зафиксирован доклад Федорова 3 мая 1927 года на тему «Русский Гейне 40–60 г.г.» (Отчет... 1928, с. 151). В 1929 году в 13-м выпуске серии «Вопросы поэтики» вышла его статья с тем же названием (Федоров, 1929).

жен благодаря канонизации стиховой культурой символизма новых метрических форм; и вместе с тем оказывается как будто бы излишнею абсолютная ритмическая точность <...>. Количество стихов, реально совпадающих с соответствующими стихами оригинала, в этих переводах, в особенности у Тынянова, вовсе невелико (Федоров, 1928, с. 51–52).

В воспоминаниях Федоров упоминает, что при анализе структуры переводов Гейне он следовал советам Тынянова, который подчеркивал бесполезность поиска формальной точности в передаче деталей и призывал учитывать функции этих деталей в общей системе и рассматривать функциональные соответствия (Федоров, 1983, с. 91). Отметим, что в рассуждении о ритмике переводов Блока и Тынянова Федоров преуменьшает значение ритмической близости переводов Блока оригиналу. Они исключительно точны как на уровне общей статистики безударных интервалов (Bailey, 1969; см. также: Ланда, 1964, с. 295–296; Tarlinskaja, 1993, р. 18, 78), так и на уровне построчного соответствия. Ритмическое подобие достигается через последовательное копирование ритмических вариаций Гейне: они воспроизводятся Блоком строка за строкой, лишь с единичными отклонениями в слогаакцентной структуре⁴. Так, например, в переводе *Die Jahre kommen und gehen...* мы видим только следующие отступления: употребления двусложной анакрусы вместо односложной, редкие замены ритмических форм (Дк 1–2 вместо Дк 2–1, Дк 1–2 вместо ямба) и единственный пиррихий в четвертой строке:

Die Jahre kommen und gehen, Geschlechter steigen ins Grab, Doch nimmer vergeht die Liebe, Die ich im Herzen hab.	xXxXxxXx xXxXxxX xXxxXxXx xXxXxX	xxXxXxxXx xXxXxxX xXxxXxXx xXxxX	Племена <i>уходят</i> в могилу, Идут, проходят года, И только любовь не вырвать Из сердца никогда.
Nur einmal noch möcht ich dich sehen, Und sinken vor dir aufs Knie, Und sterbend zu dir sprechen: «Madame, ich liebe Sie!»	xXxxXxxXx xXxXxxX xXxXxX xXxXxX	xxXxxXxxXx xXxxXxX xXxXxxXx xXxXxX	Только раз бы тебя мне увидеть, Склониться к твоим ногам, Сказать тебе, умирая: «Я вас люблю, madame!»

(пер. А. Блока, 1909, опубл. 1911)

Блок идет за звучанием Гейне, используя стих очень далекий ритмически от своих собственных оригинальных дольников. Число двусложных строк здесь значительно выше: если, по подсчетам М. Л. Гаспарова, количество двусложных строк в дольниках Блока не превышает 1,3 % (Гаспаров, 1974, с. 238, табл. 14), то в его переводах из Гейне их доля равна 39 % (Bailey, 1969, р. 9). Другими словами, переводы Блока, вопреки суждениям Федорова, дают образец формального, а не только функционального соответствия оригиналу.

Тыняновские переводы, в свою очередь, действительно более близки по ритмическим характеристикам к русскому дольнику с его тяго-

⁴ О необходимости анализа построчных соответствий при исследовании ритмики переводной поэзии см.: (Polilova, 2023, р. 39–40).

тением к двусложным безударным интервалам (ср.: Etkind, 1983, р. 466–467), также они отмечены меньшим, чем у Блока, уровнем построчного ритмического соответствия. См., к примеру, последнюю строфу из перевода *Wenn ich an deinem Hause...*, где ни одна строка ритмически не соответствует подлиннику:

Und was mir fehlt, du Kleine,	xXxXxXx	xXxXxxXx	А чем я болен, малютка,
Fehlt Manchem im deutschen Land;	xXxxXxxX	xXxxXxxX	Болеют в немецком краю;
Nennt man die schlimmsten Schmerzen,	xXxXxXx	xXxxXxxXx	Расскажут про худшие боли –
So wird auch der meine genannt.	xXxxXxxX	xXxxxxX	Услышишь и про мою.

(пер. Ю. Тынянова,
опубл. 1927)

Ритмика самого важного перевода Тынянова из Гейне — поэмы «Германия», выполненной дольником с чередованием трехиктных и четырехиктных строк, — позднее стала предметом разбора в докладе О. М. Брика «Проблемы стихотворного перевода на материале последних переводов “Германии” Гейне»⁵ на заседании секции переводчиков Союза писателей (1934) (стенограмма опубл.: Доклад... 2012), где председательствовал Б. И. Ярхо. В центре дискуссии была именно ритмико-интонационная структура подлинника, и Брика в первую очередь волновало не обилие двусложных интервалов, а злоупотребление пиррихиями: «при переводе... ритмико-интонационную структуру надо учитывать и нельзя злоупотреблять тем, чем мы злоупотребляем в русском языке, т. е. пропусками ударений. Эти пропуски ударных долей нельзя допускать, потому что как только мы начнем пропускать ударные доли, ритмико-интонационная структура нарушится» (Там же, с. 289). В своих малоизвестных переводах немецких дольников Брик стремился реализовать предложенный в докладе подход (Полилова, 2014).

Вернемся к статье Федорова «Проблема стихотворного перевода». Здесь мы находим еще одно важное наблюдение, на этот раз касающееся переводов немецкого свободного стиха. Федоров отмечает, что для большей части русских переводов немецких *freie Rhythmen* (Гейне, Гёте) «типична значительная метризация», выраженная в том, что свободный стих оригинала передается по преимуществу 3-сложными размерами (иногда даже рифмованными) с крайне редкими отступлениями (Федоров, 1928, с. 53–54). Это замечание позволяет Федорову описать восходящую к Шлейермахеру дихотомию, которую в современной науке называют форенизирующим и доместицирующим подходом к переводу: «...должно оговориться, что возможно восприятие переводного произведения с установкою на иной план — план литературы оригинала, который предполагается как-то отличным, своеобразным и поэтому оправдывает, мотивирует определенные свойства переводного произведения, необычные с точки зрения языка, на который сделан перевод, но являющиеся как бы эквивалентом своеобразия явлений литературы оригинала» (Там же, с. 54).

⁵ Этот доклад обсуждается в работе: (Liapin, Pilshchikov, 2015).

Подытоживая, можно сказать, что в символистских и формалистских работах 1910–1920-х годов, посвященных стиху и поэтическому переводу, германский тонический стих и немецкие свободные ритмы выступали в качестве важного сопоставительного материала для разработки ключевых проблем метрики, ритмики, семантики стиха и зарождающейся теории перевода. Гейне же оказался ключевым автором, чьи произведения использовались при анализе и интерпретации новых для русской поэзии форм стихосложения.

2. Перевод стиха Гейне как практическая проблема (1910–1930-е)

Как видно из сказанного выше, публикация блоковских переводов из Гейне в его сборнике «Ночные часы» (1911), в корне изменила представление о том, как должен звучать Гейне по-русски. Притом уже в конце 1910-х годов, когда в послереволюционной России была поставлена задача подготовки новых изданий мировых классиков, вопрос о метрической основе стиха Гейне и принципах его передачи в переводе перешел из теоретической плоскости и сферы отдельных поэтических экспериментов в широкую практическую плоскость.

Работа над новым собранием сочинений немецкого романтика для «Всемирной литературы» была поручена Блоку и шла с конца 1918 года до его смерти. Из задуманного собрания вышло два тома — пятый и шестой, куда были включены «Путевые картины» (Гейне, 1920–1922). Работа Блока — редактора Гейне описана и в мемуарах, и в исследовательской литературе (Ланда, 1964; Ланда, 1982, с. 85–112). Широко известен датированный 17 июня 1919 года текст небольшого выступления Блока, которое было посвящено русскому Гейне, с неутешительным выводом: «всю работу над Гейне надо начинать сызнова» (Блок, 1934, с. 233). Блок привлек к работе над собранием целую команду переводчиков, это В. А. Зоргенфрей (1882–1938), Е. Ф. Книпович (1898–1988), В. П. Коломийцев (1868–1936), В. Е. Аренс (1883–1962), А. И. Оношквич-Яцына (1897–1935) и другие (Ланда, 1964, с. 315), и проделал обширнейшую работу по изучению и отбору существующих переводов, а также изготовлению новых переводов и их редактуре.

Несмотря на то что тома лирики под редакцией Блока опубликованы не были, многие из выполненных по его инициативе и под его контролем переводов впоследствии увидели свет в других гейневских изданиях, в частности в выпущенном издательством *Academia* томе «Стихотворения» (1931) под редакцией В. А. Зоргенфрея. Это обстоятельство отмечено последним во вступительной статье:

К новым переводам Гейне мы относим переводы текущего столетия. Подавляющее большинство их печатается впервые. Некоторые изготовлены для настоящего издания; другие относятся к более ранним годам. В подборе этих последних существенную помощь оказали нам собранные и частью обработанные А. Блоком материалы для собрания сочинений Гейне в изд-ве «Всемирная литература» (в период 1918–1921 гг.), предоставленные вдовой поэта Л. Д. Блок в распоряжение редакции. В предлагаемую

книгу включена большая часть этих материалов, причем в значительной мере использованы редакционные исправления А. Блока. Его же именем возглавляется вся группа «новых» переводов. Часть переводов А. Блока перепечатывается из других изданий; некоторые печатаются впервые (Гейне, 1931, с. xxxv – xxxvi).

Из всех выполненных под блоковским влиянием и при его активном участии переводов Гейне ритмическому анализу ранее подвергались лишь переводы Коломийцева (Bailey, 1969, р. 12–13; о глубине блоковской редакции переводов Коломийцева см.: Ланда, 1964, с. 318–327), оказавшиеся по ритмической манере очень близкими к переводам Блока. Представляется необходимым исследовать ритмическую манеру и других переводчиков, работавших с Блоком над проектом издания Гейне для «Всемирной литературы», и выяснить, в какой степени они следуют блоковской стратегии ритмического калькирования.

На настоящем этапе в качестве небольшого пробного исследования мы отобрали переводы Зоргенфрея, Книпович и Арнс, выполненные однородным трехиктным дольником и опубликованные в томе 1931 года. Все они при определенных различиях демонстрируют ориентацию на блоковскую (а не тыняновскую) переводческую манеру, то есть характеризуются стремлением следовать ямбической инерции оригинала и тягой к построчным ритмическим совпадениям между подлинником и его русской версией.

См. некоторые строфы из рассмотренных переводов и соответствующие строфы оригиналов:

(1)

Wahrhaftig, wir beide bilden Ein kurioses Paar, Die Liebste ist schwach auf den Beinen, Der Liebhaber lahm sogar.	xXxxXxXx xXxXxX xXxxXxxXx xXxxXxX	xXxxXxXx xXxxXxxX xXxxXxXx xXxxXxX	Поистине, мы являем Курьезную пару с тобой; Подруга слаба на ножках, Возлюбленный, тот хромой.
Sie ist ein leidendes Kätzchen, Und er ist krank wie ein Hund, Ich glaube, im Kopfe sind beide Nicht sonderlich gesund.	xXxXxXxX xXxXxX xXxxXxxXx xXxXxX	xXxXxxXx xXxXxxX xXxxXxxXx xXxxXxX	Она котенок хилый; Как пес больной, он зачас; Пожалуй, у них обоих Неладно в головах.

(пер. В. Зоргенфрея,
опубл. 1931)

(2)

Manch Bild vergessener Zeiten Steigt auf aus seinem Grab, Und zeigt, wie in deiner Nähe Ich einst gelehbet hab.	xXxXxxXx XxxXxX xXxxXxxXx xXxXxX	xXxxXxXx xXxxXxX xXxxXxX xXxxXxX	Картинки времен забытых Встают из своих могил, И вот я снова вижу, Как близ тебя я жил.
Am Tage schwankte ich träumend Durch alle Straßen herum; Die Leute verwundert mich ansah, Ich war so traurig und stumm.	xXxXxxXx XxxXxxX xXxxXxxXx xXxxXxxX	xXxxXxxXx xXxxXxxX xXxxXxxXx xXxxXxxX	Задумчив и нем я шатался, Бродил по улицам всем, И мне удивлялись люди — Я был уныл и нем.

(пер. Е. Книпович, опубл.
впервые без подписи в 1928)

⁶ В третьем томе «Полного собрания сочинений» Гейне (1939) перевод приписан В. С. Рождественскому.

(3)

Du Lilje meiner Liebe, Du stehst so träumend am Bach, Und schautst hinein so trübe, Und flüsterst Weh und Ach!	xXxXxXx xXxXxxX xXxXxXx xXxXxX	xXxXxXx xXxxXxxX xXxxXxxX xXxxXxxX	Любви моей лилея, Стоишь над ручьем ты в мечтах, Гладишь, от тоски бледнея, И шепчешь: «увьы» и «ах»!
«Geh fort mit deinem Gekose! Ich weiß es, du falscher Mann, Daß meine Cousine, die Rose, Dein falsches Herz gewann.»	xXxXxxXx xXxxXxxX xXxxXxxXx xXxXxxX	xXxXxxXx xXxXxxX xXxxXxxXx xXxxXxxX	«Брось нежность, клятвы и слезы, Оставь коварство свое! Теперь у кузины, у розы, Неверное сердце твое».

(пер. В. Аренс, опубли. 1931)

В воспоминаниях Е. Ф. Книпович сохранилось важное свидетельство о том, как именно Блок работал над ритмической структурой стихотворных переводов и добивался ритмической точности: при редактировании он выстукивал ритм карандашом или намечал голосом мелодию (Книпович, 1987, с. 50). Блоковское влияние слышится и в обширном пассаже, посвященном ритмике переводов, из той же вступительной статьи В. А. Зоргенфрея к изданию 1931 года. В нем ясно сформулирован принцип повышенного внимания к структуре гейневского стиха, и описан редакторский подход, допускающий значительное и затрагивающее все уровни поэтического текста вмешательство в стихотворные переводы (Гейне, 1931, с. xxx—xxxv).

3. Заключение

Эквиритмическая традиция переводов из Гейне, заложенная Блоком в начале XX века, оказалась весьма неустойчивой. С. Я. Маршак и В. В. Левик занижали число дольниковых вариаций, строя свои переводы на сочетании двусложных и трехсложных строк, а переводчики следующего поколения — В. А. Леванский, В. М. Летучий и особенно Г. И. Ратгауз — ориентированы на ритмику русского дольника своего времени, с его высокой долей трехсложных и чисто-дольниковых стихов. Переводы Блока, Коломийцева, Зоргенфрея со всей убедительностью продемонстрировали возможность точного воспроизведения ритма немецкого дольника на русском языке⁷, но победил не ритмический буквализм символистского происхождения, а функциональный подход Тынянова (см. также реплику Б. И. Ярхо: Доклад... 2012, с. 313—315).

Однако в период, рассмотренный в этой статье, русский дольник и немецкий дольник были близки и в теоретических работах, и в переводческой практике. Их формальное сходство способствовало развитию сравнительного подхода к метрике и теоретическому осмыслению новых русских метров, а формальные различия послужили материалом для развития теории формальных и функциональных соответствий между разноязычными одноименными стиховыми формами.

⁷ О проблеме дольника на двусложной основе см.: (Plungian, 2011; Корчагин, 2017).

Исследованный эпизод истории стиховедения и истории поэтического перевода позволяет пролить свет на заслуживающие более детального описания и осмысления взаимосвязи между символистским и формалистским стиховедением, а также символистской переводческой практикой и так называемым филологическим переводом 1920–1930-х годов.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-78-10132, <https://rscf.ru/project/19-78-10132/>) в Институте мировой культуры МГУ. Автор выражает признательность А. С. Белоусовой и И. А. Пильщикову за советы и замечания.

Список источников и литературы

- Белый А. Символизм: книга статей. М., 1910.
- Блок А. А. Ночные часы: четвертый сб. стихов. М., 1911.
- Блок А. А. Гейне в России: О русских переводах стихотворений Гейне // Собр. соч. Л., 1934. Т. 11 : История литературы. 1903–1921.
- Бобров С. П. Трехдольный паузник у Пушкина // Бобров С. П. Новое о стихосложении А. С. Пушкина. М., 1915. С. 7–14.
- Бобров С. П. Записки стихотворца. М., 1916.
- Брюсов В. Я. Краткий курс науки о стихе: (Лекции, читанные в Студии Стиховедения в Москве 1918 г.). М., 1919. Ч. 1 : Частная метрика и ритмика русского языка. [Загл. обл. : Наука о стихе.]
- Брюсов В. Среди стихов // Печать и революция. 1922. Кн. 2 (5), апрель – июнь. С. 143–149.
- Брюсов В. Я. Основы стиховедения: Курс В. У. З. М., 1924. 2-е изд. Ч. 1–2 : Общее введение ; Метрика и ритмика.
- Гаспаров М. Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика. М., 1974.
- Гаспаров М. Л. Блок в истории русского стиха // Избр. тр. М., 1997. Т. 3. С. 449–468.
- Гейне Г. Избранные сочинения / под ред. А. Блока. Пб., 1920–1922. Т. 5–6.
- Гейне Г. Стихотворения. М. ; Л., 1931.
- Доклад О. М. Брика о новых переводах «Германии» Гейне и его обсуждение на секции переводчиков союза переводителей (1934) / подг. текста, публ. и примеч. Т. Ф. Нешумовой // Philologica. 2012. Т. 9, № 21/23. С. 280–333.
- Жирмунский В. М. Введение в метрику: Теория стиха. Л., 1925.
- Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы. Л., 1928.
- Книпович Е. Ф. Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987.
- Корчагин К. М. Типология систем стихосложения и метрический статус дольника на двусложной основе // Сборник Матице српске за славистику. 2017. № 92. С. 707–730.
- Ланда Е. В. А. Блок и переводы из Гейне // Мастерство перевода. М., 1964. Сб. 3 : 1963. С. 292–328.
- Ланда Е. В. Мелодия книги: Александр Блок – редактор. М., 1982.
- Отчет о научной деятельности Отдела Словесных Искусств ГИИИ // Поэтика. Л., 1928. [Вып.] 4. С. 149–156.
- Пешковский А. М. Сборник статей: Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. М. ; Л., 1925.
- Поилова В. С. Осип Брик и стихотворный перевод (к проблеме эквиритмического перевода) // Методология и практика русского формализма: Бриковский сборник. М., 2014. Вып. 2. С. 158–169.

- Томашевский Б. В. Стих и ритм (Методологические замечания) // Поэтика. Л., 1928. [Вып.] 4. С. 5–25.
- Тынянов Ю. Блок и Гейне // Об Александре Блоке : сб. ст. Пб., 1921. С. 235–264.
- Тынянов Ю. Н. Тютчев и Гейне // Книга и революция. 1922. №4 (16). С. 13–16.
- Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л., 1924.
- Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Федоров А. В. Проблема стихотворного перевода // Поэтика. Л., 1927. [Вып.] 2. С. 104–118.
- Федоров А. В. Звуковая форма стихотворного перевода (Вопросы метрики и фонетики) // Поэтика. Л., 1928. [Вып.] 4. С. 45–69.
- Федоров А. Русский Гейне (40-е–60-е годы) // Русская поэзия XIX века. Л., 1929. С. 248–298.
- Федоров А. Фрагменты воспоминаний // Воспоминания о Юрии Тынянове: Портреты и встречи. М., 1983. С. 85–108.
- Чудаков А. П., Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Комментарии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 397–572.
- Bailey J. Blok and Heine: An Episode from the History of Russian *dol'niki* // The Slavic and East European Journal. 1969. №13 (1). P. 1–22.
- Etkind E. «Веселый пример Гейне» (Гейне – Тынянов – Маяковский) // *Revue des études slaves*. 1983. Т. 55, №3. P. 457–481.
- Liapin S., Pilshchikov I. «Ein Fichtenbaum steht einsam» and the typology of the Russian *dolnik* (following Osip Brik's, Boris Jarcho's and Andrei Fedorov's remarks on the Russian translations from Heine) // *Studia Metrica et Poetica*. 2015. Vol. 2, №1. P. 58–80. doi: 10.12697/smp.2015.2.1.03.
- Plungian V. Two requiems, or the English *dolnik* on the Russian soil // *Formal methods in poetics: a collection of scholarly works dedicated to the memory of professor M. A. Krasnoperova* / ed. by B. P. Scherr, J. Bailey, E. V. Kazartsev. Lüdenscheid, 2011. P. 173–181.
- Polilova V. ¿Cómo evaluar la fidelidad de una traducción? Métodos cuantitativos en el estudio de las traducciones poéticas // *Literatura: teoría, historia, crítica*. 2023. Vol. 25, №2. P. 21–59. doi: 10.15446/lthc.v25n2.108772.
- Tarlinskaja M. Strict stress-meter in English poetry compared with German and Russian. Calgary, 1993.

Об авторе

Вера Сергеевна Полилова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела русской культуры Института мировой культуры, старший научный сотрудник кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: vera.polilova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-7095-9909

Для цитирования:

Полилова В. С. Стих Гейне в научных дискуссиях и русской переводческой практике (1910–1930-е годы) // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2024. Т. 15, №4. С. 222–235. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-15.

HEINE'S DOLNIK IN THE ACADEMIC DISCUSSION
AND THE RUSSIAN TRANSLATION PRACTICE
OF THE 1910s – 1930s

Vera S. Polilova

Lomonosov Moscow State University,
1 – 51, Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia

Submitted on 01.04.2024

Accepted on 15.06.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-15

The spread of new poetic meters in the works of both older and younger generation of symbolists inevitably led to attempts at their scientific comprehension and description. This paper demonstrates that in writings on Russian verse, starting with Andrei Bely's "Symbolism", the concepts of 'dolnik/pauznik' have been consistently analysed in comparison with German tonic verse in general and Heine's poetry in particular. The theoretical interest in 'dolnik' was fueled not only by the prevailing poetic processes but also by new translation experiments, primarily the equirhythmic translations of Heine by Alexander Blok, published in his collection "Night Hours" (1911). The formal similarities between Russian and German 'dolnik' prompted scholars to develop comparative metrics and theories of tonic verse, while the rhythmic differences led to the refinement of concepts related to rhythm and meter in non-syllabic verse, as well as the establishment of ideas concerning formal and functional equivalence of metric forms in poetic translation. In addition to scientific discussions from the 1910s – 1930s, the paper addresses the rhythmic strategies employed in Russian translations of Heine's three-ictic dolnik of the early decades of the 20th century by Alexander Blok, Yuri Tynianov, Viktor Zorgenfrei, Evgenya Knipovich, and Vera Arens. The equirhythmic tradition established by Blok in translating Heine's verse is contrasted with Tynianov's functional approach. This study deepens the understanding of the connections between symbolist and formalist poetics, as well as between symbolist translation and the so-called philological translation of the 1920s and 1930s.

Keywords: Alexander Blok, German dolnik, Russian dolnik, equirhythmic translation, Russian formalism

Acknowledgement. This publication was supported by grant 19-78-10132 of the Russian Science Foundation <https://rscf.ru/project/19-78-10132/>.

References

- Bailey, J., 1969. Blok and Heine: An Episode from the History of Russian dol'niki. *The Slavic and East European Journal*, 13 (1), pp. 1 – 22.
- Bely, A., 1910. *Simvolizm: kniga statei* [Symbolism: a book of articles]. Moscow (in Russ.).
- Blok, A. A., 1911. *Nochnye chasy: chetvertyi sbornik stikhov* [Night hours: The fourth collection of poems]. Moscow (in Russ.).
- Blok, A. A., 1934. Heine in Russia: On Russian translations of Heine's poems. In: A. A. Blok, ed. *Sobranie sochinenii. T. XI: Istoriya literatury 1903 – 1921* [Collected Works. Vol. XI: History of Literature 1903 – 1921]. Leningrad (in Russ.).
- Bobrov, S. P., 1915. The "trekhdolny pauznik" in Pushkin's works. In: S. P. Bobrov, ed. *Novoe o stikhoslozhonii A. S. Pushkina* [New on the versification of A. S. Pushkin]. Moscow, pp. 7 – 14 (in Russ.).
- Bobrov, S. P., 1916. *Zapiski stikhotvortsya* [Notes of a poet]. Moscow (in Russ.).

Brik, O.M. et al., 2012. O.M. Brik's talk on new translations of Heine's "Deutschland" and its discussion at the translators section of the Writers' Union (1934). *Philologica*, 9 (21/23), pp. 280–333.

Bryusov, V., 1922. Among the verses. *Pechat' i revoliutsiya* [The Press and the Revolution], 2 (5), April–June, pp. 143–149 (in Russ.).

Bryusov, V. Ya., 1919. *Kratkii kurs nauki o stikhe: (Lektsii, chitannye v Studii Stikhovedeniya v Moskve 1918 g.). Chast' 1: Chastnaya metrika i ritmika russkogo yazyka* [A short course in the science of verse: (Lectures given at the Poetry Studio in Moscow in 1918). Part 1: Private metrics and rhythmic of the Russian language]. Moscow (in Russ.).

Bryusov, V. Ya., 1924. Bryusov, V. Ya., 1924. *Osnovy stikhovedeniia: Kurs V.U.Z.* [Foundations of verse studies: A university course]. Parts 1–2. 2nd ed. Moscow (in Russ.).

Chudakov, A.P., Chudakova, M.O. and Toddes, E.A., 1977. Notes. In: Yu.N. Tynyanov, ed. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. Literary history. Cinema]. Moscow, pp. 397–572 (in Russ.).

Etkind, E., 1983. "Funny example of Heine" (Heine – Tynyanov – Mayakovsky). *Revue des études slaves*, 55 (3), pp. 457–481.

Fedorov, A., 1929. Russian Heine (1940s–1960s). In: *Russkaya poeziya XIX veka* [Russian poetry of the 19th century]. Leningrad, pp. 248–298 (in Russ.).

Fedorov, A., 1983. Fragments of memories. In: *Vospominaniya o Yurii Tynyanove: Portrety i vstrechi* [Memories of Yuri Tynyanov: Portraits and meetings]. Moscow, pp. 85–108 (in Russ.).

Fedorov, A.V., 1927. The problem of poetic translation. In: *Poetika* [Poetics]. Issue 2. Leningrad, pp. 104–118 (in Russ.).

Fedorov, A.V., 1928. The sound form of poetic translation (Issues of metrics and phonetics). In: *Poetika* [Poetics]. Issue 4. Leningrad, pp. 45–69 (in Russ.).

Gasparov, M.L., 1974. *Sovremennyi russkii stikh: Metrika i ritmika* [Contemporary Russian verse: Meter and rhythm]. Moscow (in Russ.).

Gasparov, M.L., 1997. Blok in the history of Russian verse. In: M.L. Gasparov, ed. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 3. Moscow, pp. 449–468 (in Russ.).

Heine, G., 1920–1922. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Vol. 5–6. Petersburg (in Russ.).

Heine, G., 1931. *Stikhovoreniya* [Poems]. Moscow; Leningrad (in Russ.).

Knipovich, E.F., 1987. *Ob Aleksandre Bloke: Vospominaniya. Dnevniki. Kommentarii* [About Alexander Blok: Memories. Diaries. Comments]. Moscow (in Russ.).

Korchagin, K.M., 2017. Metric systems typology and metric status of dolnik based on binary meter. *Zbornik Matitse Srpske za slavistiku* [Matica Srpska Journal of Slavic Studies], 92, pp. 707–729 (in Russ.).

Landa, E.V., 1964. A. Blok and translations from Heine. In: *Masterstvo perevoda. Sbotnik 3: 1963* [The art of translation. Volume 3: 1963]. Moscow, pp. 292–328 (in Russ.).

Landa, E.V., 1982. *Melodiya knigi: Aleksandr Blok – redaktor* [The melody of the book: Alexander Blok as an editor]. Moscow (in Russ.).

Liapin, S. and Pilshchikov, I., 2015. "Ein Fichtenbaum steht einsam" and the typology of the Russian dolnik (following Osip Brik's, Boris Jarcho's and Andrei Fedorov's remarks on the Russian translations from Heine). *Studia Metrica et Poetica*, 2 (1), pp. 58–80, <https://doi.org/10.12697/smp.2015.2.1.03>.

Peshkovsky, A.M., 1925. *Sbornik statei: Metodika rodnogo yazyka, lingvistika, stilistika, poetika* [Collection of articles: Methods of the native language, linguistics, stylistics, poetics]. Moscow; Leningrad (in Russ.).

Plungian, V., 2011. Two Requiems, or the English Dolnik on Russian Soil. In: B.P. Scherr, J. Bailey and E.V. Kazartsev, eds. *Formal Methods in Poetics: A Collection of Scholarly Works Dedicated to the Memory of Professor M.A. Krasnoperova*. Lüdenscheid, pp. 173–181.

Polilova, V.S., 2023. ¿Cómo evaluar la fidelidad de una traducción? Métodos cuantitativos en el estudio de las traducciones poéticas. *Literatura: teoría, historia, crítica*, 25 (2), pp. 21–59, <http://doi.org/10.15446/lthc.v25n2.108772>.

Polilova, V.S., 2014. Osip Brik and poetic translation (on the issue of equirhythmic translation). In: *Metodologiya i praktika russkogo formalizma: Brikovskii sbornik* [Methodology and practice of Russian formalism: Brik's collection]. Vol. 2. Moscow, pp. 158–169 (in Russ.).

Report on scholarly activity of the Sector of wordly arts. In: *Poetika* [Poetics], 1928. Issue 4. Leningrad, pp. 149–156 (in Russ.).

Tarlinskaja, M., 1993. *Strict stress-meter in English poetry compared with German and Russian*. Calgary.

Tomashevsky, B.V., 1928. Verse and rhythm (Methodological notes). In: *Poetika* [Poetics]. Issue 4. Leningrad, pp. 5–25 (in Russ.).

Tynyanov, Yu.N., 1921. Blok and Heine. In: *Ob Aleksandre Bloke: sbornik statei* [About Alexander Blok: a collection of articles]. Petersburg, pp. 235–264 (in Russ.).

Tynyanov, Yu.N., 1922. Tyutchev and Heine. *Kniga i revolyutsiya* [The Book and the Revolution], 4 (16), pp. 13–16 (in Russ.).

Tynyanov, Yu.N., 1924. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The problem of poetic language]. Leningrad (in Russ.).

Tynyanov, Yu.N., 1977. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. Literary history. Cinema]. Moscow (in Russ.).

Zhirumsky, V.M., 1925. *Vvedenie v metriku: teoriya stikha* [Introduction to the Metric: the Theory of verse]. Leningrad (in Russ.).

Zhirumsky, V.M., 1928. *Voprosy teorii literatury* [Questions of literary theory]. Leningrad, pp. 278–321 (in Russ.).

The author

Dr. Vera S. Polilova, Senior Researcher, Department of Russian Culture of the Institute of World Culture, Department of Foreign Literature History of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: vera.polilova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-7095-9909

To cite this article:

Polilova, V.S., 2024, Heine's dolnik in the academic discussion and the Russian translation practice of the 1910s–1930s, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 222–235. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-15.

В ДОПОЛНЕНИЕ К ОПУБЛИКОВАННОМУ

УДК 82.091

«КАКОЕ-НИБУДЬ НЕВОЗМОЖНОЕ QUI PRO QUO»:
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И З. Н. ГИППИУС
(РАССКАЗ «ИВАН ИВАНОВИЧ И ЧЁРТ»)

Я. Я. Джамалова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48
Поступила в редакцию 10.12.2023 г.
Принята к публикации 15.04.2024 г.
doi: 10.5922/2225- 5346-2024-4-16

Представлен анализ функционирования принципа *qui pro quo* в рассказе З. Н. Гиппиус «Иван Иванович и чёрт». Восходящий к комедийному приему, в основе которого лежит недоразумение, путаница, принцип *qui pro quo* осмыслен Р. Я. Клейман как один из ключевых в поэтике произведений Ф. М. Достоевского, в особенности – романа «Братья Карамазовы». Связь рассказа «Иван Иванович и чёрт» с романом Достоевского неоднократно отмечалась исследователями, однако вопрос о присутствии в тексте Гиппиус еще одной формы связи с романом Достоевского – принципа *qui pro quo* – к настоящему времени еще не изучен. В ходе анализа установлено, что принцип реализуется в рамках образной пары, составляемой главными героями, и связан с мотивом искушения. Наличие принципа *qui pro quo* в рассказе приводит к реализации мотива искушения в инверсированном виде. Доказано, что одна из главных особенностей образной системы текста З. Н. Гиппиус – противоречивость образов главных героев – обусловлена присутствием принципа *qui pro quo*. Принцип *qui pro quo*, константный для произведений Достоевского и «считанный» З. Н. Гиппиус, становится еще одной линией, образующей связь между классической русской литературой XIX века и литературой русского модернизма.

Ключевые слова: принцип *qui pro quo*, Ф. М. Достоевский, З. Н. Гиппиус, роман «Братья Карамазовы», русская классическая литература, литература русского модернизма

1

– Я не совсем понимаю, Иван, что это такое? – улыбнулся все время молча слушавший Алеша, – прямо ли безбрежная фантазия или какая-нибудь ошибка старика, какое-нибудь невозможное *qui pro quo*?

– Прими хоть последнее, – рассмеялся Иван, – если уж тебя так разбаловал современный реализм и ты не можешь вынести ничего фантастического – хочешь *qui pro quo*, то пусть так и будет. Оно правда, – рассмеялся он опять, – старику девяносто лет, и он давно мог сойти с ума на своей идее. Пленник же мог поразить его своею наружностью. Это мог быть, наконец, просто бред, видение девяностолетнего старика пред смертью, да

еще разгоряченного вчерашним автодафе во сто сожженных еретиков. Но не все ли равно нам с тобою, что *qui pro quo*, что безбрежная фантазия? (Достоевский, 1976, с. 228).

Приведенный выше фрагмент главы «Великий инквизитор» романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» является отправной точкой для ряда исследований, изучающих функционирование принципа *qui pro quo* в поэтике романа и — шире — всех произведений Достоевского.

Фразеологизм латинского происхождения *qui pro quo* означает «смешение понятий, путаница, недоразумение» (Бабичев, Боровский, 1988, с. 657). На данный момент в крупнейших профильных словарных и энциклопедических изданиях отсутствуют отдельные статьи, посвященные этому понятию, однако в качестве термина *qui pro quo* фиксируется в «Словаре литературоведческих терминов» (1974) в составе статьи «Перипетия». Там приводится следующее толкование: «Совершенно иной характер п[ерипетия] приобретает в произведениях комического характера, где она играет роль своего рода *qui pro quo*... — недоразумения, заключающегося в том, что одно лицо, понятие или вещь приняты за другие» (Словарь литературоведческих терминов, 1974, с. 267).

В изданной посмертно работе В. Я. Проппа «Проблемы комизма и смеха» часть главы «Один в роли другого. Много шума из ничего» также посвящена *qui pro quo*, рассматриваемому автором как один из *принципов* комического: «Принцип этот давно осознан и получил название "*qui pro quo*", что в смысловом переводе означает "один вместо другого". На этом основан широко распространенный в старинных комедиях мотив переодеваний, выступления в чужом обличье, когда одних принимают за других» (Пропп, 1976, с. 120).

Понятие «принцип *qui pro quo*» в связи с поэтикой произведений Достоевского вводится и концептуализируется в диссертации Р. Я. Клейман «Художественные константы Достоевского в контексте исторической поэтики». Отметим, что в этой работе значительно расширяется поле действия рассматриваемого явления: *qui pro quo* у Клейман перестает быть исключительно атрибутом комического. По утверждению исследователя, этот принцип не только играет ключевую роль в поэтике романа «Братья Карамазовы», но и является «одной из важнейших художественных констант творчества Достоевского» (Клейман, 2000, с. 79), имеющей множество вариантов в конкретном тексте. Ввиду этого, как указывает Р. Я. Клейман в другой работе, «весь художественный мир Достоевского может быть представлен как грандиозная система *qui pro quo*, метонимических замещений... и т. д.» (Клейман, 1996, с. 66). Далее автор приводит ряд примеров реализации рассматриваемого принципа в конкретных произведениях Достоевского. Наиболее интересным для заявленного в заглавии настоящей статьи аспекта представляется следующее замечание (которое, однако, не получает в статье Клейман дальнейшего развития в связи с поэтикой Достоевского): «В художественном мире Достоевского можно выделить целый ряд ситуаций, где *qui pro quo* выступает как знак дьявольского искушения (курсив мой. — Я. Д.), — достаточно назвать всю структуру "Бесов", легенду о Великом Инквизиторе и диалог Ивана с чертом в "Карамазовых"»

(Там же, с. 69); автор выделяет именно те фрагменты романа «Братья Карамазовы», которые оказываются актуальными для дальнейшего сопоставления произведения Достоевского с рассказом Гиппиус.

Неоднократно упоминается подмена (по Клейман, частный случай реализации принципа *qui pro quo*) и в книге К. А. Степаняна «Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского»: так, в «Идиоте» подмена Христа «хриstopодобной» фигурой князя Мышкина, Богочеловека человеком оказывает колоссальное влияние на поэтику романа, приводя к «удвоенности действительности, образов, сцен, имен, смыслов» (Степанян, 2010, с. 169); а подмена «божественной истины любой земной “теорией”, оборачивающейся в итоге служением бесам» (Там же, с. 314), лежит в основе романа «Бесы».

Многочисленные примеры реализации принципа *qui pro quo* в романе «Братья Карамазовы» даны О. А. Фарафоновой. Принимая терминологию Р. Я. Клейман, исследователь не только демонстрирует, что принцип *qui pro quo* «является определяющим в архитектонике романа “Братья Карамазовы”», но и предельно расширяет значимость данного элемента, утверждая, что рассматриваемый принцип «продолжает функционировать и за пределами текста романа» (Фарафонова, 2013, с. 86, 96).

2

В настоящее время рассказ З. Н. Гиппиус «Иван Иванович и чёрт» (первая публикация — 1906 год) проанализирован во многих аспектах. Особое место занимает сопоставление рассказа с произведениями русской прозы XIX века, более всего — с романом Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Так, авторы вступительной статьи к изданию произведений Гиппиус (1991) отмечают «почти полную аналогию с Достоевским» (Азадовский, Лавров, 1991, с. 29), а исследователь О. Н. Калениченко, подчеркивая ориентацию автора на отдельные фрагменты романа Достоевского «Братья Карамазовы» (в частности, на главу «Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича»), утверждает, что целью вступления З. Н. Гиппиус в диалог с классикой в данном рассказе (и другом произведении того же сборника¹ — рассказе «Он — белый») было прояснение «тайного смысла происходящего» (Калениченко, 2015, с. 97).

Однако вопрос о функционировании в рассказе принципа *qui pro quo*, в том числе и в аспекте сопоставления текста с романом Ф. М. Достоевского, до настоящего момента изучен не был. Между тем *qui pro quo* в тексте Гиппиус присутствует непосредственно, будучи выраженным на лексическом уровне:

— И с каждым вы, значит, вот так — один на один? — спросил Иван Иванович.

— Непременно. То есть, если по душе разговор, без намеков. Общества я отнюдь не избегаю, впрочем. Но это уж другое. В семейные дома я хожу с лицом какого-нибудь знакомого. Выйдем чай пить, жена не удивляется. Хо-

¹ «Черное по белому. Пятая книга рассказов» (изд. 1908).

заяин знает, что я — я, а кому не следует — тот не знает. Главное — чтоб сверхъестественностей никаких не было. Это совсем не в нашей натуре. Мы за простоту и ясность.

— Однако же может выйти *qui pro quo* (курсив мой. — Я.Д.). Вдруг этот самый знакомый, в чьем вы лице приходите, сам туда же пожалует?

— Я рад, что вы развеселились, — сказал посетитель, скромно усмехнувшись. — Нет, не пожалует. Мы, знаете... так уж устраиваемся» (Гиппиус, 2001, с. 490).

Проявляющийся в тексте как бы случайно принцип *qui pro quo* прежде всего оказывает влияние на образную систему произведения: высказанное в начале рассказа допущение, что Иван Иванович принимает за чёрта *кого-то другого*, поддерживается автором и далее. Апогея ощущение подмены достигает в «сказочках» чёрта — вставных элементах рассказа — ввиду несоответствия, которое обнаруживается между традиционным представлением о чёрте и содержанием его «сказок»: чёрт демонстрирует главному герою рассказа его самого (Ивана Ивановича), живущего в мире, описание которого, как было отмечено, например, О.Н. Калениченко (2015), во многом ориентировано на евангельский текст. Кроме того, данный фрагмент отличает резкая смена пафоса: столь присущая остальным высказываниям чёрта ирония в «сказочках» исчезает.

Подобная «смена тональности» характерна не только для анализируемого текста Гиппиус. В качестве другого примера использования автором этого приема можно привести ранний рассказ «Богиня» (1893), в финале которого также фиксируется неожиданное ослабление иронии, которая до этого являлась доминантным компонентом текста². В обоих случаях резкая смена пафоса сигнализирует о смене голосов в произведении, и вместо голоса героя на первый план выходит голос автора. Эту особенность введения в текст авторской точки зрения подчеркивает и Д. Томсон: «То главное, о чем она хотела писать, не допускало иронии» (Томсон, 1996).

Таким образом, чёрт в рассказе на некоторое время принимает на себя роль своеобразного «проводника» голоса автора. О смене точек зрения во вставных текстах свидетельствует и их содержание, позволяющее предположить, что чёрт в «сказочках» воспроизводит оригинальную концепцию любви Гиппиус, в основании которой — любовь к Христу, и, более того, изображает Ивана Ивановича, претворяющего в жизнь эту концепцию.

Показателен в этом отношении следующий фрагмент первой «сказочки»: «И смотрит (возлюбленная Ивана Ивановича из «сказочки». — Я.Д.) поверх, туда, где море до небес поднялось, *точно увидеть хочет идущего по волнам, того, кого любит сначала любви*. <...> и вам тоже кажется, что вы любите кого-то больше, прежде, чем девочку светлую, песок и солнечный огонь» (Гиппиус, 2001, с. 499; курсив мой. — Я.Д.).

² Подробнее об иронии в рассказе З. Н. Гиппиус «Богиня» (1893) см.: (Курило, 2012, с. 147–151).

Сравним этот фрагмент «сказочки» с положениями одной из программных статей Гишпиус начала 1900-х годов — «Влюбленность» (1904): «Через Него (Христа. — Я.Д.), через Его вечное познание и вечное к Нему приближение, жизненное, молитвенное, любовное, действительное, — и всегда и непременно *совместное*, — нам будет вечно открываться, все яснее и озареннее, тайна о мире, тайна о Любви и Правде...» (Гишпиус, 2003, с. 89; курсив авт.).

Перекликаются положения этой статьи с рассматриваемым фрагментом рассказа и на уровне образов. Так, существенна появляющаяся в статье и усиливающаяся в сопоставлении с рассказом оппозиция «низ — верх / земля — небо»: «После Христа есть то, чего до Него не было. Взглянем назад, в древность: <...> теплота крови и тела только желающего и рождающего, земля — *одна земля!*» (Там же, с. 84; курсив авт.). При описании стремления человека к иной, и, по Гишпиус, возможной только там, где есть Христос, любви автор использует образы противоположные: «...человеку *хочется* и нужно *вверх*» (Там же, с. 81; курсив авт.). В рассказе «девочка», желая увидеть «идущего по волнам, того, кого любит сначала любви», смотрит «поверх, туда, где море до небес поднялось» (Гишпиус, 2001, с. 499).

Совпадает и ключевой образ описания этой любви и в рассказе, и в статье — Гишпиус активно использует варианты образа огня, например: «Возможно ли представить себе, что до Христа или помимо Христа мог где-нибудь родиться огонь, озаривший душу Данте, Микэль-Анжело?» (Гишпиус, 2003, с. 84) Еще более показателен в сопоставлении с рассказом следующий фрагмент: «Сама Любовь, принесенная Им, вмещенная людьми как “жалость и сострадание” — точно ли жалость? <...> Не похожа ли эта, загадочная для нас, Любовь — скорее на огненный полет...?» (Там же). Именно такую огненную, свободную от жалости любовь демонстрирует Иван Иванович в «сказочке» чёрта: «...каждый человек у костра — человек. И если он может у костра сидеть так, и у него в сердце огонь и солнце <...> — Не жалеи никого. Жалость разъедает счастье, разъедает любовь»³ (Гишпиус, 2001, с. 501).

То, что эта концепция находит свое воплощение в рассказе именно в «сказочках» чёрта, усиливает впечатление подмены, инициированное еще в начале произведения введением принципа *qui pro quo*. Однако со всей присущей парадоксальностью в конечном итоге чёрт выполняет свою классическую «функцию» и добивается желаемого: благодаря диалогу с ним Иван Иванович отбрасывает все сомнения и «отвлеченности» и укореняется в верности «общественному», в посредственности и пошлости.

Таким образом, в рассказе разворачивается сюжет искушения, но не «традиционный», а инверсированный, подмененный, построенный по принципу *qui pro quo*: чёрт испытывает Ивана Ивановича не грехом, а наоборот, рисуя ему картины мира, устроенного по христианской, в понимании Гишпиус, «любви и свободе» (Там же). Представляется, что причина возникновения такого «перевернутого» сюжета кроется в со-

³ Вопрос о природе жалости и ее отношении к любви неоднократно поднимается Гишпиус и в других текстах рубежа веков, например в рассказах «Луна» (1898), «Слишком ранние» (1902), романе «Сумерки духа» (1900).

знании самого искушаемого героя: никогда не бывший «подлецом отвлеченным», Иван Иванович, верный своим «убеждениям», не может воспринимать своего собеседника иначе, чем как реального чёрта. Показательно и то, как усиливается уверенность героя в природе его посетителя: если до «сказочек» в отношении фигуры чёрта еще можно говорить о «двойном решении» (Альми, 2002, с. 387) — Иван Иванович постоянно сомневается, что перед ним действительно чёрт, — то к финалу рассказа от сомнения не остается и следа, в первой же своей реакции герой целиком принимает существование чёрта, и принятие это выражается непосредственно: «Вон сейчас же! Вон, *дьявол*, собака, пес! А, не попало? Берегись: я тебе лампой морду раскрою, *дьявол сладкопеец, соблазнитель, чертова порода*» (Гиппиус, 2001, с. 502; курсив мой. — Я. Д.). Ключевым в понимании образа главного героя является тот факт, что Иван Иванович принимает существование чёрта именно после того, как услышал «мерзость идиотскую, пошлую, подлую» (Там же, с. 503) — то есть не что иное, как воплощенную в «сказочках» идею любви, в основании которой — любовь к Христу.

В этом — финальном — фрагменте рассказа принцип *qui pro quo* реализуется, достигая апогея: чёрт и Иван Иванович фактически меняются местами. Характерно, что Иван Иванович оказывается даже радикальнее самого чёрта: если высказывания последнего снова приобретают утраченную в «сказочках» ироническую окраску («не до *любвей*»), то Иван Иванович остается предельно серьезным (ср. «не до *любви*»). Именно он вспоминает «старую песню»⁴: «Нет, нет, любовь не даст свободы, / И нет спасения в любви. / Ты, ненависть, суди народы, / Ты, ненависть, оковы разорви» (Там же, с. 506). В итоге Иван Иванович совершенно воплощается в карикатурного «нового человека». Отметим, что и в данном случае имеют место подмена и удвоение, характерные для принципа *qui pro quo*: образ нового человека, переосмысленный Гиппиус и представленный, например, в произведениях сборника «Новые люди» (1896)⁵, подменен клишированным, массовизированным образом из литературы о «новых людях» второй половины XIX века, в то время как истинным «новым человеком», по Гиппиус, скорее является тот Иван Иванович, который предстает в «сказочках» чёрта. Таким образом, отрицая мир, устроенный «по любви и свободе» (а в конце рассказа — и саму любовь), Иван Иванович в конечном счете отрицает Христа и как бы становится *вместо* чёрта, в финале рассказа *подменяя* его.

3

З.Н. Гиппиус задолго до соответствующих литературоведческих исследований «считывает» принцип *qui pro quo* как характерную особенность поэтики романа Ф.М. Достоевского и в процессе диалога с ним воспроизводит эту особенность в собственном тексте. В результате рас-

⁴ Стихотворение Г. Гервега «Песня ненависти» (*Das Lied vom Hasse*; 1841); в рассказе приводится в переводе П.Л. Лаврова.

⁵ Подробнее о трансформации образа в сборнике Гиппиус «Новые люди» см.: (Магомедова, 2018)..

сказ «Иван Иванович и чёрт» построен по принципу многократного и разнонаправленного *qui pro quo*. Принцип этот реализуется в силу авторской ориентации на узнавание читателем в Иване Ивановиче героя Достоевского: происходит комическая подмена «мирового образа» посредственностью (как характеризует Ивана Карамазова С.Н. Булгаков в лекции-статье «Иван Карамазов (в романе Достоевского “Братья Карамазовы”) как философский тип» (1993, с. 39). Отметим, однако, что и эта подмена — сложная, так как обнаруживается, что глубина переживаемого героем внутреннего конфликта сохраняется (подробнее см.: (Джамалова, 2021)).

Принцип *qui pro quo* реализуется и внутри образной связи «чёрт — Иван Иванович». Это дает основания охарактеризовать сюжет рассказа, повторим, как «перевернутый», инверсированный сюжет искушения: чёрт соблазняет героя не грехом, а любовью и добродетелью (изображенными в соответствии с воззрениями Гиппиус). Но чёрт, несмотря на подмену и на то, что он представляет авторскую точку зрения в рассказе, все же выполняет и свою классическую «функцию».

Таким образом, принцип *qui pro quo* обуславливает ключевую особенность образной системы рассказа З.Н. Гиппиус «Иван Иванович и чёрт» — доходящую до антиномичности неоднозначность главных героев рассказа. Характерно, что исследователь С.Г. Бочаров также отмечает *qui pro quo* как один из инструментов усложнения образа и лишения его однозначности: «И мотив *qui pro quo*, подмены и двойника недаром сигнализировал от автора об этой большей сложности (образа Христа. — Я.Д.)...» (Бочаров, 2007, с. 253).

Находясь в рамках крупной историко-литературной проблемы «Классическая литература и литература модернизма», рассмотренный в статье, частный пример демонстрирует сложное и во многом парадоксальное отношение З.Н. Гиппиус к традиции и преемственности. С одной стороны, можно говорить о полемической позиции и использовании классического текста в качестве исходного и оспариваемого материала, с другой — речь идет о сознательном включении в традицию и ее развитии. Ставя рассказ «Иван Иванович и чёрт» в очевидную взаимосвязь с произведениями русской классики, Гиппиус усложняет проблематику и поэтику собственного текста. Одним из ключевых инструментов в этом процессе становится «считанный» автором как отличительная черта поэтики произведений Ф.М. Достоевского принцип *qui pro quo*.

Список литературы

Азадовский К.М., Лавров А.В. З.Н. Гиппиус: метафизика, личность, творчество // Гиппиус З.Н. Сочинения. Стихотворения. Проза. Л., 1991. С. 3—44.

Альми И.Л. О поэзии и прозе. СПб., 2002.

Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц. М., 1988.

Бочаров С.Г. Пустынный сеятель и великий инквизитор // Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 233—262.

Булгаков С.Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского “Братья Карамазовы”) как философский тип // Соч. : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 15—45.

Гиппиус З.Н. Иван Иванович и чёрт // Собр. соч. : в 15 т. М., 2001. Т. 3. С. 488–506.

Гиппиус З.Н. Влюбленность // Собр. соч. : в 15 т. М., 2003. Т. 7. С. 78–89.

Джамалова Я.Я. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880) в рецензии З.Н. Гиппиус (рассказ «Иван Иванович и чёрт» (1906)): магистерская дис. СПб., 2021.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы : кн. 1–10 // Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1976. Т. 14.

Калениченко О.Н. Интертекст как литературный прием в новеллах-мифах З. Гиппиус о чёрте // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения») : сб. ст. М., 2015. С. 89–97.

Клейман Р.Я. Метонимические qui pro quo в поэтике Достоевского (Черт. Кошмар русской интеллигенции и современная трагедия Отечества) // Достоевский и современность. Старая Русса, 1996. С. 65–69.

Клейман Р.Я. Художественные константы Достоевского в контексте исторической поэтики : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000.

Курило Ю.И. Проблематика и поэтика малой прозы З.Н. Гиппиус 1890–1900-х годов (гендерный аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012.

Магомедова Д.М. Переписывание сюжета о «новых людях» в русской прозе конца XIX – начала XX вв. (В.В. Вересаев и З.Н. Гиппиус) // Новый филологический вестник. 2018. №2 (45). С. 118–125. doi: 10.24411/2072-9316-2018-00020.

Пропт В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976.

Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.

Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб., 2010.

Томсон Д. Мужское Я в творчестве Зинаиды Гиппиус: литературный прием или психологическая потребность? // Преображение. 1996. №4. С. 138–149. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_4_1996_g.htm (дата обращения: 15.09.2023).

Фарафонова О.А. Qui pro quo как принцип организации художественного целого в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Морфология дискурса лжи в литературе и культуре: коллективная монография : в 2 ч. Новосибирск, 2013. Ч. 2. С. 86–96.

Об авторе

Яна Яниковна Джамалова, аспирант кафедры русской литературы, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Русская классика: аксиологические основы и мировой контекст», Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия.

E-mail: rus-classic-lab@yandex.ru

Для цитирования:

Джамалова Я.Я. «Какое-нибудь невозможное qui pro quo»: Ф.М. Достоевский и З.Н. Гиппиус (рассказ «Иван Иванович и чёрт») // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 236–245. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-16.

IMPOSSIBLE 'QUI PRO QUO':
FEDOR DOSTOEVSKY AND ZINAIDA GIPPIUS
(THE SHORT STORY "IVAN IVANOVICH AND THE DEVIL")

Iana Ia. Dzhamalova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Moika River Embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russia

Submitted on 10.12.2023

Accepted on 15.04.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-16

This paper analyses the operation of the 'qui pro quo' principle in Zinaida Gippius's story "Ivan Ivanovich and the Devil." Rooted in a comedic literary device based on misunderstanding and confusion, the 'qui pro quo principle' was identified by Rita Kleyman as a key element in the poetics of Fedor Dostoevsky's works, particularly in his novel "The Brothers Karamazov". Scholars have frequently noted the connection between Gippius's story and Dostoevsky's novel. However, the presence of another link – the 'qui pro quo principle' – has yet to be explored in Gippius's text. The analysis demonstrates that the principle manifests through the symbolic pairing of the main characters and is closely tied to the theme of temptation. The use of the 'qui pro quo' principle in the story results in an inverted portrayal of the motif of temptation. It is argued that one of the defining characteristics of Gippius's imagery – the contradictory nature of the protagonists – is shaped by this principle. The 'qui pro quo' is a constant feature of Dostoevsky's works and is reinterpreted by Gippius. The principle is an additional thread linking 19th-century Russian classical literature with Russian modernist literature.

Keywords: the "qui pro quo principle", Fedor Dostoevsky, Zinaida Gippius, the novel "The Brothers Karamazov", Russian classical literature, modernist Russian literature

References

- Al'mi, I.L., 2002. *O poehzii i proze* [About poetry and prose]. St. Petersburg (in Russ.).
- Azadovsky, K.M. and Lavrov, A.V., 1991. Z.N. Gippius: metaphysics, personality, works. In: *Gippius Z.N. Sochineniya. Stikhotvoreniya. Proza*. [Gippius Z.N. Works. Poems. Prose]. Leningrad, pp. 3–44 (in Russ.).
- Babichev, N.T. and Borovsky, Ya.M., 1988. *Slovar' latinskikh krylatykh slov: 2500 edimits* [Dictionary of Latin winged words: 2500 units]. Moscow (in Russ.).
- Bocharov, S.G., 2007. The Desert Sower and the Grand Inquisitor. In: *Bocharov S.G. Filologicheskie syuzhety* [Bocharov S.G. Philological subjects]. Moscow, pp. 233–262 (in Russ.).
- Bulgakov, S.N., 1993. Ivan Karamazov (in Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov") as a philosophical type. In: *Sochineniya: v 2 tomakh*. [Works: In 2 vol.]. Vol. 2. Moscow, pp. 15–45 (in Russ.).
- Dostoevsky, F.M., 1976. The Brothers Karamazov: books. 1–10. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Set of Works: In 30 vol.]. Vol. 14. Leningrad (in Russ.).
- Dzhamalova, Ia. Ia., 2021. *Roman F.M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy» (1880) v retseptsii Z.N. Gippius (rasskaz «Ivan Ivanovich i chert» (1906))* [The novel by F.M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov" (1880) in the reception of Z.N. Gippius (short story "Ivan Ivanovich and the Devil" (1906)). Master's thesis. St. Petersburg (in Russ.).

Farafonova, O. A., 2013. Qui pro quo as the organizing principle of the artistic wholeness in F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov". In: *Morfologiya diskursa lzhi v literature i kul'ture: kollektivnaya monografiya: v 2 ch.* [Morphology of the lying discourse in literature and culture: collective monograph: in 2 parts]. Part 2. Novosibirsk, pp. 86–96 (in Russ.).

Gippius, Z. N., 2001. Ivan Ivanovich and the devil. In: *Sobranie sochinenii: v 15 tomakh* [Set of Works: In 15 vol.]. Vol. 3. Moscow, pp. 488–506 (in Russ.).

Gippius, Z. N., 2003. Falling in love. In: *Sobranie sochinenii: v 15 tomakh* [Set of Works: In 15 vol.]. Vol. 7. Moscow, pp. 78–89 (in Russ.).

Kalenichenko, O. N., 2015. Intertext as a literary device in the short stories-myths of Z. Gippius about the devil. In: *Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh'ya v kontekste ehpkhi («Smirnovskie chteniya»): sb. st.* [Literary art of the Silver Age and the Russian Diaspora in the context of the era ("Smirnov Readings"): article collection]. Moscow, pp. 89–97 (in Russ.).

Kleiman, R. Ya., 1996. Metonymic qui pro quo in Dostoevsky's poetics (Devil. The nightmare of the Russian intelligentsia and the modern tragedy of the Fatherland). In: *Dostoevsky i sovremennost'* [Dostoevsky and modernity]. Staraya Russa, pp. 65–69 (in Russ.).

Kleiman, R. Ya., 2000. *Khudozhestvennye konstanty Dostoevskogo v kontekste istoricheskoi poehtiki* [Dostoevsky's artistic constants in the context of historical poetics]. PhD Dissertation. St. Petersburg (in Russ.).

Kurilo, Yu. I., 2012. *Problematika i poetika maloi prozy Z. N. Gippius 1890–1900-kh godov (gendernyi aspekt)* [Problematics and poetics of small prose by Z. N. Gippius in the 1890s–1900s (gender aspect)]. Saratov (in Russ.).

Magomedova, D. M., 2018. Rewriting the "New People" Plot in the Russian Fiction at the End of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries (V. V. Veresayev and Z. N. Gippius). *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2 (45), pp. 118–125, <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00020> (in Russ.).

Propp, V. Ya., 1976. *Problemy komizma i smekha* [Problems of comedy and laughter]. Moscow (in Russ.).

Slovar' literaturovedcheskikh terminov [Dictionary of Literary Terms], 1974. Moscow (in Russ.).

Stepanyan, K. A., 2010. *Yavlenie i dialog v romanakh F. M. Dostoevskogo* [Phenomenon and dialogue in the novels of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg (in Russ.).

Tomson, D., 1996. The male Self in the work of Zinaida Gippius: a literary device or a psychological need? *Preobrazhenie* [Transformation], 4, pp. 138–149. Available at: https://a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_4_1996_g.htm [Accessed 15 September 2023] (in Russ.).

The author

Iana Ia. Dzhamalova, Doctoral Student, the Department of Russian literature, Junior Researcher, Research Laboratory "Russian classics: axiological basis and the world context", Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: rus-classic-lab@yandex.ru

To cite this article:

Dzhamalova, Ia. Ia., 2024, Impossible 'qui pro quo': Fedor Dostoevsky and Zinaida Gippius (the short story "Ivan Ivanovich and the Devil"), *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 236–245. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-16.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи – до 1,5 п.л.; научного сообщения – до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самоцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary – после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала пе-

речисляются источники на русском языке, затем — на иностранных языках. Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148 – 167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D.A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K.G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sovjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/slovo/rules/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/>

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;

- the title of the article in English and Russian, all lowercase;

- abstracts in English and Russian (200–250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;

- keywords in Russian and English (4–10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;

- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;

- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

- References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a*, *b*, etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston; L., 1992.

• If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh svjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja prioritety mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

For more details on Harvard-style referencing, see libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. In-text referencing.

• In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

• References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Schopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an a4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at <https://journals.kantiana.ru/slovo/rules/>

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.
2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.
3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.
4. The review establishes:
  - a) whether the content of the article corresponds to its title;
  - b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;
  - c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;
  - d) whether the article contains original research;
  - e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;
  - f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.
5. The review is sent to the author via e-mail.
6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.
7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.
8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.
9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.
10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2024

Том
Vol. 15
№ 4

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ NEW HORIZONS
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ OF TRANSDISCIPLINARY
ИССЛЕДОВАНИЙ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ RESEARCH LINGUISTIC MECHANISMS
МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО OF SOCIAL INTERACTION:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: POLITENESS AND IMPOLITENESS
ВЕЖЛИВОСТЬ И АНТИВЕЖЛИВОСТЬ

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОРИИ ALTERNATIVE HISTORIES
РУССКОГО СТИХОВЕДЕНИЯ OF RUSSIAN VERSE STUDIES

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Шербаков*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Copy-edited by *I. Dementev, P. Shcherbakov*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 01.11.2024 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 22,1
Тираж 300 экз. (1-й завод – 40 экз.). Заказ 128
Свободная цена

Signed 01.11.2024
Page format 70×108 ¹/₁₆. Reference printed sheets 22,1
Edition 300 copies (first print: 40 copies). Order 128
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia